

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Сахалинский государственный университет»

**САХАЛИН
И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА
В ЛИТЕРАТУРЕ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ
ПЕЧАТИ**

Сборник научных статей

*Под редакцией
Е. А. ИКОННИКОВОЙ И А. А. СТЕПАНЕНКО*

Южно-Сахалинск
Издательство СахГУ
2013

УДК 82-1/-9:908(571.64)(08)
ББК 83.3(2Рос-4Сах)я431
С22

Перевод аннотаций на английский язык, общая редакция англоязычного текста:
М. С. Долгополая, И. В. Расторгуева.

Перевод статей с японского языка:
А. С. Никонова.

С22 **Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати** : сборник научных статей / под ред. Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко ; пер. аннотаций на англ. яз., общ. ред. англояз. текста М. С. Долгополой, И. В. Расторгуевой ; пер. ст. с яп. яз. А. С. Никоновой. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2013. – 158 с.
ISBN 978-5-88811-447-6

Основная часть входящих в сборник статей прочитана или представлена в форме стендовых докладов на международной научно-практической конференции «Литература и периодическая печать Сахалинской области в социокультурном аспекте: прошлое, настоящее, будущее» (9–10 октября 2012 года). В сборнике освещаются вопросы литературного краеведения и периодической печати Сахалинской области.

Сборник статей рекомендуется широкому кругу читателей, в том числе преподавателям филологических дисциплин, аспирантам и студентам.

УДК 82-1/-9:908(571.64)(08)
ББК 83.3(2Рос-4Сах)я431



- © Долгополая М. С., перевод аннотаций на английский язык, 2013
- © Расторгуева И. В., перевод аннотаций на английский язык, 2013
- © Никонова А. С., перевод статей с японского языка, 2013
- © Сахалинский государственный университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|---|
| Е. А. ИКОННИКОВА, А. А. СТЕПАНЕНКО Вступительная статья | 5 |
|--|---|

РАЗДЕЛ 1. САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ К РЕГИОНАЛЬНОЙ

| | |
|--|----|
| В. И. ЧУДИНОВА Сахалин в творчестве Константина Станюковича | 7 |
| Г. Н. КУДРЯВЦЕВА Николай Лобас и его книга «Каторга и поселение на Сахалине» (несколько штрихов из жизни русской штрафной колонии) | 13 |
| М. СИМИДЗУ Посещение А. П. Чеховым острова Сахалин: взгляд из XXI века | 17 |
| Е. А. ИКОННИКОВА Преступление Карла Ландсберга в пространстве русской литературы..... | 19 |
| Г. Н. СМЕКАЛОВ От сахалинских лаек к «Дикой собаке Динго» Рувима Фраермана | 27 |
| Т. Е. ШУМИЛОВА Курильская тема в художественном воплощении Зои Журавлевой: повесть «Островитяне» | 31 |
| Н. И. КАЗАКОВА Фольклор Сахалина как средство формирования духовно-нравственной личности..... | 36 |
| А. А. САФОНОВА Приметы времени: о прозе писателей Сахалина..... | 39 |
| Л. Ф. СОВБАН Николай Максимов: «Рядовой дальневосточный писатель» | 46 |
| А. В. БОРОНЕЦ Михаил Финнов как человек открытых пространств..... | 50 |

РАЗДЕЛ 2. САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФЕ

| | |
|---|----|
| К. ЯМАСИТА Японская литература о Сахалине: Кэндзи Миядзава и Фумико Хаяси..... | 53 |
| К. ИВАМОТО Остров Тюлений и остров Атласова в рассказах Дзюрана Хисао..... | 55 |
| Е. А. ИКОННИКОВА, А. С. НИКОНОВА Канъя Мияути – японский писатель периода Карафуту | 59 |
| А. С. НИКОНОВА Сахалин в повести Олеся Донченко «Карафуту» | 63 |
| Л. Н. ГРИНЬКО Россия и Сахалин в трилогии Харуки Мураками «1Q84»..... | 68 |
| Т. К. ПАВЛОВА Экранизация рассказа Анатолия Кима «Мечь» в Казахстане: новые грани старого фильма..... | 71 |

РАЗДЕЛ 3. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

| | |
|---|----|
| В. М. СОРОЧАН «Советский Сахалин»: история первой островной массовой газеты..... | 74 |
|---|----|

| | |
|---|-----|
| М. В. ГРИДЯЕВА | |
| Периодическая печать на Северном Сахалине в годы первых «сталинских пятилеток» | 77 |
| П. А. САРАНЧИНА | |
| «Звезда» и «Экспресс» как печатные издания Поронайского района Сахалинской области | 79 |
| Н. В. ЗИНОВЬЕВА | |
| «Рубрики выходного дня» в сахалинской районной печати XX века (на примере газеты «Новая жизнь») | 81 |
| Н. В. ЗИНОВЬЕВА | |
| Атеистическая пропаганда в сахалинской районной печати конца 1950-х – начала 1960-х годов (на примере газет «Долинская правда» и «Новая жизнь») | 83 |
| А. А. СТЕПАНЕНКО | |
| Особенности печатной прессы южной части Сахалина в XX веке | 86 |
| И. В. РАСТОРГУЕВА | |
| Цензура в сахалинской советской периодике | 90 |
| А. С. СЕРКОВА | |
| Стенная печать на Сахалине в XX веке..... | 92 |
| ПАК СЫН Ы | |
| О роли «Сэ корё синмун» в жизни сахалинских корейцев..... | 96 |
| К. В. ЯСЬКО | |
| История фотографии на страницах сахалинской прессы (на примере областной газеты «Советский Сахалин») | 101 |
| В. О. БУБНОВА | |
| «Остров сокровищ» как единственное детское издание Сахалинской области | 104 |
| С. С. КУЗОВОВ | |
| К вопросу об истории периодической печати Курильских островов | 106 |
| Е. Ю. ИОСЬКО, Г. Д. УШАКОВА | |
| Место телегидов на печатном рынке Сахалинской области | 109 |

РАЗДЕЛ 4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В РОССИЙСКОМ И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

| | |
|---|-----|
| Л. И. РУБЛЕВА | |
| «Я газетчик... но оним не умру»: А. П. Чехов – журналист и писатель | 115 |
| С. В. БУКЧИН | |
| Японцы были «переепонены»: о судьбе журналиста Владимира Краевского | 124 |
| А. О. МАНЬКОВА | |
| Дальневосточные реалии как часть предметного мира в творчестве Константина Бальмонта | 134 |
| Н. В. ПОТАПОВА | |
| Сахалин в центральной российской и дальневосточной конфессиональной прессе: исторический аспект | 139 |
| Н. В. ПОТАПОВА, Е. В. ЯСЕНЕВА | |
| Сахалинское краеведение в центральных и дальневосточных периодических изданиях 1920–1930 годов | 145 |
| А. КАТО | |
| Коренные жители Сахалина в журнале «Известия губернаторства Карафуто» | 150 |
| СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ | 156 |

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Предлагаемый сборник – одно из первых изданий, посвященных различным вопросам литературного краеведения и периодической печати Сахалина и Курильских островов. Невысокая степень изученности художественной литературы, создаваемой в разные исторические периоды русскими и зарубежными писателями о Сахалине и на Сахалине (в отдельных случаях на Курильских островах и о Курильских островах), а также отсутствие цельных, фундаментальных исследований периодической печати островного региона обусловили проведение на базе Института филологии Сахалинского государственного университета 9–10 октября 2012 года международной научно-практической конференции «Литература и периодическая печать Сахалинской области в социокультурном аспекте: прошлое, настоящее, будущее». Основной блок включенных в сборник статей – материалы прошедшей конференции, в которой приняли участие российские и иностранные специалисты разного профиля (преподаватели вузов, работники библиотечной системы, сотрудники архивов), а также студенты.

Объединение в одном контексте проблематики художественной литературы и публицистики не случайно. Большинство произведений, в которых освещалась тема Сахалина и Курильских островов, изначально публиковались в российских газетах и журналах и уже позже издавались в форме книг. Выходящая в разные годы на Дальнем Востоке газетно-журнальная периодика в принципе немало способствовала зарождению на Сахалине собственной региональной литературы. К числу таких изданий относятся, в частности, «Сахалинские календари», с которых в 1895 году и начинается официальная история развития печати на Сахалине. С 1895 года в среде русской общественности в связи с публикацией книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» повышается интерес к Дальнему Востоку – к его общественно-политической, культурной и бытовой жизни.

Таким образом, 1895 год – условная точка отсчета в формировании отечественной литературы на Сахалине и литературы о Сахалине. Условность этой исторической даты объясняется несколькими причинами. Во-первых, на Сахалине и Курильских островах с глубокой древности существовали фольклорные произведения (мифы, сказания, легенды и сказки) коренных народов региона – айнов, нивхов и уйльта. Во-вторых, о Сахалине и Курильских островах рассказывалось в «расспросных речах», «скасах», «донесениях», «объявлениях», «отписках» первооткрывателей Дальнего Востока в XVII–XVIII

веках. Н. И. Колобов, И. П. Козыревский, В. В. Атласов, Д. Я. Анцыфоров (Анциферов), И. М. Евреинов, Ф. Ф. Лужин и другие путешественники способствовали созданию первых, иногда заведомо противоречивых представлений о дальневосточных землях. В-третьих, тема Сахалина и Курильских островов отчетливо заявлена в ряде произведений русской и зарубежной литературы в самом начале XIX века. Так, высокой популярностью у читателей пользовались изданные в 1816 году «Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и его народе». Эта книга еще при жизни знаменитого путешественника и писателя В. М. Головина была хорошо известна и в странах Западной Европы, где существовали переводы «Записок...». До чеховского «Острова Сахалин» в русской периодике уже печатались и «Остров Шамуршир. Курильский анекдот» (1810, журнал «Аглая») М. М-ва, и «Соколинец» (1885, в журнале «Северный вестник») В. Г. Короленко, и «Ужасный день» (1893, в газете «Русская жизнь») К. М. Станюковича – произведения, основные события которых происходят на Сахалине или Курильских островах. Тема Сахалина и Курильских островов в литературе и периодической печати имеет богатую предысторию и перспективу изучения, позволяющую каждому из потенциальных исследователей определить сферу собственных научных интересов и поиска в данной области.

В сборнике, состоящем из четырех разделов, представлены работы ученых – филологов и историков – России, Белоруссии, Республики Корея и Японии¹. Взаимодействие отечественных и японских специалистов в области изучения художественной и публицистической литературы Сахалина и Курильских островов видится наиболее перспективным. В истории литературы и периодической печати Сахалинской области невозможно не учитывать период, когда южная часть Сахалина находилась под юрисдикцией Японии (1905–1945). В период, именуемый историками Карафутто, на юге Сахалина на японском языке издавались десятки газет, журналов и иных публицистических материалов. В эти же годы в «Издательской серии Карафутто» («Карафутто сосё») печатались книги, посвященные Сахалину. Примечательно, что значительная часть этой серии была отведена переводимой с русского языка литературе. В частности, в эту библиотеку вошли: один из первых переводов на японский язык книги «Остров Сахалин» А. П. Чехова, исследование «Каторга и поселение на о-ве Саха-

¹ Во всех статьях, в которых упоминаются японские имена и фамилии, порядок слов приведен в соответствии с западной традицией: на первом месте стоит имя, на втором – фамилия. В сносках и ссылках на необходимую литературу порядок имен и фамилий обратный, как это требуется в библиографическом описании.

лине» Н. С. Лобаса и ряд других, не менее актуальных для изучения Сахалина книг.

Композиция сборника подчинена следующей логике. В первом и втором разделах рассматриваются, прежде всего, литературоведческие вопросы. Авторы статей акцентируют внимание на теме Сахалина и Курильских островов в литературе: от местного фольклора до произведений современной русской (национальной, региональной) и зарубежной литературы. Одной из наиболее интересных частей сборника является частичное (на уровне первой попытки в краеведении) освещение литературы, создаваемой на японском языке (от авторов периода Карафуту до самого известного романа Харуки Мураками «1Q84»). Последовательность размещения материалов в разделах обусловлена прямой хронологией: от более ранних по времени издания произведений до более поздних. При этом в первом разделе вначале представлены статьи, посвященные русской национальной литературе, а затем русской региональной литературе, создаваемой на Сахалине и Курильских островах.

Третий раздел сборника, в основном, посвящен периодической печати, которая активно развивалась на Сахалине и Курильских островах с 1940–1950 годов. В этот период в Сахалинской области издавалось свыше тридцати областных, городских и районных газет. Интересно, что в истории периодической печати есть место и изданиям на национальных языках, в частности, на Сахалине представители корейской диаспоры сумели создать и сохранить газету «Корейский рабочий» (с 1961 года – «По ленинскому пути», с 1991 года – «Новая корейская газета»). Возникновение и бурное развитие газетной пе-

риодики было знаковым явлением на Сахалине и Курильских островах. События этого времени в разных аспектах освещаются в сборнике, в который вошли свидетельства о деятельности редакторов, заведующих газетными отделами и корреспондентов, материалы об условиях работы типографий, анализ содержательной и формальной организации газетных текстов и много другой любопытной информации о периодической печати советской и постсоветской эпохи. В размещении материалов третьего раздела учитывается географический принцип (с севера, где зародились первые периодические печатные издания, к югу, где в советское и постсоветское время концентрируется наибольшее количество печатной периодики).

Завершается сборник статьями, в которых представлены материалы, отражающие особенности художественной и публицистической литературы Дальнего Востока (и по преимуществу, Сахалина и Курильских островов) в российском и азиатско-тихоокеанском пространстве.

Включенная в тематический сборник цветная вставка из фотографий освещает основные этапы международной научно-практической конференции «Литература и периодическая печать Сахалинской области в социокультурном аспекте: прошлое, настоящее, будущее», а также ряд мероприятий, состоявшихся во время работы (открытие тематической выставки «Литература и периодическая печать Сахалинской области: основные издания»; презентация книги стихов на русском и английском языке Л. В. Дорофеевой «Круг. Ring»). В оформлении обложки использованы фотографии С. С. Кузовова, А. С. Никоновой и Д. А. Таушканова.

*Иконникова Е. А.,
Степаненко А. А.*

РАЗДЕЛ 1. САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ К РЕГИОНАЛЬНОЙ

В. И. ЧУДИНОВА,
Россия, г. Южно-Сахалинск

САХАЛИН В ТВОРЧЕСТВЕ КОНСТАНТИНА СТАНЮКОВИЧА

В статье рассматриваются сахалинские образы и мотивы, отразившиеся в произведениях Константина Станюковича «Из-за пустяков», «Ужасный день» и «Вокруг света на “Коршуне”». Образ Сахалина в творчестве писателя ассоциируется с проклятым каторжным местом, мало пригодным для жизни человека. Сахалинская тема в творчестве Станюковича раскрыла его социально-философские взгляды, демократическую и гуманистическую позицию.

Ключевые слова: Константин Станюкович, «Из-за пустяков», «Ужасный день», «Вокруг света на “Коршуне”», остров Сахалин, каторга, ссыльнокаторжные, сахалинская тема в литературе, А. П. Чехов, «Остров Сахалин».

SAKHALIN IN THE CREATIVE WORK OF KONSTANTIN STANUKOVICH

The article deals with Sakhalin images and motives reflected in such books by K. M. Stanukovich as “Because of trifle”, “A horrible day”, “Round the world on “Kite”». The author associates Sakhalin with a damned penal place that is almost unsuitable for a man to reside in. The theme of Sakhalin in the literary works of K. M. Stanukovich reveals his social and philosophical views, democratic and humanistic attitude.

Key words: K. M. Stanukovich, “Because of trifle”, “A horrible day”, “Round the world on “Kite”», Sakhalin Island, servitude, state convicts, theme of Sakhalin in literary works, A. P. Chehov, “Ostrov Sakhalini”.

Судьба писателя К. М. Станюковича (1844–1903) связана с Дальним Востоком. Он побывал и во Владивостоке, и на Сахалине. Находясь в плавании, в июле 1861 года Станюкович заболел лихорадкой, оказался во Владивостокском лазарете и пробыл во Владивостоке до ноября 1861 года. (Во Владивостоке именем Станюковича названа одна из центральных улиц полуострова Шкот). После выписки Станюкович был приписан к винтовому транспорту «Японец», затем, до 1863 года, служил на военных кораблях, совершавших плавания в акватории Тихого океана. В отличие от А. П. Чехова и В. М. Дорошевича писатель не приезжал на Сахалин с целью увидеть изнутри жизнь сахалинской каторги. Его знакомство с островом было случайным и недолгим. Существует версия, что корабль, на котором служил Станюкович, сел на камни вблизи п. Дуэ, о чем и повествуется в рассказе «Ужасный день» и повести «Вокруг света на “Коршуне”», написанных в 1890-е годы.

Однако образ каторжного острова возникает как зловещий символ эпохи ранее в рассказе «Из-за пустяков», напечатанном в августе 1881

года в журнале «Дело». Главный персонаж рассказа, петербуржец, молодой человек Дмитрий Алексеевич Кропотков, в очередной раз был уволен со службы «из-за пустяков». «Пустяками» оказались его «предосудительные взгляды» и неосторожные высказывания «насчет разных несправедливостей», получившие огласку. Мать Мити, полковница Марья Ивановна Кропотова, «бодрая, деятельная, подвижная дама», предпринимает энергичные действия, чтобы помочь сыну и добиться восстановления его в должности. Желая найти поддержку, она отправляется к своему брату-адмиралу Андрею Ивановичу и рассказывает о неприятном происшествии с сыном.

Адмирал, соглашаясь с сестрой в том, что сослуживцы «сделали подлость с Митей», а директор правления вместо того, чтобы наказать подлеца-доносчика, уволил оговоренного, все же замечает, что племяннику не следовало вести разговоры на службе. «Положим, в словах его ничего такого нет. Ну, молодость, сердце доброе, поневоле жалость вырвется... Все это ничего, а как вдруг да твой Митя...»¹ «После этого Андрей Иванович, на склоне жизни получивший

¹ Станюкович, К. М. Из-за пустяков // Станюкович, К. М. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 1 / К. М. Станюкович. – М. : Правда, 1977. Здесь и далее цитаты даны по этому изданию. Курсив автора статьи, кроме оговариваемых случаев.

вкус к политике, с опасением и негодованием начинает говорить о свободе современных нравов, о всеобщем разрушении и вседозволенности, когда «всякая мысль придет в голову».

Начитавшись охранительных статей в консервативных газетах, старик резюмирует свои политические идеи категоричным выводом: «Каждый поступай по совести, а у кого совести нет, *того на Сахалин!*» Следуя его логике, в числе опасных «разрушителей» может быть и племянник Митя.

Однако Марья Ивановна не поняла, кого готов сослать на Сахалин ее брат, и решила, что сослать на каторгу непременно нужно начальника Мити, поступившего так жестоко с ее сыном. «Она, конечно, не задумалась бы в эту минуту не только сослать на Сахалин, но даже и куда-нибудь подальше директора правления, выгнавшего со службы ее сына, – о том мерзавце и говорить нечего, – но, как практическая женщина, очень хорошо понимала, что это невозможно».

Сахалин в этом диалоге возникает как место, куда можно было попасть по политическим мотивам просто «из-за пустяков», если они покажутся кому-нибудь вовсе не пустяками, а крамольными рассуждениями. Интеллигентный порядочный человек, подобный Мите Кропотову, не желающий молчать о существующих несправедливостях, легко мог оказаться в числе политических ссыльнокаторжных на далеком острове, среди тех людей, которых, по выражению А. П. Чехова, «сгноили в тюрьмах зря, без рассуждения, варварски». Именно это имел в виду К. М. Станюкович, включая слово «Сахалин» в контекст происшествия с героем рассказа. Ведь несчастного молодого человека «из-за пустяков» уже выставили преступником в «подлой» газетной статье, от него отреклись родной брат и сестра, легко поверив этой клевете. «История» с Дмитрием Алексеевичем стала известна среди родных и знакомых. Они приходили, под видом участия, узнать, в чем дело, и Марья Ивановна несколько раз повторяла, какую подлость сделали с Митей. Однако многие родственники были убеждены, что Дмитрий Алексеевич, *в самом деле, подозрительный человек*, и Дмитрий Алексеевич очутился в глазах некоторых *в положении зачумленного*. Поразительно, но в какой-то мере Станюкович предвидел и свою судьбу: в 1884 году его как «неблагонадежного» в политическом отношении человека (явно по доносу!) арестуют и при-

говорят сначала к заключению, а затем к ссылке в Сибирь.²

Несмотря на то, что рассказ написан задолго до путешествия Чехова на Сахалин и создания книги «Остров Сахалин», он невольно вызывает ассоциации и с творчеством Чехова, и с его книгой. Как известно, основным герой Чехова – интеллигент, который «свиною жизнью» жить не может, но бороться также не в состоянии и потому сам мало чем отличается от обывателя. Именно таким представляется и герой рассказа «Из-за пустяков», чей идеализм и «неумение обойти подводные камни практической жизни» привели к драматическим последствиям. «Это был самый скромный и непритязательный господин, меланхолик по натуре, скорее робкий, чем смелый, не предъявлявший к жизни никаких особенных претензий. Никогда и ни в каких «предосудительных» поступках он не был замешан, с «подозрительными» людьми знакомств не водил, в своих мечтах летал невысоко, словом – этот Дмитрий Алексеевич Кропотов, выброшенный в один день на улицу, был один из тех многих, самых обыкновенных смертных, простых, слабых, ничем особенно не выдающихся, у которых только еще не заглохли инстинкты правды, совесть не подвела итогов, и сердце не потеряло способности биться и трепетать при виде бесчеловечия и несправедливости и наконец, переполненное, порой давало о себе знать робким словом негодования, участия, сожаления... Вот вся вина этих людей».

Герой Станюковича близок герою чеховского рассказа «Палата № 6» Ивану Дмитриевичу Грому, который также остался с матерью без средств к существованию, с утра до вечера давал грошовые уроки, занимался перепиской, вынужден был бросить университет и за странной образ мыслей подвергся изоляции в сумасшедшем доме. Чертами характера Дмитрий Кропотов похож на упомянутого Чеховым в «Острове Сахалине» малотымовского смотрителя г. К., интеллигентнейшего и добрейшего молодого человека, тоже петербуржца, тоскующего по России, который бесконечно одинок и чувствует себя в огромной казенной квартире как в плену. «Встал, напился чаю, сходил в тюрьму... а потом что делать? Потом ходит по своему лабиринту, поглядывая на деревянные с паклею стены, ходит, ходит, потом опять чаю напьется и займется ботаникой, а потом ходит опять и ничего ему не

² С конца 1860-х Станюкович был внесен в список неблагонадежных и фактически стал поднадзорным, а с весны 1883 на него было заведено особое дело. Выезды Станюковича для лечения за границу обратили на себя внимание полиции, следившей в Женеве и Париже за его встречами с русскими эмигрантами-революционерами, которых он привлекал к участию в журнале «Дело». В 1884 году Станюкович, ездивший весной в Ментону (юг Франции) за своей безнадежно больной дочерью, был арестован на границе с Россией и препровожден в Петропавловскую крепость. В 1885 издание журнала «Дело» было прекращено, а Станюкович, просидевший несколько месяцев в доме предварительного заключения, в мае 1885 года административным порядком высылается в Сибирь на три года, туда же, за ним, последовала и его семья. 17 июня он прибывает в Томск, где быстро сходится с проживающими здесь политическими ссыльными Ф. Волховским, С. Чудновским, активными участниками «Сибирской газеты». Здесь его посетил американский писатель, автор книги «Сибирь и ссылка» Джон Кеннан.

слышно, кроме собственных шагов и завывания ветра».³ Вполне вероятно, что честный и совестливый, чуждый карьеризму герой Станюковича мог оказаться вместо Петербурга на далеком острове: в лучшем случае в качестве служащего, а в худшем – в качестве ссыльнокаторжного. Так одно только упоминание Сахалина вызывает волну ассоциаций и позволяет увидеть и почувствовать характер эпохи, понять суть человеческих взаимоотношений.

К. М. Станюкович вошел в историю русской литературы прежде всего как писатель-маринист, автор морских рассказов и повестей. Летом 1860 года Станюкович плавает на борту учебного корабля «Орел» под командованием Ф. В. Керна, героя севастопольской обороны. Этот морской поход описан в его первой книге очерков «Из кругосветного плавания» (1867). В основу многих произведений писателя также положены непосредственные наблюдения офицера флота. К ним относятся рассказ «Ужасный день» и повесть «Вокруг света на “Коршуне”», написанные в 1890-е годы.

Действие рассказа «Ужасный день», опубликованного в 1893 году, сосредоточено вокруг одного «памятного дня», одного ужасного события, произошедшего у берегов Сахалина в шестидесятые годы XIX века с российским клипером, названным в рассказе «Ястребом». Название судна изменено писателем: на самом деле у берегов острова, вблизи п. Дуэ, сел на камни в конце августа 1861 года клипер «Гайдамак» (Станюкович получил назначение на это судно только в начале 1863 года). Видимо, рассказ был написан на основе происшествия, описанного очевидцами – членами команды «Гайдамака». По другой версии, Станюкович мог сам участвовать в снятии с мели клипера в мае 1862 года. Писатель точно передал события, изменив название корабля, фамилии членов экипажа и время года.

В экспозиции рассказа говорится о том, что находившийся уже второй год в кругосветном плавании корабль после посещения портов Приморской области зашел на Сахалин, чтобы запастись даровым углем, добытым ссыльнокаторжными, недавно переведенными в Дуйский пост из острогов Сибири, и идти затем в Нагасаки, а оттуда – в Сан-Франциско, на соединение с эскадрой Тихого океана.

Уже само начало рассказа, как и его название, не предвещает ничего хорошего, вызывает тревожное чувство. «Весь черный, с блестящей золотой полоской вокруг, необыкновенно стройный, изящный и красивый со своими чуть-чуть наклоненными назад тремя высокими мачтами военный четырехпушечный клипер «Ястреб» в это *хмурое, тоскливое и холодное утро* пятнадцатого ноября 186_ года одиноко стоял на двух якорях

в пустынной Дуйской бухте *неприветного острова Сахалина*».⁴ Сравним с чеховским описанием утра на сахалинском берегу: «Утро было сырое, пасмурное, холодное. Беспokoйно шумело море».

Негативное восприятие острова передается в рассказе «Ужасный день» нагнетанием ряда пейзажных деталей: «погода сырая», «пронизывающий холод», «мелкий, частый дождик», «серая мгла», «седые гребни волн», «дождь хлестал прямо в лицо», «мрачные, нависшие над краем моря тучи», «почерневшая даль», «свинцовая даль рокотавшего моря».

Сахалинская погода мешает быстрой выгрузке угля, поэтому корабль не может сняться с якоря и покинуть мрачный порт Дуэ, который капитан «Ястреба» в сердцах называет «дырой». Далее в тексте этот словообраз повторяется многократно, его негативная окраска усиливается определением «собачья». Возникает противопоставление: «собачья дыра» Дуэ и «настоящий порт», о котором мечтают моряки.

Описание Дуэ у Станюковича соотносится с чеховской характеристикой Дуйского порта как места, которое является «колыбелью каторги» и «пользуется преувеличенно дурною репутацией». Чехов называет дуйский берег «мрачным мирком», а в шуме бьющихся волн ему слышится «бессильная, злобная тоска». «С самого основания Дуэ здешняя жизнь вылилась в форму, какую можно передать только в неумолимо жестоких, безнадежных звуках, и свирепый холодный ветер, который в зимние ночи дует с моря в расщелину, только один поет именно то, что нужно», – читаем в книге «Остров Сахалин». А когда Дуэ остался позади, автор испытывает «жуткое чувство, точно после дурного, зловещего сна».

Описание ужасной погоды, встретившей моряков с «Ястреба» у каменистого побережья Сахалина, невольно отсылает нас к словам Чехова: «...когда природа создавала Сахалин, то при этом она меньше всего имела в виду человека и его пользу». Поэтому эпитеты «подлый», «собачий», «каторжный», которые многократно использует Станюкович, характеризуют особенности дуйского ландшафта, наиболее точно соответствуют действительности. Капитан клипера предупреждает вахтенного начальника: «За якорным канатом хорошенько следите. Здесь *подлый* грунт, каменистый». Моряки вторят капитану: «Скорей бы уйти. Как есть *подлое* место». И далее: «*Собачье* место... Недаром здесь несчастные люди живут!..»; «*каторжное* место». В кают-компании моряки «пили чай и болтали, поругивая главным образом *проклятый* Сахалин, куда судьба занесла клипер». «Всем, начиная со старшего офицера и кончая самым юным членом кают-компании... эта стоянка в Дуэ была *очень неприятна*. Подобный *берег не манил к себе моряков*. Да и что могло

³ Чехов, А. П. Из Сибири. Остров Сахалин // Чехов, А. П. Полное собр. соч. : в 30 т. — Т. 14–15 / А. П. Чехов. — М. : Наука, 1978. Здесь и далее цитаты даны по этому изданию. Курсив автора статьи, кроме оговариваемых случаев.

⁴ Станюкович, К. М. Морские рассказы / К. М. Станюкович. — М. : Худож. лит., 1980. Здесь и далее цитаты даны по этому изданию. Курсив автора статьи, кроме оговариваемых случаев.

манить?... *Неприветен* был этот *несчастный* поселок на оголенном юру бухты, с *унылым* лесом сзади без конца, с несколькими казармами *мрачного* вида, в которых жили пятьдесят человек ссыльнокаторжных, выходивших с утра на добычу угля в устроенную вблизи шахту, да полурота солдат линейного сибирского батальона». Слова старшего штурмана «какая здесь мерзость!» обобщают нелюбимую картину сахалинского берега.

Несмотря на то, что Сахалин – это русская земля, а не граница, в сознании моряков остров соотносится с Россией только потому, что здесь им удалось попариться в бане. «По крайности матушку-Расею вспомним...», – говорят они. Баня хороша не столько оттого, что она находится все же на русском острове, сколько потому, что строили ее линейные солдатики, то есть российские люди.

«Ужасный день» чуть не закончился для «Ястреба» гибелью: разыгравшийся шторм не хотел выпускать судно из бухты, ломая его и разбивая о камни. «Этот свирепый норд-вест коли заревет вовсю, то надолго, и уж тогда *не выпустит нас отсюда*... А я предпочел бы штормовать в открытом море, чем здесь, на этом *подлеце-рейде*», – эти слова капитана оказались пророческими: корабль не успел выйти до шторма в море.

Остров-каторга цепко держал корабль, словно хотел лишить свободы всех, кто попал в его пространство. «Цепи» – ключевое слово, создающее образ острова-тюрьмы. «–“Цепи лопнули!” Точно обрадовавшись, что избавился от цепей, “Ястреб” метнулся в сторону, по ветру, и его понесло назад. Брошенный немедленно запасный якорь на минуту задержал клипер. Он помотался и снова почувствовал свободу. Словно срезанная ножом, лопнула и эта цепь». Цепи – символ несвободы: цепями приковывали к тачкам каторжан, цепи-кандалы надевали им на ноги. Клипер, разорвав оковы, не освободился от власти стихии, привязавшей его к острову: ветер понес корабль на камни в открытой бухте Дуэ.

Драматические события с «Ястребом» нарастают вместе с накалом шторма: «Картина озверевшей стихии была действительно *страшная* <...> Море, что называется, кипело. *Громадные* волны шумно и яростно нагоняли одна другую, сталкивались и рассыпались в своих верхушках алмазной пылью, которую подхватывал вихрь и нес дальше. *Страшный* рев *бушующего* моря сливался с ревом *дьявольского* ветра. Встречая в клипере препятствие, он то сердито выл, то проносился каким-то жалобным стоном <...> Словно *обезумевший, освирепевший* зверь, бросался он на маленький клипер, как будто грозя его уничтожить со всеми его обитателями».

Избежать гибели, которая уже казалась морякам неизбежной, удалось только благодаря смелости и умению капитана, направившего клипер в свободный от камней маленький заливчик, где можно было переждать шторм. После того как клипер оказался на мели и опасность миновала,

настроение капитана меняется, как и отношение к «подлому» сахалинскому берегу. Облегчение и вместе с тем безысходность слышатся в словах капитана команде: «Отлично проходим в *этой дыре*»; «Вместо Сан-Франциско будем зимовать здесь, в *этой трущобе*...»

Известно, что ремонт клипера «Гайдамак» продлился до мая 1862 года, после чего корабль на буксире был отправлен на ремонт в Шанхай. Финал рассказа Станюковича почти точно повторяет реальный исход «ужасного происшествия»: «Весной за клипером пришел сам “беспокойный адмирал” на корвете “Резвый” и отдал в приказе благодарность капитану за его находчивость и мужество, “с какими он спас в критические минуты экипаж и вверенное ему судно”. Через несколько дней “Ястреб” был приведен на буксире в Гонконг и, починившись в доке, через месяц, по-прежнему стройный, красивый и изящный, плыл к берегам Австралии».

Повесть «Вокруг света на “Коршуне”» явилась своеобразным художественным итогом кругосветного плавания будущего писателя на корвете «Калевала» под командованием капитана В. Ф. Давыдова, человека передовых взглядов, впоследствии запечатленного в образе командира «Коршуна». Во время плавания Станюкович писал заметки в дневном и услышанном и использовал их впоследствии как фактическую основу не только для повести «Вокруг света на “Коршуне”», но и других морских рассказов и повестей. Редактор журнала для детей «Родник» Альмединген предложил Станюковичу в беллетристической форме (очерков или сцен из морской жизни) изложить свои воспоминания о кругосветном плавании. Так возник замысел будущей повести «Вокруг света на “Коршуне”», опубликованной в 1895 и 1896 годах.

Повесть, как и многие другие произведения морского цикла, имеет автобиографические черты. История юного кадета Володи Ашанина напоминает ранний период жизни самого Станюковича. Жажда путешествий, расширяющих кругозор и заставляющих чуткий ум задумываться и сравнивать, которой он наделил своего героя, была присуща самому будущему писателю.

В процессе работы повесть разрослась до большого произведения, состоящего из двух частей (первая часть включает 13 глав, вторая – 9). В произведении встречается немало эпизодов, развитых писателем в ряде других его морских рассказов и повестей («Василий Иванович», «Человек за бортом», «Беспокойный адмирал»). Писатель отказался от романтизации морской жизни, сосредоточившись на изображении быта, будней, духовного мира и психологии моряков. Станюкович описывает кругосветное плавание «не как увеселительную прогулку по экзотическим странам, а прежде всего – как повседневное исполнение моряками своего, привычного и обыденного для них дела»⁵. По характеру повесть близка путевым очеркам И. А. Гончарова

⁵ Вильчинский, В. П. Константин Михайлович Станюкович / В. П. Вильчинский. – М., Л., 1963. – С. 247.

(«Фрегат “Паллада”») и Д. В. Григоровича («Корабль “Ретвизан”»).

Сахалину посвящено несколько страниц шестой главы второй части под названием «Выручка “Забияки”». События, описанные в ней, напрямую перекликаются и даже отчасти повторяют происшествие из рассказа «Ужасный день». Капитан «Коршуна» направил корабль на помощь терпящему бедствие у берегов Сахалина судну «Забияка». Несмотря на «дьявольский туман», в котором приходится идти, он берет на себя ответственность за жизнь своего экипажа и за спасение другого корабля. Клипер «Забияка» сел на камни все в том же злополучном месте – возле порта Дуэ. Понимая, что промедление подобно смерти, капитан говорит старшему офицеру: «Эти гряды в Дуйском порте на Сахалине, в которых застрял “Забияка”, очень опасны. Я бывал в Дуэ. Тоже чуть нас не выбросило на камень... *Отвратительная дыра!*».⁶ Эти слова почти дословно воспроизводят оценку сахалинского берега в рассказе «Ужасный день». День, когда корабль чуть не погиб из-за «подлюги-тумана», здесь назван «жутким днем», а сам туман – «ужасным».

Описание шторма в Северном море напоминает изображение шторма в рассказе «Ужасный день»: «Море еще бушевало. По-прежнему оно катило свои седые волны, которые нападали на корвет, но сила их как будто уменьшилась. Море издали не казалось одной сплошной пеной, и водяная пыль не стояла над ним. Оно рокотало, все еще грозное, но не гудело с ревом беснующегося стихийного зверя». Ветер, который бросает судно из стороны в сторону, моряки называют «каторжным».

Описание самого Дуйского поста также перекликается с соответствующим описанием из рассказа «Ужасный день»: «В третьем часу следующего дня “Коршун” входил на *неприветливый* Дуйский рейд, *мрачный* и *пустынный*, окаймленный обрывистыми лесистыми берегами, с несколькими видневшимися на склоне казарменными постройками, в которых жили единственные и невольные обитатели этого *лечального места* – ссыльнокаторжные, присланные на Сахалин для ломки каменного угля, и полурота линейных солдат для надзора за ними».

Одна из центральных тем повести – телесные наказания на флоте. В морском корпусе, где обучался Станюкович, царили феодально-крепостнические нравы: грубость, взяточничество, порка. Во время учебного плавания летом 1860 года на корабле «Орел» Станюкович не раз видел зверскую расправу над матросами. В повести «Вокруг света на “Коршуне”» он сравнивает военную службу в царском флоте с «каторгой», подразумевая длительность службы и полную зависимость простых моряков от произвола боцманов и офицеров. Писатель с негодо-

ванием отмечает, что официально отмененные жестокие наказания матросов еще не ушли в безвозвратное прошлое. Некоторые офицеры-«дантисты» и боцманы по-прежнему убеждены, что матросов можно «выучить» только при помощи телесных наказаний. Герой Станюковича, гардемарин Ашанин (как и капитан «Коршуна») является убежденным сторонником гуманного отношения к матросам, тем самым выражая авторскую позицию.

В книге «Остров Сахалин» теме телесных наказаний посвящено немало страниц. Чехов с отвращением описывает чиновников, которые «в обращении с низшими не признают ничего, кроме кулаков, розог и извозничьей брани». В главе XXI, посвященной теме наказаний, он показывает страшные картины истязания людей розгами и плетями, после которых многие из наказанных умирали. Станюкович тоже с возмущением описывает необузданный произвол офицеров, которым непременно нужно «искровянить матроса». «Случалось, линьков по триста ему закатывали, замертво в лазарет выносили с изрытой спиной... Каких только мучений не принимал...» Рассуждения Станюковича о бессмысленности телесных наказаний на флоте перекликаются с высловами Чехова о нецелесообразности применения физических наказаний к каторжанам: «Наказания, унижающие преступника, ожесточающие его и способствующие огрублению нравов и давно уже признанные вредными для свободного населения, оставлены для поселенцев и каторжных, как будто ссыльное население подвержено меньшей опасности огрубеть, ожесточиться и окончательно потерять человеческое достоинство».

Станюкович, которого современники называли «Айвазовским слова», любит живописать все оттенки морской погоды, начиная с полного штиля и кончая ураганом. В повести «Вокруг света на “Коршуне”» преобладают картины спокойного моря. Например, глава 1 второй части «В Тихом океане» открывается таким пейзажем: «Океан был необыкновенно милостив и любезен и рокотал, переливаясь своими могучими темно-синими волнами тихо и ласково, словно бы добрый дедушка, напевающий однообразно ласкающий мотив». Но по мере приближения к Сахалину море становится все более неприветливым и страшным, вызывая невольное ожидание неведомой опасности: «Туман, довольно частый в Японском море и в Японии, казалось, надолго заключил “Коршуна” в свои влажные, нерасторжимые объятия. День близился к концу, а туман был так же страшен своей непроницаемостью, как и утром. Стоял мертвый штиль, и не было надежды на ветер, который разогнал бы эти клубы тумана, словно злые чары, скрывшие все от глаз моряков». В книге Чехова приближение к туманной полоске каторжного острова также

⁶ Станюкович, К. М. *Вокруг света на «Коршуне»* // Станюкович, К. М. *Собр. соч. : в 10 т. – Т. 6 / К. М. Станюкович. – М.: Правда, 1977. Здесь и далее цитаты даны по этому изданию. Курсив автора статьи, кроме оговариваемых случаев.*

окрашено тревожными предчувствиями, вызывая воспоминания о мифологическом скитальце Одиссее: «Кажется, что тут конец света и что дальше уже некуда плыть. Душой овладевает чувство, какое, вероятно, испытывал Одиссей, когда плывал по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами».

Чехов не раз обращается к описанию моря, при этом морской пейзаж в «Острове Сахалине» чаще всего неприветлив, например, в главе XIII: «Море на вид холодное, мутное, ревет, и высокие седые волны бьются о песок, как бы желая сказать: “Боже, зачем ты нас создал?”» Далее встречаются близкие по настроению описания: «Было темно и тихо, *море глухо шумело* и звездное небо хмурилось, как будто видело, что в природе готовится что-то недоброе»; «Широкое, сверкающее от солнца *море глухо шумит* внизу, далекий берег соблазнительно манит к себе, и становится грустно и тоскливо, как будто никогда уже не выберешься из этого Сахалина».

Чехов называет море «темным», «недобрим», «свинцовым», «суровым», отмечая, что оно усиливает чувство одиночества, тоски: «...беспредельно, на тысячи верст раскинулось угрюмое, злое море <...> Это – кошмар. Поверхность свинцовая, над нею тяготеет однообразное серое небо. Суровые волны бьются о *пустынный* берег...»

Природные стихии, как у Чехова, так и у Станюковича, соотнесены со стихией человеческого бытия. Оба писателя связывают с морем тему отчужденности, отверженности человека. Море отгораживает от дома, от России. Эта мысль пронизывает картину начала плавания, когда «Коршун» выходит на большой рейд: «Кронштадт исчез в осенней мгле пасмурного дня. Впереди и сзади было серое, свинцовое, непри-

ветное море. “Прощай, матушка Рассея! Прощай, родимая!” – говорили матросы. И снова крестились, кланяясь по направлению к Кронштадту». Корабль, подобно острову, отдален и изолирован от России морем. Именно поэтому море вызывает отвращение и страх у людей, оказавшихся в его власти. Так, в главе 4 (первой части), в которой рассказывается о первом шторме Ашанина, дается следующее описание моря: «Эта бездонная пропасть бушующего, заседевшего моря, бьющегося о бока корвета, отделялась только стеклом иллюминатора да несколькими досками корабельной обшивки. Оно было близко, страшно близко, это море, и здесь, сквозь стекло иллюминатора, *казалось каким-то жутким и страшным водяным гробом*. И чувство беспомощности и сиротливости невольно охватывало юношу в этой маленькой полутемной каюте...».

В повести «Вокруг света на “Коршуне”» Станюкович использует прием контрастного противопоставления: безмятежный остров Мадейра в первой ее части явно противопоставлен дикому и мрачному острову Сахалин во второй части. Остров Мадейра ассоциируется с раем, напоминают «что-то сказочное, волшебное»: «роскошный, весь словно повитый зеленью, с высокими, голыми маковками блиставших на солнце гор, *точно прелестный сад*, поднявшийся из океана». Сахалин, «мрачный и пустынный, окаймленный обрывистыми лесистыми берегами», совсем не похож на райское место. Возникает антитеза: «остров-сад» – «остров-ад».

Таким образом, сахалинская тема в творчестве Станюковича возникла отнюдь не случайно, она органически вошла в художественную ткань нескольких произведений писателя, проявила его социально-философские взгляды, демократическую и гуманистическую позицию.

НИКОЛАЙ ЛОБАС И ЕГО КНИГА «КАТОРГА И ПОСЕЛЕНИЕ НА САХАЛИНЕ» (НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ ИЗ ЖИЗНИ РУССКОЙ ШТРАФНОЙ КОЛОНИИ)

В статье рассказывается о Николае Лобасе, его общественной деятельности на Сахалине; приводятся свидетельства современников знаменитого врача о сахалинской каторге.

Ключевые слова: Н. С. Лобас, «Каторга и поселение на Сахалине», В. М. Дорошевич, Л. В. Поддубский, А. П. Чехов, Сахалин, колония.

NIKOLAI LOBAS AND HIS BOOK «THE SERVITUDE AND SETTLING IN SAKHALIN ISLAND (SOME FEATURES OF THE LIFE RUSSIAN PENALTY COLONY LIFE)»

The article says about Nikolai Lobas, his public activity in Sakhalin, gives the evidences of the famous doctor's contemporaries` about the Sakhalin servitude.

Key words: N. S. Lobas, "The Servitude and Settling in Sakhalin Island", V. M. Doroshevich, L. V. Poddubsky, A. P. Chehov, Sakhalin.

В Долинском районе есть гора Лобаса (746 метров), названная после освобождения Южного Сахалина в 1946 году в честь помощника заведующего гражданской медицинской частью острова Сахалин и окружного врача Александровского округа в 1890-х годах надворного советника Николая Степановича Лобаса (1858–?), автора двух книг о сахалинской каторге, а также ряда статей в газете «Тюремный врач»¹. Лобас служил на Сахалине в 1892–1899 годах, он выпускник Петербургской военно-медицинской академии, ученик профессора-гигиениста А. П. Доброславина, основавшего в 1872 году кафедру гигиены и журнал «Здоровье»².

Лобас – персонаж книги В. М. Дорошевича «Сахалин (каторга)», именно с ним знаменитый журналист посещал тюрьмы и обходил «вольных», не живущих в тюрьме каторжан; в главе «Отцеубийца» автор говорит о докторе Лобасе, «которого вся каторга прямо-таки обожала за его доброе, человеческое отношение»³. На квартире Лобаса, где он жил с семьей⁴, Дорошевич познакомился с ссыльным народовольцем И. М.

Манучаровым⁵. Близко знаком Лобас и с другими политическими заключенными, в том числе и с Б. О. Пилсудским, который в своих письмах к Штернбергу называет его имя 13 раз.

Прибыв на Сахалин, Лобас активно включается в общественную деятельность. Так, он принимает участие в качестве чтеца в бесплатных народных чтениях с «туманными картинками», устраиваемых для «испытуемых» при Александровской библиотеке⁶, дает согласие участвовать в создании иллюстрированного описания Сахалина в качестве фотографа⁷. Принимает также он участие в создании первого сахалинского музея; в приказе № 226 военного губернатора острова Сахалин генерал-майора В. Д. Мерказина от 6 октября 1896 года в списке лиц, «способствовавших своим участием по сбору, составлению и размещению коллекций музея или принесших в дар разные предметы», названо и имя Лобаса⁸. По инициативе Лобаса 17 февраля 1898 года в посту Александровском состоялось первое учредительное собрание «Общества помощи бедным»⁹, действующее

¹ Гальцев-Бизюк, С. *Топонимический словарь Сахалинской области* / С. Гальцев-Бизюк. – Южно-Сахалинск. – 1992. – С. 78.

² Финнов, М. *Мрачное Оморское дело (по страницам книги А. П. Чехова «Остров Сахалин»)* / М. Финнов // *Краеведческий бюллетень*. – Южно-Сахалинск. – 1995. – № 2. – С. 159.

³ Дорошевич, В. *Сахалин (каторга)* / В. Дорошевич. – Южно-Сахалинск, 1991. – С. 199.

⁴ Пилсудский, Б. О. «Дорогой Лев Яковлевич...» (Письма Л. Я. Штернбергу, 1893–1917). *Составление, подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии В. М. Латышева* / Б. О. Пилсудский. – Южно-Сахалинск, 1996. – С. 120.

⁵ Букчин, С. В. *Судьба фельетониста. Жизнь и творчество Власа Дорошевича* / С. В. Букчин. – Минск, 1975. – С. 116.

⁶ Пилсудский Б. О. *Указ соч.* – С. 130.

⁷ Там же. – С. 153.

⁸ *Приказ военного губернатора острова Сахалина декабря 6-го дня 1896 г., № 226* // *Вестник Сахалинского музея*. – Южно-Сахалинск, 1996. – С. 9.

⁹ Мошенский, А. А. *Очерки истории здравоохранения Сахалинской области* / А. А. Мошенский, И. Л. Золотухин. – Владивосток, 1995. – С. 65.

по уставу, утвержденному министром внутренних дел для всех губерний». Леонид Васильевич Поддубский пишет в своих «Заметках о сахалинской каторге и ссылке»: «По неимению средств оно ограничивается только облегчением переезда переселенцев на материк, где без средств и по неимению работ, поселенец делается рецидивистом по необходимости, от голода»¹⁰.

Профессиональная деятельность молодого врача тесно связана с деятельностью Поддубского, статского советника, заведующего гражданской медицинской частью на Сахалине, старшего врача Александровской окружной лечебницы и заведующего метеорологическими станциями в 1892–1899 годах¹¹. Приезд на остров новых специалистов-медиков стал событием для сахалинской каторги, их деятельность высоко оценивает Б. О. Пилсудский в своих письмах, которые являются своеобразной хроникой сахалинской жизни. Так, в 1896 году он пишет Л. Я. Штернбергу: «Теперь, когда обновился состав тюремных врачей, отданных всецело своему делу, деятельных, более компетентных, поступающих по совести, по долгу службы медицине и присяги, руководимых, несомненно, лучшими намерениями и человеколюбием, когда санитарное дело на Сахалине стало благодаря им гораздо выше безобразной его постановки, когда врачи сумели приобрести и расположение, и доверие со стороны населения (что необходимо при всяком лечении больных), одна администрация находит нужным порицать их образ действия и не помогает им, как это приказано статьями закона, а где может – тормозит и мешает.... Травля врачей и помеха врачебному делу – это крайне печальный факт, что, как всегда здесь бывает, она (ссора) переходит и на служебное дело»¹². «Предполагаемое мое путешествие по острову, наверно, не состоится. Генерал из вражды к Поддубскому уже против устройства новых станций 3 разряда, хотя инструменты уже выписаны»¹³, – сообщает в своем письме от 1 марта 1896 года Пилсудский, работавший на Рыковской метеостанции с января 1894 по декабрь 1896 года¹⁴.

Поддубский и Лобас стали инициаторами устройства психиатрической больницы на Сахалине. «Вопрос об этом был поднят заведующим медицинской частью еще в отчете за 1893

год», а Лобас писал во «Враче» о том, что иногда осуждают в каторгу не настоящих преступников, а сумасшедших. «...Только теперь после статей Лобаса получил движение предписанием Галкина-Враского, переданного по телеграфу»¹⁵, – делится новостями Пилсудский в письме между августом и ноябрем 1896 года. Приняли оба врача активное участие и в Онорском деле. Так, Поддубский «ездил на Онор и там ему рассказали про онорские ужасы»¹⁶. Лобасу же удалось летом 1895 года, когда он жил несколько недель в Рыковском, прочитать Онорское следственное дело, он «нашел в действиях Сцепенского массу чуть ли не уголовщины и сделал об этом, по долгу совести, заявление товарищу прокурора»¹⁷. В рапорте на имя фон Бунге Лобас пишет: «Громадная смертность никого, в том числе врача, не интересовала, доказательством чего служит то, что на 70 смертных случаев произведено только три вскрытия»¹⁸.

Требование врачей соблюдать режим работы каторжных, улучшить санитарно-гигиенические условия в тюрьмах, расширить и улучшить лечебницы, попытка ввести новую табель довольствия для арестантов – все это было встречено администрацией острова в штыки. «Хотя на Сахалине существуют комиссии с экспертом-врачом, которые делают преступников на полностью слабосильных и неспособных, начальники тюрем, которые сами состоят в комиссии и подписывают протоколы, результатами осмотров не руководствуются, назначая слабосильных, больных и иногда даже калек на тяжкие работы, которые выполнить они не в состоянии, за что подвергаются наказаниям, теряют последние силы и превращаются в полных инвалидов, бесполезных на хлебников казны. Попытки врачей, – пишет Лобас, – упорядочить это дело были восприняты как стремление захватить власть в свои руки, подорвать власть тюремной администрации» (Приказ Начальника острова Сахалина 1896 г., № 72)¹⁹.

После обращения к министру юстиции военным губернатором Сахалина генерал-майором В. Д. Мерказиным был издан приказ № 111 от 20 июня 1896 года, по которому «санитарные вопросы по тюрьме» были от заведующего гражданской медицинской частью о. Сахалин «от-

¹⁰ Поддубский, Л. В. Заметки о сахалинской каторге и ссылке. Публикация и вступительная статья Латышева В. М. / Л. В. Поддубский // Вестник Сахалинского музея. – Южно-Сахалинск. – 2004. – С. 156.

¹¹ Латышев, В. М. Примечание к кн. : Б. О. Пилсудский. Указ. соч. / В. М. Латышев. – С. 291.

¹² Пилсудский, Б. О. Указ. соч. – С. 150.

¹³ Там же. – С. 135.

¹⁴ Хроника пребывания Бронислава Пилсудского на Дальнем Востоке (по материалам РГЛДВ). Приложение к кн : Пилсудский Б. О. Указ. соч. – С. 332.

¹⁵ Пилсудский Б. О. Указ. соч. – С. 145.

¹⁶ Там же. – С. 64–65.

¹⁷ Там же. – С. 128–129.

¹⁸ Финнов, М. Указ соч. – С. 158–159.

¹⁹ Лобас, Н. С. Каторга и поселение на Сахалине (несколько штрихов из жизни штрафной колонии) / Н. С. Лобас. – Павлоград, 1903. – С. 51.

странены», а затем Л. В. Поддубского, «считая его пребывание <...> на Сахалине, как служащего, вредным», вынудили подать прошение «уволить от службы по болезни» (приказ от 24 апреля 1899 года)²⁰. Такое же прошение «об увольнении от службы по болезни» вынудили подать и Лобаса (приказ от 5 ноября 1899 года)²¹.

Однако врачи, выдворенные с острова, продолжали борьбу за очеловечивание условий сахалинской каторги. Так, Поддубский свои суждения о сахалинской каторге изложил в «Заметках о сахалинской каторге» (1898) и в работе «Сахалинские дети» (1898), которые отложились в архиве А. Ф. Кони, одного из директоров «Общества попечения о семьях ссыльнокаторжных», где бывший заведующий гражданской медицинской частью острова Сахалин 2 мая 1899 года выступил с сообщением «Сахалинские дети», в 1902 году на VIII Пироговском съезде врачей выступил с докладом «Тюремный врач»²². В 1903 году Поддубский послал А. Ф. Кони книжку своего сослуживца на Сахалине – доктора Лобаса, о которой писал: «Книжка эта составлена по личным его наблюдениям и по официальным моим отчетам, которые когда-то были у Вас»²³. На труд врача Лобаса «Каторга и поселение на Сахалине» доброжелательной рецензией откликнулся В. М. Дорошевич²⁴. Книжка эта издана в 1903 году в Павлограде Екатеринославской губернии, где после отставки, очевидно, обосновался Лобас (Пилсудский Б. О. в письме 16 мая 1899 года сообщал своему корреспонденту: «На “Ярославле” уехал Лобас. Будет или в Павлограде, или в Харькове»²⁵). В 1913 году в Москве вышла еще одна книга Лобаса – «Убийцы (Некоторые черты психофизики преступников)». «Эта малоизвестная и уникальная работа сахалинского врача посвящена исследованию психофизического склада профессиональных преступников, совершивших многочисленные и наиболее тяжкие преступления <...> собранный им обширный медико-статистический материал заслуживает внимания как одно из первых отечественных исследований по судебной психиатрии, которое должно занять свое достойное место в истории науки», считают современные исследователи-медики²⁶.

Создавая свои книги о сахалинской каторге, Лобас тщательно изучил труды своих предше-

ственников, учителями его стали Чехов и Дорошевич: «Близко зная Сахалин и его невольных обитателей, я смело могу сказать, что книги Чехова и Дорошевича должны стать настольными книгами всех тех, кто желал бы познакомиться с русской каторгой и ссылкой»²⁷. Если рассматривать обе книги Лобаса о сахалинской каторге как целое, композиционно его труд ориентирован на книгу Дорошевича «Сахалин», состоящую из двух частей: «Каторга» и «Преступники». Однако если «Сахалин» Дорошевича – журналистское расследование, то книга Лобаса «Каторга и поселение на Сахалине» – «это серьезный научный труд, где всесторонне рассматривается процесс освоения острова путем создания штрафной колонии, условия жизни каторжан и ссыльнопоселенцев. Написанная с демократических позиций, эта книга не утратила своего научно-исторического значения и сейчас»²⁸. Автор книги «Каторга и поселение (несколько штрихов из жизни штрафной колонии)» берет за образец книгу Чехова «Остров Сахалин (из путевых записок)», давая срез жизни штрафной колонии через восемь лет после поездки писателя. Если книга Чехова – «научно-публицистического характера, в которой дано место художественным зарисовкам, сделанным по личным наблюдениям»²⁹, книга Лобаса – это научно-публицистическое повествование, где даны факты – результат собственных наблюдений жизни штрафной колонии, увиденной как бы изнутри в течение семи лет, каждая глава его книги завершается выводами.

Отличаются книги А. П. Чехова и Н. С. Лобаса и своей структурой. В «Острове Сахалин» 23 главы, из которых первые 13 глав строятся как очерки путевые (передвижения повествователя по Северному, а затем по Южному Сахалину); главы XIV–XXIII – проблемные.³⁰ Книга «Каторга и поселение на острове Сахалине» (несколько штрихов из жизни штрафной колонии) состоит из «Предисловия», «Введения» и 15 глав: «Географический очерк Сахалина», «Каторжные тюрьмы», «Питание каторжных», «Одежда и обувь арестантов», «Каторжные работы», «Душевная жизнь преступников», «Телесные наказания», «Болезни каторжных», «Каторжные женщины», «Ссыльнопоселенцы и их работы по устройству селений», «Сахалинские селения», «Земледелие на Сахалине», «Скотоводство и задолженность

²⁰ Латышев, В. М. *Врач Поддубский и его записки о сахалинской каторге* / В. М. Латышев // *Вестник Сахалинского музея*. – 2004. – С. 142.

²¹ Латышев, В. М. *Примечание к кн. : Б. О. Пилсудский. Указ. изд.* / В. М. Латышев. – С. 304.

²² Латышев, В. М. *Указ. соч.* – С. 142.

²³ Там же. – С. 144.

²⁴ Букчин, С. В. *Указ. соч.* – С. 109.

²⁵ Пилсудский, Б. О. *Указ. соч.* – С. 174.

²⁶ Мошенский, А. А. *Указ. соч.* – С. 65.

²⁷ Лобас, Н. С. *Указ. соч.* – С. 7.

²⁸ Там же. – С. 63.

²⁹ Семанова, М. *Примечания к книге «Остров Сахалин» (из путевых записок)* / М. М. Семанова // Чехов, А. П. *Полное собр. соч.* / А. П. Чехов. – Т. XIV–XV. – 1978. – С. 782–783.

³⁰ Там же. – С. 783.

населения», «Дети ссыльных», «Промыслы на Сахалине». Изложение материала проблемное, очерки посвящены жизни штрафной колонии на Северном Сахалине (Александровскому и Тымовскому округам), на Южном Сахалине автор не был, хотя и приводит сведения о селениях Южного Сахалина, то есть Корсаковского округа. Книга представляет собой издание обычного формата, в ней 160 страниц, на 38 страницах помещены иллюстрации (очевидно, фотографии), из них 31 иллюстрация занимает всю страницу, семь иллюстраций – полстраницы.

Н. С. Лобас внимательно читал книгу «Остров Сахалин» и, обращаясь к тем же сторонам жизни штрафной колонии, стремился сообщить новые факты или уточнить их, а также обратить внимание на те явления или события, которые имели место уже после пребывания писателя на острове или были недоступны его наблюдению, причем с Чеховым он открыто не полемизирует, новые нюансы открываются при сопоставлении книг Чехова и Лобаса.

В «Предисловии» к своей книге Лобас пишет: «В предлагаемой работе о Сахалине я старался, в возможно сжатой форме, очертить условия жизни невольного населения острова, указать на недочеты существующего на нем режима и, по мере сил, наметить пути, которые, по моему мнению, являются наиболее подходящими в целях продуктивности штрафной колонии как со стороны ее процветания, так и со стороны воз-

рождения ее невольных обитателей»³¹. Во «Введении» автор утверждает, что «почти 30-летний опыт насаждения на Сахалине руками ссыльных сельского хозяйства, поглотивший много человеческих жизней и миллионы денег, привел к весьма жалкими результатам»³². Это связано с тем, по мнению исследователя, что «стремление во что бы то ни стало насадить на Сахалине сельское хозяйство» привело к забвению громадных природных богатств острова»³³. Это каменный уголь, который хищнически разрабатывается частными промышленными компаниями; это прекрасная рыба, которая вылавливается японцами, это лес, истребляемый на топливо, хотя есть уголь. 30 лет сеяли хлеб, а питались привозным, причем стоимость фрахта почти равна стоимости хлеба, рыба покупалась в Николаевске (хотя главный ход рыбы у берегов Сахалина), мясо (солонина) доставлялось из Европейской части. Также не смогла сахалинская сельскохозяйственная колония за 30 лет развести скот, несмотря на благоприятные условия. Причина в том, что «не один десяток лет силы и способности ссыльных прикладывались не к тому делу, которое этого стоило по их умственному и нравственному развитию»³⁴. Делая вывод, что меньше всего Сахалин удался как колония, устроенная ради возрождения преступной личности, автор говорит: «Каторжный остров, благодаря своим специфическим условиям, явился настоящей школой преступности»³⁵.

³¹ Лобас, Н. С. Указ. соч. – С. 5.

³² Там же. – С. 11.

³³ Там же.

³⁴ Там же. – С. 12.

³⁵ Там же. – С. 13.

ПОСЕЩЕНИЕ А. П. ЧЕХОВЫМ ОСТРОВА САХАЛИН: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

В статье рассматривается факт путешествия А. П. Чехова в 1890 году на каторжный Сахалин. Проводятся параллели между творчеством А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: А. П. Чехов, «Остров Сахалин», Ф. М. Достоевский, «Записки из мертвого дома», каторга, путешествие.

A. P. CHEKHOV'S VISIT OF SAKHALIN: THE VIEW FROM THE XXIST CENTURY

In the article there is information about A. P. Chekhov's visit of servitude Sakhalin in 1890. The parallels are drawn between creative work of A. P. Chekhov and F. M. Dostoevskiy.

Key words: A. P. Chekhov, "Sakhalin Island", F. M. Dostoevskiy, "The House of the Dead", servitude, trip.

Первый раз я приехал на Сахалин 11 сентября 2012 года. Цель моей поездки заключалась в знакомстве с теми местами, которые когда-то посетил русский писатель А. П. Чехов и многие именитые авторы Японии (например, Кэндзи Миядзава и Фумико Хаяси). На Сахалине состоялось мое знакомство с Е. А. Иконниковой. Узнав о конференции «Литература и периодическая печать Сахалинской области в социокультурном аспекте: прошлое, настоящее, будущее», я и моя коллега Киёми Ямасита решили принять участие в этом мероприятии.

Мне хочется сказать, что я долго занимаюсь изучением творчества русских и японских писателей, в частности, мне интересна и тема Сахалина. В течение десяти лет на пятом десятке жизни я опубликовал в соавторстве около 30 книг о Кэндзи Миядзаве и о Фумико Хаяси (как, например, «Фумико Хаяси и Якусима», «Плывущее облако». Записки скитальца» и др.). Кроме того, в 2011 году библиотекой университета Нихон (сокр. название университета – Нитидай) была опубликована книга «Фумико Хаяси и искусство». Автором и редактором этой книги являюсь я.

Конечно же, Сахалин тесно связан с А. П. Чеховым с его известной в Японии книгой «Остров Сахалин». Когда мне было семнадцать лет, мне попали в руки «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского. С тех пор и до сегодняшнего дня, почти 50 лет я, читая и изучая произведения Ф. М. Достоевского, пишу разные критические работы. В настоящее время опубликованы в моем переводе шесть томов «Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского». Всего же планируется издать десять томов.

Когда я в свои двадцать лет увлекся Ф. М. Достоевским, кроме его книг, я не мог читать никакие другие книги. Книги Л. Н. Толстого я стал читать уже после тридцати лет, а А. П. Чехова после сорока. Как известно, на творчество Ф. М. Достоевского оказали большое влияние Откровение Иоанна Богослова и Книга Иова.

Герои Ф. М. Достоевского «горячи», они живут либо очень эмоционально, либо бесстрастно. Вся жизнь Достоевский задавался вопросом существования Бога. А вот большинство чеховских героев – хладнокровные циники, которым все равно, есть Бог или нет.

Пустота, которая окружает современного человека, в большей степени ощущается у А. П. Чехова, чем у Ф. М. Достоевского. По просьбе господина Хасаси Куботы, с которым я работал одно время в издательстве, я опубликовал книгу под названием «Читайте Чехова (об экзистенциальном одиночестве и апатии)». Эта книга была напечатана в апреле 2004 года в издательстве Тёэйся. В содержательном плане в ней рассматриваются следующие темы, связанные с произведениями А. П. Чехова: «Просмотр фильма «Дама с собачкой»», «Чтение рассказа Чехова «Дама с собачкой»», «Чтение рассказа «Душечка» (связи с произведениями Достоевского)», «Чтение рассказа «Палата № 6» (связи с произведениями Достоевского)», «Чтение повестей «Черный монах» и «Скучная история»». После этого в 62-м номере журнала художественной литературы «Литература Экоды» («Экода бунгаку») также было опубликовано интервью с японским славистом Масахиро Кудо. Интервью называлось «Сегодняшний Чехов». Это была беседа на тему: «Чехов с точки зрения школы Достоевского». В работу входила и критическая статья: «Это мрачное облачное небо вечно будет таким (на материале пьесы Чехова «Иванов»)». В беседе с Масахиро Кудо упоминается книга «Остров Сахалин» и ее загадка.

Как известно из биографии Ф. М. Достоевского, по обвинению в причастности к делу Петрашевского русский писатель был сослан в Сибирь на четыре года каторги, а следующие четыре года прослужил солдатом. Факты тюремной жизни легли в основу произведения «Записки из мертвого дома» (1860–1861). За эту книгу Ф. М. Достоевский получил признание в литературных кругах Петербурга. А. П. Чехов появляет-

ся в литературных кругах после Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Скорее всего, А. П. Чехов не мог не оглядываться на двух великих писателей. На первый взгляд, связи между произведениями А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского не заметны. Однако некоторые примеры заставляют задуматься об обратном. Так, в рассказе «Скучная история» пожилого профессора зовут Николай Степанович, и у Ф. М. Достоевского в романе «Бесы» главного героя зовут Николай, а его учителя Степан. Рассказ «Палата № 6» и повесть «Черный монах» тоже имеют элементы схожести с миром Ф. М. Достоевского.

В беседе с Масахиро Кудо об А. П. Чехове я высказал следующую мысль: «Самым необычным в «Острове Сахалине» мне показалось то, что русский писатель в течение трех месяцев пребывания на Сахалине проводил тщательную перепись каждой семьи, оставив после себя около 10 000 карточек-анкет. Причины, по которым А. П. Чехов так тщательно проводил здесь перепись, мне кажутся странными: разве это не было вызвано, прежде всего, военной и территориальной проблемами, и разве исследование такого рода не проводилось в других местах, кроме Сахалина? Я думаю, что здесь было не только желание писателя лучше узнать русский народ, но была и политическая подоплека. В самом деле, А. П. Чехов в качестве писателя приехал на Сахалин. Он по-настоящему изучил обстановку, в которой жили люди на острове, и не ясно, то ли он действительно воссоздал всё в своем произведении, то ли в произведении скрывается то, что до сих пор не было освещено. В будущем понадобится еще одно исследование, которое

поможет выяснить этот факт. Но так или иначе, не будет ошибкой сказать, что А. П. Чехов при написании своей книги опирался на «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского.

12 сентября 2012 года вместе с госпожой Киёми Ямасита и господином Куботой Хасаси мы посетили музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» в Южно-Сахалинске. Я купил там одну брошюру и книгу «Остров Сахалин» на русском языке. В музее, где я был со своими коллегами, экспонируются стол и стул, которыми пользовался А. П. Чехов, его портфель и медицинские инструменты, есть портрет писателя, кроме этого, показана одежда каторжников и предметы их обихода, представлены также материалы, имеющие отношение к книге «Остров Сахалин», есть и переводы книги «Остров Сахалин», изданные в Японии.

14 сентября 2012 года мы вместе с господином Кубота Хасаси вновь пришли в этот музей, но уже в сопровождении аспирантки Сахалинского государственного университета А. С. Акимовой, которая согласилась стать нашим переводчиком. Благодаря А. С. Акимовой нам разрешили делать фотографии в музее (12 сентября мы не получили такого разрешения), а также мы смогли понять разъяснения научного сотрудника музея Ирины Артуровны Настиной. У нас не получилось поговорить о содержании чеховских произведений, но мы смогли узнать, какова была роль А. П. Чехова на Сахалине, а также получить общее представление о том, как жили люди в то время.

Произведения А. П. Чехова я исследую во многих моих работах, изданных в Японии.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАРЛА ЛАНДСБЕРГА В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассказывается об одном из знаменитых сахалинских каторжников Карле Ландсберге, приводятся цитаты о Ландсберге из наследия русских писателей второй половины XIX – начала XX века (Гаршина, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Станюковича, Дорошевича и др.). Наиболее полную характеристику преступления Ландсберга, вызвавшего широкую полемику в среде русских литераторов, и пребывания преступника на сахалинской каторге, дал Дорошевич, посвятив бывшему гвардейскому офицеру два обстоятельных очерка.

Ключевые слова: Карл Ландсберг, Сахалин, каторга, преступление, Достоевский, Гаршин, Салтыков-Щедрин, Чехов, Станюкович, Дорошевич, «Остров Сахалин».

KARL LANDSBERG'S CRIME IN RUSSIAN LITERATURE

The article informs about one of the famous Sakhalin convicts Karl Landsberg (a former guard's officer). There is also a number of quotations about Landsberg cited by Russian writers of the second half of the XIX-th – the beginning of the XX-th centuries (Garshin, Dostoevsky, Saltykov-Shchedrin, Chekhov, Stanukovich, Doroshevich etc.). The most detailed description of Landsberg's crime that aroused great debate among Russian literary men had been given by Doroshevich in two of his essays.

Key words: Karl Landsberg, Sakhalin, hard labor, crime, Garshin, Dostoevsky, Saltykov-Shchedrin, Chekhov, Stanukovich, Doroshevich, "Sakhalin Islandi".

О преступлении гвардейского офицера элитного саперного батальона армии Александра II Карла Ландсберга (1853–1909) в 1879 году сообщалось в российских газетах разного формата: от столичной до провинциальной периодики. Накануне свадьбы с Марией Тотлебен (1859–1905), одной из девяти дочерей знаменитого инженера-генерала, автора научных работ по военным сооружениям Эдуарда Тотлебена (1818–1884), гвардейский офицер попадает в долговую кабалу. Желая выйти из затруднительной ситуации, молодой человек совершает двойное убийство. Он жестоко расправляется со своим петербургским кредитором, надворным советником в отставке Егором Власовым, и прислугой, ставшей свидетельницей преступления, пожилой женщиной Александрой Семенидовой. Общее содержание и детали убийства как будто бы взяты из художественной литературы.

Первая аналогия, которая возникает в связи с именем Ландсберга, это, конечно же, «Преступление и наказание» (1866) Федора Достоевского (1821–1881). Сценарий убийства из-за денег был повторен в реальной жизни через тринадцать лет после появления хрестоматийной книги Достоевского. При этом интересно следующее. О Ландсберге, лишенном всех прав состояния и получившем пятнадцать лет каторги в рудниках, и его судебном деле (весьма шумном, неоднозначном и полемичном) упоминали в своем наследии многие русские писатели. Однако почти никто из литераторов не решился обстоятельно

описать и воплотить в художественном или художественно-публицистическом формате страшное преступление, основным участником которого был подававший большие надежды на военном поприще и в светской карьере Ландсберг. Но круг русских авторов, которые в тех или иных эпизодах своего эпистолярного наследия обращались к фигуре Ландсберга, и, вероятно, могли бы использовать историю молодого человека для сюжетов своих книг, внушителен. Приведем некоторые из наиболее интересных высказываний и философско-литературных обобщений.

Разумеется, что прежде других на преступление Ландсберга должен был обратить внимание Достоевский. И действительно, в письме к Елене Штакеншнейдер (1936–1897) от 15 июня 1879 года обнаруживаем такую цитату: «Читаю газеты и изумляюсь ежедневно все более и более. Подкопы в губерниях под банки, Ландсберги и проч. и проч. Ну вот опишите, например, Ландсберга, которого преступление считают столь невероятным, что приписывают его помешательству. Опишите – и закричат: невероятно, клевета, болезненное настроение и прочее и прочее. Болезнь и болезненное настроение лежат в корне самого нашего общества, и на того, кто сумеет это заметить и указать, – общее негодование»¹.

Эта выдержка из письма практически полностью объясняет невозможность русского писателя (а вместе с ним и других русских авторов) воспроизвести историю Ландсберга в литературе. Обыватели считали преступление гвардей-

¹ Достоевский, Ф. М. Полное собр. соч. : в 30 т. Публицистика и письма / Ф. М. Достоевский. – Т. 13. – Письма 1878–1881. – Л., 1988. – С. 72.

ского офицера крайне невероятным, потому и готовы были предписать молодому человеку умопомешательство или затмение рассудка. В противном случае следовало бы признать духовную болезнь всего общества, увидеть в каждом человеке ту или иную часть эмоциональных порывов Ландсберга, готового ради собственного благополучия пойти на насилие над другими людьми. Вероятно, что поэтому Достоевский и не взялся столь обстоятельно за историю о Ландсберге. К тому же концепция писателя об убийстве, возможном раскаянии преступника и возрождении к новой жизни уже были описаны в романе «Преступление и наказание». Примечательно, что в письме к Штакеншнейдер Достоевский упоминает о работе над шестой книгой романа «Братья Карамазовы» (1879–1880). Именно в одном из эпизодов этого произведения (в его четвертой части) писатель упоминает о гвардейском офицере.

Прокурор Ипполит Кириллович, обвиняющий Дмитрия Карамазова в убийстве отца, в свою эмоционально насыщенную речь вставляет несколько случаев о разрушении основ нравственности у российской молодежи и, в частности, приводит следующую историю: «Молодой блестящий офицер высшего общества, едва начинающий свою жизнь и карьеру, подло, в тиши, безо всякого угрызения совести, зарезывает мелкого чиновника, отчасти бывшего своего благодетеля, и служанку его, чтобы похитить свой долговой документ, а вместе и остальные денежки чиновника: «пригодятся-де для великосветских моих удовольствий и для карьеры моей впереди». Зарезав обоих, уходит, подложив обоим мертвецам под головы подушки»².

Этот фрагмент о Ландсберге, конечно же, был узнаваем многими русскими читателями Достоевского. Это подтверждает и Ипполит Кириллович, когда говорит о том, что подобные преступления хорошо известны русской публике, потому что афишируются газетами. По причине того, что Россия уже неоднократно была сотрясаема жестокими убийствами, Ипполит Кириллович, как писал Достоевский, «искренно верил в виновность подсудимого; не на заказ, не по должности только обвинял его и, взывая к “отмщению”»³, действительно сотрясался желанием “спасти общество”. Убежденность в том, что именно «молодой блестящий офицер» совершил убийство своего «благодетеля» (так называли Власова газетчики) побуждает Ипполита Кирилловича с большими основаниями требовать для Дмитрия Карамазова высокого наказания.

Отдельные цитаты из судебного выступления

литературного персонажа Достоевского частично похожи на речь прокурора Петербургского окружного суда Николая Сабурова (1846–?), официального обвинителя Ландсберга. Вот как выглядит один фрагмент из напечатанного в июльских номерах 1879 года газеты «Голос» выступления на суде прокурора: «...Ландсберг действует весьма осторожно. Он отыскивает ключ, запирает дверь, берет ключ с собой, а предварительно прикрывает трупы подушками. Он не мог нам объяснить, почему он положил на трупы подушки. Но я думаю, небезосновательно предположить, что это сделано с мыслью, что подушки могут всосать в себя обильно текущую кровь и помешать ей просочиться сквозь пол <...> кто же мог заподозрить его в этом страшном преступлении. Кто мог подумать, что блестящий гвардейский офицер способен совершить убийство для ограбления»⁴.

В своем обвинении Сабуров отмечает, что знакомые Ландсберга судят о преступнике только с внешней стороны (подчеркивая положительные качества подсудимого), не зная скрытых, толкающих на убийство сторон характера молодого человека. Как следствие, Ландсберг был обвинен в предумышленном убийстве с заранее обдуманной целью. Что касается защиты Ландсберга (в лице Иосифа Войцеховского, члена адвокатского сословия округа Санкт-Петербургской судебной палаты с 1870 года), то она, напротив, делает акцент на дозволенность самим обществом жить молодым людям не по средствам, не по реальным возможностям, и это определяет роковую последовательность событий (в частности, убийство Семенидовой). В своей речи Иосиф Войцеховский сравнивает муки Ландсберга с «муками Макбета», героя одноименного произведения Уильяма Шекспира (1564–1616). Стремясь к чрезмерной власти, Макбет обагрят свои руки кровью и мучается, преследуемый призраками убитых людей. Тем самым защитник условно проводит сопоставление Ландсберга с литературным персонажем. Позже новым поколением русских литераторов в отношении Ландсберга будут использованы другие художественные аналогии.

А вот еще один пример обращения русского писателя XIX века к имени Ландсберга. Немного позднее, чем это делает Достоевский, о шумевшем деле гвардейского офицера эпизодически вспоминает в своем письме к матери от 12 июля 1879 года Всеволод Гаршин. «Сколько я не видел народа, – пишет знаменитый прозаик и очеркист, – а все возмущены делом Ландсберга. Все ждали казни. И нужно же было выкидывать штуки, выгонять его в отставку, только за-

² Достоевский, Ф. М. *Братья Карамазовы* // Достоевский Ф. М. *Полное собр. соч. : в 30 т. Художественные произведения.* – Т. 15. – Л., 1988. – С. 123–124.

³ Там же. – С. 123.

⁴ *Судебная хроника. Заседание Петербургского окружного суда, дело об отставном прапорщике лейб-гвардии саперного батальона Карла Христофоровича фон Ландсберга, обвиняемого в убийстве надворного советника Власова и мещанки Семенидовой. Продолжение* // *Голос.* – 1879. – № 188.

тем, чтобы не повесить»⁵. Писатель удерживает в своей памяти преступление Ландсберга, суд над которым состоялся довольно быстро: летом 1879 года, спустя несколько недель после убийства. Результаты наказания гвардейского офицера, судя по письмам Достоевского и Гаршина, живо обсуждались в первой половине июля 1879 года.

Отголоски такой полемики обнаруживаются и у Михаила Салтыкова-Щедрина (1826–1889) в книге очерков «Круглый год» (1889–1880). Примечательно, что в общем содержании этой работы автор нередко не называет имевших широкий резонанс событий, но предполагает, что эти события могут быть угаданы читателем по разным деталям очеркового действия. Аналогичный прием использован и в части «Первое июня», где содержится детальный разбор личности Ландсберга через его карьерные устремления. «Не знаю почему, – пишет Салтыков-Щедрин, – но при встрече с ним (*имеется ввиду собеседник автора. – отмечено мною. – Е. И.*) мне вдруг вспомнился Ландсберг, которого имя в эту минуту занимало все умы и который тоже тщательно холил свою карьеру»⁶. Ключевым словом в определении того, что толкнуло Ландсберга на преступление, становится слово «карьера» (под которым подразумевалась и блестящая партия в браке, и собственно движение вверх по социальной лестнице).

В другом очерке «Круглого года» Салтыкова-Щедрина, в «Первом августе», вновь возникает имя Ландсберга: «И в то время, как суд карает одного Ландсберга, литература прозревает мириады Ландсбергов, тем более опасных, что к ним невозможно применить ни одного из общепризнанных ярлыков, выработанных отвергнутою моралью»⁷. Писатель говорит о том, что вариантов убийства множество и каждое из них имеет свои чудовищные мотивы, вырабатываемые (оправдываемые) «моралью» преступника.

В статье «Приличествующее объяснение», работа над которой велась одновременно с очерками из «Круглого года», Салтыков-Щедрин также называет имя Ландсберга, считая его (наряду с другими реально существовавшими лицами) одним из типичных персонажей своего времени. «Червонные валеты, Юханцевы, Гулак-Артемовские, Ландсберги, – пишет Салтыков-Щедрин, – вот истинные герои современности, вот те, которым жилось хорошо, которым, по крайней мере, есть чем помянуть прошлое! Правда, что рука прокурора достала их, но разве она достигла каких-нибудь результатов, покарал их? Разве что-нибудь предупредила? Ведь не имена важны, а факты. Что породило эти факты? Откуда эта повсюдная алчность к наслаждениям наиболее

грубого свойства, сопоставленная с повсюдным же равнодушием к общественному делу? Разъяснено ли все это?»⁸

И Достоевский, и Гаршин, и более других Салтыков-Щедрин занимают позицию обвинения, непринятия Ландсберга. Эта позиция во многом совпадает с тем общественным мнением, которое было сформировано в период судебных и послесудебных дискуссий вокруг дальнейшей судьбы преступника. При этом Салтыков-Щедрин пытается вскрыть корни преступления Ландсберга и подобных ему людей.

Не менее интересные и более распространенные упоминания о Ландсберге обнаруживаются в «Острове Сахалин» (1895) Антона Чехова (1860–1904). Чехов, начавший знакомство с Сахалином летом 1890 года с Александровской слободки, в первые дни своего пребывания на каторге волею случая оказывается в доме Ландсберга. В «Острове Сахалин» Ландсберг описан предельно лаконично и сдержанно. На то, видимо, были свои причины. Так, Чехов деликатно ограничивается только тем, что называет начальную букву фамилия Ландсберга, не желая лишней раз напоминать читателям о том, что, вероятно, и спустя годы, доставляло физическое и эмоциональные страдания сахалинскому каторжнику.

В кратком изложении основных тем второй главы «Острова Сахалин» есть эпизод с названием «Обед у г. Л.». Именно в этой части Чехов рассказывает о Ландсберге. Приведем с незначительными купюрами этот отрывок: «В полдень я ходил по слободке. На краю слободки стоит хорошенький домик с палисадником и с медною дощечкой на дверях, а возле домика в одном с ним дворе лавочка. Я зашел купить себе чего-нибудь поесть. «Торговое дело» и «Торгово-комиссионный склад» – так называется эта скромная лавочка в сохранившихся у меня печатном и рукописном прејскурантах – принадлежит ссыльнопоселенцу Л., бывшему гвардейскому офицеру, осужденному лет 12 тому назад Петербургским окружным судом за убийство. Он уже отбыл каторгу и занимается теперь торговлей, исполняет также разные поручения по дорожной и иным частям, получая за это жалованье старшего надзирателя. <...> Пока я разговаривал с приказчиком, в лавочку вошел сам хозяин в шелковой жакетке и в цветном галстуке. Мы познакомились.

– Не будете ли добры отобедать у меня? – предложил он. Я согласился, и мы пошли в дом. Обстановка у него комфортабельная. Венская мебель, цветы, американский аристон и гнущее кресло, на котором Л. качается после обеда»⁹.

Примечательно, что Чехов не оставляет ни

⁵ Гаршин, В. М. Письма / В. М. Гаршин. – М., 1934. – С. 184.

⁶ Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Т. 13. – М., 1972. – С. 469.

⁷ Там же. – С. 509.

⁸ Там же. – С. 628.

⁹ Чехов, А. П. Собр. соч. : в 12 т. / А. П. Чехов. – Т. 10. – М., 1963. – С. 61–63.

единого намека читателям на то, как он сам относится к Ландсбергу. Это отчасти свидетельствует об определенной внутренней готовности Чехова к особому восприятию каторги и людей, попавших на нее. А ведь это только первые дни знакомства писателя с каторжным Сахалином! Впереди перед Чеховым открывались еще более страшные реалии современной и до некоторых моментов незнакомой ему жизни. Хотя, конечно же, эпизод знакомства с Ландсбергом Чехов описывал, уже увидев все тайные и явные стороны островной каторги. Повествовательный тон в этом фрагменте «Острова Сахалин» максимально сдержан. Чехов, избегая субъективных оценок, передает исключительно фактические детали встречи с Ландсбергом, его супругой Ольгой Дитяевой и гостями во время обеда. В «Острове Сахалин» имеются разнообразные эпизодические ссылки на Ландсберга, но все они также носят беспристрастный характер.

О Ландсберге находим упоминания и в других частях наследия Чехова (в письмах, записных книжках, черновых набросках). Однако все эти упоминания не принимают развернутого вида. «У Ландсберга я обедал...»¹⁰, – пишет Чехов издателю Алексею Суворину (1834–1912) 11 сентября 1890 года с парохода «Байкал». Или в другом случае. «Спросить у Сабанеева «Ландсберг на охоте». Быть может, тогда же на охоте, при виде зверских операций, определилось уже будущее Ландсберга»¹¹, – такая лаконичная запись обнаруживается в одной из записных книжек Чехова. Писатель, очевидно, полагал, что известный зоолог, редактор научных журналов Леонид Сабанеев (1844–1898) даст ему более или менее исчерпывающую информацию о природе охотничьих навыков в человеке (ведь охота заведомо построена на убийстве человеком живой части природы), о пристрастии к крови, насилию.

Эти примеры свидетельствуют о том, что Чехов, подобно Достоевскому, Гаршину и Салтыкову-Щедрину, держал в своей памяти образ Ландсберга и, вероятно, мог бы развернуть его в какой-то самостоятельный сюжет. При этом не исключено, что образ Ландсберга дал косвенную возможность реализации чеховского представления о физическом насилии, причинении смерти одним человеком другому. Это можно найти, например, в рассказе «Убийство» (1895), который был написан после возвращения Чехова с Сахалина. Чеховская концепция об убийстве имеет частный характер, писатель не относит убийство к массовому пороку всего общества.

Абсолютно в иной тональности описан Ландсберг Власом Дорошевичем (1865–1922). Дорошевич, оказавшись на сахалинской каторге, разумеется, не мог не встретиться с Ландсбер-

гом. На то его толкало свойственное многим его собратьям по цеху желание удовлетворить любопытство читателей интригующими фактами и другого рода сенсациями. Кроме того, для Сахалина конца XIX века Ландсберг был в действительности знаменательной фигурой, знакомства с ним не мог избежать любой образованный человек, прибывший на Сахалин. Примечательно, что в момент совершения Ландсбергом преступления Дорошевич был еще подростком. Быть может, поэтому, увидевшись с Ландсбергом в конце 1890-х годов, Дорошевич был менее других начитан о знаменитом процессе и в большей степени полагался на собственное внутреннее отношение к человеку, чем на тот типаж, который был когда-то сформирован популярными русскими газетами.

Отчасти этим объясняется и то, что Дорошевич посвятил Ландсбергу несколько своих работ. Наиболее обстоятельный очерк с лаконичным названием «Ландсберг» входит во вторую часть книги Дорошевича «Сахалин (Каторга)» (1903). Пожалуй, Дорошевич был единственным русским литератором, который воспроизводит в своей книге полную историю преступления гвардейского офицера, рассказывает о жизни Ландсберга на каторге, предписывает бывшему гвардейскому офицеру разнообразные, подчас противоречивые субъективные качества.

В самом начале очерка автор настраивает читателя на позитивное восприятие прошедшего каторгу Ландсберга. «Все, – пишет Дорошевич, – что сделано на Сахалине дельного и путного в смысле дорог, устройства поселений, сделано – Ландсбергом. И бог весть, какая бы судьба постигла сахалинскую колонию, если бы в Петербурге не разыгралось трагического *qui pro quo* с «угрозой» ростовщика»¹². Интересно, что Дорошевич, очевидно, намеренно избегает слова «преступление». Он заменяет его на устойчивое книжное выражение на латинском языке «*qui pro quo*» (недоразумение, путаница, приключение, необычайное происшествие). Это же устойчивое выражение звучит и в финале очерка Дорошевича: «Не случись 27 лет тому назад трагического *qui pro quo*, – кто знает, чем был бы теперь Карл Христофорович Ландсберг. Если человек даже на Сахалине – и то сумел выйти в люди»¹³. В этом заключении звучит некоторый оптимизм Дорошевича в отношении того, как человек может «сделать» себя, приспособить к новым условиям.

При изображении общих и частных деталей портрета Ландсберга, волею судьбы сменившего гвардейский мундир на халат каторжанина, Дорошевич столь всесторонне рассматривает героя своего очерка, что создается странное, неоднозначное ощущение того, кто в действи-

¹⁰ Чехов, А. П. *Собр. соч. : в 12 т. / А. П. Чехов. – Т. 11. – М., 1963. – С. 463.*

¹¹ Чехов, А. П. *Собр. соч. : в 12 т. / А. П. Чехов. – Т. 10. – М., 1963. – С. 528.*

¹² Дорошевич, В. М. *Сахалин (Каторга). С иллюстрациями / В. М. Дорошевич. – М., 1903. – С. 79.*

¹³ Там же. – С. 87.

тельности находится перед читателями. Достойный герой, однажды совершивший роковой поступок, преступив законы нравственности? Истинный преступник, бесконечный карьерист, стремящийся даже на каторге занять высокое положение? Преображенный, раскаявшийся человек, осознавший свое злодеяние, но не находящий даже по истечении многих лет душевного и духовного успокоения?

Еще в большее затруднение ставит Дорошевич своих читателей в психологически глубоком и эмоциональном очерке «Герой “Преступления и наказания”» (1909). Эта работа, опубликованная на страницах газеты «Русское слово», посвящена уходу Ландсберга из жизни. В очерке дается несколько купюр о Ландсберге из книги «Сахалин (Каторга)». Одновременно с этим Дорошевич, размышляя на тему «преступления и наказания», выходит за жанровые границы обычной статьи – некролога или близкого ему уведомления о происшествии. Автор столь проникновенно пишет о бывшем сахалинском каторжнике, что вначале создается чувство сопереживания смерти Ландсберга и вместе с тем ощущение личного поиска того, что толкнуло Ландсберга на совершение преступления, что позволило ему выжить в суровых условиях безжалостной каторги.

Вместе с этим в очерке Дорошевич вводит читателя в одно безусловное заблуждение, когда пишет, что история Ландсберга легла в основу романа «Преступление и наказание» Достоевского (к моменту создания этой книги Ландсбергу было всего лишь 13 лет), что именно из Ландсберга Достоевский создал Раскольникова. Не думается, что тем самым Дорошевич обнаруживает незнание времени написания романа и обстоятельств совершения преступления Ландсбергом. Автор поступает так сознательно. История Раскольникова в начале XX века была знакома всем просвещенным читателям. Достоевский убедительно нарисовал, что привело героя к преступлению и каким тяжким эхом откликлось осознание греховности убийства двух людей в душе Раскольникова. Мог ли Дорошевич, пользуясь тем, что «Русское слово» считалось самой востребованной у читателей газетой, сказать что-то точнее и глубже, чем это сделал русский классик? Наверное, не мог. И в этом случае читатели просто столкнулись с мистификацией (газетный этикет позволяет себе иногда такие формы привлечения внимания аудитории).

Одновременно с этим Дорошевичу нельзя отказать в художественном мышлении, он преобразовывает историю Ландсберга сообразно тому, чего ждут от этого обыватели, и в соответствии с тем, что должны знать образованные читатели. В очерке возникают, кроме образа Раскольникова, литературно-философские аллюзии. Так, Дорошевич называет бывшего гвардейского офицера «пушкинским Германном» (по аналогии с героем из «Пиковой дамы» (1834) Александра Пушкина (1799–1837)). Как известно, пушкинский Германн был военным инженером и немцем по происхождению (это почти в точности повторяет детали биографии Ландсберга).

Однажды Германн ставит все свое состояние на очередной кон карточной игры, желая преуспеть в жизни. И Ландсберг, мечтая избежать скандала в своей финансовой несостоятельности, совершает противоестественное деяние, нарушая заведомый сценарий развития событий.

Сравнение Ландсберга с Германном из «Пиковой дамы» не случайно. Пушкинский герой, «блестящий офицер», как и Ландсберг, идет на преступление ради денег. Ландсберг совершает убийство ради будущей жизни. Еще одно неявное сравнение Дорошевича связано с образом «сверхчеловека» (из книги Фридриха Ницше (1844–1900) «Так говорил Заратустра» (1883–1885)). Вводя образы разных героев, Дорошевич может быть и ненамеренно, но показывает, как близки литература и действительность, в каком сложном переплетении может быть то, что написано, и то, что случается в реальной жизни. В этом очерке Дорошевич уже не обращается к описательному «qui pro quo», но использует такие слова, как «одно из наизарание обдуманых убийств», «зрелое, холодное, “головное” убийство». Автор открыто говорит о том, что общество с его установкой на оправданность и справедливость войны (насилия одних людей над другими) порождает людей, подобных Ландсбергу, толкает их на осознание своей правоты и вседозволенности.

По словам Дорошевича, из пушкинского Германна Ландсберг перерождается в Раскольникова (с его «Наполеоном» и «насекомым»). И это не единичные литературные ассоциации. В очерке звучат и слова Гамлета о равнодушии к смерти у могильщика («Привычка сделала его равнодушным»). Фактом смерти Ландсберга Дорошевич пытается показать все «ужасы», «кровавый кошмар» уже прошедших войн, революций, иных локальных конфликтов в мире. И если Достоевский писал о «болезни общества», допускающего преступления, подобные делу Ландсберга, то Дорошевич убежден в том, что эта болезнь приобретает характер эпидемии. Смерть Ландсберга – это очередной повод привлечь внимание общества к вопросам падения нравов, к недопущению вознесения человека над социально несвободными людьми, к предотвращению восприятия жизни «маленьких» людей как ненужной и бесцельной. Дорошевич говорит о том, что должно после войн и революций пройти время затишья и только это может способствовать «вздоржанию» жизни, повышению ее ценности.

Пожалуй, Дорошевич стал единственным русским литератором, всесторонне проанализировавшим причины преступления Ландсберга и его отношение к наказанию каторгой, к испытанию Сахалином в статусе каторжанина, а потом ссыльнопоселенца. В период знакомства с Ландсбергом (и это отчетливо прописывается в книге «Сахалин (Каторга)») Дорошевич не смог до конца понять этого человека (вполне возможно, что тоже произошло и с Чеховым), но, несомненно, что Ландсберг волновал воображение автора очерка. И все эти переживания, длительные осмысления Дорошевич в

полной мере изложил в очерке «Герой “Преступления и наказания”».

Ландсберг – герой литературного формата, но в реальной жизни он – преступник, его сознание основывается на бесконечной вере в собственный ум, в собственную уникальность. По представлению Дорошевича, идя на убийство, гвардейский офицер полагается исключительно на математический расчет, этим же расчетом (верой в свой «ум», верой в себя, в «логику») он пользуется, живя уже в свободном состоянии на Сахалине. В собственно «сахалинском» очерке приводятся следующие слова Ландсберга на вопрос Дорошевича о том, не хочется ли бывшему офицеру вернуться в Россию. «...Должен я с этого острова что-нибудь взять»¹⁴, – говорит Ландсберг своему собеседнику. Эта же мысль, правда, в несколько иной, но довольно близкой к первому варианту формулировке, звучит и в очерке, посвященном смерти Ландсберга: «Карьеру потерял. Сюда попал. Надо хоть из Сахалина пользу извлечь». Эти слова Дорошевич предписывает не самому Ландсбергу, но голосу ума, от которого пребывает в зависимости герой очерка. Финальные части газетной публикации «Герой “Преступления и наказания”» свидетельствуют о том, что «наказание» каторгой не изменило Ландсберга.

Он по-прежнему живет одолеваемый движением собственного ума, и свидетельством этого становятся не только глаза Ландсберга, но и его речь, его внешность, его салонные манеры, его отношение к сахалинским порядкам. «...Он волнуется, тяжело дышит и на лице его написана злость. А когда он говорит о каторжанах, вы чувствуете в его тоне такое презрение, такую ненависть. Он говорит о них, словно о скоте. С этими негодяями не так следует обращаться. Их распустили теперь. Гуманничают»¹⁵, – такой цитатой характеризует Дорошевич Ландсберга.

Достоевский показал один вариант преобразования совершившего преступление человека, этот вариант связан с духовным восприятием мира, с пониманием греховности убийства. Дорошевич демонстрирует иную сторону аналогичной жизни. Ландсберг, как и прежде, полагается исключительно на собственный ум, именно он и помогает бывшему офицеру занять несвойственное другим преступникам положение на острове. Пылливость ума, рассудочное отношение к жизни, попытки извлечь пользу и сделать карьеру даже в условиях каторги становятся ведущими мотивами биографии Ландсберга на Сахалине. И как итог этого: относительно устойчивое положение в среде сахалинских чиновников, умение находить общий язык с каторжанами, собственный, прибыльный бизнес, образованная жена, званые вечера с новыми

музыкальными композициями и прочее. Одно только «но» – смерть собственных детей, «умерших от дифтерита»¹⁶, отсутствие продолжения жизни. Только это вызывает «молчание» Ландсберга, только это он воспринимает «словно наказание»¹⁷.

Кроме того, очерк «Герой “Преступления и наказания”» – это и своеобразный ответ Дорошевича лаконичным упоминаниям о Ландсберге в других печатных изданиях России первого десятилетия XX века. Средства массовой информации не слишком подробно оповещали читателей о событиях прошлого (применительно к преступлению Ландсберга и его мотивам). Так, в газете «Новое время» от 27 (14) апреля 1909 года под рубрикой «Разные известия» сообщалось, что «Ландсбергу Государем Императором дано полное помилование с восстановлением его в дворянском достоинстве и чине. Ландсберг бывший офицер, был сослан за убийство». Никаких иных комментариев, объясняющих восстановление Ландсберга в прежде утраченных правах, в газете не приводится. А на то были свои основания. Имя Ландсберга и детали судебного процесса над ним были памятны многим людям того времени. Но было ли до конца осознано свидетелями прошлого и новыми читателями российских газет деяние Ландсберга?

Своим очерком Дорошевич отвечает на тот вопрос, который намеренно замалчивался во время суда над Ландсбергом и уже более нигде не поднимался. Как известно, еще до начала судебных действий Ландсберг был отправлен в отставку, его поступок «марал честь мундира». Тем самым, по представлению Дорошевича, военное сообщество сняло с себя ответственность за преступление офицера. А между тем на суде были явлены все свидетельства того, что Ландсберг с Власовым вел себя как солдат, стоящий на защите своего будущего, своей безмятежной жизни. Власов покусился на будущее офицера, и тот применил по отношению к своему кредитору приемы исключительно военной тактики. С такой позиции очерк Дорошевича кажется достаточно понятным и объяснимым.

Воспоминания о Ландсберге оставил и Анатолий Кони (1844–1927), который председательствовал в Петербургском окружном суде по делу гвардейского офицера. В собрание сочинений Кони обязательно включается очерк «Ландсберг» (1908), написанный еще при жизни знаменитого каторжника. Но этому очерку хронологически предшествует другая работа Кони, статья «Федор Михайлович Достоевский» (1881), в которой приведен подробный анализ романа «Преступление и наказание». В одной из частей этого очерка, посвященного феномену русского писателя, его умению предугадывать и пред-

¹⁴ Дорошевич, В. М. Сахалин (Каторга). С иллюстрациями / В. М. Дорошевич. – М., 1903. – С. 87.

¹⁵ Там же. – С. 86.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

чувствовать настроения эпохи, Кони восклицает, что преступление Раскольниково имело «мрачное и чуткое предсказание» относительно реальных событий. Рассказывая о появлении в печати первой части «Преступления и наказания» Достоевского, Кони пишет: «Двенадцатого января 1866 г., когда первая часть романа уже была напечатана, но еще не вышла в свет <...>, в Москве студент Данилов зарезал ростовщика и его служанку, а через тринадцать лет то же самое по отношению к своему кредитору и его прислуге совершил молодой и блестящий офицер Ландсберг»¹⁸. Имя Ландсберга знаменитый юрист называет и в других работах, в частности, в книге «На жизненном пути» (1912)¹⁹.

Следует сказать, что процесс Ландсберга для Кони был во многом запоминающимся (об этом можно прочитать в работах историков). Считается, что Кони неоднократно выдерживал обвинения в необъективности ведения судебного действия над Ландсбергом. Знаменитому юристу нередко предписывали особую манеру поведения во время суда. Так, например, Константин Станюкович (1843–1903) в своем фельетоне «Ошалевший читатель и доносы» (1879) приводит следующий эпизод, в котором описывается Кони: «Месяц или два тому назад «Спб. Ведомости» даже на председателя окружного суда смастерили «экивоку» довольно двусмысленную. Описывая процесс Ландсберга, в газете несколько раз подчеркнули, что при допросе свидетеля генерал-адъютанта Кауфмана председатель «откидывался на спинку кресла». Понимаете ли? Всех свидетелей допрашивал, не откидываясь на спинку кресла, а при допросе генерала «откидывался на спинку кресла». Это ли еще не знамение времени?»²⁰.

В действительности, в деле о Ландсберге существовало много недоговоренностей (достаточно упомянуть, что на суде ни разу не было произнесено имя невесты подсудимого, Марии Тотлебен – фрейлины императрицы). И не случайно Михаил Высоков в «Комментарии к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин»» пишет, что «журналистские публикации давали весьма противоречивую, а часто и существенно искаженную информацию»²¹ о Ландсберге. Тем не менее процесс над Ландсбергом был одним из самых заметных судебных действий конца XIX века.

Примечательно, что образ Ландсберга нашел свое литературное воплощение и в первой четверти XXI столетия. В 2012 году был опубликован роман Вячеслава Калининского (род. 1951) «Легионер» (сокращенный вариант книги печатался еще в 2011 году на страницах журнала «Рубеж»).

Жизнь Ландсберга «до» и «после» преступления становится предметом пристального рассмотрения Калининского. Роман «Легионер» – это, пожалуй, единственное художественное произведение, целиком посвященное Ландсбергу. А сам роман назван в честь главного героя, остающегося, невзирая на обстоятельства, всегда воином. Поэтому в книге все иные свидетели эпохи (Чехов, Кони, Александр II, Путилин, Дорошевич и многие др.) только дополняют реконструкцию реального мира, восстанавливают исторические события применительно к судьбе самого Ландсберга.

Калининский создал напряженное сюжетное движение жизни главного героя. Роман «Легионер» очень похож на развернутый сценарий сериала с двумя параллельно развивающимися сюжетными линиями (событиями, происходящими в пышной столице и в ее не слишком удаленных окраинах и каторжной провинции, дорога к которой идет не через Сибирь, а через удивительные заморские страны). В финале романа эти две линии смыкаются в единое целое, в вечный и непрекращающийся круговорот жизни и смерти. Ведущая идея книги (и в этом, вероятно, Калининский состязается с Дорошевичем) состоит в том, что преступить законы нравственной и физической природы может любой из людей (как говорится, «не зарекайся от тюрьмы и от сумы»). Однако выстроить свою дальнейшую жизнь, направленную на созидание нужного и полезного, способны только единицы.

Обрел бы Ландсберг истинную любовь с Марией Тотлебен? Испытал ли счастье отцовства через полную меру страданий, которые выпали не только на его долю, но и на долю его невинной «каторжанской» жены Ольги Дитятевой? Открылся бы ему смысл жизни в важности служения отдельному человеку (как, например, в случае с Василием Печенкиным – одним из второстепенных героев романа) и всей империи (а в период русско-японской войны Ландсберг вновь берется за оружие, защищая теперь уже Сахалин). И, наконец, есть ли оправданные мотивы убийства? Безусловно, убийство – это противоправное деяние, в христианском понимании – это грех. Но как через совершенное преступление не впасть в большее отчаяние духа, не совершить нового злодеяния? Весьма объемный роман Калининского не оканчивается на последней странице, но имеет до некоторой степени открытый финал, так как по сюжету Ландсберг избегает смерти в 1909 году. Неизвестно однако, смыкаются ли исторические и литературные реалии в этом случае. Но ясным остается одно –

¹⁸ Кони, А. Ф. *Избранные произведения : в 2 т. / А. Ф. Кони. – Т. 2. Воспоминания. – М., 1959. – С. 307.*

¹⁹ Кони, А. Ф. *На жизненном пути / А. Ф. Кони. – Т. 1. – СПб., 1912. – С. 77–87.*

²⁰ Станюкович, К. М. *Полное собр. соч. – 2-е изд. / К. М. Станюкович ; под ред. и с биограф. очерком П. В. Быкова и с приложением портрета К. М. Станюковича. – Т. 7. – Кн. 1. – СПб., 1907. – С. 141.*

²¹ Высоков, М. С. *Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск ; Владивосток, 2011. – С. 93.*

граница между фактическим и художественным мирами слишком подвижна, важно не ошибиться в том, где литература перетекает в обычную жизнь, а где наоборот.

Одновременно с этим перед читателями XXI века возникает новая проблема – соизмерение событий далекого прошлого с тем, чем жив современный мир, нередко (как это ни печально) подчиняющийся жестоким каторжным законам.

И в этом случае легендарный образ Ландсберга получает очередное – и собственно литературное, и философское – решение. Через реальную историю Ландсберга и ее литературные проекции в новое время вдумчивые читатели должны открыть вечные грани того, что есть «преступление» и что есть «наказание», над смыслом которых думали многие русские классики – от Достоевского до Дорошевича.

ОТ САХАЛИНСКИХ ЛАЕК К «ДИКОЙ СОБАКЕ ДИНГО» РУВИМА ФРАЕРМАНА

В статье рассказывается об одной из самых известных книг Р. И. Фраермана «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви». Из общего содержания книги анализируются, прежде всего, художественные события, имеющие прямое или косвенное отношение к Сахалину. В частности, рассматривается возможная этимология имени главного героя повести – Фильки Белолубского, описываются эпизоды каюрства на севере острова.

Ключевые слова: Р. И. Фраерман, «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви», Сахалин, гражданская война на Дальнем Востоке, тунгусы.

FROM SAKHALIN HUSKY TO «THE WILD DOG OF THE DINGO» BY RUVIM FRAYERMAN

The article is devoted to one of Frayerman's most known books «The Wild Dog Dingo or a Tale of First Love». Fragments of the book directly or indirectly relating to Sakhalin are first of all analyzed. In particular Particularly, the possible etymology of the main character's name of the story – Filka Belolyubskiy is considered reviewed, kayur (dogman) episodes in the north of the island are also described.

Key words: R. I. Frayerman, "A wild dog of the Dingo, or the Story about the first love", Sakhalin, civil war in the Far East, Tungus.

Нет в нашей стране, пожалуй, человека, которому не известна история «Дикой собаки Динго». Второе название, данное ей автором – «Повесть о первой любви» – обуславливает нескончаемый интерес к этому произведению у молодежной аудитории и определяет книгу как классику российского юношества. Меньшее количество читателей вспомнят в связи с книгой имя ее автора Рувима Исаевича Фраермана (1891–1972), написавшего за свою долгую писательскую биографию много повестей, но известного, пожалуй, прежде всего, благодаря «Дикой собаке Динго». Еще меньшая часть читателей повести проведут параллель самой знаменитой книги писателя с Сахалином, с его историческими событиями. Быть может, на формирование образов главных героев и места событий влияет известный фильм (экранизация состоялась в 1962 году) с одноименным названием. В этом фильме сыграла одну из первых ролей блистательная Народная артистка России Галина Польских. В написании сценария участие автор повести почему-то не принимал. Фильм снимался в Крыму под Феодосией, действие происходит в послевоенный период. Все это переносит историю, описанную в оригинале, далеко от берегов Амурского лимана. Фильм замечательный, очень талантливый, но, как думается, представляет собой самостоятельное произведение «по мотивам оригинала».

Сам Рувим Фраерман описывал в 1939 году время, как создавалась повесть: «Я узнал и полюбил всем сердцем и величественную красоту этого края, и ее бедные, угнетенные при царизме

народы. Особенно я полюбил тунгусов, этих веселых, неутомимых охотников, которые в нужде и бедствиях сумели сохранить в чистоте свою душу, любили тайгу, знали ее законы и вечные законы дружбы человека с человеком. Там-то я наблюдал много примеров дружбы тунгусских мальчиков-подростков с русскими девочками, примеры истинного рыцарства и преданности в дружбе и любви. Там я нашел своего Фильку (один из главных героев повести. – Г. С.). И удивительно, эту книгу я написал быстро и даже с легким сердцем в Солотче, в декабрьские морозы за один месяц. Работал по ночам, выходил ненадолго подышать свежим морозным воздухом, когда ослепительно чистый снег был залит фосфорическим светом полной луны¹».

Представим первоначальный замысел Фраермана, рассмотрим сюжет повести и биографию автора с точки зрения краеведения; попытаемся ответить на вопрос, почему автор так влюблен в природу Дальнего Востока, в образы людей, коренных жителей этих прекрасных мест.

В предисловии к повести автор писал: «Я взял местом действия Дальний Восток, который любил с молодых лет, когда студентом Харьковского технологического института был на практике у берегов Великого океана. Там меня застала революция. Там я вступил в партизанский отряд и сражался с японскими интервентами, которые захватили Приморье.

С этим партизанским отрядом я прошел тысячи километров (я был заместителем командира тов. Холкина по политической части) в непроходимой тайге на оленях. Мы помогали тунгусским стойби-

¹ Фраерман, Р. И. Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви / Р. И. Фраерман. — М., 1986. — С. 6.

щам отстоять и укрепить Советскую власть»².

Речь идет о событиях гражданской войны на Дальнем Востоке (под городом Николаевском-на-Амуре), довольно трагичных, кровавых и мало описанных. Николаевск-на-Амуре в годы гражданской войны являлся столицей Сахалинской области, в которую кроме Удского уезда (Нижний Амур), входил и Северный Сахалин. Руководство областью и областные сахалинские учреждения, естественно, находились там же.

В феврале 1920 года город без боя был занят партизанской армией Якова Ивановича Тряпицына (1897–1920) при нейтральной позиции немногочисленного японского гарнизона. Ничто не предвещало трагедии. Отряд сахалинских партизан под командованием Анатолия Михайловича Фомина (Востокова) по приказу штаба партизанского движения перешел на Северный Сахалин в помощь Александровскому ревкому. Там же А. М. Фомин постановлением Первого съезда Советов был избран командующим войсками Северного Сахалина.

В самом административном центре Сахалинской области Николаевске 11–14 марта 1920 года развернулись трагические события, получившие в исторической литературе название «Николаевский инцидент»³.

После событий начала марта 1920 года вся власть в областном центре перешла в руки «Николаевской коммуны». Довольно независимую партизанскую армию стали приводить в порядок большевики, к которым принадлежал и Рувим Фраерман. Спустя годы он вспоминал: «В то время партизаны не имели сформировавшихся партийных организаций. Кто называл себя большевиком, тот носил на груди красный лоскутик. Называвшие себя анархистами носили черный. Но были и такие, которые считали себя анархокоммунистами, носили красно-черные розетки и кокарды»⁴.

Фраерман вместе с Отто Христиановичем Ауссемом (1875–1929, член военно-революционного штаба Амур-Сахалинского края, заместитель председателя Сахоблисполкома, комиссар промышленности – Г. С.) не с первого раза, но создают парторганизацию большевиков из пяти человек.⁵ Позже Фраерман встал во главе трудовой армии на восстановление Николаевска. Кроме Фраермана, в бюро Труда входил Иван Васильевич Харитонов (1881–1921), учитель с. Рыковского (Кировское), председатель проф-

союза учителей Сахалина, редактор сахалинской газеты «Вестник о. Сахалина», комиссар народного просвещения о. Сахалина, член Сахалинского облнарревкома и делегат в Народное собрание ДВР от Сахалинской области⁶.

Известно, что «Николаевский инцидент» послужил основанием к японской оккупации Северного Сахалина в апреле 1920 года. Только в Александровске и Де-Кастри высадился десант численностью в 20 тысяч японских солдат. Угроза взятия врагом областной столицы была очевидна. И начался дальневосточный «таманский» поход: почти 15 тысяч эвакуированных жителей, среди которых было больше семи тысяч женщин и детей, огромные обозы и трехтысячная армия, прикрывавшая отступавших, двинулись по Амгуни, тайге, марям и болотам в Керби.

Константин Паустовский со слов писателя так описывал этот беспримерный поход: «Фраерман дрался с японцами, голодал, блуждал с отрядом по тайге, и все тело у него под швами гимнастерки было покрыто кровавыми полосами и рубцами – комары прокусывали одежду только на швах, где можно было засунуть тончайшее жало в тесный прокол от иглы»⁷.

В этом тяжелейшем походе (который лег в основу автобиографического очерка «Поход»), растянувшегося на тысячи километров на оленях по непроходимой тайге, Фраерман особенно сдружился с местным коренным народом, который писатель называет тунгусами. Без этих добрых, отзывчивых, самоотверженных людей, великолепно знавших тайгу и способы выживания в ней, вряд ли было бы возможно спасение тысяч мирных жителей.

Рувим Фраерман весной 1920 года был назначен комиссаром партизанского отряда, в задачу которого входила охрана побережья от японских интервентов и установление советской власти среди местного населения – эвенков (старое название – тунгусы), нивхов (гиляки), нанайцев (гольды) и др. Еще в начале XX века в известном энциклопедическом словаре писалось, что тунгусы (эвенки) «в последнее время вместе с русскими появились даже на о-ве Сахалине и на побережье Татарского пролива (близ Де-Кастри)»⁸.

И сегодня эвенки являются одной из малых коренных народностей Севера на Сахалине. В топонимическом словаре С. Гальцева-Безюка обнаруживается и старое самоназвание эвенков в географических названиях – ТУНГУССКОЕ

² Фраерман, Р. И. *Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви* / Р. И. Фраерман. – М., 1986. – С. 6.

³ См. http://www.toz.khv.ru/newspaper/arkhiv/2008_07_03_nikolaevskiy_intsident

⁴ Смоляк, В. Г. *Междоусобица. По следам нижеамурской трагедии* / В. Г. Смоляк. – Хабаровск, 2009. – С. 16.

⁵ Там же. – С. 84.

⁶ *Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917–1925) : сб. документов и материалов.* – Южно-Сахалинск, 1959. – С. 272–273.

⁷ Паустовский, К. Г. *Рувим Фраерман. Литературные портреты* / К. Г. Паустовский // *Собр. соч. : в 8 т.* – Т. 8. – М., 1970. – С. 26–34.

⁸ *Энциклопедический словарь* / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890. – (в пер.) – Т. XXXIV. – 1901. – С. 65.

море (старое название Охотского моря), река Тунгусска в Ногликском районе, река Тунгусская в Углегорском районе, гора Тунгусская и мыс Тунгусский в Охинском районе.⁹

Обращение к тунгусам не случайно. Ведь главным героем «Дикой собаки Динго» Фраермана является нанайский мальчик Филька. Писатель не был этнографом, и ему простительна неточность в образе героя. Меня же окатила теплая волна радости, когда я нашел в тексте повести фамилию Фильки – БЕЛОЛЮБСКИЙ. Так это же фамилия моих хороших знакомых эвенков Белолоубских, живущих в селе Виахту Александровск-Сахалинского района! Действительно, характер моих знакомых полностью соответствует описанию образа Фильки и почти не изменился в сравнении с описанием словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона: «Крайняя подвижность рядом с пылкостью характера, беззаботность, веселость и остроумие, добродушие, сострадательность, мягкосердечие, гостеприимство без расчета и замечательная честность составляют черты, присущие типичному не испорченному цивилизацией Т. (тунгусу – Г. С.)»¹⁰.

Я в волнении позвонил в дом Белолоубских в Виахту. Ответил нынешний глава семьи Александр Спиридонович. Да, конечно, это фамилия не может быть нанайская. Обычные фамилии этого народа Бельды, Ходжер и т. д. БЕЛОЛЮБСКИЕ – это известная эвенкийская фамилия. Эвенки с давних пор обращались в православие, приветствовали русскую культуру. В тех местах на нижнем Амуре (село Херпучи, район им. Полины Осипенко, где воевал Фраерман), откуда родом родители Александра, священники при крещении давали крестникам такую красивую фамилию.

Вышедшая из печати в суровые для страны годы сталинских репрессий и предвоенного напряжения международной обстановки, «Дикая собака Динго» захватывала глубиной лирико-романтического тона в изображении свежести и чистоты первой любви, сложного мира «переходного возраста» – расставания с детством и вступления в мятежный мир юности. Привлекала авторская убежденность в непреходящей ценности простых и естественных человеческих чувств – привязанности к родному дому, семье, природе, верности в любви и дружбе.

Это была пронзительно щемящая сцена, когда девочка увидела на Филькиной груди оставшийся от загара отпечаток слова «ТАНЯ» и стоя, глядя глаза в глаза, сказала:

– Какой же ты маленький, Филька. Ведь это же все сгорит и исчезнет, как только наступит зима и ты наденешь теплую рубашку.

– Но ведь солнце такое сильное! Неужели все исчезнет? Может, что-нибудь останется?

Ты прав, Филька: все не может исчезнуть. Иначе куда же девается наша вечная дружба?

Рассказывая о том, как работало над повестью, Фраерман писал: «...я думал о ней в тревожные предвоенные годы. Мне захотелось подготовить сердца моих юных современников к грядущим жизненным испытаниям. Рассказать им что-то хорошее о том, как много в жизни прекрасного, ради чего можно и нужно пойти на жертвы, на подвиг, на смерть. Показать очарование первых робких встреч, зарождение любви высокой, чистой, готовность умереть за счастье любимого, за товарища, за того, кто рядом с тобой плечом к плечу, за мать свою Отчизну»¹¹.

Чем больше я всматривался в образ героя «Дикой собаки Динго», тем явственнее проступали в нем черты моего знакомого Спиридона Дмитриевича Белолоубского (1915–1996), эвенка из сахалинского села Виахту. Ребенком после нижеамурской трагедии Спиридон с родителями перебрались на Сахалин. Подростком он в 1920-е годы батрачил у купца Дмитрия Прокопьевича Винокурова (1884–1942). С приходом Советской власти на остров получил образование в школе для КМНС и работал в совхозе «Оленевод» бригадиром пастухов. С началом Великой Отечественной войны Спиридон записался добровольцем на фронт. Попал он в разведку Тихоокеанского флота, известный морской пункт связи № 2. Разведчиками командовал герой боев на острове капитан-лейтенант Иван Никитович Тельнов (чьим именем назван поселок на Сахалине). Материалы подразделения все еще находятся под грифом «секретно». Отмечу лишь, что боевые действия для Спиридона Белолоубского начались задолго до 9 августа 1945 года. О том же говорят многочисленные награды Спиридона и знак «Отличный разведчик», хранящиеся в краеведческом музее г. Александровск-Сахалинского.

Подобная биография, вполне возможно, могла стать судьбою главного героя «Дикой собаки Динго» Фильки Белолоубского. А значит, вклад писателя Фраермана в дело подготовки русского юношества к суровым испытаниям предстоящей войны был действительно весомым и очень своевременным.

Героями повести Фраермана являются не только люди. В начале повествования в сюжете описывается, как отец Фильки подарил сыну упряжку настоящих ездовых лаек. Кульминация сюжета также связана с ездовыми лайками, на которых Таня пытается спасти от гибели свою первую любовь Колю.

«Таня любовалась их нарядной упряжкой, обитой сукном и кожей. И султанчики на их головах развевались, подобно белым метелкам повейника.

⁹ Гальцев-Безюк, С. Д. Топонимический словарь Сахалинской области / С. Д. Гальцев-Безюк. – Южно-Сахалинск, 1992. – С. 138.

¹⁰ Энциклопедический словарь : в пер. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890. – Т. XXXIV. – 1901. – С. 65.

¹¹ Фраерман, Р. И. Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви / Р. И. Фраерман. – М., 1986. – С. 6.

– Это богатый подарок, – сказала Таня.

Охотник был рад похвале своей отцовской щедрости, хотя произнесла ее только девочка. Они посидели на нарте, и Таня подержала каюр – длинную палку из ясеня, окованную на конце железом. А собаки все вертелись, налегая на задние ноги, – собирались бежать, тянуть нарту по голой земле. Охотник дал им за усердие юколу, которую достал из мешка»¹².

То, что главные герои знают действительную цену ездовым лайкам, подтверждает мысль, что герои повести, скорее всего, жители Сахалинской области. Ведь эвенки (тунгусы) Сибири пользовались для передвижения в основном оленьими упряжками. Только эвенки Сахалина и Амурского лимана, с давних пор дружно живущие с нивхами (гиляками), знали цену ездовым гиляцким лайкам.¹³ Далеко не каждая семья могла себе позволить купить и содержать упряжку лаек. Обычно кооперировались несколько семей для покупки. В начале XX века каюрство на Сахалине и Нижнем Амуре процветало и являлось солидной статьей дохода. Из Николаевска в Александровск и обратно упряжки сахалинских лаек регулярно возили почту, пассажиров и грузы.

Каюрство как промысел отмечалось и в энциклопедических словарях, и в торговых календарях-проспектах того времени. Были среди каюров и люди уникальных способностей. Один из них – Дмитрий Семенович Гирев (1889–1935) – александровец, сын сахалинской каторжанки. В 1910 году как лучший каюр побережья Татарского пролива он был принят каюром в британскую экспедицию Р. Скотта и с сахалинскими лайками покорял Южный полюс в Антарктиде.

«Девочка ловила форель... Широко открытыми глазами следила она за вечно бегущей водой, силясь представить в своем воображении те неизведанные края, куда и откуда бежала река. Ей хотелось увидеть иные страны, иной мир, например, австралийскую собаку динго».¹⁴

Так начинается повесть Фраермана. А откуда у героини повести Тани Сабанеевой «австралийская грусть», тяга к неизведанным краям? Ответ, я думаю, надо искать в биографии писателя. С 1916 года Рувим Фраерман – студент Харьковского технологического института. В 1917 году для прохождения производственной практики он отправился на Дальний Восток в Николаевск-на-Амуре (тогда центр Сахалинской области). Годом раньше в Николаевск вернулся из Антарктиды кавалер британских наград Дмитрий Семенович Гирев. Д. С. Гирева как участника

столь известных событий на Южном полюсе городское сообщество Николаевска часто приглашало выступать с воспоминаниями в городской Народный дом. Именно на этих выступлениях Фраерман и познакомился со своим сверстником, загорелся мечтой о дальних странствиях, о необыкновенной стране Австралия (где долгие месяцы готовилась антарктическая экспедиция), где водятся дикие звери и ДИКАЯ СОБАКА ДИНГО.

Молодой еще человек Фраерман вспомнил о своих юношеских мечтах, когда писал повесть. И наделил этой красивой мечтой свою главную героиню. В город, где живет Таня Сабанеева со своей мамой, приезжает ее отец со своей новой женой и ее племянником Колей. Таня и Коля познакомились и подружились. При этом Таня открыла для своего друга удивительный мир, где водится дикая собака динго и цветет волшебный цветок саранка. Автор рассказывает об удивительно светлой, чистой и такой пронзительно горькой первой любви.... И мечта у героев должна быть, по его мнению, удивительной.

О том, что мысль писателя стала понятна миллионам читателей, говорят трогательные строки поэта-песенника Николая Добронравова, написанные им на уход из жизни Рувима Исаевича в 1972 году:

Пусть испытают на мужество нас
Люди и звезды.
Добрые ветры и огненный час,
Сказки и проза,
Белые канаты ринга,
Северного неба сталь,
Дикая собака динго –
Первая моя печаль.

Константин Паустовский, описывая творчество автора «Дикой собаки Динго», отмечал: «Книги Фраермана – совсем не краеведческие. Обычно книги по краеведению отличаются излишней описательностью. За чертами быта жителей, за перечислением природных богатств края и всех прочих его особенностей исчезает то, что является главным для познания края – чувство края как целого. Исчезает то особое поэтическое содержание, которое присуще каждой области страны».¹⁵

Перечитывая повесть «Дикая собака Динго», ловлю себя на мысли, что мне все это знакомо, что я уже видел не раз и эту тайгу, и это море, и этих замечательных людей, украшающих своим присутствием наш девственно чистый и прекрасный край, находящийся в единении с природой и являющихся естественной частью той поэзии Фраермана под названием Дальний Восток.

¹² Фраерман, Р. И. Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви / Р. И. Фраерман. – М., 1986. – С. 24.

¹³ Более подробную информацию об уникальном феномене – сахалинских лайках см. в сб.: Сахалинские лайки и не только: краеведческий очерк / сост. Г. Н. Смекалов. – Александровск-Сахалинский, 2010. – 28 с. : ил.

¹⁴ Фраерман, Р. И. Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви / Р. И. Фраерман. – М., 1986. – С. 7.

¹⁵ Паустовский, К. Г. Рувим Фраерман. Литературные портреты // Собр. соч. : в 8 т. – М., 1970. – Т. 8. – С. 29.

КУРИЛЬСКАЯ ТЕМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОПЛОЩЕНИИ ЗОИ ЖУРАВЛЕВОЙ: ПОВЕСТЬ «ОСТРОВИТЯНЕ»

В статье рассматривается художественное своеобразие повести «Островитяне» Зои Журавлевой, известного среди советских читателей 1970–1980-х годов писателя и журналиста. В повести рассказывается о «будничном», незаметном подвиге простых курильчан, которые живут в окружении яростной, необузданной, но прекрасной и богатой природы Курильских островов.

Ключевые слова: Зоя Журавлева, повесть «Островитяне», лирическая повесть, курильская тема.

THE THEME OF THE KURIL ISLANDS IN THE ARTISTIC REALIZATION OF ZOYA ZHURAVLYOVA: THE NARRATIVE «ISLANDERS»

The article deals with an artistic originality of the story “Islanders”, which was written by Zoya Zhuravlyova, a famous soviet writer and journalist in the 1970–1980-s. The story tells about the “daily”, inconspicuous exploits of ordinary Kuril people who live surrounded by fierce, uncontrollable, but beautiful and rich nature of the Kuril Islands.

Key words: Zoya Zhuravlyova, narrative “Islanders”, a lyrical tale, Kuril subject.

Зоя Евгеньевна Журавлева, русский писатель, прозаик, родилась в Ленинграде 20 августа 1935 года и ушла из жизни 26 марта 2011 года в Москве. По образованию – журналист, закончила отделение журналистики Ленинградского университета. Работала в газетах на севере – в Никеле и Мурманске, ездила по стране с биологами, искусствоведами, археологами. В 1966 году журнал «Звезда» опубликовал ее повесть «У меня есть голова». В 1967 году в издательстве «Молодая гвардия» вышел первый сборник повестей «Ключ от Вселенной». Молодого автора заметили. Книга отмечена премией на конкурсе имени Николая Островского. В 1968 году Журавлева стала членом Союза писателей СССР. В ее творческом багаже более 20 повестей для взрослых и детей, среди которых особенно любимые читателями «Путька» (1966), «Премьера состоится» (1969), «Требуется героиня» (1969), «Ожидание» (1976), «Выход из случая» (1981), «Кувырок через голову» (1983), «Роман с героем» (1988), «Сними панцирь» (1987). В своих произведениях Зоя Журавлева стремилась раскрыть душевную глубину, теплоту, радость обретения и боль утраты простых людей, живущих в советской стране, школьников, рабочих, простых женщин и ученых, смотрителей маяка и телеграфисток. Она любила своих героев, потому что они были просто людьми.

В 1988 году в журнале «Нева» был опубликован роман с замечательным названием «Роман с героем – конгруэнтно – роман с собой», один из самых ярких «взрослых» романов, в котором проявился зрелый талант Зои Журавлевой, ее трепетное отношение к Слову и Душе человека.

Во второй половине 1990-х годов Зоя Журавлева стала организатором ряда Международных конференций «Языки науки – языки искусства», которые проходили в Суздале в 1996, 1998, 2002 годах. Любовью к Слову была пронизана вся жизнь Зои Журавлевой. Она обладала исклю-

чительным языковым слухом. Язык стал предметом ее научных интересов. С 1993 года Зоя Журавлева являлась одним из организаторов и активным участником ассоциации «Женщины в науке и образовании», возглавляла редакцию газеты ассоциации «Госпожа удача».

Но широкий читатель все же больше знает Зою Журавлеву как автора доброй, пронизанной лирикой прозы. Бродячая жизнь журналиста, многочисленные экспедиции в российские глубинки позволили писательнице хорошо узнать быт провинции, людей, живущих «далеко от Москвы», постигнуть их простую обыденную жизнь, в которой заключается весь смысл человеческого существования.

Однажды волею судьбы Зоя Журавлева оказалась на Курилах. Результатом этой «экзотической» поездки стала повесть «Островитяне», которая была опубликована в двенадцатом номере журнала «Звезда» в 1973 году.

Действие в произведении происходит на одном из Курильских островов. Герои повести – работники цунами-станции, рыбоперерабатывающего завода, маяка, почты: простые люди, простые отношения. В центре внимания автора – дела житейские, уклад жизни людей, которые живут в согласии с условиями, продиктованными их островной жизнью. Повесть пронизана любовью к этим людям и к Курильским островам, к их фантастической природе. Но как неожиданно отозвались в то время сахалинцы на выход в свет этой замечательной повести! В газете «Советский Сахалин» появилось коллективное письмо-протест, в котором подписавшие его лица утверждали, что в повести «Островитяне» Зои Журавлевой оклеветаны, окарικатурены их родные Курилы. Время все расставляет на свои места. И само письмо и авторы его забыты, а повесть продолжает радовать читателей. Сегодня она вошла в золотой фонд отечественной литературы о Сахалине и Курильских островах.

Повесть соединила в себе художественный вымысел и географический очерк, глубокий лиризм и точность реалистической детали, поэтичность и социальную заостренность.

В центре повествования – история любви Клары Михайловны, начальника узла связи районного центра: как встретила Клара Михайловна своего избранника, как любила, как пережила измену, как с разбитым сердцем и в смятении чувств продолжала жить и работать. Зоя Журавлева по-женски передала судьбу Клары Михайловны: душевно, трогательно. Как, впрочем, и судьбы других персонажей повести. Писательнице, главным образом, хотелось, чтобы читатель почувствовал феномен островной жизни. Жизнь на небольшом острове отличается от жизни не только на материковой части, но и на Сахалине, тоже острове, только «побольше»: «...две недели серых дождей, ветер, меняющий направление каждые полтора часа; крутоверть, пустое и гулкое море, в котором не во что упереться глазом, длинная зима впереди и знакомые, приевшиеся вдруг лица кругом, ни одного нового человека – остров. Вроде не чувствуешь, а все-таки сказывается: у каждого – по-своему»¹. Вот это «у каждого по-своему» и стремилась передать Зоя Журавлева.

Герои ее повести – директор рыбообразного завода Иргушин, почтальон Мария Царапкина, Вера Шеремет, баба Катя Царапкина, Зинаида Шмитько, рыбнадзор Юлий Матвеевич Сидоров, Костька Шеремет, Клара Михайловна и другие – на остров попали из разных уголков страны, прижились здесь, притерлись, срослись и друг с другом, и с островом. Здесь на острове «каждый с какого-то боку свой»². И рисунок островной жизни сплетается из судеб этих простых людей. Сюжет повести лишен линейности, он скорее собран по принципу калейдоскопа: пестрят, складываются в занимательную и завораживающую картину имена, истории жизни, события. Кстати, рассказывая о жизни островитян, Зоя Журавлева как-то очень деликатно касается довольно не простой проблемы островной жизни – «временного жилья»³. «А это на острове часто, – сокрушается баба Катя. – Сколько лет живут, а в квартире все временный дух, словно это гостиница»⁴. И одни действительно уезжают, как, например, герой повести «старый островитянин»⁵ Агеев, а других не отпускают Курилы, хотя в душе у них и теплится мысль, что жизнь на острове – временный эпизод в их жизни. Мысль теплится, а жизнь идет своим чередом на Курильской земле, которая незаметно становится родной, становится малой Родиной.

Курильская земля поразила воображение писательницы своей неукротимой силой, первою силой, неприрученной красотой. Жить на этой земле человеку трудно, порой смертельно опасно, а вот люди живут, работают, любят, создают семьи, рожают детей, ведут хозяйство, не отдавая отчет тому, что вся их жизнь пронизана «житейским героизмом». Очень выразительно звучит реплика одного из персонажей повести бабы Кати Царапкиной, которая при землетрясении, случившемся 1 мая, когда народ собрался на митинг, оберегая внука, ворчит: «Прямо облученный какой-то народ! Будто землетрясений не видали! Вон как напугали ребенка!»⁶. Баба Катя – сторожил острова и на ее памяти и землетрясения, и цунами, унесшие тысячи жизней и закалившие характеры людей.

Природные катаклизмы Зоя Журавлева передала настолько убедительно, что не остается сомнения, что она была свидетелем тех ужасающих картин «возмущения природы», о которых рассказала читателям. По крайней мере, землетрясения: «Директор Иргушин взошел на трибуну, резко взмахнул рукой, звонко сказал: «Товарищи!» И тут же, в глазах Клары Михайловны, сломался, встал косо, поехал куда-то вбок, потерялся из виду. Она ощутила вдруг, как мотнулось под ней крыльцо узла связи, потеряла его ногами, нашла – не там, где ждала, больно стукнувшись подошвами об половицы, боком слетела с крыльца и чудом встала. В расширенных ее зрачках проплыли дрожащие сопки, дрожь шла через них волнами. Потом со всех сторон и снизу, из глубины, настиг ее глухой, нарастающий гул. Солнце разом исчезло, как сморгнулось, хотя туч перед тем не было, и пепельный полумрак, надвигаясь с моря, низко завис над поселком. Спиной она вдруг услышала дощатый треск, не такой, как шел отовсюду гул. А именно – треск. И подумала, что это рушится узел связи, где на дежурстве весь коллектив. Она рванулась к крыльцу, но попала грудью об дерево лиственницу... На секунду Клара Михайловна закрыла глаза. И оглохла. Тишина вдруг стала кругом. Тишина длилась. Давила уши, будто вода, когда глубоко ныряешь, набивалась в рот, как вода. Тишина перехватила дыхание. Клара Михайловна шевельнула губами, как рыба. Силилась крикнуть, но звука не было, тишина будто застряла в горле. «Кончилось, граждане!» – сказал кто-то рядом. И только тут Клара Михайловна поняла – не оглохла, а кончилось. Перестало. Ушло. Отпустило. Земля покорно и твердо снова легла под ноги. Прямо встали сопки. Пепельный полумрак вяло сползал с поселка к морю, и уже выгля-

¹ Журавлева, Зоя. *Островитяне / Зоя Журавлева // Островитяне. Повести.* – Л. : Сов. писатель. – 1981. – С. 75.

² Там же. – С. 182.

³ Там же. – С. 45.

⁴ Там же. – С. 45.

⁵ Там же. – С. 193.

⁶ Там же. – С. 28.

нуло солнце, бледное, как омлет. Из окна узла связи, лениво звеня, сыпались на улицу стекла, какие остались»⁷.

Мощь природного явления вызывает у автора очень сильные и неоднозначные ощущения. Землетрясение – это не только страх, не только смятение, не только разрушение, это еще и потрясение от «своеволия природы», которая граничит с «первозданной, дочеловеческой красотой»⁸ земли. У автора рождается восхитительная метафора, которая передает образ природного события, каким его представляет и сама писательница, и на короткий миг ее героиня. Сказочный сильный своенравный необузданный строптивый конь в непокорном страстном движении – вот что видится автору в стихии природы. «Тут поперек ей, наперерез и к горам, всхрапывая, пронесся конь из детской сказки, давно забытой. Но она узнала его: сказочный конь. Ноги его были высоки, пружинно напряжены, грива стояла вверх резко, морда была трагически вытянута, и ярко летел сзади хвост, будто отлитый из горячего металла. Первозданную, дочеловеческую какую-то красоту зверя вдруг ощутила в тот миг Клара Михайловна вместо страха. И даже – вместо ответственности за свой коллектив. Но это было один только миг, меньше мига. Она успела еще удивиться – откуда же дикий конь посреди поселка?»⁹. Возвышенность образа Зоя Журавлева сдобрила юмором, который вообще характерен автору и в повести встречается довольно часто. Сказочным конем оказалась директорская кобыла Пакля, но это ни сколько не «убило потрясенности» в Кларе Михайловне: «С тех пор она дважды видела коня во сне, как увидела его тогда. Яростно яркий, летел он по ветру мимо нее во сне, высоко неся гордое, оскаленное лицо и распластав по ветру твердый, как из металла, хвост»¹⁰.

Страх перед мощью природы люди лечат смехом, «у взрослого населения приключалась вроде разрядка с истерическим весельем»¹¹. «Тут с подоконника райбольницы подала голос древняя старуха Царапкина, бабыкатина мать, глухая, как печка, но пронзительная до жизни старуха. Над ней тоже выкрошилось из рамы стекло, и стена дала трещину сзади палаты. Но не это беспокоило старуху Царапкину, это все она пропустила мимо. А тут подала такой голос: «Чего прекратили праздник, а, бабы? Затмение, что ли?!» Медперсонал, который уже очнулся, покотился со смеху. Другим повторили, кто не расслышал. И такой хохот поднялся перед узлом связи, себя не слышно»¹². Если смешно, значит, жизнь идет своим чередом, все в порядке, обычный ход жизни не нарушен. «Еще пару раз встряхнуло в тот день. Но это уж так, чтоб было

не скучно. Последний толчок даже придвинул, сколько мог, обратно инютинский сарай, откинутый первым, настоящим, почти на полметра от дома. Сарай, сбитый на совость, сбегал туда-обратно и весь остался цел, только потерял одну стенку, которая была раньше – дом. Из сарая рванули во все стороны куры и свиньи. Хряк Борька, страстный производитель, пробежал поселок насквозь и залег в прошлогодней ботве на школьном участке, будто дикий кабан, врвался в землю, едва подняли. С того дня как производитель потерял свою силу, свял духом при полном физическом здравии. Только старый рыжий петух сидел в сарае сиднем, на несушкином месте, и ворочал налитыми глазами, даже клынул в палец Варвару Инютину, Симкину мать и свою хозяйку. Все же согнав петуха, Варвара Инютина нашла вдруг под ним яйцо, очень крупное и в большой грязи, – значит, старый петух от потрясения снесся. Как женщина и без того мистического склада ума, Варвара сразу в это поверила. А была, конечно, проделка Костыки Шеремета – без него уж не обошлось, успел подложить»¹³.

Люди смеются, потому что все минуло, все обошлось, дело привычное, житейское. Ну, на крыл страх с головой, да и отступил, попугала природа, да и успокоилась. Но есть такие моменты в жизни курильчан, когда не до смеха, когда жизнь измеряется мгновениями, когда смерть наступает безжалостно и необратимо, когда сердце цепенеет, если приходится вспоминать о случившемся. Это цунами, которое произошло на Курилах 24 октября 1952 года. Картину цунами Зоя Журавлева рисует в свойственной ей манере: точность, практически документальность событий, подробная детализация, при сдержанной цветовой гамме яркость и выразительность изображения, психологическая напряженность. И как результат художественных подходов к изображению стихии автор добивается исключительной достоверности тех картин, которые изображает в повести. Память о цунами живет в сознании тех, кто пережил его и остался в живых. Люди хранят воспоминания, порой на уровне подсознания. Пережитое стало частью их, изменило отношение к жизни, изменило порой саму жизнь. Вот глухая прабабка, бабакатина мама: «К глухоте прабабка привыкла, сжилась с нею и, кроме того, гордится ею, как боевым ранением. Эта глухота выделяет ее среди других старух острова, не переживавших варчуганского цунами пятьдесят второго года. Их не выбрасывало из собственной постели на случайную крышу, они не носились в волнах и гремящей тьме, вцепившись в крышу леденеющими руками, их не швыряло на каменистую сопку и не искали потом вертолета-

⁷ Журавлева, Зоя. Указ. соч. – С. 27–28.

⁸ Там же. – С. 27.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. – С. 29.

¹² Там же.

¹³ Там же.

ми. Другие старухи седили постепенно, не враз. Другие старухи на острове, как и везде, боятся смерти, жалуются на внуков, глотают таблетки, нервничают по мелочам. Прабабка *конец света уже видела (выделено мною – Т. Ш.)*, через это прошла. Она не боится, не жалуется и не нервничает, поэтому живет свое с удовольствием¹⁴. Прабабка часто ночами в поминальной молитве перебирает имена тех, кого она знала и кто погиб при цунами, вспоминает «оборванные морем судьбы»¹⁵. Для островитян и море, и чайки, и морские водоросли, все, что любят курильчане, все, к чему прикипело сердце, в одно мгновение может стать враждебным: «враждебна черная скала за спиной, из которой, как кровь, сочатся ржавые капли, отвесно виснут, срываются вниз»; «пряди морской капусты – как чьи-то погибшие волосы»; «море отступает нарочно, с кошачьей плавностью, чтобы вернуться грозно, обрушиться ревом на несговорчивую землю»¹⁶. Волна, которая стерла с лица земли поселок Усть-Галей, унесла жизни многих курильчан и навсегда оставила зарубки на памяти тех, кто пережил цунами. Прабабка время от времени среди ночи пытается спасти правнука, «молча и быстро вскакивает из-под одеяла, босая шлепает прямо к Ивану, тащит его из кровати слабыми руками», «белая голова прабабки трясется, глаза смотрят не видя и широко, вся она – худая, маленькая, в широкой сорочке с вышивкой – кажется незнакомо чужой, страшной», «говорит быстро, как в забытьи: «Море ушло, слышу – ушло море»¹⁷. Море уходит далеко за горизонт перед тем, как обрушиться на берег сокрушительной волной. Страшные слова: «Море ушло». И хотя море сейчас «лежит в своих берегах»¹⁸, но все же не по себе героям повести от бреда старухи, «в такие минуты становится тревожно и зыбко», и дом, в котором живут герои, «словно и не дом вовсе, а лодка-плоскодонка в морской толчее, на стыке ветров и течений»¹⁹.

Но природа Курил обладает не только разрушительной силой, она полна красоты, жизненной энергии, гармонии. Зоя Журавлева постаралась максимально передать все грани, все оттенки Курильской природы, очарование Курильских островов. В прямом смысле с первых слов она погружает читателей в поэзию естественной островной жизни. «Деревянный тротуар, проседающий в лужи, впадает, кажется, в море. А море – это весь горизонт, и шуршание его в берег – местная тишина. Низенькие заборы надставлены рыболовной сетью, зеленой, в мелкую ячею, такой же моются в бане – вместо мочалки.

Вокруг цветочных газонов, где они есть, воткнуты в песок для красоты гофрированные блюдца морского гребешка, раковины. На тусклых крышах оранжево блестят крабы. На стенах домов, в деревянных распялках, краснеют брюшки горбуши, спинки ее. Но горбуша уже прошла, теперь идет кета»²⁰. Море и все, что с ним связано, определяет жизненный уклад островитян. И, прежде всего, это лосось, который в изобилии приходит к Курильским берегам в период нереста.

Завораживает картина хода лосося, написанная очень живописно, сочно и не без юмора: «Вода в реке Змейке <...> уже по-осеннему тяжела. И в середине она кажется выше, будто речка вспухла и выпучилась. Кетовые хвосты колыхаются в ней, как листья, серо-желто-зеленые. Страхолюдные – в лохмотьях и пятнах, с оторванной губой, горбоносые – кетины высоко выскакивают из реки, ловят страшным ртом воздух и плюхаются назад, звонко ударяясь об воду. Но обратно не попадают, там все забито – в воде. И кетины боком, по спинам других, счастливых, взбивая плавниками брызги, как крыльями, прыгают сверху реки, поперек ее, сколько хватит сил, выжимают друг друга на берег.

Аспидно-черные вороны, гортанно крича, будто лая, выклеивают живой рыбе глаза. Чайки, откормленные, громадные, как индюки, каким-то чудом держатся в воздухе. И орут под собственной тяжестью. Бурая кобыла Пакля, брезгливо расталкивая носом кету и отмахиваясь ушами от чаячьих воплей, пьет из Змейки возле спуска к висячему мосту»²¹. Не раз в повести Зоя Журавлева обращается к этому яркому необычному явлению – нересту лососевых. Она находит выразительнейшие оттенки для передачи невероятной картины хода рыбы: «...хорошо было видно, как подходят косяки к берегу. Море начинает искриться, все – до горизонта – во всплесках хвостов, колыхаться живой волной, будто прогибаться под тяжестью»²². А вот изображение нерестилища: «Вода вокруг пенится рыбой, горбыли, оскалив зубастые рты, выскакивают вверх, мучительно взбивают песок хвостом, зарывая икру в бугры. Боком, бессильно, влчаться в воде плоские – уже без икры – самки. Тут же шныряет хищная форель – мальма, охотится за икрой. Горбыли защищают икру, как львы, – специально для этого дела отрастают в них страшные, не рыбы зубы... А дышать нечем на нерестилище. Тяжелый сероводородный дух стоит над живой водой, и птицы орут, как сумасшедшие, – вороны, чайки»²³. Автор с максимальной точностью и художественным азартом

¹⁴ Журавлева, Зоя. Указ. соч. – С. 38.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. – С. 41–42.

¹⁷ Там же. – С. 38–39.

¹⁸ Там же. – С. 40.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. – С. 3.

²¹ Там же. – С. 4.

²² Там же. – С. 69.

²³ Там же. – С. 62.

рисует захватывающую своей зрелищностью картину нереста. Но, увлеченно рассказывая об этом чуде природы, не обошла Зоя Журавлева и такого, тесно связанного с ходом рыбы, факта, как браконьерство. И в этом вопросе она предельно деликатна. С пониманием и в какой-то мере с сочувствием к жителям острова и рыбнадзору Юлию Сидорову изображает она сцены браконьерства. «Юлию оставалось, конечно, ловить граждан, которые нарушают правила лова. Но и тут Иргушин был прав: на острове... браконьерство было незлостное, для себя. Если говорить честно, вред от этого браконьерства был невелик, хоть инструкция – естественно – нарушалась. А рыбы порой шло столько, что она буквально давила сама себя в Змейке. После дождя и очередного разлива берега речки выглядели, как после великой рыбьей битвы, усеянные телами павших ратников. И вороны исполняли роль коршунов, крики их были над берегами как уродливый смех. Рыбу брали тогда открыто, если кто хотел, хоть все равно такой инструкции не было – чтобы брать. Юлий в такое время не мог решить для себя, что же он должен делать – по совести и по должности. Запрещать людям? Накладывать на них штраф по всем правилам? Либо будто не замечать, вовсе не появляться на Змейке? Но тогда – какая же от него работа: прямое небрежение обязанностями, а зарплата идет...»²⁴. Не каждый год наблюдается на острове изобилие рыбы, раз в три-четыре года. Но если случается, то рыбу таскают из воды «сачками, корзинами, ведрами, просто – руками»²⁵. Зоя Журавлева стала свидетелем «урожайного года», когда «рыбу кидали в вездеходы, везли в сопки, чтобы медведи потом не подходили близко к поселку, сваливали там в ямы. Огороды удобряли в то лето кетой да горбушей»²⁶. Это тогда происходило, когда рыба уже никуда не годилась, потому что «вся рыбья масса, какая сбивалась в Змейке в хорошее лето, все равно не могла подняться до нерестилищ, сама себе создавала замор... Река начинала гнить заживо... Но рыба в устье еще свежа, серебриста, так и называется – серебрянка. Самое время бы тут ее, лишнюю для реки, брать – солить, коптить, вялить, нарезать

ломтиками и запекать целиком. Но никто не берет, поскольку мощность приемного пункта в поселке – всего триста центнеров, один ставной невод. Но кто же это, умный, решил – такую мощность на такой остров...»²⁷. Вот так, как бы между прочим, невзначай, писательница касается очень актуальной для советской страны «периода застоя» проблемы: тотальный дефицит, в том числе и рыбных продуктов, в смычке с тотальным расточительством природных ресурсов. «Такую ценность, кету, горбушу, днем с огнем ведь в других местах хвоста не найдешь, а тут – в огороды, вместо дерьма, в лесные ямы на медвежью радость»²⁸ – звучит для 1980-х годов почти крамольно.

Курильчане живут во власти двух стихий. Первая, конечно, море, а вторая – сопки. «Всюду кругом, где не море, топорщатся сопки. Над ними уперся в небо вулкан, но аккуратный конус его далеко, километров за сорок, и вроде бездействующий. Никто от него не видел ничего плохого, но никто на него и не лазил, доверху. Сопки вокруг непроходимо заросли лиственницей, березой, бамбуком, горькой местной вишней, ядовитой лианой сумахом, всякой – пожухлой уже – травой»²⁹. «Четкие сопки», красные от рябины, видны из окон домов; в сопки бегут люди, спасаясь от цунами; на сопке расположилась цунами-станция; в сопках охотятся. Сопки, «первобытно-заросшие, дикие»³⁰ провожают тех, кто уезжает с острова, навсегда, не прижившись среди их природной «дикости».

Зоя Журавлева рассказала и о курильских лечебных горячих ключах; и о Лебяжьем озере, на котором летом налетают черные лебеди; и о ловле крабов; и об островных воронах, сильно отличающихся от материковских и размерами, и умом; об островной дичи, которую «хоть с крыльца стреляй», и о мощных снежных зимних циклонах. Обо всем написала Зоя Журавлева, не упустив ни одной мелочи, ни одной черточки в жизнеописании Курил и курильчан. Небольшая повесть неожиданно превращается в своеобразную энциклопедию, в которой можно найти практически все о жизни на одном из островов Курильской гряды, а значит, и на островах Сахалинской области вообще.

²⁴ Журавлева, Зоя. Указ. соч. – С. 68.

²⁵ Там же. – С. 69.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. – С. 68–69.

²⁸ Там же. – С. 69.

²⁹ Там же. – С. 4.

³⁰ Там же. – С. 193.

ФОЛЬКЛОР САХАЛИНА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье показано, как через произведения устного народного творчества, через богатую тематику и содержание краеведческих фольклорных жанров закладываются основы духовно-нравственной личности подрастающего поколения.

Ключевые слова: духовный кризис, нравственные ценности, моральный аспект фольклорных текстов, фольклорные произведения сахалинцев.

FOLKLORE OF NATIVE LAND AS A MEANS OF SPIRITUAL AND MORAL PERSONALITY'S FORMATION

The article describes the foundations of a moral and spiritual personality of the growing generation are laid down through the folklore, diverse subject area and the contents of local history folklore genres.

Key words: spiritual crisis, moral values, moral aspects of the folklore texts, folklore of Sakhalin.

В последнее время все большее число прогрессивно-мыслящих людей связывают различные проблемы современного мира с отсутствием в нем духовности, потерей нравственных ценностей, жизненных ориентиров. Наступившую эпоху (конец XX – первое десятилетие XXI века) называют эпохой разброда и шатаний, хаотических поисков, нового и явного нигилизма. Это время – время сокрушений традиций, массового отхода от тех ценностей, которыми человечество руководствовалось на протяжении многих предыдущих веков, время духовного кризиса и духовного вакуума.

Прозвучавшие полтора века назад слова Ф. М. Достоевского «Бога нет, значит, все дозволено» по иронии судьбы стали руководством к действию для многих людей, понимающих только один мотив: собственную практическую выгоду.

Когда духовность в обществе поглощается материальным, особую значимость приобретает проблема воспитания нравственной устойчивости, то есть способности сформировать и отстаивать свою позицию. Насколько важно обладать таким духовным «иммунитетом» в жизни, учащиеся еще не могут понять, это придет с порой взросления и проблемой нравственного выбора. Тем более подросткам непонятно, какую роль в этом может играть духовное наследие и фольклор, в частности. Фольклор – богатейший источник побудительно-нравственных, интеллектуальных, эстетических чувств.

Обратимся к нескольким фольклорным жанрам, например, к сказке. У каждого народа свои сказки, и все они описывают от поколения к поколению основные нравственные ценности и сохраняют их: добро, дружбу, взаимопомощь, трудолюбие. Сказки показывают жизнь человека в обществе, особенности взаимоотношений между людьми. Передача нравственного поведения в них происходит не через абстрактные понятия, а через действия реальных героев. В сказках рассказывается, что трудолюбие вознаграждается («Крошечка-Хаврошечка», «Царев-

на-лягушка»), дружба помогает победить зло («Зимовье зверей»), зло наказуемо («Кот, петух и лиса»), а добро и миролюбие побеждают насилие («Волк и семеро козлят»).

Привыкнув к сказкам, ребенок усваивает и еще один фольклорный жанр: загадку. Функция загадок не сводится лишь к развитию сообразительности ребенка. Они обобщают нормы народной морали, вызывают размышления о том, что прежде всего ценится в человеке: трудолюбие, стремление к знаниям, любовь к природе, к родному краю.

На уроке по теме «Загадки» в начальной школе уместно предложить следующий краеведческий материал, включающий в себе небольшие загадки.

– Первый слог – восклицание, второй достоин порицания, а в целом, на севере острова обитает и жителей тех мест греет и питает (Олень);

– Какой поселок Сахалинской области летает? (Сокол);

– Город на юге Сахалина, название которого состоит из пяти букв, три из которых гласные? (Анива);

– В каком озере Сахалина «вкусная» вода? (озеро Сладкое на севере Сахалина);

– На каких базарах ничего нельзя купить? (На птичьих).

Большой и важный материал для духовно-нравственного развития личности дают пословицы и поговорки.

Мудрые пословичные изречения обладают огромными воспитательными возможностями, так как способны воздействовать на чувства, сознание и поведение подрастающего поколения, формировать его нравственную культуру. Будучи ритмически организованными и нередко рифмованными, они легко запоминаются, что делает несколько завуалированным их поучительно-назидательный характер и значительно облегчает достижение определенных целей.

Пословицы не бесстрастно повествуют о жизни, общественных отношениях, труде и поведе-

нии человека, а дают им четкие отрицательные или положительные характеристики, утверждая или критикуя, восхваляя или осмеивая.

Отмечая силу эмоций, выраженных в пословицах, В. И. Даль писал, что пословицы – «это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселье, горе и утешение в лицах»¹.

О чем бы ни говорилось в пословице, о редком случае или о закономерности, нравственный идеал остается неизменным – жизнь, построенная «на основании Добра, Истины и Красоты»².

Пословицы служат воспитанию положительных идеалов. Например, патриотизм описывается в таких выражениях: *Далека сахалинская земля, да нас видят из Кремля; У сахалинцев есть нефть, уголь каменный и характер пламенный.*

О правдивости свидетельствует другая пословица: *Кто за правду горой, тот сахалинский герой.*

Морской фольклор помогает ярче воспроизводить картины жизни и быта людей рыбацкого труда, отражает моменты, связанные с трудовыми процессами. Вот примеры «сахалинских» пословиц: *У рыбака закон такой: люби работу всей душой; Много леса нарубил, за это орден получил; В каждом деле нужна смекалка, а в рыбацком и подавно.*

Моральный аспект фольклорного материала позволяет учителю провести краткую беседу с учениками на темы: «Какие нравственные качества ценились на все времена и считаются общечеловеческими ценностями?», «Почему нравственность необходима для развития человеческого общества, цивилизации в целом?», «Какой поучительный смысл содержат народные изречения?», «Присуща ли совесть как нравственное свойство личности всем людям?».

В качестве устного источника могут выступать и рассказы сахалинцев, в памяти которых сохранились сведения о событиях советского периода истории. Хранителями таких сведений являются непосредственные участники Великой Отечественной войны. Запись таких рассказов, создание фонотеки – звуковой или текстовой летописи своего края для последующих поколений – является одной из задач краеведения, вполне посильной для школьников.

Интересно, что на Сахалине и сегодня живут топонимические предания, связанные с определенными городами, озерами, сопками, вулканами и водопадами. Вот как, например, выглядит легенда о «происхождении» острова.

Над землей летел хозяин тайги и осматривал свои владения. Но куда ни посмотрит – все пусто, безжизненно. И решил он тогда землю оживить. Была у него корзина с сокровищами. Стал он их разбрасывать направо, налево, че-

рез себя. По одному, по два камешка, чтобы всем хватило. И увидел он впереди море-океан, а в середине – остров. А в корзине совсем пусто, одни крошки остались, погоревал-погоревал, да делать нечего: собрал крошки в ладонь, да и высыпал, как попало. И потекли чистые реки, выросли угольные горы, в море плавали рыбы, а в лесах было много зверей. И стал остров богатым краем...

А вот легенда о заливе Анива.

На берегу жил юноша, красивый, сильный и ловкий. Все у него было: и меха, и юкола, и дом. Не было только красивой жены. Однажды юноша заплыл в лодке к другому берегу и там услышал пение девушки. И он понял, что это та, кого он ищет. И пошел юноша к ее отцу, и просил отдать ее ему в жены. Назначили срок – три лунных месяца. Юноша возвращался домой и пел от счастья. Услышал его морской владыка и пожелал отнять у него любимую. Морской владыка поднял страшный ветер. Наводнение смыло все вокруг. Люди ушли в горы, но и туда пришла беда. Беда угрожала девушке, которая не хотела стать женой ненавистного Морского владыки. Она сошла в море и стала уходить от берега все дальше. И пела сквозь слезы. И от ее пения утихали стихии, и море становилось спокойней. А юноша кричал любимой: «Я иду, слышишь, я иду!» Все жители поселка вышли встречать смелого юношу. Они говорили: «Он пришел один! (то есть без помощи шамана). С тех пор в заливе всегда спокойно и не бывает штормов, и люди называли залив Анива, что означает «Он пришел!»

Озеро Тунайча, что, по-видимому, означает водоем, связан с легендой о том, как красавица Тунайча, свадьбу которой расстроил шаман, бросилась со скалы и разбилась. Влюбленный юноша пролил много слез о ней – из них и образовалось озеро. А из волос Тунайчи возникли многие речные протоки.

Отголоски других легенд приводятся в книге К. М. Браславца «История в названиях на карте Сахалинской области» (1983). В фильме «Остров Сахалин» (автор фильма – Саида Медведева, 2009) используется красивая легенда, близкая по сюжету классическим литературным конфликтам: потерпевшие кораблекрушение голландские моряки добрались до суши. Один из героев влюбился в красавицу Мерею. Она ответила ему взаимностью. Но вскоре ее избранник вынужден был вернуться с командой домой. Мерея ждала его, не старилась и не теряла красоту. Но настал срок, и она превратилась в речку... Великая любовь способна останавливать время.

Озера, реки, водоемы, образовавшиеся из

¹ Даль, В. И. *Пословицы русского народа* : в 2 т. / В. И. Даль. – М. : Худож. лит., 1984. – Т. 1. – С. 18.

² Шуркова, Н. Е. *Воспитание: Новый взгляд с позиции культуры* / Н. Е. Шуркова. – М., 1997. – С. 14.

слез любимых – устойчивая часть сюжета топонимических преданий.

Учебные занятия с применением краеведческих фольклорных жанров позволяют учителю добиваться органической связи обучения и мыслительной деятельности учащихся. В процессе знакомства с краеведческим фольклорным материалом ученики развивают свою речь, воспитывают в себе духовно-нравственные качества. На занятиях формируется нравственная личность, это понятие включает в себя следующее:

- нравственные чувства (совесть, долг, ответственность, гражданственность, патриотизм);

- нравственные позиции (различие добра и зла, готовность к преодолению жизненных испытаний);

- нравственное поведение (готовность служить людям, отечеству).

Роль учителя в этом творческом процессе велика и ответственна. От него зависит, найдут ли его уроки воспитания фольклором нравственный и эстетический отклик у школьников. Сможет ли он выполнить эту образовательно-воспитательную задачу? Да, сможет, но только в том случае, если обладает достаточным уровнем компетенции и духовности. Если у него, для себя лично, есть ответ на вопрос «Зачем фольклор современному человеку?» И главное, есть ли внутренняя и профессиональная потребность разделить это понимание с учениками. Такой подход обеспечит достижение поставленной цели, а фольклор имеет для этого неограниченные возможности. В нем заложен большой нравственный потенциал, который помогает учащимся:

- глубже понять свое предназначение в профессии, семье, обществе;

- найти путь к своему подлинному «Я»;

- жить, следуя своей природе, а не заимствованиями;

- внутренне приобщиться к национальной духовной традиции и воспитать чувство толерантности к традиционной культуре других народов.

И в заключение хочется напомнить слова К. Д. Ушинского: «Влияние духовно-нравственное составляет главную задачу воспитания».

Литература

1. Аникин, В. П. Теория фольклора: курс лекций / В. П. Аникин. – М. : изд-во «Университет. Книжный дом», 2007. – 408 с.

2. Браславец, К. М. История в названиях на карте Сахалинской области / К. М. Браславец. – Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное изд-во, 1983. – 144 с.

3. Ильин, А. И. Духовный смысл сказки / Ильин, И. А. // Одинокий художник. – М., 1993. – С. 230.

4. Парошина, Р. А. Духовно-нравственное становление современного молодого человека как социально-педагогическая проблема / Р. А. Парошина // Будущее молодежи в Сибири: молодежная политика и образование. Исследования, опыт, рекомендации : материалы научно-практической конференции. – Красноярск : РИО КГПУ, 2004. – С. 312–330.

5. Шестун, Е. Основные проблемы современного образования / Е. Шестун. – URL : <http://www.samaraorthodoxy.ru>.

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ: О ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ САХАЛИНА

В статье рассказывается о писателях Сахалина, в частности, освещаются отдельные эпизоды творчества членов Союза писателей СССР (России): Николая Максимова, Анатолия Ткаченко, Олега Кузнецова, Владимира Санги, Анатолия Тоболяка; описывается сахалинский период творческой биографии Анатолия Кима и ряда писателей с временной «пропиской» в сахалинской литературе второй половины XX века, как, например, Александра Яковлева. Поколение собственно сахалинских писателей конца XX – начала XXI века представлено именами Владимира Семенчика, Сергея Чевгуна, Сергея Яна, Виктории Василенко, Ирины Левитес, Ольги Олоу, Александра Морева.

Ключевые слова: проза писателей Сахалина, Николай Максимов, Анатолий Ткаченко, Олег Кузнецов, Владимир Санги, Анатолий Тоболяк, Владимир Семенчик, Сергей Чевгун, Сергей Ян, Виктория Василенко, Ирина Левитес, Ольга Олоу, Александр Морев.

THE SIGNS OF TIME: ABOUT PROSE OF SAKHALIN WRITERS

The article informs about Sakhalin writers. Particularly it offers look at some periods of literary work of USSR Writers' Union members such as Nikolay Maximov, Anatoliy Tkachenko, Oleg Kuznetsov, Vladimir Sangi, Anatoliy Tobolyak. There is information about literary work biography of Anatoliy Kim and some other authors of the second part of the XX-th century such as Alexandra Yakovleva during their life in Sakhalin. The article also deals with Sakhalin writers of the end of the XX-th and the beginning of the XXI-st century, for example, Vladimir Semenchik, Sergey Chevgun, Sergey Yan, Victoria Vasilenko, Irina Levites, Olga Olou, Alexander Morev.

Key words: prose of Sakhalin writers, Nikolay Maximov, Anatoliy Tkachenko, Oleg Kuznetsov, Vladimir Sangi, Anatoliy Tobolyak, Vladimir Semenchik, Sergey Chevgun, Sergey Yan, Victoria Vasilenko, Irina Levites, Olga Olou, Alexander Morev.

«Если внимательно и долго прислушиваться, то, Боже мой, как далека здешняя жизнь от России! Начиная с балыка из кеты, которым закусывают здесь водку, и кончая разговорами, во всем чувствуется что-то свое собственное, не русское. <...> не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами...».¹ Этими словами Чехов удивительно точно нарисовал внутренний и внешний облик человека, жившего сто с лишним лет назад на Дальнем Востоке, человека, запертого в каторжных казармах Сахалина, отошедшего от жизни в России, забывшего предков своих и оставившего родину свою. Первый настоящий писатель, посетивший Сахалин, перепись населения которого впервые публикуется только в наши дни. Какими глазами глядел он на остров, на эту отравленную смрадную жизнь? Кто видел и помнит тот взгляд, о котором мы лишь смутно можем догадываться в нашем не столь отдаленном настоящем? С него ли началась литература Сахалина? За Чеховым на Сахалин пришло немало количество писателей, журналистов, мореплавателей, путешественников, ученых, которых интересовали уклад и обычаи катор-

ги, местного населения (айнов, нивхов, уильта, эвенков и прочих), иноземцев... Среди них можно назвать Власа Дорошевича, Чарльза Хоуза, Риндзо Мамию, Бронислава Пилсудского, Льва Штернберга. Каждый из перечисленных и неназванных дополнял общую картину жизни Сахалина и Курильских островов, создавал этот непослушный, дикий, почти первобытный облик. И не только каторга становилась предметом изучения, но и фольклор, культура и язык коренных народов, способность к социальному сожителству между разными национальностями, укладами, мировоззрениями, характерами. В то время, как Сахалин был запретной темой для разговоров в России, Чарльз Хоуз – известный британский антрополог – пишет в 1901 году свой отчет (в целомто – книгу «На Восточной окраине») о научных исследованиях среди коренных народностей и каторжников Сахалина и заметки о путешествиях в Корею, Сибирь и Маньчжурию с иллюстрациями и картами. В этой книге он представляет картины будней каторги, «слывущей в России самой жестокой пенитенциарной структурой, само упоминание о которой в Санкт-Петербурге считается нежелательным». В 2003 году эта книга-отчет была переведена на русский язык, и наш читатель впервые смог увидеть эти записки.

В чеховские же времена создавалась и другая книга. Автором ее стал Альфред Кейзерлинг, ко-

¹ Чехов, А. П. *Остров Сахалин (из путевых записок)* / А. П. Чехов. – Владивосток – Южно-Сахалинск, 2010. – С. 14.

торый служил при канцелярии начальника Приамурского края барона Корфа. По поручению г-на Корфа он изучал быт и нравы коренного населения Дальнего Востока, от Бурятии до Командорских островов; сопровождал наследника российского престола, когда тот возвращался из путешествия в Японию; был градоначальником Царского Села в канун революции... В 1937 году на немецком языке вышла его книга «Воспоминания о русской службе», записанная с его слов родственником фон Грюневальдом. Его правнук Карл Экштайн нашел в себе силы и мужество издать эту книгу в России на русском же языке.

Все эти книги – своего рода документальные свидетельства о жизни Дальнего Востока – вряд ли могут считаться памятниками художественной литературы. Но без этого обращения к первым книгам о Сахалине вряд ли будет понятно стремление многих писателей, ставших сахалинскими или родившихся на острове, прочувствовать, проникнуться духом этой скалистой земли, площадь которой превосходит в два раза площадь Германии и иных европейских государств. Первые сахалинские писатели ставили перед собой задачи особой важности – сформировать, вырастить на Сахалине хоть какой-то культурный пласт, который укрыл бы и согрел эти холодные и дикие земли. Особенно чутким в этой связи оказалось сердце поэта, но не остались в стороне и прозаики, авторы, которые ставили перед собой самые разнообразные творческие задачи, соотнося их с определенным временем, идеями и, конечно же, индивидуальностью собственного восприятия этого загадочного островного мира, его духовное освоение и приобщение к массиву русской (советской) культуры.

Из дня сегодняшнего легче определить основные этапы, которые прошла в своем становлении литературная жизнь Сахалина. Можно говорить о ее рождении в 1940-х годах, о ее развитии в 1950–1960 годах, даже о ее процветании в 1970–1980, о периоде затишья в разрушительно-созидательных 1990-х и о новом подъеме уже в начале 2000-х. Итого более 60-ти лет. Но цифра эта более чем условная, поскольку связана лишь с единичными проявлениями писательской деятельности. Только в 1967 году создается Сахалинская писательская организация, в которую вошли пять членов Союза писателей СССР, поэты и прозаики – Иван Белоусов, Николай Максимов, Евгений Лебков, Ким Цын Сон и Владимир Санги. В этом же году выходит в свет первый литературный сборник «Сахалин».

Каждый сахалинский писатель – это яркая индивидуальность, поскольку на острове писателей мало в принципе (по сравнению с тысячами, проживающими в столице), то и объединяться в группы, кружки, союзы им некогда. Тем четче прослеживается стилистическое своеобразие их творчества, улавливается авторская интонация. Каждый – сам по себе эпоха, стиль и направление. Об этом можно судить по оставленным ими книгам. Кажется, что именно сегодня появился наконец-то шанс обернуться назад и всмотреться в эти, к сожалению, уже ушедшие из жизни лица, а также в лица современников, молодых и

в возрасте, ныне здравствующих и упрямо вспахивающих ниву сахалинской литературы.

Роман Н. И. Максимова «Поиски счастья» выдержал около десяти переизданий еще в СССР и заслужил читательскую любовь. Это удивительно живая, далеко не соцреалистическая история чукчи Тымкара, русского американца Василия Устюгова, англичанина Ройса и многих других представителей евроазиатского и американского континентов. Эта книга о любви и об отваге, о труде и о поиске, о сложной, драматичной судьбе людей, которые в одночасье лишены были родины и вынуждены были самостоятельно устраивать свою жизнь на совершенно неизвестном российском материке. Роман изобилует приметами и деталями времени, что придает ему особую достоверность, позволяет окунуться в атмосферу начала XX века, ощутить настроения людей в предреволюционный период, понять, чем они живут, в чем черпают силы или – как не живут, погружаясь в пучину забвения и собственной никчемности. Конечно, основные герои книги ищут спасения в грядущей революции, конечно, в финале книги летит радостная телеграмма Ленину, но – спишем это на время и на прочие, не всем сегодня понятные вещи. Без подобных напоминаний вряд ли возможно вырвать события, происходящие с героями, из общего контекста эпохи. Что уж поделаешь, если он был таким.

И не случайно чукчи стали главными героями этого повествования. Шесть лет было отдано Чукотке. Максимов трудился учителем, заведующим школой, редактором районной газеты. Именно этот период его жизни позволил ему кропотливо изучить жизнь и язык чукчей, их характеры, природу и нравы этого сурового края.

Написана книга удивительно ярким, сочным языком. Писатель будто включает читателя в событийное полотно книги, поскольку без особых затруднений ты попадаешь в животрепещущий мир тайги, короткого северного лета и продолжительной зимы. Создается впечатление, что книга написана легко и непринужденно, однако в глубинах сознания все-таки даешь себе отчет в том, что это капитальный труд не одного года. Юным читателям, неискушенным жизнью, эта книга покажется неким приключенческим эпосом с наглядной демонстрацией национальных культур и особенностей. Но нужно помнить – эта книга написана человеком, который с жадностью впитывал в себя всю красоту и порой безупречность окружающего мира.

Герои еще одного, бывшего некогда сахалинским, писателя А. С. Ткаченко также приезжают на остров за тем, чтобы испытать себя, что-то доказать самому себе. «Приезжающие на Сахалин с материка быстро становятся особенными. Необъяснимым образом действует на них эта «российская околица». Люди переделывают ее на свой лад, а она, в свою очередь, воспитывает их, закаляет. Море цементирует людскую дружбу. Люди обретают себя и друг друга, как обрели себя в преданности сахалинской земле».

Именно так все и происходит. Вл. Юдин, высказавшийся по поводу книги А. С. Ткаченко «Душа живая», совершенно верно подметил этот механизм преобразования человека в прозе писателя. Невозможно оторваться, невозможно уехать, уйти, исчезнуть с этого острова. Он – всегда за твоей спиной, стоит и прислушивается к голосу твоего сердца, вдыхая в тебя совершенно иную, как правильно заметил Чехов, не российскую жизнь. Здесь все как-то иначе. В рассказе Ткаченко «Волны плещут» иной (не дальневосточный) читатель увидит только экзотику и обычную человеческую историю. Историю юноши, только начинающего жить, и девушки, коренной жительницы-сахалинки. Историю о внезапном знакомстве и столь же внезапной любви, в которой ничто не кажется правдой, и тем не менее все – она. Конечно, только потом юноша с веселой фамилией Корольков узнает, что девушка замужем, и все очарование их первой и единственной встречи ускользнет, словно дымка, сквозь которую он так и не смог ее до конца рассмотреть. А для Моти нет ничего предосудительного в мимолетных отношениях с Корольковым. Она – хозяйка этого острова, все о нем знает, да и о самом Королькове тоже. Она хочет внезапной любви и знает, как ее получить. Но все выглядит невинно, просто и ненадуманно. У этого действия есть свой естественный ход, в результате которого юный, свободный Корольков в течение одного дня становится взрослее. Он успевает пережить большое семейное счастье и вдруг потерять его, не обретая до конца.

Ткаченко, лауреат государственной премии РСФСР, вырос на Амуре и считает эти места своей родиной. На Дальнем Востоке вышли первые книги Ткаченко – сборники стихотворений, рассказов, но первой по-настоящему серьезной публикацией стала книга «Жизнь тревожит», которая была издана в Южно-Сахалинске в 1960 году. Затем последовали «Стланик, туман...» (1964), «Земля среди шторма» (1966), «Был ли ты здесь?» (1969), «Наше короткое лето» (1971) и другие. С тех пор написано немало других произведений, изданы новые книги, уже не связанные с Сахалином и Дальним Востоком. Это и к лучшему, так как писатель не может быть долго прикованным к одному географическому объекту – ему нужны события, биографии, иные горизонты, иначе о чем еще он сможет нам рассказать?

Совершенно иную писательскую стезю выбрал для себя О. П. Кузнецов, автор таких известных исторических романов, как «Возле моря», «И жили люди на краю...», повестей «Лагуна», «Тревожно», «Тишина перед рассветом». Но прежде чем обратиться к исторической и другим «взрослым» темам, Кузнецов написал не один сборник рассказов для детей. Известные юному читателю книги «Быль о седом калане», «Эскадра адмирала Веньки», «Ребята, Тим-

ка потерялся» и другие создают неповторимый мир природы для детей. Однако принадлежность этих книг к определенному читательскому возрасту вовсе не ограничивает круг любителей этих книг. Чаще всего Кузнецов обращается к теме защиты животных, знакомя читателя с редкими экземплярами морских обитателей. Писатель создает своеобразный диалог между каланом и мальчиком Петькой, который не видит в нем зверя, но – друга: «Лохматик осторожно потыкался носом в мешок, понюхал зачем-то Петькин подбородок. Петька, высунув руку, ласково погладил зверя – был он сейчас какой-то кудлатый, наверное, ветер весь его мех перевошил, но все равно серебрился, и в палатке от него даже посветлело. Петька уже не прислушивался к звукам – ничто его не настораживало, – гладил Лохматика и шептал:

– Ложись. Хочешь, в мешок залезай»².

Что же это как не человеческое доверие? И в этом, казалось бы, непритязательном поступке Петьки проявляется гармония и естественная взаимосвязь человека и природы.

В 1946 году Олег Кузнецов приехал на Сахалин. Про людей его поколения говорят, что история вершилась на их глазах – родился в Москве, а зрелость пришла в совершенно противоположной стороне, столь отдаленной от бурлящей литературной жизни столицы. Однако жизнь многообразная, богатая на впечатления и краски предстала перед глазами писателя. Скрупулезное изучение архивных материалов подвигло писателя на создание крупных эпических полотен, в которых была совершена попытка отразить столетие островной жизни. В своих романах Кузнецов подчеркнуто документален, эмоционально сдержан, поскольку главными героями книг выступают не только люди, но и сами события. Эти книги о целых поколениях людей, которые прибывали на Сахалин по своей или чьей-то иной воле и оставались здесь навсегда, уже вырастили здесь не только детей, но и внуков. На страницах книг возникают герои минувшей войны за освобождение Южного Сахалина и Курил. Кроме этого, писатель поднимает проблемы, связанные с коренными народами, живущими на территории островов. «По-шекспировски трагична судьба целого народа – сахалинских айнов, – отмечает историк Владислав Латышев. – Свой горький удел – лишиться родины – они переживали несколько раз. В 1947–1948 годах лишились ее окончательно, когда вместе с японцами были репатрированы, а по сути – депортированы на Хоккайдо. В романе («И жили люди на краю...» – А. С.) философское осмысление судьбы народа заключено в мудрой и красивой легенде старого айна Сетекуроро, которую он рассказал японскому писателю. Теперь же, в наше время, как-то ощутимо становится ясно, что с уходом айнов что-то очень важное навсегда ушло с острова». История Сахалина пе-

² Кузнецов-Дальний, О. П. Быль о седом калане / О. П. Кузнецов-Дальний. – Южно-Сахалинск, 1979. – С. 137.

чальна, но она такова, и ее не изменишь. Как и его природу, которая тоже становится главным героем книг Кузнецова. Она также переживает все беды и радости, которые выпадают на долю островных жителей.

Бесспорно, знание жизни и подручного материала, коим являются для писателя и человеческие судьбы, и исторические факты, и природные картины, – все это помогает автору в его творческой мастерской. Очевидно, что автор старается быть максимально объективным в своем творчестве, но это не ограничивает его системой реалистического метода. В его произведениях есть место и художественному вымыслу, и лирике, и элементам фольклора... Кузнецов остается верным Сахалину в своем творчестве, что подтвердила его новая книга «А стрелки ходят по кругу».

Другой сахалинский писатель родом из Одессы. Родившись у моря, всю свою сознательную жизнь он посвятил ему, правда, уже не теплому южному, а – холодному северному. М. П. Финнов – матрос рыбацкого флота, как любил он себя называть, большую часть своего творчества посвятил морю, его истории, людям, которые ему служат. Выпустив три поэтических сборника, Финнов обратился к прозе. Его повесть «Два лейтенанта» посвящена истории освоения Дальнего Востока и водных пространств вокруг него. В «Двух лейтенантах» очень важен момент человеческой любви к родине, которая сплывает людей разного толка и возрастов. Это повесть о чести, о доблести, о верности, о мужестве. Книга написана с такой исторической достоверностью, что поневоле подумает, будто сам автор был свидетелем этих событий. Конечно же, такой эффект достигается кропотливым сидением в библиотеках и тщательной работой с архивными документами. Но не всегда бывает так, что после всех предварительных работ удается автору написать по-настоящему художественную книгу. Финнову удалось. Его проза неизысканна, но легка для восприятия, язык свободен и прост, но не той ущербной простотой, которая обманывает читателя и подменяет представление о художественности, а той, которая не затрудняет восприятие. Книга заканчивается вдруг, а все-таки ждешь продолжения. Сугубо реалистический взгляд на вещи не мешает автору совместить документализм (очень уж нравился автору язык старинных документов) с литературной речью. В ней нет канцелярского косноязычия, а некоторые повторения – лишь на руку писателю. Своеобразные рефрены (конечно же, это следствие поэтического таланта) создают определенный ритм, весьма динамичный, письма, превращающийся не то в далеко звучащую мелодию города, не то в шум своенравного моря. Все здесь: запахи, звуки, сама жизнь. На берегу, как и положено, шумят деревья, и в воздухе чувствуется пихтовый настой. В море все совершенно иначе. Там другие звуки, другие порядки.

Отдельная тема творчества Финнова – А. П. Чехов и его приезд на Сахалин. Автор создает несколько драматических произведений, которые были поставлены на сцене сахалинского театра – это «На всю жизнь» и пьеса (кстати,

сказать, комедия) – «Кимоно». Но главная его задача – создание книги о возвращении Чехова с острова в Одессу на пароходе Добровольного флота «Петербург». К сожалению, книга вышла в издательстве «Современник» уже после смерти автора. Доподлинно известно, что сам Финнов считал этот труд делом своей жизни.

Особняком в сахалинской литературе стоят произведения таких писателей, как Владимир Санги, Семен Надеин, Василий Чесалин, Райся Агмина и др. Это произведения, которые образуют такое явление, как этнолитература, чьи истоки в фольклоре народов, населяющих Сахалин с давних времен. Основой большинства произведений этих авторов становятся мифы, легенды, настунды, тылгуры, предания, песни, сказания. Эти жанры устного народного творчества питают воображение авторов, которые с достоинством представляют культуру нивхов, айнов, эвенков, уйльта и др. Эти древние народы каждый по-своему высказывают предположения по поводу появления островной земли. Например, у Санги, представителя нивхской культуры, в его книге для детей «Земля нивхов» есть даже отдельное предание о том, как утка (*тотем нивхов. – А. С.*) стала прародительницей не только Сахалина, но и самого этого древнего народа. В литературном творчестве Санги, лауреата государственной премии РСФСР, преобладает национальный колорит, который создается посредством переплетения живого языка культуры нивхов, фольклора этого народа и традиций русской классической прозы. Это нивх, который определяет свое сознание и нивхским, и русским менталитетом. Ему очень важно не столько даже показать, сколько укрепить в сознании русского человека и иных народов, что нивх – это наследник большой и древней культуры, которая, к сожалению, претерпевает большие затруднения в своем существовании. Санги – это подвижник, который и словом и делом старается приобщить читателя к своей литературе, к своему видению, к своему народу. Тонкая ткань его произведений соткана из мельчайших частей языкового орнамента. Автор не увлекается использованием нивхских слов и выражений, а создает сложенный орнамент яркого нивхского слова. Произведения писателя изобилуют характерной для фольклорных текстов символикой, которую автор все-таки старается объяснить, не оставляя читателя наедине с этим неизвестным миром. Автор заботлив и сообщает каждому читателю ровно столько, сколько тот в силах понять. Каждому отведено свое поле для действия и понимания. Кому нужен сюжет – найдет его, кому нужна поэзия прозы – достаточно открыть книгу Санги.

Его герои стараются противостоять разрушению собственного этноса, прилагая все свои силы и умения, чаще всего – традиционные. Автор-повествователь чаще всего избирает для своих книг сказовую манеру, которая зиждется на напевности интонации, на частых повторах, образуя некий словесный орнамент: «Далекие они, горы... Высокие они, горы. Высокие и голубые. Голубые и преголубые. Ветрами и легендами овеяны они. <...> А вон справа от перевала –

плоская гора. Говорят, она потому и плоская, что на самой вершине – большое мирное озеро. Озеро то полно всякой рыбы. Жирные там рыбы, нежные. Каждая порода рыбы раз в год спускается в реки несметными стаями, чтобы нивху было сытно, чтобы нивх заготовил про запас юколы себе и собакам. Заготовил побольше: зима длинная, вьюжная».³ Вот так и создаются легенды Ых-Мифа, острова, плывущего по голубым водам океана. Но не все так просто в жизни этого народа.

«Поселок Ильинск, в котором мы оказались, весь состоял из серых дощатых бараков и старых японских домов весьма невзрачного вида. Улицы были непокрытые, пыльные, по их краям тянулись сточные канавы с вонючей грязной водой. Громадные крысы преспокойно посиживали на берегах этих канавок. Повсюду видны были следы убогой, беспорядочной и безрадостной жизни на заброшенной окраине мира. И только воинский городок с аккуратными рядами крашенных свежей краской казарм, стоявших на окраине поселка, придавал ему некую цивилизованность и, можно сказать, даже нарядность», – таким впервые увидел остров и его поселения А. А. Ким, один из тех писателей, для которых Сахалин стал ненадолго местом жительства и фактом творческой биографии.

Ким приехал на остров в пятидесятых годах, увы, уже прошлого века, вместе с отцом. Чтобы понять, что именно привело семью будущего писателя на Сахалин, перечитайте его книгу воспоминаний «Мое прошлое». Говорить о Киме – это значит потратить время впустую. О нем не говорят, его читают. Наслаждаются его романтическим восприятием жизни, его философией, лирической интонацией его коротких рассказов. Книжки, написанные на Сахалине, – это маленькие полотна, выполненные в стилистике восточной культуры, но с абсолютно русским взглядом на вещи. Его литература не стала, к счастью, отражением жизни корейцев, этой загадочной нации, которая, как и все другие, разбросана по всему свету. Однако наблюдательный глаз Кима не упустил своих собратьев из виду. Вот как он описывает сахалинских корейцев середины 1950-х годов: «Сахалинские корейцы показались мне несколько другими, чем те, которых я встречал на Камчатке. Там в общем-то были несколько забытые, робкие люди, державшиеся в стороне от русских, жившие своей скрытой жизнью. А сахалинские мои соплеменники, в особенности подростки и молодые парни, выглядели вполне независимыми, мало чем отличались от русских парней, одевались щеголевато и всегда по моде: широкие брюки-клевш, хлопавшие на ногах и подметавшие пыль дорог, маленькие кепочки «восьмиклинки» с узеньким козырьком... Иной щеголь выставял в распахнутом вороте рубахи полосатую морскую тельняшку. Словом, не отставала корейская молодежь от моды тех лет».

Его рассказы и повести, вошедшие в книгу «Голубой остров», востребованы читателем не меньше его более поздних вещей (талант развился, окреп и набрал силу), «Белки», «Леса» и последних книг, вышедших совсем недавно. А все потому, что Ким и его проза – это зрение духа, мужественного, деликатного, любящегося и любящего этот мир.

Сахалин обязан Киму хотя бы тем, что автор не забывает о нем, упоминая на страницах книг, переживая заново то время, подарившее ему молчаливого Энти и целый ряд персонажей, которые до сих пор рассказывают читателю о жизни островитян. Жизни, в которой на каждом шагу подстерегает беда. Жизни, в которой много, очень много «собираателей трав». Тихих, молчаливых, проходящих, как будто проскальзывающих, мимо и растворяющихся в дымке океана: «На этом первозданном океанском берегу происходили весьма суровые дела, соответствующие первобытным отношениям. Мой приятель Кешка, по прозвищу Ташкент (он с родителями приехал на Сахалин из Ташкента), рассказал мне под большим секретом, как несколько мальчишек, под руководством Кабаси, шпанистого пацана из поселка, убили какого-то пьяного корейца и закопали его под сопкой в песок. И все это вполне могло быть: Кешка-Ташкент клялся мне, что он говорит правду.

Да, и такое было. Но там же, среди этих серых телогреек лагерного вида, в которые было одето большинство взрослых и детей (они ходили в родительских обносках, закатав для удобства длинные рукава на своих худых, тонких запястьях), среди тяжелой, мрачной матерщины пьяных сезонников и сезонниц прошла и моя самая настоящая первая любовь».

Приютил остров и писателя Александра Яковлева на время прохождения послевузовской практики.

Александр Яковлев – писатель «кимовской стилистики». Кимовской не в смысле неотступного следования ему, а в том, что человека и мир он понимает почти так же, относится к ним с особой кимовской теплотой, даже к самым отпетым, даже если сам с собою не в ладу. У него не так много написано о Сахалине и вовсе не сахалинские вещи поражают глубиной и открытостью писательского взгляда. И какая-то особая, – островом ли воспитанная? – теплота в его прозе. В самых обычных, казалось бы, ситуациях. Каждая его строчка будто подсвечена добром, согревающим читателя, обнадеживающим. Все в рассказах Александра Яковлева очеловечено, все живет этим причудливым ожиданием любви и добра, в конце концов, обретая и то, и другое. С улыбкой и открытым, почти детским лицом.

Иного характера талант у Сергея Чевгуна. Сахалинские читатели знакомы с этим автором по книге «Карманный Патрикеев» и повести пламенных лет «Недоразумение», которая была

³ Санги, В. М. Голубые горы / В. М. Санги // Санги, В. М. Избранное. – Л., 1983. – С. 345–346.

опубликована в литературно-художественном сборнике «Сахалин» в 1990 году. Молодой автор, газетчик, вывел на карте страны еще один административный объект с названием Заугловск. Уже по этим скромным устремлениям становится понятно, что дело мы имеем с личностью незаурядной и обладающей сильным ироническим даром. В Заугловске и прочих ему подобных городах живут герои нашего славного постперестроечного времени. Они – разные, смешные и жалкие, простаки и с характером. Автор лепит пародии на нашу действительность, искусно балансируя на грани между фельетоном и пусть иронической, но все же – художественной прозой. Такое ощущение, что многое автора не устраивает, многое раздражает. Ему интересен именно социальный аспект человеческого бытия, и понятно, что каждый с грехом, но в кого первого бросить камень... Это жгучая, авторитарная проза, в которой Сергей Чевгун все-таки проговаривается про чувства добрые, но занавешивает их своим острым, как бритва, словом.

Как и Сергею Чевгуну, Виктории Василенко, автору сборника рассказов, журналисту, свойственен несколько ироничный взгляд на вещи. Однако есть в ее творческой копилке рассказы, где эта свойственная ей угрюмость и скептичность отступают. Например, «Ангел мой». Вещь глубоко символичная в пику чудовищной реалистичности жизненного уклада главных героев. С первых же строк доверяешься автору и до последних участвуешь в его чудесном, но печальном замысле: «Ангел мой был таким же пухлым и светловолосым, как сам Сидоров. И оба не знали, откуда они появились на свет. Просто однажды возникли – и все. Когда Сидоров впервые раскрыл глаза, он увидел толстого небритого мужика в белой шапочке. Сидоров испугался и заорал. Ангел тоже заорал, только неслышно».⁴ В принципе обычная история – рассказать жизнь человека, но вот как рассказать. Виктория Василенко умеет это делать совершенно отлично от кого бы то ни было. Поскольку и сама она человек, в корне отличающийся от других. Ее истории всегда имеют в подтексте некую социальную проблему, случай невероятный и обычный одновременно. Казалось бы, что необыкновенного в том, что в армии в очередной раз по чьей-то халатности умирает человек? Но из частной новостной информации этот случай превращается в притчу со свойственным ей языком и метафоричностью:

«– Тело вообще-то не очень нужно, – опустил глаза ангел. – Главное душа, любовь, память.

И было видно, что он говорил неправду.

– А чего мне помнить-то, – возразил Сидоров. – Я еще ничего не успел. Мамку жалко, –

нелогично добавил он. И тоненько всхлипнул.

– Эх, – сказал ангел. И больше не сказал ничего. Ангелам не положено вмешиваться в предопределение. Мир не хотел Сидорова, и мир достал его на этом летнем лугу. Зачем ему Сидоров, если любят его всего двое – девочка Оля и мамка. Ангелы не в счет».⁵ И следом логичный для всей этой истории финал: «Ангел Петрова был похож на Петрова – такой же хрупкий и кудрявый...»⁶ Жизнь продолжается, или это еще один виток по спирали? Догадывайся, читатель.

Прозаическим дебютом А. С. Тоболяка стала повесть «История одной любви», опубликованная в журнале «Юность» в 1975 году. Это произведение получило широкий читательский отклик в нашей стране и за рубежом. Отдельными книгами повесть вышла на семи иностранных языках. Она была инсценирована и экранизирована (художественный фильм «Только вдвоем» Свердловской киностудии, 1976), с большим успехом шла на театральных подмостках не только Москвы, но и всей России.

Литературный успех Тоболяк закрепил повестью «Откровенные тетради», которая также появилась на страницах журнала «Юность», а книга с одноименным названием вышла в Дальневосточном книжном издательстве. Вскоре издательство «Советский писатель» познакомило читателей с книгой его повестей «Двое в доме».

На сегодняшний день творчество Тоболяка, члена Союза писателей России, лауреата Сахалинского фонда культуры, стало объектом пристального внимания и изучения. Среди многочисленных оценок можно встретить и такую, что из сугубо реалистической школы Тоболяк вырос в писателя-постмодерниста, о чем свидетельствует его «легкомысленный» роман «Невозможно остановиться». С этим можно было бы согласиться, если бы не особое качество прозы Тоболяка – она всегда оригинальна и свежа, сюжеты тщательно продумываются, в результате чего герои – оживают. Они совершенно неизвестные, либо, напротив – знакомые лица, дети своего времени, эпохи, обстоятельств. Автор, несомненно, играет в своей прозе: со словом, с сюжетом, с судьбой, – но относится к этой игре очень серьезно, ведь, по сути, это и есть его жизнь. «Бог дал ему удивительный талант – “писать буквы”», – отзывается о Тоболяке другой известный сахалинский прозаик Владимир Семенчик. – Так он называл те периоды своей жизни, когда, спрятавшись от людей на месяц-два-три, заполнял очередную пачку бумаги микроскопическим каракулями. Потом этими «буквами» зачитывались миллионы людей.⁷

Проза самого Владимира Семенчика – тоже явление особое. По утверждению критика Павла

⁴ Василенко, В. Ангел мой / В. Василенко // Сахалин : лит.-худож. сб. : проза, поэзия, живопись. – Южно-Сахалинск, 1998. – С. 58.

⁵ Там же. – С. 61–62.

⁶ Там же. – С. 62.

⁷ Семенчик, В. Грешный ангел с бумажными крыльями / Владимир Семенчик // Тоболяк Анатолий. Невозможно остановиться. Избранное. – Южно-Сахалинск, 2011. – С. 548.

Басинского, на Сахалине уже сложилась своеобразная литературная школа, основу которой заложили в том числе А. А. Ким и А. С. Тобояк. Семенчик подтвердил своим творчеством факт ее наличия. Хотя Семенчик – писатель очень самостоятельный. Его журналистский дар нисколько не мешает, а скорее (редкий случай) помогает ему обратить любую самую будничную ситуацию в факт литературы. Легко и иронично смотрят на мир его герои, их не затуманенный буднями и бытом взор обещает настоящее литературное приключение каждому, кто возьмет в руки сборник рассказов «Город на колесах». Правда жизни в них настолько проста и незамысловата, что не остается ничего другого, кроме как прожить ее до конца, вместе с «дядей Лешей», «дядей Сашей» и другими.

Писатель С. Д. Ян стал очевидным открытием в культурной и литературной жизни Сахалинской области. Его книги «Страна отцовских грез», «Сон одинокого облака», «Тени цветов», «Слушая песни дождя» посвящены общечеловеческим вопросам. Истинный писатель всегда находится над проблемами разделения, рассказывая объединяющую историю любви и постижения жизни. Его художественный мир – открыт и прозрачен, обладает особой чистотой и ясностью языка, наполнен драматизмом, который передается через сочетание ярких документальных фактов, лирических отступлений и художественного вымысла. Сила таланта Яна – в соединении большого культурного и бытийного опыта, умело оформленного в слове.

Стремительно вошла в литературную жизнь писатель Ирина Левитес. За несколько лет ею были созданы 12 книг рассказов, повестей, романов. Лауреат премии губернатора, в 2009 году Ирина Левитес стала одним из пяти финалистов премии А. П. Белкина (лучшая повесть года). Автор чувствует слово и относится к нему с уважением. Задушевность повествования и доверительность интонации, мягкий юмор, заложенный практически в каждом произведении, придает еще большую убедительность прозе Ирины Левитес. К тому же ситуации, описанные в них, зачастую не только забавны, но и поучительны.

Жизнь и человек сами по себе интересны писателю. Потому что здесь не существует мелочей. Сочувствие и понимание – первоосновы творческого мировоззрения Ирины Левитес. Как автор она обладает, прежде всего, большой читательской культурой, что находит отражение в ее произведениях. У нее нет желания понравиться, эпатировать публику, а есть острая потребность поговорить о наблевшем: о детях, о семье, о непростых человеческих отношениях, крепнущих или разрушающихся по воле обстоятельств, о любви.

Проза Ирины Левитес практически моментально завоевала внимание читателей со дня выхода ее сборника рассказов «Законы наследственности» (2006). Это не удивительно, потому что читатели почувствовали в этих рассказах настоящую литературу, со своей особой интонацией, ритмом, казалось бы, незамысловатым, но порой неожиданным сюжетом, сочетающимися с высоким эмоциональным накалом, романтическими устремлениями героев.

Новое поколение сахалинских прозаиков представлено именами Ольги Олоу, Александра Морева, авторов, уже имеющих свои дебютные книги. Проза Ольги Олоу – яркая, неожиданная, стремительная – больше напоминает графический рисунок: ничего лишнего, все строго очерчено, каждое слово взвешенно и стоит на своем месте. Рассказы Александра Морева напротив – это крепко сотканное полотно, являющее множество деталей и реалий окружающего человека пространства. Автор пристально всматривается в своего героя – как ты будешь, человек? Что несешь с собой – радость или горе, свет или мрак? Для Александра это принципиально важно не потому, что он делит мир на плохих и хороших, а лишь потому, что надеется – и плохие, и хорошие уберегут этот мир, его целостность, уникальность, бесконечность.

Такова в самых общих чертах картина сахалинской прозы. Без сомнения, скоро ее дополнят новые имена, которые уже сегодня достаточно смело заявляют о себе. И читатели обретут приметы нового времени.

НИКОЛАЙ МАКСИМОВ: «РЯДОВОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ПИСАТЕЛЬ»

В статье рассказывается об эпических и драматических произведениях Н. И. Максимова, с 1961 года проживавшего на Сахалине. В работе анализируется содержание произведений писателя, подробно рассматриваются различные фрагменты и отрывки, публиковавшиеся под разными названиями, но входящими в единое пространство начатых, но недописанных романов.

Ключевые слова: Н. И. Максимов, биография, романы, пьесы, фрагменты незаконченных произведений.

NIKOLAI MAXIMOV: "AN ORDINARY FAR EASTERN WRITER"

The article touches upon the epic and dramatic literary works of N. I. Maximov, who was the resident of Sakhalin since 1961. Analysis of the writer's literary works is presented. A number of fragments and extracts published under different titles are studied in details and they are the essential part of his incomplete novels.

Key words: N. I. Maximov, biography, novels, plays, fragments of incomplete literary works.

Николай Иванович Максимов, «рядовой дальневосточный писатель», как он назвал себя в одном интервью, родился 18 декабря 1911 года в городе Баку, в семье учителя (по другим сведениям, в семье купца). Школу окончил в Кироводске. В 1930 году начал работать учителем начальной школы на Урале, потом учился в автодорожном институте в Тюмени, Москве, работал техником-дорожником в Свердловске. В течение ряда лет Н. И. Максимов учился на заочном отделении Института коммунального хозяйства и в экстернате Свердловского педагогического института на английском и физико-математическом отделениях. После окончания пединститута в 1937 году Н. И. Максимов работал учителем в Свердловске. В 1939 году он покидает благоустроенную квартиру в большом городе и едет на Чукотку, где продолжает педагогическую деятельность сначала простым учителем, потом директором школы.

В это время Н. И. Максимов публикует в газете «Советский Уэлен» свои критические статьи. И после вступления в ряды КПСС в 1942 году по предложению райкома партии становится редактором этой газеты. С этого момента начинается и активная литературная деятельность писателя. Первый свой рассказ «Православная миссия» он публикует в своей газете. Потом этот рассказ станет одной из глав «Грех отца Амвросия» в романе «Поиски счастья» (1952).

С 1945 года Н. И. Максимов живет в Порт-Артуре, где преподает в школе для детей советских военнослужащих. В 1961 году Н. И. Максимов переехал на Сахалин, где стал директором Сахалинского отделения Дальневосточного книжного издательства. Литературная и общественная деятельность писателя была высоко оценена, и в 1982 году Н. И. Максимову присвоили звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

В декабре 2011 года исполнилось 100 лет со дня Н. И. Максимова. Однако юбилей прошел

почти незаметно для сахалинской общественности. Только участники литературного объединения «Лира» посвятили творчеству Н. И. Максимова свое занятие, и ответственный секретарь сахалинской писательской организации, руководитель литературного объединения «Лира» Н. А. Тарасов разместил в интернете посвященные Н. И. Максиму отрывки из собственных мемуаров. Не исключено, что незнание современными читателями творчества Н. И. Максимова может быть объяснено отнесенностью писателя к так называемой литературе социалистического реализма. На фоне постмодернистических произведений книги дальневосточного писателя могут выглядеть немного наивно и старомодно.

Рассмотрим несколько произведений Н. И. Максимова.

В 1940 годы в Порт-Артуре он начал писать свой первый роман «Поиски счастья» о судьбе русских поселенцев Аляски и коренных жителей Чукотки. Действие книги происходит в начале XX века. Герои романа каждый по-своему понимают, что такое счастье. Для потомка русских поселенцев Андрея Устюгова, знающего, что скоро с Аляски исчезнет русский уклад жизни, – это возвращение на родину своих предков, в Россию. Для молодого чукчи Тымкара – это наличие винчестера и шкур, других подарков для забавления своего будущего тестя, отца любимой девушки. Для революционера Кочнева – это всеобщее счастье. Он не может быть счастлив, если несчастны окружающие его люди. Такова главная тематическая линия романа. «Поиски счастья» были закончены в 1952 году. Книга выдвигалась на Сталинскую премию. Но Иосиф Сталин умер, и вопрос о премии оказался нерешенным.

Работая в Хабаровске, Н. И. Максимов написал роман о речниках-дальневосточниках «Шуми, Амур» (1958). Герои этого романа действуют в производственной обстановке, на своих

буксирах, баржах, катерах. Автор сталкивает их и в быту. Так, не сложилась семейная жизнь капитана буксирного катера Андрея Горчакова и его жены Зинаиды Строевой, которая на работе исполняет обязанности начальника парходства. Зарождение любви Андрея и Зинаиды, создание ими семьи описано автором по канонам романтизма. В такой же тональности рассказывается о том, как в 1950 годы знакомились, как дружили, как делали предложения руки и сердца. С точки зрения современного читателя, наивно и неубедительно созданы фрагменты в вагоне поезда, в которых Н. И. Максимов воспроизводит сцену общения Горчакова с попутчиками: экономистом Евгенией, инженером Ксендзицким, фронтовиком Георгием Ивановичем. Доля самолюбования героев и определения ими собственной значимости в глазах попутчиков, конечно же, имеет место. И это естественно, быть может, даже оправдано. Когда собираются незнакомые люди, они стараются произвести друг на друга благоприятное впечатление, так бывает и в наше время. А в те годы так, как это воспроизведено в романе, можно было общаться открыто, без излишнего риска.

Н. И. Максимов является автором нескольких пьес для театра. В сборнике «Сахалин» за 1962 год была опубликована пьеса «Земное тяготение»¹. Право первой постановки авторы предоставили Сахалинскому областному драматическому театру им. А. П. Чехова. Но критикой эта пьеса была встречена недоброжелательно. Глеб Горышин² писал, что при знакомстве с положительным героем Сабуровым возникает недоумение. На протяжении трех актов действующие лица вспоминают его, обращаются за советом, за моральной поддержкой, ставят в пример. Но все это происходит заочно. Сам герой только однажды появляется в пьесе. В прологе он выводит шоферов на дорогу и морально их вдохновляет. К концу пьесы герой умирает. Об этом сообщают по телефону. Критик считал, что зрителям и читателям не нужен «заведомый эталон», вера только настоящим, действующим героям, своими поступками, а не рассказами о них, доказывающим, что они достойны восхищения и подражания.

В пьесе «Земное тяготение» воссоздаются трудовые взаимоотношения людей в автомобильном хозяйстве, в быту, но увлечение деталями приводит к фотографическому натурализму. Герои выглядят плоско, являясь как бы иллюстрациями, носителями одного единственного качества, нужного авторам. И поэтому, на взгляд Глеба Горышина, пьеса не становится художественным открытием.

В сборнике «Наш Сахалин» в 1963 году опубликована пьеса «Двенадцатый час»³. Центральным героем этого произведения Н. И. Максимова становится беспринципный карьерист Храпов, заместитель начальника парходства, мечтающий занять более высокую позицию в своей профессиональной деятельности. Этот герой не гнушается никакими средствами в достижении цели. Положительный же герой, по замыслу автора, должен противостоять Храпову, но такой персонаж только ограничивается размышлениями по поводу происходящих событий, занимается самокопанием.

Теперь, через много лет, как бы ни были схематичны, плакатны, наивны пьесы Н. И. Максимова, современные читатели имеют материал того, каким должно быть отношение к людям труда, кто прежде считался элитой общества (пусть даже провозглашенной). Рабочий человек чувствовал уважительное отношение к своему классу, и, несмотря на недостатки в общественном и экономическом устройстве, жить ему было спокойнее, психологически комфортнее, чем сейчас.

Пьеса Н. И. Максимова «Бунт в океане» создана на сюжетной основе повести «На крутой волне». Интересно, что в свое время повесть издавалась под тем же названием, что и пьеса. В 1966 году Сахалинский областной драматический театр им. А. П. Чехова поставил это драматическое произведение. Капитан траулера «Русь» Иван Степанович Лесной, старый морской волк, отказался выполнить приказ начальника экспедиции Красноярова прекратить из-за плохой погоды промысел и вернуться к берегу. Он, опытный рыбак, считал, что погода не представляет опасности, несмотря на то, что людям тяжело постоянно скалывать лед.

Критика одобрила спектакль. В частности, Б. Владимиров⁴ (под таким псевдонимом работал сахалинский поэт и журналист Владимир Иванович Плотников) писал, что «писатель и постановщик обратились к теме яркой, многоплановой, богатой острыми драматическими ситуациями. Им удалось соединить особенности труда и быта сахалинских рыбаков, конкретность бытовых будней с общественными проблемами воспитания советского человека». Это был образ мыслей людей того времени, когда общественное превалировало над личным, хотя при провозглашении прав человека эти права все же часто попирались. В жизни, скорее, капитан настаивал бы на возвращении судна с задания, а вышестоящее начальство – за продолжение работ в море. Но фантазия автора придала именно такой ход событиям в произведе-

¹ Максимов, Н. *Земное тяготение: пьеса в 3-х актах* / Н. Максимов, Л. Харламова // Сахалин : лит.-худож. сб. — Южно-Сахалинск, 1962. — С. 95–124.

² Горышин, Г. *Рецензия на сб. «Сахалин—1962»* / Г. Горышин // Советский Сахалин. — 1962. — 20 июня. — С. 4.

³ Максимов, Н. *Двенадцатый час : драма в 3-х актах* / Н. Максимов // Наш Сахалин : лит.-худож. сб. — Южно-Сахалинск, 1963. — С. 129–153.

⁴ Владимиров, Б. *Вызываю огонь на себя* / Б. Владимиров // Молодая гвардия. — 1968. — 19 окт. — С. 2–3.

нии. Главный герой пьесы забыл про судьбу СРТ «Севск», «Себеж», «Нахичевань», «Бокситогорск», погибших зимой 1965 года в Баренцевом море. А, может, и не забыл... Псевдооптимизм, присущий произведениям социалистического реализма, проявляет себя и в творчестве Н. И. Максимова.

В очерке о капитане парохода «Саратов» Андрее Ефимовиче Юрьеве «Трудный характер»⁵ герой, размышляя о том, достоин ли он стать коммунистом, вспоминает свои поступки: как высадил пассажира с парохода вплавь (не дал ему шлюпку), не подождал женщину, опаздывающую на пароход, хотя был обязан, ведь пароход опережал график. Думает герой о том, что в меню пароходной столовой отсутствует рыба, хотя пароход идет промысел в богатых рыбой местах. Настоящий коммунист нашел бы выход из всех этих положений и без ущерба для своего авторитета, и без ущерба для людей. И Юрьев делает вывод, что рано ему становиться коммунистом.

Таким же морализаторством, характерным для соцреализма, проникнут рассказ «Первый урок»⁶. Это повествование о том, как капитан парохода «Русь» высадил на безлюдный берег рулевого Игоря Глебова, который был сыном начальника пароходства, за хамское поведение с командой и капитаном. Игорь, конечно, не ожидал, что с ним так поступят. Но старый капитан преподнес молодому повесе урок, который тот запомнил на всю жизнь. В рассказе отец этого невежи, крупный чиновник, был только благодарен капитану за такой смелый поступок.

В новогоднем рассказе «Улыбка тебе одному»⁷ читатели узнают о том, как Люся Морозова, кассир лесопункта «Еловый», пять дней не могла добраться домой. Рискуюя собственной жизнью, она несла в пургу, в буран зарплату лесорубам. Даже конторщик Васька не осилил дороги, вернулся домой. А Люся дошла, привезла деньги на один участок за полчаса до Нового года. И ее светлая улыбка воспринималась одним из лесорубов, словно предназначенной только ему одному. Опять хочется заметить, что подобные рассказы могут принести и вред своим неоправданным оптимизмом. Героизмом одних компенсируется разгильдяйством и недобросовестностью других. Ведь эта девушка очень просто могла погибнуть в непогоду. Сколько таких случаев со счастливым концом могут знать читатели? Немного. Может быть, только этот, описанный Н. И. Максимовым. А вот о погибших людях в пургу можно рассказать намного больше.

В рассказе «Катастрофа»⁸ повествуется о

судьбе пятнадцатилетнего мальчишки, отец и брат которого стали в годы войны полицаями, предателями Родины. Герой сбегает из дома, чтобы не стать таким, как его отец и брат. В результате своей трудовой жизни Никодим становится заслуженным человеком, возглавляет на Дальнем Востоке рыболовецкий колхоз. Но когда открылось, что его родные служили немцам, про заслуги самого Никодима забыли, исключили из партии, хотя и оставили награды. Тяжелое чувство остается после чтения рассказа. Героизм всей жизни человека не смог перевесить на весах истории преступления, к которым человек не имеет никакого отношения. Но «времена не выбирают»...

В последние годы жизни Н. И. Максимов, судя по отрывкам в периодической печати, работал над романом, который, как часто это было у писателя, имел два «рабочих» названия: «На дальних берегах России» и «Сухие грозы». Интересно, что имена главных героев в разных отрывках романа не всегда совпадают, но те ситуации, в которые попадают персонажи Н. И. Максимова, позволяют заключить, что речь идет об одних и тех же действующих лицах.

В газете «Советский Сахалин» за 16 марта 1968 года опубликован отрывок «Бессонная ночь» из романа «На дальних берегах России». Героя этого фрагмента зовут Иван Иванович Строков. Он уезжает на Дальний Восток, подальше от всех, кто его знает, только потому, что когда-то в юности помог вырваться из ссылки сыну несправедливо раскулаченного, отдав ему свои документы. Так стало на земле два Строковых Ивана Ивановича. Чтобы не раскрылась тайна, настоящий Строков, переписывающийся с новым Строковым, и вынужден был уехать прочь от любопытных глаз, рискуя потерять любимую жену Лизу.

В газете «Родная земля» за 14 января 1989 года напечатан отрывок из романа «Сухие грозы» под названием «Побег из ссылки». Герой, здесь он Ярослав Воронцов, показан сначала в детстве, как он работал продавцом воды, батрачил на сенокосе, учился в средней школе, поступал в авиашколу, учился в педагогическом классе, стал учителем и должен был работать в северном селе. Как в дороге к месту учительствования он познакомился с сыном раскулаченного и его семьей, подружился с ним, своим ровесником, и помог вырваться из ссылки с документами на свое имя. Так стало на земле два Ярослава Воронцова. В других изданиях этот сюжет прошел под названием «Освобождение»⁹.

⁵ *Трудный характер : очерк // Сахалин : лит.-худож. сб. — Южно-Сахалинск, 1971. — С. 37–48.*

⁶ *Максимов, Н. Первый урок : рассказ / Н. Максимов // Рыбак Сахалина. — 1986. — 1 февр. — С. 7; Советский Сахалин. — 1971. — 18 дек. — С. 4.*

⁷ *Максимов, Н. Улыбка тебе одному: новогодний рассказ / Н. Максимов // Советский Сахалин. — 1965. — 31 дек. — С. 4.*

⁸ *Максимов, Н. Катастрофа: рассказ / Н. Максимов // Молодая гвардия. — 1987. — 21 нояб. — С. 3; Родная земля. — 1987. — 21 нояб. — С. 3.*

⁹ *Максимов, Н. Освобождение / Н. Максимов // Долинская правда. — 1988. — 19–28 июля. — С. 3; Освобождение // Долинская правда. — 1988. — 2 авг. — С. 3.*

В еще одном фрагменте из ненаписанного романа «Сухие грозы», названном «Ненаписанный портрет», автор рассказывает о девушке-фронтовичке, воевавшей в авиации, учившейся в школе радистов, после войны приехавшей на Сахалин. Звали девушку Ольга, фамилия – Голубева. Судя по всему, это имя возникло не случайно. Ведь Ольга Дмитриевна Голубева – жена писателя, подборки ее военных стихотворений неоднократно печатались на страницах литературно-художественных сборников «Сахалин».

Отрывки из романа, заявленного как «Сухие грозы», печатались на протяжении 1970–1980 годов. Так, в газете «Советский Сахалин» и многих районных газетах публиковался фрагмент под названием «Жизнь без жизни». В нем рассказывалось о корейском юноше, попавшем в кабальную зависимость от хозяина и вынужденного жить в бараке для должников, которых называли «осьминогами». Сам барак называется японским словом «такобея» (такая орфография используется в тексте Н. И. Максимова). Как осьминоги (а слово «так» в переводе японского языка означает «осьминог») в природе в случае необходимости объедают собственные щупальца, так и должники проедают все, что заработали. Годы идут, а незащитные и безропотные люди никак не могут расплатиться с долгом. В

других печатных изданиях этот отрывок назывался «Такобея»¹⁰.

Фрагменты и отрывки писались автором наспех, для выступлений перед читателями при поездках по Сахалинской области, которые были в СССР традиционными и регулярными. Поэтому многие из таких, написанных Н. И. Максимовым вещей, остались лишь набросками неосуществленных замыслов. Слушая выступления Н. И. Максимова на встречах с читателями, Н. А. Тарасов сделал вывод, «что романа не существует, и никакой это не отрывок, а просто – живописный рассказ...». Из этого видно, что Н. И. Максимов легко владел пером, имел богатый жизненный опыт, описывал в своих этюдах большие дела простых людей, так симпатичных ему, рассказывал о заурядных поступках людей, претендующих на неординарность. Судя по необычному сюжету, роман «Жизнь без жизни» должен был стать востребованным читателями. Но он не был закончен. Писатель отвлекался на иные творческие планы. Жизнь Н. И. Максимова оборвалась 15 марта 1993 года.

Многие литературные произведения советской эпохи будут читать только литературоведы и историки литературы, но хочется верить, что хотя бы некоторые рассказы, очерки, повести Н. И. Максимова не оставят равнодушными наших современников и читателей будущих времен.

¹⁰ Максимов Н. Такобея: отрывок из романа / Н. Максимов // Заря коммунизма. – 1988. – 27 февр. – С. 5 ; Родная земля. – 1988. – 23 янв. – С. 3.

МИХАИЛ ФИННОВ КАК ЧЕЛОВЕК ОТКРЫТЫХ ПРОСТРАНСТВ

В статье дается общий обзор творчества сахалинского поэта, прозаика, драматурга, литературного критика М. П. Финнова; предлагается издание полного собрания сочинений; приводятся темы, связанные с изучением творчества этого автора в средних школах Сахалина и Курильских островов. Акцентируется внимание на восприятии путешествия на Сахалин А. П. Чехова в наследии М. П. Финнова.

Ключевые слова: М. П. Финнов, биография, собрание сочинений, чеховская тема, программа по литературному краеведению.

MIKHAIL FINNOV AS A BROAD-MINDED PERSON

The general survey of creative work of Sakhalin poet, prosaic, playwright and literary critic M. P. Finnov is given in the following article. Also you can find the complete set of works and topics connected with the creative work study of this author in secondary schools of Sakhalin and the Kurils. Special attention is focused at the perception of Chekhov's trip to Sakhalin in the heritage of M. P. Finnov.

Key words: M. P. Finnov, biography, collected works, Chekhov's theme, program for literary local history training.

*...И там поэт в единстве с рыболовом
На вахте становился за штурвал,
Под старт волне стремительное слово
В нетронутых глубинах добывал.*

А. Мандрик

В 2012 году исполнилось 75 лет со дня рождения сахалинского поэта, писателя, драматурга, чеховеда Михаила Петровича Финнова. Многие помнят его как поэта моря, который знал не понаслышке это «место осознанного труда».

М. П. Финнов родился 14 мая 1937 года в городе Одессе в семье кадрового военного. Во время Великой Отечественной войны вместе с родителями был эвакуирован на Урал, в город Магнитогорск. В августе 1944 года вернулся в Одессу. С двенадцати лет М. П. Финнов учился в школе военно-музыкантских воспитанников, затем служил воспитанником в полковом оркестре Прикарпатского военного округа. В 1956 году он окончил техникум культурно-просветительных работников и был призван в армию. Служил в Германской демократической республике, там же он начал печатать свои стихи в военных газетах и в коллективном сборнике «Голос солдатского сердца». После демобилизации в 1959 году М. П. Финнов приехал на Сахалин и почти десять лет трудился на рыболовных судах Невельской базы тралового флота. Работая в море матросом, М. П. Финнов продолжал писать стихи. Произведения поэта публиковались на страницах еженедельника «Литературная Россия», в журналах «Дальний Восток», «Советский воин», в сборниках «Сахалин», «Зерна», «Мы – молодая гвардия», «Океанские просторы», в газетах Сахалинской области.

М. П. Финнов был участником Читинского совещания молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в 1964 году и семинара писателей-маринистов во Владивостоке. В 1965 году он заочно

окончил Московский государственный институт культуры. Был спецкором в областной газете «Молодая гвардия», членом редколлегии литературно-художественного сборника «Сахалин», редактором стихотворных сборников сахалинских авторов – членов Союза писателей СССР, писал рецензии на книги. М. П. Финнов закончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР, в 1973 году стал его членом. В середине 1970 годов М. П. Финнов командовал учебной ротой курсантов Невельского мореходного училища. М. П. Финнов стал первым лауреатом Сахалинского фонда культуры, в последние годы руководил секцией прозы в Сахалинской писательской организации.

М. П. Финнов – автор трех поэтических сборников: «Чувство открытого моря» (1966), «Мое рабочее море» (1971), «Охотоморье» (1979). Стихи поэта посвящены морю, рыбакам, их труду, цветам и запахам дальневосточной земли:

Я знаю, как на вахте долгой
По дому моряки грустят...
И это ложь, что в море – дома,
Что на земле моряк – в гостях.
Когда бы так, то путь, что начал
Мой предок, мачту окрыля,
Не завершил с высокой мачты
Нетерпеливый крик: «Земля!»
...Пусть век иной. Гудит локатор,
в ночи антенной шевеля,
все ждем, чтоб штурман, как когда-то,
Вдруг крикнул: «Вижу! Есть земля!»

Поэзия М. П. Финнова получила широкое

признание не только на Сахалине, но и за пределами островной области.

В исторических повестях «Последнее крейсерство» и «Два лейтенанта» М. П. Финнов раскрылся перед читателями как прозаик. В 1983 году в Сахалинском отделении Дальневосточного книжного издательства вышла книга М. П. Финнова «Две повести», а в 1986 году в литературно-художественном сборнике «Сахалин» опубликовано историческое повествование «Российского владения земля». Немало было написано М. П. Финновым и публицистических статей.

Особое место в творчестве М. П. Финнова занимает чеховская тема¹. Ей посвящены повести «Три месяца и три дня» (1983) и «Последний круг» (1984), литературное исследование «Мрачное Онорское дело» (1987), эссе-диалог «Моря Антона Чехова» (1988) и комедия-фарс «Кимоно» (1989). По пьесе М. П. Финнова «На всю жизнь» был поставлен спектакль в Сахалинском областном драматическом театре имени А. П. Чехова. Повесть «Три месяца и три дня» впервые была опубликована в 1980 году в журнале «Дальний Восток». В 1983 году она вошла в сборник «Две повести», а в 1991 году в московском издательстве «Современник» вышла отдельной книгой под названием «Дальняя дорога Антона Чехова».

М. П. Финнов писал и для детей. В репертуаре Сахалинского областного театра кукол есть его пьеса в стихах «Морская сказка», а в литературно-художественном сборнике «Сахалин» за 1971 год в рубрике «Стихи для детей» напечатано его стихотворение от лица мальчика «Кем я буду?».

М. П. Финнова помнят как человека интересного и очень общительного. В то же время для исследовательской работы он искал уединения и находил его на острове Уруп или в таежной избушке в Долинском районе, которую М. П. Финнов окрестил «Простоквашино». Там были написаны пьеса «Кимоно», о пребывании А. П. Чехова на юге Сахалина, а также многие главы исторических повестей «Российского владения земля» и «Дальняя дорога Антона Чехова».

М. П. Финнов был удивительным человеком, мужественным и романтичным, суровым и добродушным, резким, ироничным, даже саркастичным в некоторых суждениях и весело-остроумным. Он был органичен во всем. Как моряк, он знал соленый вкус штормов, суровый рыбацкий быт, умел ценить мужскую дружбу. Как му-

зыкант, он гордо вышагивал во главе духового оркестра Невельского мореходного училища, дирижируя им и солируя на трубе. Как поэт и прозаик, он сделал Охотоморье своим «рабочим морем», не лишая его при этом романтики, и создал интересные художественные произведения, в которых представил образ каторжного Сахалина. Как исследователь, он внес значительный вклад в изучение чеховской страницы в истории острова.

6 апреля 1989 года, едва перешагнув пятидесятилетний рубеж, М. П. Финнов умер на одной из московских улиц, не дойдя до газетного архива Библиотеки имени В. И. Ленина. Похоронен М. П. Финнов в подмосковном городе Обнинске.

Сахалинцы любят и помнят М. П. Финнова. 25 мая 2000 года в городе Невельске состоялось торжественное открытие сквера и памятного знака (барельефа) в честь этого сахалинского писателя. После землетрясения в 2008 году барельеф перенесли на территорию средней общеобразовательной школы № 3 города Невельска, там же планируют восстановить сквер. А. К. Клитин отмечает следующее: «В Долинском районе Сахалинской области в 4,2 км к югу от мыса Сенявина есть шестиметровый водопад, который носит имя «Водопад Финнова». Он падает на литораль Охотского моря двумя потоками, обвивающими не желающий сдаваться каменный выступ»².

Многие творческие планы М. П. Финнова оказались нереализованными. Остались недописанными роман «Перегон», повесть «Инка-сахалинка», историческая повесть о Бошняке, книга о возвращении А. П. Чехова с Сахалина в Одессу...

Как мало еще сделано для того, чтобы М. П. Финнов предстал перед читателями во всей своей психологической сложности и глубине. В свое время бытовало мнение, что у поэта отсутствуют собственно лирические стихи, но нашлись люди, увидевшие лирику; на стихи поэта создано несколько песен.

Е. А. Иконникова и А. А. Сафонова справедливо пишут, что «сегодня многие книги сахалинских поэтов, коллективные сборники стихов являются раритетом: в единичных экземплярах хранятся в частных семейных коллекциях и библиотеках»³. Вместе с этим, на взгляд авторов статьи о сахалинских поэтах XX века, «актуальны и значимы более точная систематизация и своевременное фиксирование исходных данных сборников поэтов, критики и анализа их творче-

¹ См. следующие работы: Иконникова, Е. А. «Чеховский подвиг» в лирике сахалинских поэтов / Е. А. Иконникова, А. А. Сафонова // Краеведческий бюллетень. — 2000. — № 2. — С. 24–35; Шумилова, Т. Е. Чеховская тема в прозе сахалинского писателя Михаила Финнова / Т. Е. Шумилова // XIV Чеховские чтения: сб. науч. ст. — Южно-Сахалинск, 2011. — С. 3–7; и др.

² Клитин, А. К. О водопадах Сахалина и Курильских островов / А. К. Клитин // Вестник Сахалинского музея: ежегодник / Сахалинский областной краеведческий музей; редкол.: Т. П. Роон (гл. ред.) [и др.]. — Южно-Сахалинск, 2008. — № 15. — С. 313.

³ Иконникова, Е. А. «Чеховский подвиг» в лирике сахалинских поэтов / Е. А. Иконникова, А. А. Сафонова // Краеведческий бюллетень. — 2000. — № 2. — С. 34.

ского наследия»⁴. Е. А. Иконникова и А. А. Сафонова считают, что необходимо «повторное переиздание многих произведений поэтов Сахалина, неизвестных современному читателю, исследователю и критику»⁵.

Не так давно возникла инициатива, связанная с тем, что надо издать собрание сочинений М. П. Финнова. Ведь многие его произведения разбросаны по разным источникам, а некоторые ранее и вовсе не публиковались. В собрание сочинений необходимо включить:

– всю драматургию, прозу, поэзию (в том числе наброски из неопубликованного «Таежного дневника»);

– произведения для детей (пьеса, стихи);

– литературные исследования, эссе, рецензии;

– эпистолярное наследие (переписка с Б. П. Репиным, А. И. Алексеевым, В. И. Камеиной, М. В. Теплинским, И. Г. Миромановым).

Изучение творчества М. П. Финнова включено в одну из альтернативных программ, реко-

мендованных для общеобразовательных школ Сахалинской области. При изучении творчества М. П. Финнова рассматриваются следующие темы:

– Романтика моря в поэзии М. П. Финнова. Лирический герой-моряк, труженик, романтик (развитие понятия). Проблемы межличностных отношений в экстремальных условиях оторванности от родного берега (8-й класс);

– Отражение истории освоения дальневосточных земель в творчестве М. П. Финнова (9-й класс).⁶

Творчество М. П. Финнова рассматривается и в курсе подготовки специалистов-филологов Сахалинского государственного университета⁷.

М. П. Финнов является ярким примером проявления настоящего патриотизма по отношению к родному краю. Остался труд его души, его горячего сердца и разума с отшлифованными, словно галька соленой волной, строчками его стихотворений.

⁴ Иконникова, Е. А. «Чеховский подвиг» в лирике сахалинских поэтов / Е. А. Иконникова, А. А. Сафонова // Краеведческий бюллетень. – 2000. – № 2. – С. 35.

⁵ Там же. – С. 35.

⁶ Примерная программа основного общего образования по краеведению / Департамент образования Сахалинской области, Сахалинский областной институт переподготовки и повышения квалификации кадров. – Южно-Сахалинск : изд-во СОИПиПКК, 2006. – С. 19–22.

⁷ Шумилова, Т. Е. Литература Сахалина и о Сахалине в контексте курса «Литературное краеведение» в вузе / Т. Е. Шумилова // Актуальные проблемы школьного и профессионального филологического образования : межвузовский сб. науч.-метод. работ / под ред. Р. В. Якименко. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 149–157.

РАЗДЕЛ 2. САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФЕ

К. ЯМАСИТА,
Япония, г. Токио

ЯПОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О САХАЛИНЕ: КЭНДЗИ МИЯДЗАВА И ФУМИКО ХАЯСИ

В статье рассказывается о путешествии двух японских авторов на Сахалин периода Карафутто. Творческим итогом поездок Кэндзи Миядзавы (в 1923 году) и Фумико Хаяси (в 1934 году) стали разные книги, имеющие высокую популярность в современной Японии. В статье подробно описывается маршрут писателей по Южному Сахалину и отражение знакомства с островными достопримечательностями в художественной литературе.

Ключевые слова: Кэндзи Миядзава, Фумико Хаяси, Сахалин, период Карафутто.

JAPANESE LITERATURE ABOUT SAKHALIN: KENDZY MIYADZAVA AND FUMIKO HAYASHI

The article you informs about the trip of two japan writers Kendzy Miyadzava (in 1923) and Fumiko Hayashi (in 1934) to Sakhalin Island during Karafuto period. Their visit of Sakhalin resulted in creation of different books which have gained great popularity in contemporary Japan. The article gives a detailed description of writer's itinerary along South Sakhalin and their acquaintance with Sakhalin's sightseeing in imaginative literature.

Key words: Kendzy Miyadzava, Fumiko Hayashi, Sakhalin, Karafuto period.

Кэндзи Миядзава и Фумико Хаяси – знаменитые японские писатели. По характеру они были совершенно разными людьми, но их объединяло то, что писатели изображали в своих произведениях самый северный в то время японский край – Сахалин. Рассмотрим маршрут путешествий этих авторов на Сахалин, а также значение их поездок.

Кэндзи Миядзава (1896–1933) родился в городе Ханамаки префектуры Иватэ. При жизни писателя были опубликованы только две его книги: сборник детских рассказов и сказок «Ресторан с большим выбором блюд» и сборник стихов «Весна и Асура». Умер писатель в 37 лет. После смерти писателя было опубликовано много сказок и стихотворений Миядзавы. И сегодня японские читатели продолжают любить книги писателя, остающегося очень популярным.

Миядзава известен еще и тем, что был ревностным буддистом, и в процессе создания своих произведений он постоянно искал идеал, не отступал от поисков состояния просветления. В 1922 году в жизни двадцатипятилетнего Миядзавы случается трагедия – умирает его любимая сестра Тоси, которой было двадцать четыре года. После смерти сестры писатель, подавленный горем, начинает всерьез задумываться над

вопросами, почему Тоси должна была умереть, куда попала Тоси после смерти и возможна ли еще встреча с умершей сестрой.

В 1923 году Миядзава едет на Сахалин под предлогом поиска рабочих мест для студентов школы в Ханамаки, где он в то время работал. Истинная цель поездки была другая, она заключалась в желании писателя хоть как-нибудь связаться с душой умершей сестры Тоси на Сахалине, самом северном крае Японии до 1945 года. Миядзава полагал, что именно на «севере», в отличие от представлений, бытующих сегодня, открываются ворота в иной мир.

Миядзава на поезде, а после на пароходе отправляется из Ханамаки, пересекает Хоккайдо и 3 августа 1923 года приезжает в Оодомари¹ (современное название – город Корсаков). Из Оодомари он едет в Сакаэхама (современное название – село Стародубское), где останавливается на ночь. Говорят, что в этот день он всю ночь непрерывно бродил по побережью в поселке Сакаэхама в поисках души Тоси. Четвертого августа писатель из Сакаэхама переезжает в Тоёхара (современное название – город Южно-Сахалинск), где проводит несколько дней.

Во время путешествия на Сахалин Миядзава пишет много стихов: «Элегия Аомори», «Элегия

¹ Здесь и далее в скобках даются современные названия населенных пунктов. В статье названия даны в японской версии периода Карафутто.

Аомори (3)», «Пролив Цугару», «Комагатакэ»², «Асахикава», «Соэ (2)», «Элегия Охотска», «Железная дорога Карафуту», «Равнина Судзуя», «Залив Функа³ (ноктюн)» и др. Каждое стихотворение – это особый литературный мир, в котором переплетаются личные переживания Миядзавы, ищущего встречи с душой Тоси. Через пейзажные зарисовки этих стихотворений открывается характерная для писателя чувствительность.

Также Миядзава написал сказку «Сахалин и август», сценой действия которой выступает остров Сахалин. Кроме этого, в критике полагают, что и самая известная повесть «Ночь в поезде на Серебряной реке» написана по мотивам путешествия на Сахалин.

Писательница Фумико Хаяси (1903–1951) активно работала как до войны, так и в послевоенный период. После публикации ее романа «Скитание» (1930), который стал бестселлером, она написала много рассказов, завладев сердцами широкой публики. Отличительная особенность ее произведений, в которых она обычными словами описывает будничную жизнь людей, заключалась в реалистичных и общедоступных изображениях.

Исходя из названия романа, принесшего славу Хаяси, – «Скитание», сама писательница «скиталась» не только по Японии, но и по всему миру. Она много путешествовала, а во время Второй мировой войны была командирована на фронт репортером. Хаяси побывала в Китае, на Тайване, в странах Юго-Восточной Азии и Европы. Впечатления от этих путешествий отразились в произведениях писательницы. Хаяси ценила личный опыт, когда могла собственными глазами увидеть и собственными ушами услышать происходящее, прикоснуться к воздуху, которым могли дышать герои ее будущих произведений. Литература Хаяси – это не произведения, написанные по рассказам других, это произведения, основанные на личном опыте писательницы.

В 1934 году Хаяси приехала на Сахалин. Сама писательница о причине поездки говорила так: «Отправляясь в это северное путешествие, я хотела найти выход из творческого тупика, а также уйти от различных невидимых проблем своей нелегкой жизни» (см. работу: «Путешествие на Карафуту»). Успех романа «Скитание» в один миг принес популярность Хаяси. Однако писательница тяготилась славой.

Как будто сбросив с себя оковы человеческих отношений в Японии, Хаяси отправляется из Токио на Хоккайдо. Четвертого июня 1934 года Хаяси прибывает в Оодомари. В этот же день она едет в Тоёхару, где останавливается в гостинице «Ханая». На следующий день Хаяси

отправляется на экскурсию в Конума (современное название – планировочный район Новоалександровское). В то время в Конуме находилась сельскохозяйственная экспериментальная станция. Шестого июля этого же года писательница проезжает в Отиай (современное название – город Долинск), Сиритору (город Макаров), Ниитой (поселок Новое). Писательница прибывает в Сисуку (город Поронайск). Остановившись на несколько дней в Сисуке, писательница общается с коренными жителями острова.

Путешествие Хаяси по Сахалину очень подробно описано в эссе под названием «Путешествие на Карафуту». Вместе с пейзажными зарисовками в работе подробно описываются люди, которых писательница встречала в поездке. И совершенно понятно, что художественные взгляды Хаяси обязательно обращены к людям. Получается некий парадокс: Хаяси, устав от отношений с людьми, уезжает из Токио на север для того, чтобы быть ближе к людям. Куда бы она ни поехала, она обязательно встречалась с людьми и в своих произведениях описывала их жизнь. Это было основной особенностью творчества Хаяси. Писательница обращается к жизни исключительно обычных людей. Именно поэтому она и остается писательницей, любимой широкой японской публикой.

Кроме «Путешествия на Карафуту», Сахалин упоминается и в других произведениях Хаяси, в частности: в эссе «Берег реки Поронай», в рассказах «Песня реки», «Белая куропатка» и др.

Совершенно разные писатели: Кэндзи Миядзава, ищущий идеал и просветление, и Фумико Хаяси, стремившаяся к реализму и общедоступности, сошлись в одном – в своем интересе к Сахалину, в интересе к северу. Каждый из них в одиночку посетил Сахалин, а после отразил свои впечатления в произведениях, оказавшихся интересными широкой читательской аудитории. Наверное, в те времена Сахалин был местом, которое обладало чем-то таким, что притягивало этих двух оригинальных писателей.

Уже проводилось много исследований, связанных с поездкой Миядзавы на Сахалин, но такие исследования будут осуществляться и в будущем. Многие любители творчества Миядзавы посещают Сахалин «по следам Миядзавы», поэтому в современной туристической индустрии Японии есть и специальный маршрут, экскурсия по местам пребывания японского писателя на Сахалине.

Исследований, связанных с поездкой Хаяси на Сахалин, крайне мало. В дальнейшем планируется продолжить работу о связи Хаяси с Сахалином.

² Так называется вулкан в Японии.

³ Другое название – Утиура.

ОСТРОВ ТЮЛЕНИЙ И ОСТРОВ АТЛАСОВА В РАССКАЗАХ ДЗЮРАНА ХИСАО

В статье рассказывается о японском беллетристе Дзюране Хисао, который в 1939 году описал в своих рассказах два острова: Остров Тюлений (Кайхёто) и остров Атласова (Арайтото). Один из этих рассказов был впервые опубликован в журнале «Новый юноша» («Синсэйинэн»), литературная деятельность которого способствовала развитию японского детектива.

Ключевые слова: Дзюран Хисао, остров Тюлений, остров Атласова, детектив, японская литература.

TYULENIY ISLAND AND ATLASOV ISLAND IN THE SHORT STORIES OF JURAN HISAO

The article informs about Japanese fiction writer Juran Hisao who wrote short stories about Tyuleny Island (Kaihyoto) and Atlasov Island (Araitoto) in 1939. One of the stories was published in the magazine New Youth (Shinseinen), which made a great contribution to the development of Japanese detective fictions.

Key words: Juran Hisao, Tyuleny Island, Atlasov Island, detective fiction, Japanese literature.

В 1939 году японский беллетрист Дзюран Хисао опубликовывал два рассказа: «Остров Тюлений» («Кайхёто») и «Подземная страна зверей» («Титэй-дзюкоку»). В этих историях изображены приключения японцев на Сахалине.

Дзюран Хисао (настоящее имя – Масао Абэ) родился в 1902 году в городе Хакодате. В Хакодате – портовом городе на юге Хоккайдо – вырос будущий писатель. Интересно, что из средней школы этого города, куда Дзюран Хисао ходил с 1915 года, вышло немало писателей: Кайтаро Хасэгава (1900–1935), Дзюн Мидзутани (1904–2001), Кацуитиро Камэй (1907–1966) и Сиро Хасэгава (1909–1987). Можно сказать, что такая литературная среда воспитывала и самого Дзюрана Хисао.

Через несколько лет Дзюран Хисао ушел из школы и переехал в Токио. В 1919 году он окончил среднюю школу «Сэйгакуэн» в Токио и вернулся в родной город, где начал работать в «Газете Хакодате» («Хакодате-симбун»).

Работая в газете, Дзюран Хисао интересовался театром. В своем родном городе он выступал на сцене, писал и ставил пьесы. В 1928 году он ушел из газеты и, увлекшись театром, уехал в Токио.

В столице Японии Дзюран Хисао занимался изучением театрального искусства у знаменитого постановщика Кунио Кисида (1890–1954). Через год он поехал для учебы в Париж.

В 1933 году Дзюран Хисао вернулся в Японию и начал работать в знаменитом театре «Син-Цукидзи-гэкидан». Но в скором времени Дзюран Хисао выгнали из театра.

С 1934 года он начал публиковать свои романы и рассказы в журнале «Новый юноша», главным редактором которого был Дзюн Мидзутани (он был родом из Хакодате). Авторский гонорар позволил начинающему писателю купить дачу на известном летнем курорте Каруйдзава. В это время Дзюран Хисао писал разные сочинения, работал постановщиком и преподавал театральное искусство в Университете Мэйдзи.

Дзюран Хисао пробовал себя в разных жанрах, поэтому его не случайно называют «волшебником стилей». С 1937 года по 1938 год детективный роман писателя «Демоническая столица» («Мато») публиковался по частям в журнале «Новый юноша». В 1939 году писатель начал работу над серией «Заметки сыщика Аго-Дзюро» («Аго-Дзюро торимоно-тё»). Новая книга состояла из детективных историй, произошедших в феодальный период Японии. В это же время в «Новом юноше» издаются юмористические рассказы Дзюрана Хисао под общим названием «Девочка-Ситец» («Кярако-сан»).

В 1943 году писатель служит военным корреспондентом, а в следующем году возвращается в Японию.

После войны писатель переехал в город Камакура, где жили многие знаменитые писатели, в том числе Ясунари Кавабата (1899–1972) и Хидэо Кобаяси (1902–1983). Хакодатский писатель Кайтаро Хасэгава тоже жил в Камакуре. Дзюран Хисао продолжает активно работать, но в 1957 году писателя не стало. Он был болен раком.

Дзюран Хисао часто писал для журнала «Новый юноша». Этот журнал был важен для истории развития японских детективов. Журнал основан в 1920 году, когда издательство «Хакубункан» выпустило первый номер в Токио.

«Хакубункан» издавал националистические журналы, самый популярный из которых назывался «Солнце» («Тайё»). Журналы «Хакубункан» совпадали с настроением общества периода Мэйдзи (1868–1912).

А в период Тайсё (1912–1926) в Японии появилась новая тенденция. Демократизм и модернизм способствовали увлечению молодежи, живущей в больших городах, европейской культурой. Одетых как щеголи юношей звали «мобо» и «мога» (аббревиация «modern boy» и «modern girl»). Учитывая изменения общества, в «Хакубункане» появился новый журнал для молодого поколения – «Новый юноша».

С целью увлечения молодых людей в «Новом юноше» в первую очередь печатались детективы. В журнале появлялись произведения европейских писателей, таких, как Артур Конан Дойль (1859–1930) и Агата Кристи (1890–1976). Многие японские авторы, работавшие в жанре детектива, публиковались именно в этом журнале. Кюсаку Юмэно (1889–1936), Рампо Эдогава (1894–1965), Такатаро Киги (1897–1969), Муситаро Огури (1901–1946) и Сэйси Ёкомидзо (1902–1981) начали свою литературную карьеру в «Новом юноше».

Среди начинающих в журнале писателей, Рампо Эдогава и Сэйси Ёкомидзо известны современным японцам и сегодня: произведения этих писателей переиздаются и экранизируются. Все японцы знают имена сыщиков Когоро Акэти и Косукэ Киндайти.

Рампо Эдогава (настоящее имя – Таро Хирай) является основателем японского детектива. В 1923 году в журнале «Новый юноша» был опубликован первый рассказ писателя «Медная монета» («Нисэн дока»). Этот рассказ напоминает «Золотого жука» (1843) Эдгара Аллана По. В следующем году в «Новом юноше» появился новый рассказ японского писателя «Убийство на улице Д» («Д-сакано сацудзин-дзикэн»). Главным героем этой истории становится гениальный сыщик Когоро Акэти. В дальнейшем именно этот персонаж будет задействован во многих детективных произведениях Рампо Эдогавы.

Рампо Эдогава писал и другие истории. В частности, например, он изображал мазохизм в повести «Необыкновенная история острова Панорама» («Панорама-то китан»; 1926–1927) и рассказе «Чудовище во мраке» («Индзю»; 1928). Все эти истории также были напечатаны в журнале «Новый юноша».

С 1930 годов Рампо Эдогава написал книгу о приключениях детей, решающих загадку «Фантама с двадцатью лицами» («Кайдзин 20 мэно»). Из-за этой серии для детей Рампо Эдогава стал национальным писателем, любимым всеми поколениями японцев.

Сэйси Ёкомидзо участвовал в конкурсе журнала «Новый юноша» и получил премию в 1923 году. Через три года Рампо Эдогава советовал ему поступить в «Хакубункан», и он стал редактором журнала «Новый юноша».

В 1932 году он перестал работать. Ему хотелось стать писателем, а во время войны в Японии трудно было опубликовать детективы. Власть считала детективные произведения безнравственным развлечением. Кроме того, Сэйси Ёкомидзо страдал от туберкулеза.

После окончания Второй мировой войны он начал активно работать. В это время были опубликованы многие романы писателя: «Остров Гокумон» («Гокумонто»; 1947–1948), «Деревня восьми могил» («Яцухакамура»; 1949–1951), «Клан Инугами» («Инугамикэ-но итидзоку»; 1950–1951) и др. В этих романах изображаются страшные убийства в деревне западной Японии. Талантливый сыщик Косукэ Киндайти находит преступника. В 1945–1948 годах Сэйси Ёкомидзо жил в эвакуации в префектуре Окаяма, и этот

опыт дал ему возможность описывать деревню в реалистических красках.

Роман Сэйси Ёкомидзо «Яцухакамура» публиковался по частям в «Новом юноше» в 1949–1950 годах. «Новый юноша» прекратил свою деятельность в 1950 году. После войны издательство «Хакубункан» ликвидировалось. Журнал издавался другими издательствами, но в новом обществе после войны было непросто, и старомодный «Новый юноша» не мог выдержать конкуренции.

В 1939 году Дзюран Хисао опубликовал рассказы «Остров Тюлений» («Кайхёто») и «Подземная страна зверей» («Титэй-дзюкоку»), в которых он изображал два острова (остров Тюлений, находящийся недалеко от восточного побережья Сахалина, и остров Атласова, входящий в состав Курильской гряды) и сталинский концлагерь Дальнего Востока. Интерес писателя к северу можно объяснить двумя причинами: местом рождения Дзюрана Хисао и путешествием по России.

Как известно, до Второй мировой войны Хакодате было тесно связано с Россией. Там было консульство России и Советского Союза до 1944 года. Из Хакодате корабли отплывали во Владивосток, Николаевск-на-Амуре и на Камчатку. В начале XX века сотни русских эмигрантов жили в этом городе.

Рыболовные суда тоже отправлялись из Хакодате в Охотское и Берингово море. Пролетарский писатель Такидзи Кобаяси (1903–1933) написал повесть «Краболов» («Каникосэн»; 1929), посвященную краболовству в северных морях.

Дзюран Хисао перед тем, как отправиться в Париж, побывал в России, проехав через Владивосток и Москву по Транссибирской магистрали. В вагоне поезда писатель наблюдал русских путешественников, а в Москве посещал музеи. Должно быть, русские персонажи в рассказе «Подземная страна зверей» написаны на основе этих дорожных наблюдений.

Рассказ «Острова Тюлений» впервые был опубликован в журнале «Материк» («Тайрику») в 1939 году, во втором номере. Этот журнал издавали в городе Далянь, который отдали Японии в концессию после Русско-японской войны. Журнал поддерживал колониальную политику Японии, в нем печатали не только статьи генералов и националистов, но и рассказы.

История «Остров Тюлений» начинается с того, что рассказчик посещает маленький остров в марте 1912 года. В 1911 году Россия, Япония, США и Англия заключили конвенцию об охране морских котиков, и на острове Кайхёто (в настоящее время – остров Тюлений) начали строить заведения для ловли морских котиков. Рассказчик работал в администрации префектуры Карафуто и приехал на остров, чтобы инспектировать ход строения.

А на острове он узнал, что в январе был пожар, почти все строения сгорели и четыре работника погибли. Судно ушло по расписанию, а рассказчик остался на острове для того, чтобы расследовать причину и результат пожара.

Единственный оставшийся от пожара герой

Саяма кормит одного морского котика. Когда этому зверю стало плохо, Саяма чрезмерно беспокоился о животном. Из-за наступившей цинги меняется и внешний вид самого Саямы, уподобляющегося морскому коту.

Через пять-шесть дней пребывания на острове рассказчик заметил лишнюю (седьмую) пару обуви (на острове жили только шесть человек) и декоративную шпильку для женских волос. Когда рассказчик начал искать загадочную девушку, то погрузился в пространство фантазии. Он думал, что на острове человек обязательно превращается в морского котика. Рассказчику казалось, что бесчисленные морские котики, которые собираются летом на острове, раньше были людьми.

Но через какое-то время герой начинает мыслить рационально. Он отрицает всякий вымысел, сомневается в том, что неизвестная девушка может жить в морском котике у Саямы. Однако, когда морской котик умирает, то Саяма вынимает из шкуры животного красивое тело девушки.

Саяма рассказывает о произошедшем. Девушка приехала из Сисуки (современное название – Поронайск) на остров к своему дяде, который был одним из работников. Из-за плохой погоды она не смогла вернуться домой. Влюбленный в девушку Саяма выступает против домогательств пьяных работников к молодой женщине накануне Нового года. Такой поступок не нравился дяде девушки. Дядя с другими работниками острова пытается убить Саяму, но оказывается бессильным перед героем. Защищая себя, Саяма убивает жителей острова.

Чтобы скрыть следы преступления, Саяма сжигает здания и тела погибших людей. Герой намеренно заболевает цингой и притворялся, что у него нет силы для убийства. Перед тем, как рассказчик-надзиратель приезжает на остров, Саяма прячет девушку в шкуру морского котика. Сначала Саяма думал, что рассказчик вернется на Сахалин, не найдя должных улик. В это время девушка продолжает жить в шкуре морского котика, а позже и умирает из-за неестественности положения, в котором оказалась. После исповеди перед рассказчиком Саяма совершает самоубийство. Он сжигает дом, рассказчику удается спастись от смерти.

Эта гротескная история напоминает рассказ Рампо Эдогавы «Человек-кресло» («Нингэн ису»; 1925), в котором главный герой, будучи сумасшедшим, скрывается от мира внутри кресла.

Рассказ «Подземная страна зверей» опубликовали в журнале «Новый юноша» в 1939 году, в восьмом и девятом номерах. Через три года этот рассказ под названием «План Я» («Пуран Я») включили в сборник писателя «Садыя на торпеду» («Гёрайни матагаритэ»).

В рассказе «Подземная страна зверей» решаются разные загадки. Эту историю в широком смысле можно считать детективом. Но рассказ не имеет сюжет классического детектива: убийство и поиски преступника. «Подземная страна зверей» – это приключенческая новелла, происшествие которой развивается на краю земли. В

1939 году японская литература испытывала давление на жанр детектива. Писателям требовалось найти новый жанр – приключенческий или исторический.

В «Подземной стране зверей» описывается приключение доктора Ярославского и японских заключенных. Доктор предполагал, что из Сибири на Сахалин на горе Эсутори (в настоящее время – гора Беловая) проходит природный подземный туннель.

В 1937 году доктор Ярославский получил разрешение ЦК СССР на экспедицию. Однако сотрудники доктора, опасаясь политической и физической расправы, взбунтовались. Член экспедиции профессор Морозов угрожает доктору пистолетом, а потом организует новый экспедиционный отряд из шести японских заключенных. Семью годами ранее этот отряд задерживают на Камчатке, когда люди занимаются браконьерством. Герои уходят из сибирского лагеря и отправляются в опасную подземную экспедицию.

Ожидание профессора Морозова не оправдываются. Доктор Ярославский с японцами скрывается в подземном пути. Опасаясь своей гибели, профессор Морозов и его помощница Наташа преследуют героев. Найдя бежавших людей, и Морозов и Наташа продолжили путешествие.

Литературных прототипов этого рассказа японского писателя можно найти в «Путешествии к центру Земли» (1864) Жюль Верна (1828–1905). Как и в романе Жюль Верна, в этом рассказе подземные путешественники увидели динозавров.

Путешественники погибают один за другим. Так, Ямагути соскальзывает в бездну; в Суду стреляет профессор Морозов; Китахара поглощается тиранозавром; Наташа умирает от цинги.

Подземная пещера протянулась на 1600 километров. После двухмесячной экспедиции герои оказались на маленьком острове, на котором умер профессор Ярославский. Путешественников нашло японское судно, и тогда герои узнали, где они находятся. Они были обнаружены на Араитото (в настоящее время – остров Атласова), который находится недалеко от Камчатки. Японцы вернулись домой на судне, а профессор Морозов в отчаянии ушел обратно в мрачный туннель. Интересно, что на Араитото находится гора Алаид (высотой в 2339 метров). До конца Второй мировой войны в Японии ее считали самой высокой горой в префектуре Хоккайдо.

В 1930 годах в Японии уже знали о сталинской репрессии. Одним из таких информаторов для японцев был Кинмаса Кацуно (1901–1984). Он был арестован в Москве в 1930 году и провел в сталинских лагерях до 1934 года. Кинмаса Кацуно работал на стройке Беломорканала. После возвращения в Японию он написал несколько книг о своем тяжелом опыте. Содержание этих книг отразилось в рассказе Дзюрана Хисао.

А именно в 1939 году, когда Дзюран Хисао опубликовал «Подземную страну зверей», продолжались бои на Халхин-Голе и японцы чувствовали угрозу со стороны СССР. Напряжение

общества в этот период времени воссоздается в рассказе писателя.

В рассказах «Остров Тюлений» и «Подземная страна зверей» северное пространство воспринимается как неизвестное. Темнота и дикость являются основой романтической поэтики, одновременно с этим они связываются с топографическим воображением и темой колониализма.

В рассказе «Остров Тюлений» так описывается туманность на острове: «Ветер изменился, туман лился, и из серой мутности, которую можно считать облаком или дымом, появлялся неясный, бледный, мрачный облик острова со снегами. Но это продолжалось недолго, жуткий туман вроде миазм, как бы не зная, куда идти, смутно ему не нравятся глаза человека, и остров утонул в неопределенном молочном цвете»¹.

В рассказе «Подземная страна зверей» путешественники идут в крошечной темноте. А остров покрывается густым туманом. И героям кажется, что они все еще находятся под землей.

Хозяин такого темного пространства – не человек, а зверь. На острове обитают бесчисленные морские котики. Там люди начали убивать друг друга, подобно тому, как борются между собой за право жизни морские животные острова. В рассказе «Подземная страна зверей» под землей обитают динозавры.

В рассказах Дзюрана Хисао человека буквально «поглощает» природа. В «Острове Тюлений» бедную девушку заставили жить внутри морского котика, а в «Подземной стране зверей» тиранозавр проглатывает Китахару. Пребывание путешественников в подземном туннеле воспринимается как метафора человека, поглощенного зверем.

В колониализме Японии можно заметить влечение к опасной природе. Например, в «Пес-

ни о скитании по Монголии» («Моко-хорока»), которую японская молодежь любила в начале XX века, мечтают о пустыне Монголии. Такое романтическое воображение существует и в рассказах Дзюрана Хисао.

Дзюран Хисао искал объект романтизма на одиноких островах в Охотском море. В 1920–1930 годах южная часть Сахалина активно развивалась, население увеличилось в четыре раза. Поэтому Сахалин уже не был местом для романтического воображения. В представлении японцев такие одинокие острова, как остров Тюлений и остров Атласова, находились где-то на краю земли и поэтому могли стать романтическими объектами.

Романтическая тема «одиноким остров» увлекала и Сэйси Ёкомидзо после Второй мировой войны. В романах «Остров Гокумон» или «Остров Акурёто» («Акурёто»; 1979–1980) писатель изображал страшные преступления на маленьких островах во внутреннем Японском море. Но для Сэйси Ёкомидзо острова относятся не к колониализму, а к прошлой традиционной жизни Японии. После войны японское общество резко изменилось, старый строй разрушился. А в таком новом мире Сэйси Ёкомидзо искал остатки прошлой Японии на романтических островах.

В 1939 году в рассказах «Остров Тюлений» и «Подземная страна зверей» японский беллетрист Дзюран Хисао рассказал о двух маленьких островах (в настоящее время они входят в состав Сахалинской области), вводя тем самым в литературную географию новые художественные образы. Рассказы характеризуются преобладанием романтических мотивов: темноты и дикости. Одинокие острова в рассказах являются девственной землей, которая увлекала молодежь в период колониализма.

¹ Перевод с японского языка осуществлен Кадзухиса Ивамото по следующему изданию : Дзюран Хисао. Собр. соч. – Т. 3. – Токио: Кокусё канкокай, 2009. – С. 8.

КАНЪЯ МИЯУТИ – ЯПОНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ПЕРИОДА КАРАФУТО

Статья посвящена творчеству неизвестного в России японского писателя Канъя Мияути, детские годы которого прошли на юге Сахалина. В центре исследования – автобиографический роман «Ситиригахамма», в котором запечатлена трагедия, произошедшая со школьниками из префектуры Канагава. Один из героев этой трагедии – отец писателя – отправляется на Южный Сахалин, чтобы забыть о смерти детей, однажды оказавшихся в открытом море и погибших из-за невнимания администрации школы.

Ключевые слова: Канъя Мияути, Карафуто, Сахалин, Чехов, «Ситиригахамма», Корсаков.

KANYA MIYAYTI – A JAPANESE WRITER OF KARAFUTO PERIOD

The article is devoted to the works of the Japanese writer Kanya Miyayti unknown in Russia who spent his childhood on the South of Sakhalin. The autobiographical novel "Sitirigahama" about the tragedy that happened to pupils from prefecture of Kanagawa is the main theme of investigation. One of the heroes of the tragedy is the writer's father who went to the South of Sakhalin in order to forget about the death of his children who drowned in the sea due to criminal negligence of the school's administration.

Key words: Kanya Miyayti, Karafuto, Sakhalin, Chekhov, "Sitirigahama", Korsakov.

Канъя Мияути (настоящее имя – Сиро Икэгами) родился 28 февраля 1912 года в префектуре Окаяма и, будучи еще ребенком, переехал вместе с родителями на территорию губернаторства Карафуто. Уже в следующем году он стал учиться в средней школе Оодомари (современное название – город Корсаков), возглавляемой его отцом, учителем японского языка. С апреля 1930 года Сиро Икэгами обучался на отделении английской литературы в университете Васэда. Незадолго до окончания университета он дебютировал в самиздатском журнале «Гуманитарные науки Васэда», издаваемом начинающими авторами за счет членских взносов. Именно на страницах этого журнала, имевшего очень ограниченную читательскую аудиторию, были опубликованы такие произведения Икэгами Сиро, как «Первая печаль» (1933), «Туман» (1934), «Колокольчик пастуха» (1934), «Подка» (1934) и «Эдзо» (1934). Примечательно, что местом действия всех этих историй выступает исключительно Сахалин. В последующем писатель создал цельное произведение о Сахалине – книгу «Центральные горы» (1938). Своим современникам Икэгами Сиро запомнился не только романами «Похороны» (1947), «Я люблю ночь» (1959) и рядом других произведений, но и переводами нескольких книг Стендаля и Александра Дюма на японский язык.

Однако литературная слава пришла к Канъя Мияути (под таким псевдонимом со временем стал выступать в печати Икэгами Сиро) довольно поздно. В 1978 году шестидесятишестилетний писатель удостоился премии имени Тайко Хирабаяси за книгу «Ситиригахамма». Премия, учрежденная по завещанию писательницы Тайко Хирабаяси (1905–1972), была ориентирована исключительно на тех авторов, которые, посвятив себя литературе, не получили должного признания. Эта ежегодная премия присуждалась за выдающиеся художественные или литературовед-

ческие произведения. В 1997 году присуждение премии прекратилось, а ровно за год до этого ее номинантом стал один из наиболее скандальных писателей современной Японии – Мураками Рю. Имя Канъя Мияути в ряду обладателей премии имени Тайко Хирабаяси не выделяется чем-то необычным, но отмеченный премиальным комитетом роман «Ситиригахамма» вскрывает непростые взаимоотношения писателя и его отца, взявшего на себя вину смерти нескольких детей и попытавшегося забыть страшную историю на Сахалине.

Название романа «Ситиригахамма» дано по аналогии с одноименным пляжем в префектуре Канагава. В книге, основанной на реальных событиях, рассказывается о трагедии двенадцати школьников из города Дзуси. Школьники отправляются на лодке в море, где неожиданно погибают. Канъя Мияути в самом начале романа замечает, что никто в городе не догадывается, почему молодой учитель, взяв на себя ответственность за случившееся, уезжает с привычного места. Прототипом этого романного героя стал отец писателя, который в те годы работал учителем и одновременно являлся комендантом школьного общежития. В трагический день он поехал провожать своего сослуживца, переезжающего на другое место жительства, и школьники, воспользовавшись отсутствием начальства в общежитии, взяли без разрешения лодку, ставшую причиной их смерти.

В романе, который позволяет восстановить значительные биографические факты жизни писателя на Карафуто, отец получает имя Мисабуро Исидзука. Исидзука после происшествия без определенной цели едет в путешествие и устраивается учителем в школу в префектуре Окаяма. В 1911 году он женится на девушке из приютившей его семьи Икэгами и в знак признания берет себе девичью фамилию жены. На следующий год в молодой семье появляется

первенец – сын Хатанака (еще один из главных героев, от имени которого ведется повествование в романе «Ситиригахама»).

Весной 1922 года Исидзука принимает решение о переводе в школу Карафуту, куда он предварительно намеривается ехать без семьи. Школа, в которой начинает работать отец главного героя, называлась Карафутской средней школой города Оодомари. В романе отмечается, что это была самая первая японская школа на Южном Сахалине, открывшаяся в мае 1912 года. После строительства в 1925 году школы в Тоёхаре (современное название – город Южно-Сахалинск) Карафутская средняя школа была переименована в школу Оодомари. Подыскав на Карафуте квартиру для всей семьи, Исидзука возвращается в Оокаюму, где его ждет беременная жена и четверо малолетних детей. В таком составе семья литературного героя Исидзука (и вместе с тем фактическая семья Икэгами) в 1923 году прибыла на Карафуту.

Для пятиклассника младшей школы Хатанаки поездка на Сахалин была, прежде всего, увлекательным путешествием в совершенно незнакомый край. Маршрут пролегал из порта префектуры Аомори через пролив Цуруга в Хакодате, оттуда трое суток езды на поезде до Отару. На следующий день из портового города на небольшой барже семья Исидзука отправилась в открытое море, где на якоре стояло судно, курсирующее между Отару и Оодомари. Во время пути судно качало так, что казалось, будто оно в любой момент может перевернуться, но уже в заливе Анива качка пропала, а перед глазами путешественников развернулось замерзшее море, выглядевшее подобно белой равнине. К вечеру судно прибыло в порт Оодомари. И вскоре герои романа уже неслись в санях, вместивших семью в шесть человек, по главной улице нового города, освещенной электрическим светом, в старый город, где находилась их казенная квартира.

Дом, в котором разместилась семья Икэгами, был построен в европейском стиле, в нем имелась дымовая труба из красного кирпича. В комнате для гостей находилась русская печка. Из-за необычной обстановки Хатанаке казалось, будто он оказался совсем в другой стране. Это впечатление усиливалось еще и тем, что в младшей школе, куда пошел герой, было много голубоглазых и кареглазых русских детей, которые каждый день катались на санках или лыжах со склона холма, что находился за их домом. Когда после долгой зимы наступала весна, в горных потоках можно было поймать пресноводную рыбу: кунджу и форель. В море попадалась мелкая навага, а во время отлива можно было собирать морских ежей. Во время короткого лета дети купались в холодном море, а потом грелись у разведенных на побережье костров. Однако такая безмятежная жизнь Хатанаки очень быстро закончилась.

В 1924 году он стал учиться в средней школе, где работал его отец. Это была единственная средняя школа на острове, поэтому ее называли Сахалинским университетом. На церемонии поступления в школу Хатанака получил от отца предупреждение о том, чтобы сын не пытался нарушать школьный устав, поскольку Икэгами как учителю будет стыдно перед школьным советом. Со дня поступления в школу и до выпуска из нее по приказу отца Хатанака старался не нарушать школьный устав не только в классе, но и после занятий, когда он находился дома. Хатанаке пришлось даже подписать клятвенное обещание, что, если он нарушит слово, данное отцу, то понесет наказание в зависимости от вины проступка. Таким образом, со дня поступления в среднюю школу Хатанака попал под строгий контроль отца, не прекращавшего учительствовать и на работе, и дома. С каждым годом отцовские ограничения становились все более и более строгими: например, Хатанаке не разрешалось читать ничего, кроме учебников. Но в четырнадцатилетнем возрасте, уже учась в школе средней ступени, Хатанака нарушил запрет на чтение: он самостоятельно выписал полное собрание сочинений мировой литературы, в числе которой была и русская классика.

Ведомственная квартира семьи Икэгами в Оодомари находилась в доме русской постройки, но внутри была переделана под японский стиль. Вскоре после приезда на Карафуту у Хатанаки появилось еще две сестры, и теперь уже сильно разросшейся семье стало тесно жить в прежней квартире. Именно поэтому в 1926 году семейство Икэгами переехало в ветхую, но более просторную квартиру, которая находилась в доме префектурального управления Оодомари и числилась под номером восемь. Новый дом Икэгами славился историей о том, что в 1890 году во время путешествия по Сахалину в этом месте на несколько дней останавливался А. П. Чехов. В те годы дом под номером восемь принадлежал полицейскому управлению. Со слов японского исследователя Наохико Кихары, об этом доме в «Острове Сахалин» А. П. Чехова находится следующее упоминание: «Я простился с гостеприимным г. Б. и отправился к секретарю полицейского управления, у которого мне была приготовлена квартира»¹.

Но об этом любопытном факте Хатанака узнаёт уже после окончания школы, когда приезжает на Карафуту из Токио и временно останавливается у пожилого каторжника Янковского. Канъя Мияути в романе пишет о том, что Янковский, подобно нескольким каторжникам, после перехода Южного Сахалина японцам остался в новом губернаторстве. Такие каторжники держали коров, продавали на станции молоко и русский хлеб, выполняли подсобную работу на винном заводе.

¹ Чехов, А. П. *Остров Сахалин (Из путевых записок)* / А. П. Чехов. – Владивосток – Южно-Сахалинск : Рубеж, 2010. – С. 143.

В марте 1927 году на судне в Оодомари была доставлена первая партия книг, в числе этого заказа была и книга Виктора Гюго «Отверженные», сильно ожидаемая Хатанакой. Забрав книгу из магазина, мальчик спрятал ее в школьный портфель и принес домой в тот день, когда отец находился на ночном дежурстве. А в один из прохладных ноябрьских дней пришло долгожданное собрание мировой литературы (всего двадцать три книги), а также роман Льва Толстого «Воскресение». Однако, к несчастью, вернувшийся из школы в этот день отец заметил книги. По приказу отца Хатанака принес все книги на склон холма, недалеко от обрыва, где отец вырыл яму. Отец бросил всю коллекцию в яму и поджег. Это было наказание «сожжением книг». Мать с бледным лицом наблюдала исполнение этого наказания из окна гостиной.

Этот случай, как и другие печальные события, действительно имел место в жизни Канъя Мияути. Причину такого необычного поведения своего отца, который не стремился привить интерес к книгам, а, наоборот, отстранял сына от изучения литературы, будущий писатель узнал намного позже. Под впечатлением от прочитанного романа Рока Токутоми (1868–1927) «Лучше не жить» (1899; оригинальное название романа – «Хототогису», что означает «Кукушка»; рус. пер. 1905) отец приезжает в префектуру Канагава, где и произошло трагическое событие с гибелью двенадцати учеников. Нелюбовью к книгам отец писателя обвинял литературу в своей сложной жизни.

Вскоре после окончания средней школы Карафуту Хатанака приезжает в Токио, где начинает учиться на курсах для поступления в университет Васэда. Точно сказать, почему Хатанака останавливает свой выбор именно на этом университете, невозможно. Но в 1930-е годы в университете Васэда училось много провинциалов, к тому же отделение английской литературы, куда намеревался попасть Канъя Мияути, лучше всего подходило для юноши, мечтавшего о карьере писателя. Вместе с тем желание стать писателем было созвучно возможности забыть детскую обиду, которая осталась после сожжения книг отцом. Вероятно, на выбор университета Васэда повлиял и тот факт, что подавляющее большинство современных Хатанаке писателей когда-то учились у педагогов из Васэды. Кроме того, оказалось, что японский поэт Хакусю Китахара (1885–1942), посетивший Карафуту летом 1925 года и написавший после этого увлекательную книгу о своей поездке, тоже был выпускником этого учебного заведения. Узнав об этом, Хатанака решил выбрать не только тот же университет, но и то же отделение, на котором когда-то учился прославленный Хакусю Китахара.

Отец Хатанаки мечтал, чтобы сын пошел по его стопам и стал учителем. Но Хатанака, понимая, что у него почти нет возможности стать писателем, все же начинает жить, стремясь по мере сил реализовать себя в литературе. Вскоре после поступления Хатанаки в университет вся семья переезжает с Карафуту обратно в префектуру Окаяма. Однако с того времени

Хатанака ни разу не приезжал на свою родину, оставаясь все время в Токио, почти разорвав отношения с родителями.

Большинство произведений, посвященных Сахалину, Канъя Мияути создал в 1930–1940-е годы. В числе этих книг и те, которые неизвестны широкому кругу читателей: «Мираж», «Дыхание спящего Чехова», «Белое течение», «Черное море», «На льду», «Первый снег», «Дневник семнадцатилетнего», «Дневник Карафуту», «Центральные горы», «Цветы цитрона», «Северная Япония». В этих произведениях показана жизнь переселенцев с северо-западной Японии и Хоккайдо на южную часть Сахалина периода юрисдикции Японии.

В современной Японии хорошо известна песня, носящая тоже самое название, что и автобиографический роман писателя «Ситиригаханама». Слова песни были написаны учительницей математики Мисуми Судзуки (1872–1921).

Реквием «Ситиригаханама», созданный в память о трагедии, состоит из шести куплетов, в каждом из которых выражена скорбь и печаль по погибшим школьникам. Реквием также известен по первой строчке – «Вершина белоснежной Фудзи». Гора Фудзи, как и остров Эносима, куда отправились школьники в свой последний путь, видна с берега Ситиригаханама. Именно поэтому образ горы упоминается в стихах песни. Слова Мисуми Судзуки положены на мотив песни «Когда мы приехали домой» американского композитора Джереми Ингаллс (1764–1828).

1

*Вершина белоснежной Фудзи,
зеленый остров Эносима,
Поднимем глаза вверх – плачем.
Всем сердцем молимся за души двенадцати
храбрецов,
Которые уже не вернутся к нам.*

2

*Лодка, затонувшая в глубине море,
Ветер и волны, жестокие к маленьким ручкам.
Обессилив, они звали на помощь своих мам и пап,
Большое горе на берегу Ситиригаханама.*

3

*Снег грустно кружит, даже ветер печально воеет,
Луна и звезды скрывают тени.
Где же, вы, души, блуждаете?
Скорей возвращайтесь к сердцам своих матерей.*

4

*Утренний свет сияет в лазурном небе,
А сердца родителей погружены во тьму.
Золото, богатства – ничего теперь не нужно,
Боги, скорее заберите и нас.*

5

*Как и вчера, луна взошла меж облаков
Но фигур людей не видно,
Не спится от горя, у изголовья
Громкие звуки волн.*

6

*Кулики, зовущие своих друзей, что не вернулись,
Я, как и вы, зову тех, кого любила и потеряла.*

*От бесконечного горя вместе мы плачем
Сегодня, завтра и всегда².*

Роман Канъя Мияути «Ситиригахана» был опубликован незадолго до смерти писателя. «Ситиригахана», с одной стороны, стала своего рода продолжением других произведений писателя о Сахалине, с другой – явилась самой значительной книгой в творческом наследии Канъя Мияути. Через несколько лет после издания кни-

ги, вскрывающей неприглядные факты семьи Икэгами, писатель ушел из жизни. Его не стало 5 марта 1983 года. Канъя Мияути похоронен у себя на родине в префектуре Окаяма.

Вместе со смертью писателя замкнулось пространство реальности и художественного вымысла. Книги писателя канули в реку времени, так и не став достоянием той части литературы, которая находится на стыке японской культуры и русской истории.

² Перевод слов песни «Ситиригахана» с японского языка сделан А. С. Никоновой.

САХАЛИН В ПОВЕСТИ ОЛЕСЯ ДОНЧЕНКО «КАРАФУТО»

В статье рассматривается приключенческая повесть «Карафутто» украинского писателя О. В. Донченко (1902–1954), который избирает местом действия повести Сахалин периода японской юрисдикции (1905–1945).

Ключевые слова: О. В. Донченко, Сахалин, Карафутто, приключенческая повесть.

SAKHALIN IN THE STORY OF OLES' DONCHENKO "KARAFUTO"

The article examines the adventure story "Karafuto" by Ukrainian writer O. V. Donchenko (1902–1954), who made Sakhalin Island during the period of Japan jurisdiction (1905–1945) the scene of his story.

Key words: O. V. Donchenko, Sakhalin, Karafuto, adventure story.

Украинский детский писатель и поэт Олесь (Александр) Васильевич Донченко (1902–1954) родился в селе Большие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии в семье учителя¹. Вскоре родители переехали в поселок Большая Богачка, а впоследствии в г. Лубны. В детстве и юности Донченко много читал, особенно увлекался произведениями Н. В. Гоголя. В Лубенской мужской гимназии, где учился начинающий писатель, его уже знали как поэта и драматурга: стихотворения юноши звучали на гимназических вечерах. Первые стихи были напечатаны в 1918 году в лубенской районной газете. После окончания гимназии в 1919 году Донченко включается в революционные преобразования в Украине: работает внешкольным учителем, районным инспектором политпросвещения. В это беспокойное время он много ездит по деревням, организует избы-читальни, библиотеки, драмкружки, клубы, разъясняет декреты Советской власти, читает лекции, выступает со своими стихами.

В 1924 году Донченко записывается добровольцем в пограничные войска. На военной службе он занимает должность старшего полкового учителя, одновременно с этим продолжает писать стихи и поэмы. В 1926 году выходит его первый поэтический сборник «Красная писанка» («Червона писанка»), после публикации которого, осенью того же года, Донченко отзывают из армии для литературной работы. Он поселяется в Харькове, вступает в организацию литераторов-комсомольцев «Молодняк», Пролитфронт², ВУСПП³ и целиком посвящает себя писательству, работая в отделе детской литературы Государственного издательства Украины. Второй сборник стихов «Окраины» («Околиці») выходит в 1928 году. Также Донченко пробует свои силы в драматургии, публикуя пьесы для детей и молодежи – «Комсомольская глушь»

(«Комсомольська глушина», 1926), «Маскарад» («Маскарад», 1929). За четыре года, с 1927 по 1931, писатель издает более тридцати книг стихов и сказок для детей, а впоследствии переходит к прозе – рассказам и повестям, также предназначенным преимущественно для детей и юношества.

В годы Великой отечественной войны Донченко не попадает в армию по состоянию здоровья, и его вместе с семьей эвакуируют в Казахстан, где он начинает работать корреспондентом газеты «Угольная магистраль». После войны писатель возвращается в Харьков, а затем переселяется в город своей молодости – Лубны, где и проводит последние годы своей жизни.

Донченко писал на протяжении всей своей жизни. В начале 1930 годов были опубликованы повести и романы писателя об индустриализации страны – «Две весны» («Дві весни», 1931), «Звездная крепость» («Зоряна фортеця», 1933, рус. пер. 1934), «Море отступает» («Море відступає», 1934), «Разведыватели недр» («Розвідачі нетрів», 1934), «Семья Мартыновых» («Родина Мартинових», 1934).

Значительный вклад писатель внес в развитие украинской прозы для детей и юношества, издав более ста книг для юных читателей, наиболее популярные из которых «Родина» («Батьківщина», 1936), «Школа над морем» («Школа над морем», 1937, рус. пер. 1940), «Лукия» («Лукія», 1939), «Карафутто» («Карафутто», 1940), «Сердце беркута» («Серце беркута», 1944), «Повесть о новом доме» («Повість про новий дім», 1946, рус. пер. 1958), «Заветное слово» («Заповітне слово», 1948), «Лесничиха» («Лісничиха», 1945, рус. пер. 1950), «Юрко Васюта» («Юрко Васюта», 1950), «Шахта в степи» («Шахта в степу», 1949), «Золотая медаль» («Золота медаль», 1954) и др. В этих произведениях Донченко поднимает острые проблемы идеологического воспитания

¹ С биографией писателя можно ознакомиться на информационном портале «Украинская литература». – Адрес доступа : <http://www.ukrlit.ru/article/548.html>

² Пролетарский литературный фронт – литературное объединение писателей Харьковской области в 1930 году.

³ Всеукраинский союз пролетарских писателей, организованный в 1926 году.

детей и юношества в семье и школе, показывает великую силу коллектива⁴.

События приключенческой повести «Карафутто», предназначенной в первую очередь школьникам средних и старших классов, разворачиваются на японской территории острова Сахалин⁵. В 2010 году повести исполнилось 70 лет. Впервые она вышла в свет в 1940 году в киевском издательстве детской литературы «Дитвидав» на украинском языке⁶ и на сегодняшний день остается недоступной русскоязычным читателям. Интерес украинского писателя к Карафутто можно объяснить, прежде всего, политическими причинами: в год публикации книги Сахалин еще был разделен на русскую и японскую территории. За два года до появления книги «Карафутто» вышла поэма Сергея Михалкова (1913–2009) «Миша Корольков» (1938) на актуальную в предвоенные годы тему военных и дипломатических столкновений с милитаристской Японией. По сюжету советский пионер Миша Корольков на советском пароходе плывет с острова Сахалин во Владивосток. Пароход попадает в шторм – и его прибывает к японским берегам. Команда и пассажиры оказываются в руках японцев, которые склоняют юного Королькова к предательству, но тот отказывается сообщить число стрелков среди школьников Сахалина, и вскоре подростка спасают русские моряки. Донченко мог сознательно использовать для своей повести сюжетную канву «Миши Королькова», чтобы быть уверенным в «правильности» будущей повести исходя из идеологических соображений советского времени⁷: повесть должна была показать силу и характер советского народа, в особенности подрастающего поколения. При этом, откуда Донченко мог почерпнуть сведения о Японии и японцах, чьи образы он воспроизводит в повести, остается неизвестным.

По сюжету «Карафутто» семнадцатилетний Володя вместе со своим отцом, известным советским ученым-геологом, на «Сибиряке» отправляется в экспедицию из г. Владивостока на Северный Сахалин, чтобы описать глухие закоулки сахалинской тайги, а также найти месторождения золота. Неожиданно налетевший тайфун мешает планам путешественников –

случается кораблекрушение, но Володе с отцом удается спастись, и они оказываются на Карафутто – южной части Сахалина, которая в это время принадлежит Японии. Начальник полицейской управы Инаба Куронума и его русский переводчик Лихолетов угрозами и издевательствами сначала пытаются склонить ученого к принятию японского подданства, а затем стараются выведать у него важные политические сведения. После того, как отца и сына, которые наотрез отказываются давать какие-либо сведения о своей стране, разлучают и заключают под стражу, Володе удается бежать. На пути до границы, проходившей по 50-й параллели острова, его ждут самые различные приключения: он сталкивается с оборотнем-белогвардейцем, попадает в подпольную военную лабораторию, где ставят опыты над животными и людьми; некоторое время юноша работает на пиратской шпионской шхуне, а в конце повести встречается с искателями золотоносного песка. Наконец, разоблачив ряд заговоров, отыскав месторождение золота, юноша возвращается домой, где его ждет мама и возлюбленная Инга.

Сахалин, а точнее, южная его часть выступает, прежде всего, фоном повествования, который помогает раскрыть характер главного героя. Остров с суровой природой, часть которого принадлежит другой стране, наиболее удачно подходит для того, чтобы на нем развернулись приключенческие события повести. О том, что герои отправляются на Сахалин из Владивостока, читатели в начале повести узнают лишь по ряду географических объектов: «Всходило солнце, и далекие скалистые берега острова Аскольд дрожали в розовых бурунах. <...> Туман рвался, как паутина, и его белые клочья – легкие, как тучки, таяли над Золотым Рогом⁸», в то время как Сахалин обсуждается героями уже в самом начале повести:

«В просторной столовой стол был застелен картами. Несколько членов экспедиции курили, громко разговаривали и, прихлебывая чай, водили по карте от точки к точке карандашами. Низенький и толстый врач поминутно тыкал коротким пальцем в карту и простуженным, хриплым голосом спрашивал:

⁴ См. об этом: Радченко, В. Г. Донченко / В. Г. Радченко // *Краткая литературная энциклопедия* / гл. ред. А. А. Сурков. – М.: Сов. энциклопедия, 1962–1978. – Т. 2: Гаврилюк–Зюльфигар, Ширвани. – 1964. – С. 749–750. – Адрес доступа: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke2/ke2-7492.htm>

⁵ *Южный Сахалин по итогам русско-японской войны 1904–1905 годов находился под юрисдикцией Японии с 1905 до 1945 года.*

⁶ Донченко, О. В. *Карафутто* / О. В. Донченко; худож. М. Рудаков. – К.: Дитвидав, 1940. – 239 с.

⁷ См. об этом: Марченко, Н. «Справжня людина», *антураж часу та вічні істини* / Н. Марченко. – Ключ. – 2010. – 25 червня. – Адрес доступа: <http://www.chl.kiev.ua/key/Books/ShowBook/3>

⁸ Аскольд – остров в заливе Петра Великого Японского моря, в 50 км к юго-востоку от Владивостока и в 40 км к западу от Находки; Золотой Рог – бухта в заливе Петра Великого Японского моря.

⁹ Донченко, О. В. *Карафутто* / О. В. Донченко // *Школа над морем: повести: для сред. шк. возраста.* – К., 1990. – С. 259–260 (на укр. яз.).

– А здесь что? Что здесь, скажите мне? Тайга? Прекрасно... Но я хочу знать топографию местности. Есть здесь горы? Река? Болото? Вулкан? Смешно говорить – это белое пятно!

– Да, нога человеческая не ступала, – загудел громоподобным басом высокий геолог. – Конандойлевский затерянный мир, не иначе!

– Я не говорю этого, – бегал вокруг стола низенький врач. – Здесь не раз ступала нога охотника, здесь проходили и бродяги, и бывшие беглецы-каторжане, но на карту ничего не нанесено. Нельзя верить этой карте».¹⁰

Рассматривая карту, герои не обходят стороной и необычную форму острова:

«Володя взял в руки карту Сахалина и сейчас же весело ответил:

– Рыба! Настоящая рыба!

– К тому же очень вкусная. Очень напоминает осетра. Два полуострова – Ноторо и Сирэтоко – это, бесспорно, концовка хвоста, две лопасти хвостового плавника. Ну, а залив Тарайка образует еще один плавник.

– Хвост – это японский Карафуту¹¹, – отметил геолог. – Вы должны это изучать в школе.

– А это значит, что именно этот японский хвост наш «Сибиряк» должен обойти. Как известно, у каждой твари голова всегда была важнее, чем хвост»¹².

Про золотые россыпи, за которыми отправляются искатели, начальник экспедиции узнает из дневника, где была записана тайна крестьянина-бедняка Рыгора Древетняка¹³, на десять лет сосланного на сахалинскую каторгу. «Каторжник в сером халате с тузом на спине, в серой арестантской шапке, которая прикрывает выбритую наполовину голову»¹⁴, Рыгор, проработав два года на руднике, бежит в тайгу, где находит золотые самородки весом по полтора фунта; но его ловят и начинают допрашивать о местонахождении самородков. После допроса Рыгор знакомится с генерал-губернатором острова:

«Генерал-губернатор закурил ароматную сигарету и ласково заговорил:

– Слушай, братец, я слышал, что ты не хочешь указать место, где нашел самородки. Ведь ты, наверное, натолкнулся в тайге на неслыханное богатство, на богатейшие россыпи золота. Когда ты укажешь место, я даю слово пересмотреть дело – ты пойдешь на волю.

– Я, ваше благородие, пойду на волю, а вы

на те золотые россыпи через гнилые болота пошлете тысячи таких, как я. Им, ваше благородие, воля тогда будет одна – погонять в могилу. Разве до меня, свободного, не долетят их проклятия, что заплатил я за свою свободу их костями? Нет, слово мое твердое. Я и то жалею, что не закопал самородки в землю. Но мысль была – вырвусь из тайги, с проклятого острова, семейство увижу.

– Увидишь, Древетняк. Давай по-хорошему. Ты слышал мои условия: укажи место – и я даю слово, что...

– Я уже слышал, ваше благородие, ваши условия. А теперь послушайте мои. Я вам покажу место, где я нашел золото. Там его столько – греби руками, пока поясница не заболит. Да и показывать не надо, только скажу, и то найдете, хотя добраться туда – трижды можно дуба дать. Ну, вот. А за это – не мне одному волю дайте, а всему острову Сахалин!»¹⁵

Только перед смертью Рыгор Древетняк решается открыть свою тайну и указать точное место, где он нашел золотые россыпи: «Черная падь, где протекает таежная речка Ганза (так ее называют гиляки). Надо идти вдоль этой речушки против течения до узкого ущелья в горах, откуда Ганза берет свое начало. Все ущелье расширяется и переходит в долину. С гор течет водопад, буруны бешено скачут по камням. Вот в этой долине, в песчаном иле, я и нашел самородки. В песке, даже не промывая, можно видеть множество золотых крупинок: одни – как маковое зерно, другие – с горошину...»¹⁶. Установить точное место, о котором говорит Рыгор Древетняк, на современной карте Сахалина не представляется возможным, так как по названию нельзя точно определить, о какой именно реке идет речь. Можно предположить лишь, имеется в виду северная часть Сахалина, где проживали гиляки и куда изначально отправляются герои повести.

Отец Володи подвергает сомнению тайну Рыгора Древетняка, однако в конце повествования оказывается, что золотые россыпи действительно существуют: «В таежной лачуге советские пограничники нашли двадцать килограммов самородков и золотого песка, его намыли японские бандиты на тех самых золотых россыпях у верховьев Ганзы, которые когда-то нашел в тайге Рыгор Древетняк»¹⁷.

Основные события повести происходят на японской территории острова. Оказавшись на

¹⁰ Донченко, О. В. *Карафуту / О. В. Донченко // Школа над морем : повести : для сред. шк. возраста. – К., 1990. – 261 (на укр. яз.)*.

¹¹ Здесь использованы японские географические названия, в настоящее время: Ноторо – п. Кириллово, Сирэтоко – п. Новиково, залив Тарайка – залив Терпения.

¹² Донченко, О. В. *Карафуту / О. В. Донченко // Школа над морем : повести : для сред. шк. возраста. – К., 1990. – С. 262 (на укр. яз.)*.

¹³ Имя Рыгор – белорусское, аналог русского имени Григорий; фамилия Древетняк имеет украинские корни.

¹⁴ Донченко, О. В. *Карафуту / О. В. Донченко // Школа над морем : повести : для сред. шк. возраста. – К., 1990. – С. 269 (на укр. яз.)*.

¹⁵ Там же. – С. 270–271.

¹⁶ Там же. – С. 272.

¹⁷ Там же. – С. 46.

Карафуту, Володя знакомится с жизнью японцев на острове, среди которых встречаются не только те, кто враждебно настроен по отношению к советскому школьнику, но и те, кто готов прийти ему на помощь. Поведение японцев, которые всеми способами пытаются склонить советского геолога к принятию японского подданства, никак не соответствует ожиданиям Володино отца: «Японцы узнают, кто мы, и, видимо, через несколько дней отправят нас во Владивосток. Итак, мы приобретем новых знакомых в лице самураев, и тебе, сынок, выпадает прекрасная возможность проверить свои знания в японском языке»¹⁸. Похожим на самурая оказывается хитрый начальник полицейской управы, Инаба Куронума – у него был «голый череп с пучком волос спереди, короткие ошетилившиеся усы, брови взламывались на лбу двумя острыми углами»¹⁹. Он появляется перед героями в темно-сером кимоно с черным поясом и в таби – японских чулках с отдельным большим пальцем. Сначала он угощает героев японскими деликатесами: жареным рябчиком, сладким картофелем – сацумаимо, сырой рыбой с тертой редькой, а после начинает пытаться.

Во «вражеском» лагере находится японец Аюгава – с ним Володя знакомится, когда попадает в тайную лабораторию, где испытывают на людях и животных ядовитые газы. Профессор Аюгава, сморщенный старик, с цепкими руками, искренне верит в то, что на всей земле нужно установить социализм:

«– Нам нужны новые газы, которых бы не имело ни одно государство, – говорил старик. – Спасение человечества есть священная миссия императорской Японии. Этого можно достичь, завоевав вселенную и установив везде социализм.

– Социализм? – Вырвалось у Володи.

– Социализм, юноша.

– Вы – социалист, господин профессор?

– Социалист, юноша. Я за социализм во всем мире под руководством императора. Да, да, я за то, чтобы наш тэнно²⁰ всегда ездил в машинах, окрашенных в красный цвет социализма!»²¹

Володе удается сбежать из лаборатории, откуда, как уверяет его Аюгава, никого не выпускают; вскоре после этого в лесу он встречает «смуглого

мужчину с черной красивой бородой»²² – сахалинского айна, который отрицательно относится ко всем японцам. Он на ломаном русском языке рассказывает Володе, кто такие японцы: «Белку убил – японец шкурки забрал. Медведя убил – японцу дай. Много японцев пришел и очень бил. Женщину японец забрал...»²³.

Еще одним японцем, с которым Володя знакомится, попав на рыболовецкую шхуну «Никкимару», – становится рыбак Катакура, больной туберкулезом. Все имущество Катакуры «состояло из корзины, в которой лежали гэта²⁴ и пропитанные рыбьей кровью трусы. Катакура учил Володю, как надо быстро и умело вычищать рыбине нутро, и вскоре они подружились»²⁵. Вместе с ними на судне работали голодающие японцы, готовые выполнять каторжную работу за горсть третьесортного риса. Такое обстоятельство было весьма выгодно капитану, которому нужно было иметь дешевые руки: «Он охотно принимал даже чахоточных и вообще больных, которых нигде не принимали на работу и которые от отчаяния выполняли первую попавшуюся работу за миску горячего риса»²⁶.

Обозначенные выше герои – это далеко не все персонажи повести, однако даже по небольшому описанию каждого персонажа можно судить, что писатель был очень хорошо знаком с японской культурой. Кроме того, что он, описывая жизнь японских героев, приводит в тексте оригинальные названия предметов японского обихода, он также знакомит читателя с японскими традициями: так, например, перед тем, как войти в дом, Володю и его отца заставляют разуться, как это принято в Японии. В тексте Донченко неоднократно использует целые японские выражения, перевод которых дает в примечаниях, а именно: надпись на этикетках в лаборатории «Тайхэн абунайдэс»²⁷ – «очень опасно», вежливые фразы «гомэн кудасай»²⁸ – «извините» и др. Герой повести даже поет детскую песенку на японском языке: «Моси, моси, камэ ё, Каме сан, ё...»²⁹ – «Слушай, слушай, черепаха, послушай, госпожа черепаха». Довольно точно показан японский быт: в комнате стоят ширмы, на полу постелены циновки, есть даже какэмоно – вышитая на шелке картина. Такое правдоподобное

¹⁸ Донченко, О. В. Карафуту / О. В. Донченко // Школа над морем : повести : для сред. шк. возраста. – К., 1990. – С. 309 (на укр. яз.).

¹⁹ Там же. – С. 314.

²⁰ Словом «тэнно» японцы называют своего императора. Красной краской в Токио положено красить автомобили, в которых ездят японский император и члены его семьи.

²¹ Донченко, О. В. Карафуту / О. В. Донченко // Школа над морем : повести : для сред. шк. возраста. – К., 1990 (на укр. яз.). – С. 404–405.

²² Там же. – С. 424.

²³ Там же. – С. 425.

²⁴ Японская традиционная обувь.

²⁵ Донченко, О. В. Карафуту / О. В. Донченко // Школа над морем : повести : для сред. шк. возраста. – К., 1990 (на укр. яз.). – С. 432–433.

²⁶ Там же. – С. 432.

²⁷ Там же. – С. 404.

²⁸ Там же. – С. 313.

²⁹ Там же. – С. 315.

изображение японских реалий с включением в текст оригинальных японских названий делает повесть интересной и познавательной.

Примечательной особенностью повести является то, что в ней довольно четко прослеживается политическая направленность. Многие положительно настроенные к Володе герои, готовые всякий раз прийти ему на помощь, выступают на его стороне, только потому, что он является большевиком. Но, несмотря на полити-

ческую и идеологическую составляющие, писателю удается не только показать характер главного героя, который проходит через множество испытаний, но также воссоздать образ Сахалина японского периода. Несмотря на то, что художественная литература не претендует на достоверность изображаемых событий, создаваемый в произведении образ Карафута позволяет судить о событиях описываемого периода и особенностях японской культуры.

РОССИЯ И САХАЛИН В ТРИЛОГИИ ХАРУКИ МУРАКАМИ «1Q84»

В статье отражены поиски русских мотивов в трилогии Харуки Мураками «1Q84 (Тысяча невестьсот восемьдесят четыре)». В романе Россия и Сахалин представлены не только историческими фактами, но и литературными аллюзиями. Харуки Мураками обращается к именам знаменитых русских классиков – А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого.

Ключевые слова: Харуки Мураками, «Остров Сахалин» А. П. Чехова, Россия и Сахалин в литературе Японии.

RUSSIA AND SAKHALIN IN THE TRILOGY OF HARUKI MURAKAMI “1Q84”

The article describes the search of Russian motives in the trilogy of H. Murakami “1Q84 (One thousand Q eighty-four)”. The novel represents Russia and Sakhalin not only with the help of historical facts, but also with the literary allusions. Haruki Murakami refers to the names of Russian famous authors – A. P. Chekhov, F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy.

Key words: Haruki Murakami, “Sakhalin Island” by Anton Chekhov, Russian and Sakhalin representation in Japanese literature.

Харуки Мураками (род. 1949) – японский прозаик, чья фамилия была названа осенью 2012 года в списке возможных претендентов на Нобелевскую премию по литературе. Как известно, обладателями Нобелевской премии не так часто становятся авторы, известные на весь мир. Одно то, что читаемый и любимый во многих странах писатель стал интересен Комитету по присуждению Нобелевской премии, означает, что книги Харуки Мураками относятся к социально значимой литературе.

Обширная территория Российской Федерации редко попадает в маршрут путешествий японского писателя, хотя образ России для книг Харуки Мураками традиционен. Харуки Мураками часто обращается к истории России, упоминает тех или иных писателей, композиторов, причем, иногда – на уровне имен и событий, но чаще – на глубоком исследовательском материале. Так, если у японского писателя появляется имя Ф. М. Достоевского, то это неизменно связано с книгами «Преступление и наказание» или «Братья Карамазовы», если имя Л. Н. Толстого – то применительно к «Войне и миру», «Анне Карениной» и другим знаменитым произведениям. Интерес Харуки Мураками к России можно проследить в «Трилогии Крысы» (1979–1982), в романах «Страна чудес без тормозов и Конец света» (1985), «Дэнс, дэнс, дэнс» (1988), «Хроники заводной птицы» (1994–1995), «Мой любимый спутник» (1999), «Кафка на пляже» (2002)¹. Безусловно, образ России преломляется через восточное восприятие писателя, долгое время жившего в Америке. Но тем он своеобразен и необычен – подобный нестандартный взгляд со стороны.

Летом 2003 года Сахалин стал предметом туристического внимания писателя. Отклоняя приглашения издателей приехать в Москву, Харуки Мураками про перспективу посетить остров Сахалин отозвался так: «М-да, Сахалин – это действительно интересно»². Пятидневное путешествие на остров состоялось почти инкогнито: не было пышной встречи в аэропорту именитого писателя, не было возможных встреч с читателями, не было встречи с журналистами. Бесспорно, то, что увидел писатель в XXI веке, резко отличалось от того, что наблюдал его коллега по перу в начале XX столетия. Однако впечатления, преломившись одно о другое, появились в произведении «1Q84 (Тысяча невестьсот восемьдесят четыре)» (2009–2010). Отсылка к мастеру короткого рассказа А. П. Чехову происходит на страницах трехтомного романа неоднократно. Так, в одной из глав один из главных героев выбирает на полках своей домашней библиотеки книгу, чтобы прочитать вслух своей гостье. Предпочитая брать книги в библиотеке, Тэнго (так звали героя), хранил дома только те работы, которые по той или иной причине мог перечитать. В тот вечер под его рукой оказался «Остров Сахалин» А. П. Чехова. Прежде чем прочитать фрагменты из книги, Тэнго остановился на предыстории создания романа, рассказав, что в 30-летнем возрасте уже известный писатель Чехов отправился в дальнее путешествие и в конечном итоге написал строки, больше напоминающие «социально-антропологический»³ отчет, чем художественное произведение.

Двадцатидевятилетний Тэнго и семнадцати-

¹ См., например: Иконникова, Е. А. Россия в романах Мураками / Е. А. Иконникова // Япония сегодня. – № 7. – 2006. – С. 4–6.

² Подробное описание пребывания Харуки Мураками на Сахалине освещено на сайте: <http://www.susi.ru> (дата обращения : 16.11.2012).

летняя Фуказэри рассуждают о том, зачем Чехову понадобилось столь опасное путешествие. В главе 20 Книги 1 (апрель–июнь) большая часть повествования построена на цитировании некоторых фрагментов чеховского текста. Например, довольно объемное обращение к описанию гиляков.

«У гиляка крепкое, коренастое сложение, он среднего, даже малого роста. Высокий рост стеснял бы его в тайге. Кости у него толсты и отличаются развитием всех отростков, гребней и бугорков, к которым прикрепляются мышцы...»⁴. Далее идет не столько художественное описание, сколько медицинское. Даже изображение тела без жировой прокладки подкрепляется врачебными предположениями и версиями о том, что «жир расходуется на тепло, которого так много должно вырабатывать в себе тело сахалинца»⁵. Обратив внимание на то, что Х. Мураками довольно подробно описывает этих островных старожилов, невольно складывается впечатление, что здесь проходит определенная параллель и с «LittlePeople» – тем самым «народцем», из-за появления которого и произошла вся история. Маленькие люди стали главными персонажами не только в романе, придуманном Фуказэри и отредактированном Тэнго, но и важными действующими лицами в жизни всех героев. «LittlePeople плетут свои коконы, а что из этих коконов появится – неизвестно до последнего момента. Фуказэри видит вторую себя в коконе, который сама же помогала плести маленьким человечкам, вышедшим изо рта мертвой козы. Друг Фуказэри погибает от змей, вылупившихся из кокона. Тэнго видит в коконе свою возлюбленную Аомамэ. Каждый, кто сталкивается с маленькими человечками, обнаруживает собственное содержание воздушного кокона. Ведь у разных людей свои истории жизни, свои смыслы бытия.

В прочитанном Тэнго отрывке приводится описание быта, характера, особенностей поведения гиляков, и становится ясно, что это совершенно иной, не похожий ни на кого народ. По мере чтения текста вслух Фуказэри называет гиляков то бедными (так как они нестойкие к эпидемиям из-за антисанитарии), то классными (когда узнает, что «ложь и хвастовство в обычной, не деловой сфере им противны»⁶).

Во втором томе отсылки к А. П. Чехову продолжаются. Тамару – охранник клиентки Аомамэ и частый ее собеседник – рассказывает о своей жизни⁷. Аомамэ узнает, что Тамару родился на Сахалине, родителей не помнит, так как они оказались в плену в 1945 году, когда советская армия выбила японцев с острова. Своих граждан японцы успели вывести на родину, а поскольку родители Тамару были корейцами, то им пришлось тяжело. Заканчивая свою историю, Тамару вспомнил А. П. Чехова и его высказывание о том, что «если в начале пьесы на стене висит ружье, к концу оно выстреливает»⁸. Интересно, что эта фраза неоднократно встречается в романе. «Не захламляй свою историю лишними инструментами, – философски говорит он Аомамэ, – притащишь в свою историю пистолет – он обязательно выстрелит. Не увлекайся красотами, они сработают против тебя. Вот что хотел сказать Чехов. Он любил истории, где нет ничего лишнего». Аомамэ убеждала себя, что закон Чехова несовершенен, что окружающий мир – не литературное произведение, а реальность. И, тем не менее, сюжетная линия Аомамэ во второй книге завершается именно «чеховским ружьем»: девушка готова выстрелить в себя, чтобы вернуться в 1984 год.

Любопытно наблюдение Е. А. Иконниковой, которая обнаружила, что в романе «календарная хронология соотносится почти целиком с графиком поездки русского классика А. П. Чехова из цивилизованной Москвы на каторжный Сахалин, а затем – обратно»⁹. В статье «Роман Харуки Мураками «1Q84»: российские мотивы» Е. А. Иконникова проводит параллель между маршрутом А. П. Чехова (Москва – Сахалин – Москва) и героев романа Харуки Мураками во время движения из 1984 года в 1Q84 и обратно. Примечательно, что после публикации романа в Японии появились карманные календарики на 1Q84 год¹⁰.

Кроме фамилии А. П. Чехова, в романе упоминаются еще два великих русских литератора: аллюзия, отсылающая читателя к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», звучит при описании воспоминаний молодости Усикавы – сыщика, который, выполнив свою миссию и случайно соединив главных

³ Мураками, Х. 1Q84. Тысяча невестьсот восемьдесят четыре: роман : в 2 кн. – Кн. 1 : Апрель-июнь / Х. Мураками ; пер. с яп. Д. Коваленина. – М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. – С. 414.

⁴ Там же. – С. 417.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 419.

⁷ Мураками, Х. 1Q84. Тысяча невестьсот восемьдесят четыре: роман : в 2 кн. – Кн. 2 : Июль-сентябрь / Х. Мураками ; пер. с яп. Д. Коваленина. – М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. – С. 23–25.

⁸ Там же. – С. 25.

⁹ Иконникова, Е. А. Роман Харуки Мураками «1Q84»: российские мотивы / Е. А. Иконникова // Азия и Африка сегодня. – № 6. – 2012. – С. 70.

¹⁰ О том, как приняли роман в Японии, можно прочитать в следующей статье: Иконникова, Е. А. «Связующая нить: от Чехова до Мураками» / Е. А. Иконникова // Особое мнение. – 2010. – № 66 (февраль-март). – С. 58–61.

героев, принял смерть от рук Тамару. Усикава так вспоминал о своей юности: «вылитый Раскольников, так и не встретивший свою Соню»¹¹. Усикава – большеголовый человек с запоминающейся внешностью, исключительной интуицией и непростой судьбой. У него где-то есть жена, дочери, брехливая собака, которые никогда его особо не любили. Он привык к тому, что не вызывает в людях симпатии. Вероятно, если бы ему в жизни встретился человек, готовый разделить с ним его судьбу, все могло сложиться иначе. В момент предсмертного для Усикавы разговора с Тамару, последний перефразирует выражение еще одного русского классика Л. Н. Толстого из «Анны Карениной»: «в наслаждениях люди схожи, но в страдании своем каждый неповторим»¹².

Однако по страницам трехтомного романа рассыпаны упоминания о России, выходящие за рамки литературных аллюзий.

Так, практически в самом начале романа героиня Аомамэ, тренер по боевым искусствам, только что отправившая в мир иной очередного мужчину, жестоко обходившегося со своей женой, читает в баре, не спеша потягивая джинтоник, историю Маньчжурской железной дороги 1930 годов. «Сама дорога и права на ее эксплуатацию перешли от России к концерну ЮМЖД в 1905-м, по окончании Русско-японской войны. Сразу после этого дорога начала стремительно достраиваться и вскоре превратилась в стратегическую трассу для дальнейшего вторжения Императорской армии в Китай, из-за чего советские войска и демонтировали ее в 45-м. А до 41-го, пока Германия не напала на СССР, Мань-

чжурская дорога соединялась с Транссибирской магистралью...»¹³ Во-первых, выбор подобной книги для чтения показывает нестандартность интеллектуальных предпочтений девушки, занимающейся «чисткой». Во-вторых, сам образ дороги, мостов, трасс играет в романе важную роль. Это переходы из 1984 в 1Q84, из прошлого в будущее, от одного «я» к «я» другому.

В третьей книге выходов на Россию, пожалуй, меньше всего. Из уст уже упомянутого Тамару звучит история о сыщике тайной полиции, которого Сталин запер в глухой квадратной комнате с маленьким деревянным стулом, чтобы тот выбил из табуретки признание. Эта история была рассказана для того, чтобы подтвердить, что реальный мир может быть ничуть не менее абсурдным и странным, нежели выдуманный.

Практически в каждом романе Харуки Мураками есть упоминание о России, но, как правило, это обращения к истории и культуре страны. В анализируемом произведении также нет ссылок на современную Россию и Сахалин, в частности. Образ острова складывается по «сахалинской» книге А. П. Чехова, а России воспроизводится по литературным аллюзиям русских классиков XIX века. Вероятно, не писать о России Харуки Мураками не может, потому что Япония территориально находится рядом с Дальним Востоком России, обойти вниманием столь большое географическое (а вместе с ним и культурно-историческое) пространство невозможно. Однако есть ощущение, что для Харуки Мураками близка Россия в ее непостижимости, в ее классике, в том лучшем, что подарила она мировой литературе и искусству.

¹¹ Мураками, Х. 1Q84. Тысяча невестьсот восемьдесят четыре. – Кн. 3 : Октябрь-декабрь / Х. Мураками ; пер. с яп. Д. Коваленина. – М. : Эксмо, 2012. – С. 170.

¹² Там же. – С. 420.

¹³ Мураками, Х. 1Q84. Тысяча невестьсот восемьдесят четыре: роман: в 2 кн. – Кн. 1 : Апрель-июнь / Х. Мураками ; пер. с яп. Д. Коваленина. – М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. – С. 93.

ЭКРАНИЗАЦИЯ РАССКАЗА АНАТОЛИЯ КИМА «МЕСТЬ» В КАЗАХСТАНЕ: НОВЫЕ ГРАНИ СТАРОГО ФИЛЬМА

В статье рассмотрена экранная версия ранних рассказов Анатолия Кима казахским режиссером Ермеком Шинарбаевым. Особое внимание уделено анализу проблематики кинофильма, а также художественных средств, благодаря которым кинокартина оказала эмоциональное воздействие на зрителя.

Ключевые слова: Анатолий Ким, Ермак Шинарбаев, «Мечь», Сахалин.

SCREEN VERSION OF ANATOLIY KIM'S STORY "REVENGE" IN KAZAKHSTAN: NEW VERGES OF THE OLD MOVIE

The article deals with The screen version of A. Kim's early stories by Kazak director Ermek Shinarbaev. Great attention is paid to analysis of movie's main points and artistic devices that had emotional impact on the viewers.

Key words: Anatoliy Kim, Ermek Shinarbaev, "Revenge", Sakhalin.

Писатель Анатолий Ким, известный не только в России, но и за рубежом, автор разных по жанру произведений (его перу принадлежат рассказы и притчи, повести и романы, детские рассказы и пьесы) в 1980 годах проявил себя и как талантливый киносценарист. На киностудии «Казахфильм» были сняты три его фильма. Последний из них – «Мечь» (1989) – Анатолий Ким назвал корейским. Казахско-корейский дуэт кинорежиссера и писателя раскрыл талант первого и показал новые грани мастерства второго. В свое время «Мечь» получила оценку таких критиков, как Григорий Померанец, Эльга Лындина, Татьяна Иенсен, Диляра Тасбулатова и др.

К сожалению, в настоящее время этот фильм практически неизвестен. А ведь он мог бы стать хорошей иллюстрацией для знакомства с культурой и бытом Кореи, особенно для представителей этой национальности, живущих в разных уголках планеты. Но надо отметить, что в настоящее время фильм получил свое второе рождение. В мае 2010 года его представили на фестивале в Каннах уже в оцифрованном виде. Такая возможность появилась благодаря Всемирному фонду кино, который включил «Мечь» в реестр кинематографических шедевров.

Связь Анатолия Кима с казахской культурой продолжается и сейчас. Однако кинофильм «Мечь» интересен также и в контексте российского дальневосточного региона. Съёмки заключительной части фильма проходили на побережье Сахалина, недалеко от села Горнозаводск, где писатель провел школьные годы. В 2010 году Анатолий Ким вновь увидел сахалинские красоты, побывав и в самом селе, сильно изменившемся с тех пор, когда там прежде гостил писатель. Детские воспоминания захлестнули Анатолия Кима. А прогулка в одиночестве по морскому берегу под крики чаек и шепот волн, может быть, вдохновила на создание еще одного произведения искусства.

Как часто бывает, что книга, по которой снят

тот или иной кинофильм, воспринимается нами эмоциональнее, кажется более интересной и насыщенной в изображении деталей, характеров. Мы ждем (на подсознательном уровне) полного сходства оригинала и его экранной версии, но забываем, что художественный кинофильм – новое произведение искусства, которое и восприниматься должно по-новому, без оглядки на то, что было прежде. Порой из-за подобных ожиданий мы испытываем разочарование от экранизации. Однако такое случается не всегда.

Казахский режиссер Ермак Шинарбаев (род. 1953) по сценарию Анатолия Кима (род. 1939) предложил интересную трактовку ранних произведений писателя в художественном фильме «Мечь» (1989). Это третья из совместных работ Ермека Шинарбаева и Анатолия Кима. Ей предшествовали такие кинофильмы, как «Сестра моя Люся» (1985) и «Выйти из леса на поляну» (1987).

Интересно, что писатель корейской национальности стал работать в соавторстве с режиссером именно из Казахстана. Этому, на наш взгляд, есть простое объяснение. Анатолий Ким родился в Казахстане, там он провел свои первые годы жизни и получил первые впечатления о мире. С детских лет Анатолий Ким вместе с родителями проехал всю Россию с запада на восток. Что-то надолго осталось в памяти. Но внутренняя связь с малой родиной, а также с иными местами, в которых приходилось бывать Анатолию Киму еще ребенком, сохранилась на всю жизнь.

В основе кинофильма – одноименный рассказ Анатолия Кима из его дебютного сборника «Голубой остров» (1976) с эпизодическими вставками из рассказов «Сезонники» и «Невеста моря». Эти три совершенно разных по тематике и языку произведения настолько органично переплелись, что зрителю, незнакомому с ранним творчеством писателя, трудно будет отделить одно от другого.

Интересно композиционное решение кино-

версии. Семь новелл, связанные друг с другом одним сюжетом, объединены текстовыми авторскими комментариями. Последние создают ощущение присутствия рассказчика и придают произведению цельность, завершенность. Новеллам предшествует пролог, в завуалированной форме раскрывающий главную мысль экранизации.

Основные события фильма разворачиваются в корейской деревне. Учитель Ян во время школьного занятия в порыве гнева убивает серпом свою ученицу. Это была единственная дочь крестьянина Цая. Отец отправляется отомстить убийце своего ребенка, но долгие поиски не увенчиваются успехом. Тогда Цай берет в наложницы молодую глухонемую женщину, родившую ему вскоре сына по имени Сунгу. Когда пришло время, отец поведал Сунгу об истинной причине его появления на свет. «Ты был выпрошен у судьбы только для мести», – сказал Цай. И тем самым отец наложил на мальчика заклятие: «До того дня, когда свершится справедливое, на что у меня не хватило жизни, да не будет у тебя ни жены, ни детей, ни своего счастья, ни своей печали. А не сделаешь этого, значит, не свершишь своего человеческого назначения». Так жизнь Сунгу резко переменялась: у него появилась цель – исполнить наказ отца. Став взрослым, юноша отправился вслед за Яном на Сахалин. И только спустя много лет Сунгу нашел дом своего врага. Однако Ян к тому моменту уже умер, и мести не суждено было свершиться. Но это обстоятельство только избавило измучившуюся душу Сунгу от тяжелого чувства долга. Впервые за двадцать лет ему захотелось жить, дышать полной грудью, любить.

Таково краткое содержание киноленты. Однако основное действие предваряет и завершает сцена из далекого прошлого Кореи. У одного правителя был сын, друживший с мальчиком из народа. К королевичу приставили воина, которому надлежало обучить ребенка боевому искусству, сделав его непобедимым. Шли годы. Наследник престола, действительно, стал самым сильным (и, одновременно, жестоким), а его друг детства – придворным поэтом. Но не только. Он был совестью нового правителя. А потому, видя творимые принцем бесчинства, предпочел его покинуть: в душе поэта стихи не могли рождаться под звуки казни. Спустя двести лет поэт вернулся в облике Сунгу. В детстве юноша тоже писал стихи, но муза оставила Сунгу в девятилетнем возрасте, когда им овладела мысль о мести. Теперь взрослый Сунгу, освободившись от тяжкого бремени, спрашивал своего правителя, нужна ли его поэзия людям, убивающим друг друга. Ответ правителя вселил надежду в героя: «Может, затем она и нужна, чтобы у людей исчезло неудержимое желание мести...».

Подобных высказываний, заставляющих вслушиваться, всматриваться, очень много. Автор будто вложил в уста персонажей свои самые сокровенные мысли, выстраданные, взвешенные, пережитые. «Месть» – интеллектуальный фильм с безусловным философским подтекстом. Он адресован думающему, размышляю-

ществу зрителю. Философская проблематика, на наш взгляд, доминирует в картине. Эта линия включает образы пути, странника, идею возмездия и развенчание ее.

Пути у каждого из героев свой. Пути могут пересекаться или идти параллельно, но они обязательно предполагают развитие тела, духа, мысли. Фильм начинается с эпизода о ползущей черепахе, по зову природы устремленной к морю. Черепаха направляется к своей цели, преодолевая возникающие преграды. Ее упорство наталкивает на мысль о том, что сила жизни – в самой жизни, в ее созидании. К этому позже придет и главный герой, а пока у него своя дорога (в прямом и переносном смысле). Во имя мести юноша едет за учителем Яном на Сахалин. Там устраивается на лесопилку, с каждым днем становясь все ближе к обидчику. Но исполнение отцовской воли настолько затянулось, что этот путь становится тягостен для Сунгу, и он с облегчением принимает его окончание.

Жизнь Яна складывается непросто. Страх мести гонит его в Китай, а потом на островную землю. Вся жизнь этого человека проходит в ожидании и заканчивается бесславно (он спился и сгорел в сарае). Жена Яна, добрая женщина, целительница, назначенная судьбой спасти мужа, приняв на себя мечь, прошла вместе с Яном все лишения. Но жили они в разных реальностях, и их духовные пути никогда не пересекались.

Образ пути тесно связан с образом странника. Ими в высоком представлении выступают Сунгу, целительница (ее имя не называется) и еще один персонаж – учитель-монах. Он духовный наставник Сунгу. Он старается помочь юноше словом, сподвигнуть его на прощение и отказ от своей страшной цели. Монах помогает Сунгу вспомнить о том, что он в душе поэт, то есть музыкант, а его стихи – флейта. Значит, истинное предназначение Сунгу – играть, писать стихи, освободившись от оков, сдавливающих тело и мысль. Тогда жизнь покажет Сунгу свою светлую сторону и выведет на тропу добра и созидания.

Таким образом, сама мечь не находит воплощения в реальности. Однако возмездие настигло преступника сразу и сопровождало до последнего дня. Ян жил в постоянном страхе, в ожидании часа расплаты. Именно поэтому у него не было настоящего дома, семьи, уважения окружающих к его старости. Убив в гневе ребенка, Ян сам себя наказал.

В картине также затронута тема любви, точнее, философия любви, представленная в двух ракурсах: как отношения между мужчиной и женщиной и материнское чувство. Для героев Леша и Любы, работающих вместе с Сунгу на Сахалине, это первое сильное чувство, сопровождаемое бурной, яркой эмоциональностью. Для румынки Эльзы и Сунгу – возможность отдохнуть, отогреться душой. Есть еще любовь в представлении пожилой кореянки Харуё: «Любовь... что-то я позабыла о ней. Любовь разулась, как мы с тобой, и на сопку убежала», – делится женщина мыслями с подругой.

Самое преданное, безвозмездное, жертвенное и созидающее чувство в фильме – любовь матери Сунгу. Женщина всюду следует за сыном. Она не слышит его речи, не понимает, с чем обращается к ней ее ребенок, но она любит сына, ощущает его всей душой, оберегает, как может. И становится для Сунгу молчаливым другом.

Отмеченные образы, мотивы и детали не исчерпывают всей проблематики кинофильма. Очередной просмотр открывает все новые грани. Остановимся еще на двух, на наш взгляд, интересных компонентах «Мести». Это музыка и свет.

Музыкальное сопровождение подчеркивает восточный колорит картины. Монотонное звучание настраивает на временный уход от реальности, предлагая погрузиться в созерцание корейского быта, жизненного уклада, семейных отношений (чему также способствует введение корейской речи – без перевода, чтобы зритель почувствовал неспешность, размеренность корейского языка и, как следствие, течение самой жизни). В критичные моменты сюжетного движения музыка становится напряженнее. Нередко ее тяжело воспринимать, особенно мелодии, сопутствующие трагическим сценам (убийство ребенка; момент передачи старым Цаем своему сыну серпа как орудия убийства и закливание его отомстить за сестру; духовные терзания главного героя Сунгу). Здесь философия, драма жизни, полет и крик души...

Кроме музыки, созданной человеком, в контекст «Мести» органично вписана музыка природы: шум дождя, журчание воды, шепот волн... Эти естественные звуки делают картину настолько близкой человеку, что вызывают щемящее чувство утраты чего-то по-настоящему важного и нужного. Так, дождь ограждает Сунгу от посторонних звуков, мешающих думать. Плеск реки наталкивает на мысль о весеннем пробуждении природы и жизненном обновлении. Морской прибой помогает пожилой кореянке Харуё сбросить ненужный груз привычной опостылевшей жизни и уйти в поисках покоя и отдохновения...

Особую роль в композиционном решении кинопроизведения играет свет, а также его отсутствие. Световое обрамление поэтизирует картину. Яркий свет ослепляет, делая невидимыми лица героев. Они будто находятся в другом мире, так как открывают для себя новый уровень осознания и понимания жизни. Эту же функцию выполняет туман: таит от посторонних глаз заново рожденные, еще неокрепшие души героев.

Тьма тоже скрывает, но уже людское горе, давящее на душу человека и превращающее его в камень. Свет и тьма находятся в состоянии

вечной борьбы. В фильме побеждает свет, отогревая сердце и разум главного героя Сунгу.

Во вступительной части мы упомянули, что последние сцены киноленты были сняты на Сахалине. Съёмки проходили на побережье, рядом с небольшим приморским городком Горнозаводск. При японцах он именовался Найхоро-Танзан. Именно это название и упоминается в фильме.

Островные пейзажи послужили великолепным фоном для развития дальнейших событий. Оператор Сергей Косманев очень точно уловил основную цветовую гамму сахалинского лета (Сунгу приезжает на остров в августе): всевозможные оттенки синего и зеленого. Темно-синяя гладь моря на горизонте сливалась с ярко-голубым небом. А солнце, пробивающееся сквозь серые тучи, придавало морю стальной цвет. В густой листве пышной изумрудной растительности отражались солнечные блики, создавая непередаваемую игру света и цвета. Такое сочетание синего и зеленого с описанием различных оттенков этих и добавлением других цветов характерно для ранних произведений Анатолия Кима о Сахалине. Похожую цветовую игру писатель попытался воспроизвести в фильме вместе с режиссером.

Очень выразительными получились кадры, на которых Сунгу и его спасительница (жена Цая) идут по морскому берегу. Их неторопливую беседу немного приглушает шум прибоя, словно оберегая от случайных свидетелей. Сунгу хочет заботиться о женщине, излечившей его физически и душевно. Однако жена Цая предчувствует скорую смерть и потому останавливает сердечный порыв юноши. Она оставляет его на берегу, запрещая следовать за ней жестом руки. Этот эпизод можно трактовать и как уход ее в иной мир. Серые тучи на заднем плане нагнетают тревожность, свойственную прощальным сценам. Сунгу остается один и на берегу, и в жизни.

Временное одиночество молодого корейца проходит за строительством дома. Природа благоприятствует работе Сунгу: стоит солнечная погода, ласковый ветер перебирает складки одежды. Такое умиротворенное состояние сахалинской природы случается не часто. А потому возникает ощущение чьего-то покровительства.

Душевное умиротворение рождает в сердце вечерние морские пейзажи. Дневной грохот волн сменяется мелодичным плеском, журчанием воды у берега. Закат солнца настолько завораживает, что две пожилые кореянки, собиравшие морскую траву, замирают в молчании, глядя на красное зарево. Человеческая душа сливается с красотой мира и этим утверждает на земле царство любви и всепрощения.

РАЗДЕЛ 3. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

*В. М. СОРОЧАН,
Россия, г. Южно-Сахалинск*

«СОВЕТСКИЙ САХАЛИН»: ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ОСТРОВНОЙ МАССОВОЙ ГАЗЕТЫ

В статье рассматривается история газеты «Советский Сахалин» – первой общественно-политической массовой газеты Сахалинской области.

Ключевые слова: газета, «Советский Сахалин», редактор, СМИ, Сахалин.

“THE SOVIET SAKHALIN”: HISTORY OF THE FIRST ISLAND MASS NEWSPAPER

The article describes the history of “Soviet Sakhalin” newspaper – the first Sakhalin social and political mass newspaper.

Keywords: the newspaper, “The Soviet Sakhalin”, the editor, mass-media, Sakhalin.

Газета «Советский Сахалин» издается с 1 мая 1925 года. Первый номер вышел без указания издателя, но фактически как печатный орган полномочной комиссии центрального исполкома СССР, прибывшей на Сахалин для приема его северной части. В основном материалы первого номера были подготовлены В. Я. Аболтиным, возглавлявшим вышеназванную комиссию, и П. Е. Ахаровым.

После пятилетнего японского управления новая власть была намерена преодолеть застой в промышленности и сельском хозяйстве, стремилась развернуть политическую и культурно-просветительскую работу. В решении этих задач важная роль отводилась газете. Поэтому неопределенный статус «Советского Сахалина» сохранялся недолго. Уже 25 мая 1925 года совещание при уполномоченном Дальбюро ЦК РКП(б) на Сахалине определяет характер, порядок выпуска и тираж издания. «Главное назначение (газеты), – отмечается в резолюции совещания – давать информацию о положении Советской России и обслуживать нужды местного крестьянского населения... Установить выход газеты один раз в неделю, по воскресеньям; временно установить цену номера в 20 копеек, выяснив возможность в дальнейшем удешевления газеты. Провести кампанию популяризации газеты и подписки на нее... Считать необходимым увеличение запаса шрифтов, без которых газета не может нормально работать... Обязать всех партийцев участвовать в газете. Ячейкам и месткомам выделить корреспондентов для освещения жизни партийных ячеек, профессиональной и клубной жизни».

15 июня 1925 года Сахалинское окружное партийное бюро принимает решение «считать газету “Советский Сахалин” органом Сахалинского

партийного бюро и Сахалинского ревкома». Газета активно включается в борьбу за осуществление мер по укреплению Советской власти, информирует читателей о важных событиях, новостях, призывает трудящихся к строительству социализма. Растет авторитет издания, увеличивается число читателей. В 1925 году тираж газеты составляет 350 экземпляров, в 1926-м – уже 450. 29 сентября 1926 года агитколлегия АПО Далькрайкома ВКП(б) разрешает выпускать «Советский Сахалин» два раза в неделю.

В феврале 1927 года в г. Александровске (ныне Александровск-Сахалинский) проходит первое совещание рабселькоров, на котором обсуждаются меры дальнейшего улучшения газеты и расширения авторского актива. В тот период «Советский Сахалин» обращается к читателям с призывами: «Пятилетку – в четыре года!», «Борьбу за экономию – на высшую ступень», «Комсомольцы – на передовые позиции социалистической стройки Сахалина!». Издание все активнее начинает играть роль коллективно-организатора.

С августа 1929 года в газете регулярно появляются специальные страницы, посвященные хозяйственному строительству. Редакция создает контрольные посты, проводит проверку принятых социалистических обязательств, устраивает общественные смотры, декадники тревоги, ее рабселькоровский отряд участвует в рейдах легкой кавалерии, общественных буксирах и других формах массовой работы. Широко практикуются выезды журналистов на шахты, в леспромхозы, на рыбные промыслы, где выпускаются многотиражные газеты небольшого формата. Так, в Агневском комсомольском леспромхозе редакция выпускает газету «Штурм». С 22 января по 8 марта 1931 года выходит 14 номеров, в которых

напечатано 155 заметок и писем молодых энтузиастов социалистического труда. Летом того же года в селе Ныйво в период сельдяной страды «Советский Сахалин» налаживает выпуск многотиражки «За большевистскую путину», она издаётся до октября 1931 года, после чего становится районной газетой.

4 марта 1932 года выходит тысячный номер «Советского Сахалина». Он становится своеобразным отчетом редакции перед читателями о проделанной почти за семь лет работе.

«Советский Сахалин» идет в ногу со своим временем. В 30-е годы в области, как и по всей стране, разворачивается движение «пятисотниц», «трехтысячниц», стахановское движение. Передовики Октябрьского рудника в одном из своих материалов в газете пишут: «Для нас, октябрьцев, оказалось достаточно спички, брошенной Стахановым и Бусыгиным для того, чтобы новое движение развернулось в пламя».

Девушки, прибывшие на остров по призыву Валентины Хетагуровой, со страниц газеты обращались к своим московским подругам: «Сахалин... сказочно богат всевозможными ископаемыми, лесом, рыбой. Но здесь нужны люди, которые бы планомерно эти богатства осваивали. Приезжайте к нам на остров, подруги! Остров ждёт вас!»

В период с момента создания газеты и до начала Великой Отечественной войны «Советский Сахалин» возглавляли четырнадцать редакторов: П. Е. Ахаров (1925), Н. Д. Лебедев (1926–1927), В. Сергеев (1929), К. Р. Швальбе (1929), Д. Шилов (1930–1931), И. Березовский (1931–1932), И. Резников (1932), И. Лившиц (1933–1936), В. Новгородцев (1936), Н. Мотов (1937), Л. М. Морозов (1938), Л. Б. Паткин (1939), И. И. Бычков (1940), А. Ф. Окулов (1940–1944). Судьба некоторых из них сложилась трагически. Руководители газеты, журналисты, как и многие другие граждане Страны Советов, стали жертвами политических репрессий.

8 мая 1936 года бюро Сахалинского бюро обкома ВКП(б) принимает постановление «О передовой статье, помещенной в первомайском номере газеты “Советский Сахалин”». Постановили: «Признать, что передовая статья “Марш победителей” написана исключительно небрежно и имеет целый ряд политических ошибок». Газета слабо показала роль партии и лично тов. Сталина как организатора побед социализма. В статье, гласит документ, «нет упоминания о том, что социализм в СССР победил окончательно и бесповоротно». Бюро обкома приходит к выводу: «Появление статьи свидетельствует о недобросовестном отношении тов. Лившиц к своим обязанностям редактора газеты и о недостаточной революционной бдительности у тов. Лившиц». Вскоре редактор И. Лившиц бесследно исчезает. В «Советский Сахалин» направлен новый руководитель – В. Новгородцев. А спустя четыре месяца – 17 сентября – газета печатает очередной «крамольный» материал, и в тот же день (!) бюро обкома принимает новое разгромное постановление.

«Строго секретно. Слушали: “О передовой

статье “Будьте бдительны!” в газете “Советский Сахалин” № 215. Постановили: бюро считает установленным, что редактор В. Новгородцев игнорировал указание бюро обкома от 8 сентября с. г. о заметке, опубликованной в “Советском Сахалине” 6 сентября, в которой Новгородцевым при редактировании было грубо извращено политическое содержание резолюции рабочих пищекомбината. Новгородцев, лицемерно “признавший” на бюро обкома 8 сентября свою ошибку и давший обещание принять все необходимые меры для предотвращения появления подобных ошибок в будущем, написал и опубликовал 17 сентября контрреволюционную статью... Бюро, усматривая в этих фактах сознательное протаскивание Новгородцевым контрреволюционной троцкистско-зиновьевской клеветы на нашу партию и ее руководителей, прикрываемое двурушническими клятвами, постановляет: 1. Новгородцева В. из рядов ВКП(б) исключить. 2. С работы редактора газеты немедленно снять».

К сожалению, нет возможности по документам до конца проследить судьбу этого человека, как и ряда других редакторов, корреспондентов, наборщиков, печатников – тех, кто пострадал не столько по каким-то принципиальным мотивам, а в основном из-за технических оплошностей.

О том, насколько непросто было в 30-е годы работать в средствах массовой информации, свидетельствуют многочисленные постановления бюро Сахалинского обкома ВКП(б) под стандартным заголовком «О проверке работников редакций и типографий области». Вот выводы одного из них: «Работников, у которых родители арестованы органами НКВД и которым не может быть оказано политического доверия, необходимо заменить. Просим крайком ВКП(б) командировать на работу в редакцию ответственного редактора и двух человек на работу зав. отделами...».

В годы Великой Отечественной войны «Советский Сахалин» походил на сотни других изданий той поры. Мужчины ушли защищать Родину, в редакции в основном работали женщины. Газета сообщала о положении на фронте, рассказывала, как труженики тыла своим трудом стараются приблизить Победу. В 1942–1943 годах редакция организовала сбор средств на постройку эскадрильи боевых самолетов «Советский Сахалин». Было собрано свыше 3 млн. рублей. После войны не менее 14 сотрудников «Советского Сахалина» были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Увы, но радость победы довелось ощутить не всем: работники редакции Василий Пронин, Степан Лукьянов, Николай Назаров сложили головы на полях Великой Отечественной.

В мае 1947 года после создания Сахалинской области редакция перебазируется из Александровска в Южно-Сахалинск. При погрузке на теплоход падает в воду контейнер с архивными материалами. На новом месте редакция начинает с чистого листа.

На исходе 40-х и в 50-е годы коллектив «Советского Сахалина» переживает творческий и профессиональный подъем. На работу в ре-

дакцию прибывают первые выпускники факультетов журналистики Московского и Уральского университетов. Большой вклад в развитие газеты вносит редактор А. Л. Аверичев. Кроме него, в этот период редакцией непродолжительное время руководят Н. И. Белугин и Л. М. Мороз. В 1951 году тираж «Советского Сахалина» достигает 50 тысяч экземпляров. Газета продолжает вести активную пропагандистскую, организаторскую, агитационно-массовую работу. В 1954 году в редакции образована издательская группа, на базе которой спустя четыре года создается Сахалинское книжное издательство. Газета публикует много материалов о развитии важнейших отраслей народного хозяйства – лесной, бумажной, нефтяной, рыбной, угольной, морского транспорта. Косвенным признанием заслуг газеты становится присвоение в 1960 году только что построенной плавбазе названия «Советский Сахалин».

В 1958 году редактором газеты назначается В. И. Парамошкин, который бессменно возглавляет коллектив в течение 24 лет. В 60-е годы газета начинает выходить шесть раз в неделю, тираж издания превышает рубеж 100 тыс. экземпляров. Редакция ежегодно получает 9–10 тыс. писем читателей. Тематика «Советского Сахалина» в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к печатному органу партийного комитета.

В 1975 году указом президиума Верховного Совета СССР «Советский Сахалин» «за плодотворную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся Сахалинской области, мобилизации их на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства» награждается орденом Трудового Красного Знамени. В 60–70-е годы лицо газеты определяют журналисты В. П. Анциферов, О. Р. Лацис, Ю. В. Мокеев, А. И. Пушкарь, К. А. Рендель, И. С. Фролов, Г. П. Шарун, З. А. Викторова, Н. П. Титова, К. А. Грозин, Н. П. Петровичев, О. Л. Игошина, В. А. Рябчиков, Е. Н. Бабкин, В. И. Финнова,

Ф. А. Шамазов и другие. Их работа получает высокое общественное признание, многие журналисты удостоиваются звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».

В 1982 году редактором «Советского Сахалина» назначается Ф. Ф. Хрусталева. Вместе с обществом из брежневского застоя газета дрейфует в горбачевскую перестройку. В марте 1989 года специальный корреспондент газеты В. В. Гулий на выборах с подавляющим преимуществом побеждает первого секретаря Сахалинского обкома КПСС и избирается народным депутатом СССР.

В 1989 году редактором газеты становится В. М. Сорочан. Впервые трудовой коллектив участвует в выборах своего руководителя. С 1 января 1991 года «Советский Сахалин» перестает быть органом областного комитета КПСС. Отныне это общественно-политическая газета. А в августе того же года в редакционном уставе появляется положение, предусматривающее невозможность существования в редакции структур каких-либо политических партий и движений. Новый статус «Советского Сахалина» – независимое от властей издание. Отныне главная газетная проблематика связана с защитой прав человека.

В 1996 году «Советский Сахалин» становится лауреатом первого конкурса региональных СМИ «Вся Россия», а во всероссийском конкурсе «Золотой гонг–2005» побеждает в разделе «Газета года».

В российский период истории «Советского Сахалина» тон в газете в разные годы задают С. М. Рязанцев, М. М. Войнилович, В. А. Калининский, В. И. Кульбаков, В. П. Гвоздилов, В. И. Никульникова. Многие годы в редакции продуктивно трудятся В. М. Жердев, В. И. Плотников, А. И. Лашкаев, Н. П. Котляревская, В. В. Горбунов, Л. Н. Степанец, Л. Н. Пустовалова. Журналисты «Советского Сахалина» – неоднократные победители различных всероссийских и региональных творческих конкурсов.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ НА СЕВЕРНОМ САХАЛИНЕ В ГОДЫ ПЕРВЫХ «СТАЛИНСКИХ ПЯТИЛЕТОК»

В данной статье рассматриваются вопросы развития газетной печати на Северном Сахалине в 1920–1930-е годы: условия деятельности, структура, состав авторских коллективов, количественные показатели.

Ключевые слова: Северный Сахалин, периодическая печать, газета.

THE NORTH SAKHALIN PRESS DURING THE ERA OF “STALIN’S FIVE-YEAR PLANS”

This article says about the development of periodicals in the North Sakhalin during the 1920–1930-s: working conditions, structure of the newspaper, composite authors, statistics.

Key words: The North Sakhalin, periodicals, newspaper.

В 1920–1930 годы периодическая печать в СССР стала средством массовой информации, доступным широким слоям городского и сельского населения. Развитие советской периодики в этот период происходило за счет интенсивного создания новых типов изданий. Широкое распространение получили региональные средства массовой информации. В 1930 годы на Советском Сахалине выходило десять газет, рассчитанных на определенную читательскую аудиторию. Наиболее стабильной, популярной и многотиражной была газета «Советский Сахалин», тираж которой в 1936 году достиг 8 тысяч экземпляров (для сравнения: в 1928 году – 750 экз.).¹

Со второй половины 1920 годов газеты и журналы все больше превращались в органы, «обслуживающие текущие задачи партии» и ее актуальные политические кампании (индустриализацию страны, коллективизацию, режим экономики, борьбу с бюрократизмом и др.). Конец 1920-х – 1930-е годы характеризуются значительным усилением партийного контроля над средствами массовой информации. Идеологическая направленность сахалинских газет говорит сама за себя: «Советский Сахалин» – орган окружного комитета ВКП(б); «Сахалинский нефтяник» – орган Охинского райпартбюро ВКП(б); «Сахалинский колхозник» – орган Рыковского райкома ВКП(б) и РИК; «Сахалинский комсомолец» – орган Сахалинского окружного комитета ВЛКСМ; «Сахалинский портовик» – орган парторганизации и союза моряков Александровского на Сахалине порта и т. д. Печать являлась объектом самого пристального внимания высшего партий-

ного руководства, превращалась в послушный придаток аппаратной системы. Все заседания, где обсуждались вопросы, связанные с прессой, завершались призывами к газетам сделать ее «острым оружием»², «боевым партийным органом»³, нацеленным против классовых врагов.

Последовательно и безжалостно искоренялась живая мысль и живое слово в публицистике. В ходе массовых репрессий в 1937–1938 годах был арестован весь состав редакторов центральных газет, областных газет России. Репрессии обрушились на редакции районных периодических изданий. Регулярно «просматривался» состав работников редакций сахалинских газет, которые целенаправленно «освобождались» «от всех враждебных и политически сомнительных лиц».⁴ За 11 лет (1930–1940 годы) сменилось девять редакторов газеты «Советский Сахалин», четыре из них – в 1937–1938 годах. На одном из заседаний редакции в 1937 году были подведены итоги очередной кампании по повышению бдительности: «Мы слабо очищали аппарат редакции и типографии от врагов народа»⁵.

Смена сотрудников газет являлась одним из звеньев сталинской политики в отношении прессы. В 1937 году была обнаружена «группа врагов», «проникших» в редакцию газеты «Сахалинский нефтяник». Из 32-х рабочих и служащих, числившихся в штате редакции и типографии, 13 подлежали «немедленному изгнанию».⁶ «Участником антисоветской, право-троцкистской террористической организации», занимавшейся «вредительством» в редакции газеты, стал редактор Рем Исаевич Горб, состоявший на этой

¹ Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО). – Ф. П-2. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 69; Д. 66. – Л. 123; Ф. П-4. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 36.

² Там же. – Ф. П-102. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1 об.

³ Там же. – Л. 3.

⁴ Там же. – Л. 29.

⁵ Там же. – Л. 27.

⁶ Там же. – Ф. 1174. – Оп. 2. – Д. 2297. – Л. 18.

должности неслыханно долго – шесть лет. В 1938 году он был приговорен к высшей мере наказания.⁷ Для «укрепления аппарата редакции и типографии» были направлены студент 4-го курса Охинского нефтяного техникума (заместителем редактора), инспектор Охинской райсберкасы (корректором), моторист лесоконторы «Сахалиннефть», окончивший Александровскую областную совпартшколу и курсы пропагандистов (печатником), командир отделения ВПК НКВД с образованием четыре класса (наборщиком).⁸

В редакциях насаждалась атмосфера страха, недоверия друг к другу, неуверенности в завтрашнем дне, безынициативность и покорность. Отсутствие профессиональных работников самым плачевным образом сказалось на содержании газет, уровне элементарной грамотности материалов. В корректорской правке «Советского Сахалина» выявляли до 50 % авторских ошибок, «влекущих за собою и политические ошибки, а также бесплановость в работе цеха»⁹.

Хрестоматийным примером стало выступление одного из редакторов газеты «Советский Сахалин» Н. Мотова на закрытом собрании первичной партийной организации типографии в марте 1937 года: «Всем коммунистам надо не забывать того, что произошло с бывшим редактором Новгородцевым. Нам надо всемерно повышать бдительность. У нас же много ротозейства, беспечности. В типографии так поставлено дело, что наборщики не отвечают за то, что они набирают. На днях наборщик К. вместо слов «после протеста некоторых коммунистов», набрал – «после ареста некоторых коммунистов», вместо слова «стахановца», – наоборот, «стахановца», и таких случаев немало»¹⁰.

Выпуск газет периодически приостанавливался из-за отсутствия журналистов, корректоров и наборщиков. Неполным был штат редакций газет. В 1937 году выездную газету «Сахалинский колхозник» пришлось временно закрыть за неимением редактора.¹¹ В 1938 году в «Сахалинском нефтянике» вместо 12 работало семь человек, вакантным

оставалось место заведующего партийным отделом (он же – заместитель редактора).¹²

К середине 1930-х резко ослабла материально-техническая база сахалинской печати. Обычным явлением стало отсутствие бумаги, пишущих машинок. Старое типографское оборудование приходило в негодность. Технические неполадки вели к систематическому запаздыванию выхода газет.¹³ Редакции газет, их типографии находились в непригодных, тесных зданиях. Обо всем этом просто кричали письма местных журналистов в партийные и советские органы.

В данный период были определены основные направления кадровой политики в области печати. Государство способствовало развитию двух категорий работников печати. Это были штатные работники редакций газет и многочисленные рабочие и сельские корреспонденты.

Анализ содержания сахалинских газет показал, что они являлись не только мощным средством идеологического и организационного обеспечения большевистской концепции социалистического строительства, но и выполняли информационные и просветительские функции. Рассчитанные на конкретную читательскую аудиторию, газеты устанавливали с ней тесные связи, практиковали работу выездных редакций, издавали с их помощью специальные номера и выпуски, посвященные важнейшим текущим вопросам развития различных отраслей хозяйства Сахалинской области. Направление и содержание работы средств массовой информации в рассматриваемый период были тесным образом связаны с внутривластным курсом государства. Местная пресса публиковала множество материалов, освещавших индустриальное строительство, жизнь колхозной деревни, газеты формировали культовый образ И. В. Сталина и других лидеров советского государства. За материалами центральных и местных газет бдительно следили партийные комитеты и специальные органы цензуры.

⁷ Р. И. Горб реабилитирован посмертно в 1957 году.

⁸ ГИА СО. – Ф. 1174. – Оп. 1. – Д. 2297. – Л. 21.

⁹ Из протокола общего собрания первичной организации ВКП(б) при редакции и типографии газеты «Советский Сахалин» от 5.02.1937 г. // ГИА СО. – Ф. П-102. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 9.

¹⁰ Из протокола закрытого собрания первичной организации ВКП(б) при типографии «Советский Сахалин» от 28.03.1937 г. // ГИА СО. – Ф. П-102. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1.

¹¹ Из протокола заседания бюро Сахалинского обкома ВКП(б) от 5.01.1937 г. № 204 // ГИА СО. – Ф. П-4. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 4.

¹² Из протокола заседания бюро Охинского РК ВКП(б) от 25.08.1938 г. № 23 // ГИА СО. – Ф. П-14. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 323.

¹³ ГИА СО. – Ф. П-102. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 2.

«ЗВЕЗДА» И «ЭКСПРЕСС» КАК ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ПОРОНАЙСКОГО РАЙОНА САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование посвящено периодике Поронайского района Сахалинской области. Газеты «Звезда» и «Экспресс» имеют богатую историю и составляют значительную долю всех действующих на территории Поронайского района печатных средств массовой информации.

Ключевые слова: Сахалинская область, Поронайский район, газета, периодическая печать, «Звезда», «Экспресс».

PERIODICALS OF THE PORONAIK AREA OF THE SAKHALIN REGION “ZVEZDA” AND “EXPRESS”

This research is devoted to the regional periodicals of the Poronaysk area of the Sakhalin region. Newspapers “Zvezda” and “Express” are its main prints. They have a rich history, and make up a significant part of total print media in the Poronaysk area.

Key words: Sakhalin Region, Poronaysk area, newspaper, periodicals, “Zvezda”, “Express”.

В 1950-х годах в Поронайском районе началось масштабное строительство – возводились мясокомбинат, жилье в поселке цементников, здание банка. Открылись школы, педагогическое училище, было организовано регулярное автобусное движение по городу и району. 14 ноября 1947 года начала издаваться газета «Звезда». Ее учредителем был Поронайский горком КПСС.

Организатором выпуска и первым редактором «Звезды» был Александр Павлович Дерябин – майор запаса, фронтовик, еще до Отечественной войны окончивший Ленинградский Коммунистический Институт журналистики. В дальнейшем его перевели в г. Южно-Сахалинск создавать областное управление издательств и полиграфии.

По решению областного комитета КПСС следующим редактором «Звезды» назначили капитана запаса, бывшего фронтового журналиста Ивана Ивановича Горбунова (об этом свидетельствуют подшивки газет в библиотеке). Он не только редактировал газету, но и писал стихи, частушки, заметки к шаржам.

В то время перед страной стояла важная задача по налаживанию работы промышленных предприятий, торговых организаций, учреждений народного образования и здравоохранения, культурно-бытового обслуживания трудящихся города и района, которые все прибывали и прибывали в Поронайский район.¹

Выпуск «Звезды» – большое событие в жизни города. Буквально всех местных жителей интересовало, когда задымит труба целлюлозно-бумажного комбината, кого изберут в новый горсовет, когда достроят и запустят цементный завод и так далее. Обо всем этом и многом другом писала поронайская газета.

В сороковые-пятидесятые годы в районе были две газеты: «Звезда» и «Заря Востока». Редакции располагались поначалу в старом обветшалом здании японского типа по улице Октябрьской, 39. Потом две газеты объединились в одну – «Звезду». В конце 50-х редакции переехали в новое двухэтажное здание по улице Первомайской, 23.

Большую помощь в создании газеты оказывали внештатные корреспонденты. О. Козлова и Л. Чулкова писали о работе библиотек, проводили читательские конференции, работу целлюлозно-бумажного завода освещал Е. Власов, о трудовых успехах портовиков активно писал В. Ляшенко, а также Б. Приходько, который проработал в редакции до 2000 года.

Значительная часть материалов газеты принадлежала П. Костареву, бывшему редактору многотиражки при ГРЭС, которая выпускалась в городской типографии. Статьи журналиста были посвящены освещению происходящих событий на ГРЭС и ходу Всесоюзной стройки.

В Поронайском районе было много предприятий, местная продукция была востребована не только на внутреннем рынке, но и за рубежом. Об этом также писала газета, публиковала материалы о людях труда. На каждом предприятии у «Звезды» были свои внештатные корреспонденты.

При редакции существовала школа юнкоров. Ее посещали многие школьники. В газете были «Военно-патриотическая страница», в которой рассказывалось о фронтовиках, их подвигах, помещались воспоминания о войне, юмористическая рубрика «Ерш Ершович», «Литературная страничка», где печатались произведения местных авторов.

¹ Захарова, Н. Говорят документы: к 40-летию создания первых местных Советов в районе / Н. Захарова // Звезда. – 1987. – 15 декабря. – С. 2.

«Звезда» даже в самые трудные периоды жизни страны ставила задачу быть интересной читателю. В девятностые, независимо от настроения, цен и решений съезда, журналист должен был сдать ответственно секретарю материалы не менее чем на 170 строк. В месяц это 3700 строк, и каждая из них должна быть интересной для читателя, не содержать ошибок и оправдывать свое место на газетной полосе.²

Наверное, «Звезда» сегодня одна из немногих в Сахалинской области, которая публикует на своих страницах полярные взгляды на ту или иную проблему. Поронайцы любовно называют ее «Звездочкой», а она, в свою очередь, гордится своими читателями. Сегодня ее тираж достигает 3300 экземпляров.

Газета «Экспресс» выпускается в г. Поронайске Сахалинской области с 6 ноября 1997 года и распространяется на территории Поронайского района (городской округ «Поронайский» и городской округ «Вахрушев»). По словам Людмилы Григорьевны Калининой, старшего корректора, работающей в газете с самого основания, решение об «Экспрессе» было принято мэром, который решил создать не просто газету, а информационное агентство ИМА «Экспресс». Ответственным за выпуск газеты был Ярослав Сафонов, который сейчас работает в газете «Советский Сахалин». Поначалу газету создавал Игорь Назаров, позже директором назначили Наталью Калегину.

В 2000 году газета завоевала признание чи-

тателей и была включена в областной реестр районных газет. 13 апреля того же года редакция газеты была зарегистрирована как самостоятельное юридическое лицо и получила свидетельство о регистрации СМИ. Учредителем выступила администрация муниципального округа «Поронайский район».⁴ В 2001 году был осуществлен переход на офсетный способ печати.

В настоящее время газеты печатаются в ОАО «Поронайская типография». Это стало возможным после приобретения для типографии соответствующего печатного оборудования. Главным редактором «Экспресса» с 17 сентября 2010 года назначен Тен Бер Ку. Сегодня газета имеет тираж 3100 экземпляров.

В редакции газеты «Экспресс» сегодня работает небольшой коллектив: Л. Чулкова, Л. Калинина, Л. Парунова, С. Брагунец, Н. Гладышева, Е. Новожилова, А. Кузнецова, В. Колесникова, Т. Санникова.

Газета «Экспресс» ярко, обстоятельно освещает жизнь города и района. Ни одно более или менее значащее событие не проходит мимо ее внимания. В своем развитии газета «Экспресс» шагает вперед, применяя современные методы передачи информации, предлагает новые разделы и рубрики. В последнее время радуют цветные вкладыши в газету. Там размещаются цветные снимки, на которых запечатлены события из жизни района. Газета «Экспресс» имеет и свой сайт: <http://gzexspress.ru>, однако он очень редко обновляется.

² Богданов, В. А. Библиографический указатель / В. А. Богданов // Поронайская ЦБС, ЦБ, ЦДИ / сост. О. Ф. Саранчина. — Поронайск, 2004. — 54 с.

³ Шурыгин, А. Пусть светит «Звезда» / А. Шурыгин // Звезда. — 1992. — 7 мая. — С. 2.

⁴ Дорога к читателю: поиски и открытия // Экспресс. — 2001. — 2 ноября. — С. 5.

«РУБРИКИ ВЫХОДНОГО ДНЯ» В САХАЛИНСКОЙ РАЙОННОЙ ПЕЧАТИ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «НОВАЯ ЖИЗНЬ»)

Статья посвящена анализу одного из интересных явлений советской периодической печати – так называемых «рубрик выходного дня» – в сахалинской районной газете («Новая жизнь», г. Макаров) в течение 1959–1960 годов.

Ключевые слова: Сахалинская область, газета, «Новая жизнь», «рубрики выходного дня».

“DAY OFF RUBRICS” IN SAKHALIN REGIONAL PRESS OF XXCENTURY (ON THE EXAMPLE OF NEWSPAPER “NOVAYA JIZN”)

This article analyses one of the most interesting phenomena of Soviet periodicals – the so-called «day off rubrics» – in the Sakhalin regional newspaper (“Novaya jizn”, the Makarov city) during 1959–1960.

Key words: Sakhalin Region, newspaper, “Novaya jizn”, “Day off rubrics”.

«Рубрики выходного дня» – достаточно интересное явление в советской периодической печати. Их массовое распространение происходит с середины 1950 годов. Особенно интересны подобные рубрики в районных газетах. Не имея возможности создать полноценные приложения к своей газете, редакционный коллектив, как правило, уделял много внимания литературным, сатирическим и просто развлекательным воскресным рубрикам, резко отличавшимся по стилю и содержанию от обычного газетного контента. Располагались подобные рубрики, как правило, на последней полосе газеты.

Для анализа «рубрик выходного дня» мы выбрали одну из наиболее интересных в данном плане газет, а именно – газету «Новая жизнь» Макаровского района Сахалинской области. Газета выходит с 1948 года. В описываемый нами период (1959–1960 годы) «Новая жизнь» являлась органом Макаровского районного комитета Коммунистической партии Советского Союза и районного Совета депутатов трудящихся Сахалинской области. Тираж ее в эти годы достигал 2450 экземпляров. Редактором газеты являлся Павел Костарев, заместителем редактора – Иван Горбунов. Выходила газета три дня в неделю – по средам, пятницам и воскресеньям.

Первая рубрика в газете «Новая жизнь», которая сразу обращает на себя внимание, – это «Юный ленинец». Перед нами не просто детская страничка, а своеобразное приложение к газете, адресованное младшим школьникам – октябрятам и пионерам. Примерно на 80–90 % данное приложение состоит из материалов, созданных самими школьниками – писем в редакцию, заметок юнкором и так далее. Данное приложение требует более подробного и обстоя-

тельного анализа, чем предполагает формат нашей статьи, к тому же оно не полностью соответствует формату рубрики выходного дня (так, в 1960 году «Юный ленинец» начинает выходить уже не только по воскресеньям, а и по средам, хотя достаточно нерегулярно), но не упомянуть о нем нельзя.

Вторая рубрика, которую мы рассмотрим более подробно, – это «Колючие строчки». Перед нами сатирическая рубрика выходного дня, ориентированная на традиции советской сатиры в целом и журнал «Крокодил» в частности; размещается рубрика на последней, четвертой полосе газеты.

У «Колючих строчек» есть свой постоянный логотип – «колючее» название рубрики вписывается в нос весьма непривлекательной карикатурной личности. Состоит рубрика из различных материалов; примерно 75–80 % ее содержания – это письма в редакцию, обличающие различные пороки и злоупотребления в Макаровском районе. Кроме выдержек из писем, встречаются небольшие сатирические статьи и заметки сотрудников редакции, и даже – всего один раз – нам встретился материал, определенный самим автором как «маленький фельетон»¹.

Сразу обращают на себя внимание карикатуры, размещенные в данной рубрике. В это время рисуют и фотография достаточно редко встречаются на страницах как «Новой жизни», так и других районных газет. Но в «Колючих строчках» мы видим много оперативных и достаточно интересно в художественном плане выполненных карикатур – от двух до шести на полосе. Все карикатуры соотнесены с содержанием основных материалов рубрики.

«Колючие строчки» появляются достаточно

¹ См.: Голобородько, В. Пришла беда (маленький фельетон) // В. Голобородько // Новая жизнь. – 1960. – № 47. – 17 апреля. – С. 4.

нерегулярно, примерно один раз в месяц в 1959 году, два-три раза в месяц – в 1960 году.

Третьей рубрикой, о которой мы упомянем, будет «Уголок выходного дня». Он также располагался на последней полосе газеты и представлял собой не цельную рубрику, а собрание самых различных по тематике материалов, имеющих одну общую рекреативную функцию. Примерно 50 % наполнения данной рубрики – это короткие юмористические рассказы (мы бы сейчас обозначили их как анекдоты), перепечатанные из различных периодических изданий и сборников народного юмора (практически всегда без помет о том, откуда взят тот или иной рассказ). Часто они повторяются – так, в «Уголках выходного дня» в 1959 году и 1960 году мы находим одни и те же шутки. Приведем пример:

– *Коля, сколько лет человеку, который родился в 1922 году?* – *спросил учитель.*

– *Мужчине или женщине?* – *деловито осведомился Коля.*

– *Что такое холостяк?*

– *Это мужчина, который не женится, не подумавши. А подумавши – не женится.*²

Также практически всегда мы встречаем в «Уголке выходного дня» познавательные подрубрики под заголовками «Это интересно знать», «Обо всем понемногу», «В блокнот любознательных», «Знаете ли вы, что...» и т. д. Из них жители Макаровского района могли узнать, что самый первый велосипед был изобретен в России, в Советском Союзе 1 миллиард 500 миллионов книг в библиотеках, чемпионом мира среди болтунов признана американка Сью Хьюрон (и ей уже прочат политическую карьеру), а на Кубе растет дерево эшиномена колючеволосатая. Очень часто в «Уголке выходного дня» также размещается подрубрика «Советы домашним хозяйкам». Менее популярны пословицы, поговорки, другие жанры фольклора народов мира. Очень редка подрубрика «Из прошлого», в которой рассказывается о тяжелой жизни людей до Великой Октябрьской социалистической революции.

Последней рубрикой выходного дня, о которой

мы упомянем, будет «Литературная страница». Она также заслуживает тщательного анализа, причем не только исследователями периодической печати, но и литературоведами. Как правило, на ней размещаются одно большое прозаическое произведение (иногда с продолжениями) и несколько небольших стихотворений местных авторов. Приведем пример такого стихотворения:

В лесу говорят (частушки)

*Ой гуди, гуди мотор,
Выполни задание,
Чтоб не стыдно было мне
Выйти на свидание.*

*Мое сердце занывает,
Отчего – я не пойму.
Вероятно, оно знает,
Что я шофера люблю.*

*Мне не надо доказательств,
Я и так поверила,
Только жаль, что без тебя
Я тайгу измерила.*

(И. Абловский, г. Макаров)³

Также на «Литературной странице» всегда располагается небольшой фотозтюд.

Если рассматривать «рубрики выходного дня» в динамике, то мы увидим, что их количество на страницах газеты «Новая жизнь» в исследуемый нами период растет: так, «Колючие строчки» в 1959 появляются пять раз, а в 1960 – семь; «Уголок выходного дня» в 1959 – шесть раз, а в 1960 – десять; «Юный ленинец» в 1959 встречается девять раз, а в 1960 – 29 (!) раз. И только «Литературная страница» с течением времени появляется на страницах «Новой жизни», к сожалению, все реже – в 1959 году семь раз, а в 1960-м – лишь четыре раза. Вскоре она совсем исчезнет со страниц газеты, вытесненная другими, более популярными рубриками выходного дня. Все прочие рубрики выходного дня, помимо «Литературной страницы», просуществуют до середины 1970 годов, что в целом отражает тенденции развития советской печати.

² См.: *Новая жизнь* – 1959. – № 82. – 12 июля. – С. 4; *Новая жизнь*. – 1960. – № 110. – 11 сентября. – С. 4.

³ *Абловский, И. В лесу говорят (частушки) / И. Абловский // Новая жизнь*. – 1959. – № 15. – 20 декабря. – С. 4.

АТЕИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В САХАЛИНСКОЙ РАЙОННОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА 1950-х – НАЧАЛА 1960-х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТ «ДОЛИНСКАЯ ПРАВДА» И «НОВАЯ ЖИЗНЬ»)

Данная статья посвящена антирелигиозным материалам в сахалинских районных газетах («Долинская правда», г. Долинск, и «Новая жизнь», г. Макаров) в конце 50-х – начале 60-х годов XX века.

Ключевые слова: атеизм, пропаганда, Сахалинская область, газеты, «Долинская правда», «Новая жизнь».

ATHEISTIC PROPAGANDA IN SAKHALIN REGIONAL PRESS IN LATE 1950's – EARLY 1960's (ON THE EXAMPLE OF NEWSPAPERS "DOLINSKAYA PRAVDA" AND "NOVAYA JIZN")

This article is devoted to anti-religious content in the Sakhalin regional newspapers ("Dolinskaya Pravda", Dolinsk town, and "Novaya Jizn", Makarov town) in the late 1950's – early 1960's.

Key words: atheism, propaganda, Sakhalin Region, newspapers, "Dolinskaya Pravda", "Novaya Jizn".

Конец 1950 – начало 1960 годов в истории СССР – это период активной деятельности различных религиозных сект (прежде всего, христианских). В описываемый период на территории Советского Союза существовали секты пятидесятников, субботников, трясунов, Свидетелей Иеговы и др., пыталась возродиться православная церковь, значительная часть населения традиционно исповедовала ислам.

В описываемый период на территории Сахалинской области не существовало ни одной официально зарегистрированной религиозной организации. (С 1937 по 1960 годы в области числилась одна зарегистрированная религиозная организация – община евангельских христиан-баптистов в г. Александровске-Сахалинском, но ее деятельность была запрещена решением горисполкома № 99 от 29 марта 1960 года¹, и все попытки баптистов легализовать свою общину не имели успеха). Все это, несомненно, сказывалось на положении верующих. И хотя на Сахалине и Курилах их насчитывались тысячи, но в то же время их как бы и не существовало, поскольку здесь не было действующих церквей.

Отсутствие в области православных храмов и священнослужителей давало о себе знать. Баптизм, евангельское христианство, адвентизм и другие секты с их упрощенной церковной организацией и обрядностью, отвержением икон, церковных таинств и многих христианских праздников в тех условиях обретали все новых и новых приверженцев.

При этом в СССР активно велась антирелигиозная пропаганда. Несмотря на то, что зако-

нодательно советские граждане имели право исповедовать любую религию, как в литературе, так и в прессе атеистическое видение мира преподносилось как единственно возможное и единственно верное.

Начало 1960 годов в истории СССР связано с началом космической эры. Успехи советской науки официальная идеология подавала в качестве полного и абсолютного доказательства торжества материалистического мировоззрения. В этот период газета «Правда» регулярно помещала различные материалы не только антисектантского, но и в целом антирелигиозного содержания. За ней последовала и вся остальная пресса – от общесоюзной до районной.

Антирелигиозная пропаганда в сахалинских районных газетах проводится в полном соответствии с официальными идеологическими установками. Для анализа данных рубрик мы выбрали две газеты – «Новая жизнь» (орган Макаровского районного комитета Коммунистической партии Советского Союза и районного Совета депутатов трудящихся Сахалинской области) и «Долинскую правду» (орган Долинского городского комитета КПСС и городского совета депутатов трудящихся).

В обеих рассматриваемых нами газетах пик атеистической пропаганды приходится на 1959 год. В этом году «Новая жизнь» публикует 19 антирелигиозных материалов, «Долинская правда» – 12. Многие статьи выходят с продолжением, печатаясь из номера в номер.

Большая часть материалов атеистического характера в обеих газетах помещалась в рубриках

¹ Костанов, А. И. Архивы Русской Православной церкви на Дальнем Востоке (XVII – начало XX веков) / А. И. Костанов. – Режим доступа : http://pokrovkorsakov.mrezha.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=218:dvoستokarhiv-tserkov-&catid=60:2009-12-17-10-05-49&Itemid=112 (дата обращения: 19.11.2012 г.).

«Беседы на антирелигиозные темы», размещаемых чаще всего на третьей полосе газет. В «Новой жизни» такая рубрика появлялась более или менее регулярно, по воскресеньям, а в «Долинской правде» была нерегулярной. При этом рубрика могла менять свое название; так, в «Новой жизни» в рассматриваемый период помимо «Бесед на антирелигиозные темы» можно встретить рубрики «Беседы на научно-атеистические темы», «Беседы на антирелигиозные темы», «Беседы на атеистические темы», и даже «Беседы на естественнонаучные темы», под которыми подразумевалась все та же пропаганда атеистического мышления.

Прежде всего, публикуемые материалы были направлены против христианства, при этом не делалось как такового различия между различными конфессиями, а также сектами, действующими на территории Советского Союза. На страницах рассматриваемых газет можно встретить и материалы, направленные против ислама, а также против религии в целом, однако чаще всего под словом «религия» авторы статей понимали все же христианство.

Публикуемые в данных рубриках материалы можно условно разделить на несколько категорий. Это выдержки из книг по научному атеизму, перепечатки писем бывших религиозных деятелей в другие газеты Советского Союза, и, наконец, статьи о преступлениях сектантов. При этом основное содержание данных рубрик составляли перепечатки из других общесоюзных («Комсомольская правда» и др.) или районных газет («Звезда» и др.) и выдержки из научно-популярных брошюр; собственных материалов на эти темы было мало.

В полном согласии с официальной советской идеологией, в исследуемых газетных материалах проводится полное противопоставление науки и религии. Эти два способа познания мира мыслятся авторами статей взаимоисключающими, о чем говорят следующие цитаты:

«Наука доказала, что никакой бессмертной души у человека нет и вечной жизни, бессмертия быть не может... Наука доказала, что загробной жизни нет и что "воскресение из мертвых»

*Христа и другие чудеса, о которых говорится в "священных книгах" – выдумка».*²

*«Наука не оставляет места для сверхъестественных сил, она не признает никаких чудес».*³

*«Наука давно и неопровержимо установила, что Иисус Христос, которого церковь считает официальным основателем христианства, никогда на земле не жил...»*⁴

Успехи советской науки преподносятся и как неудачи религии:

*«Выявив истинное положение Земли в мире, наука установила, что весь мир един и материален. Для объяснения происходящих в нем явлений нет никакой нужды в "творце и промыслителе" мира».*⁵

*«Запуск нашей страной искусственных спутников и космической ракеты – великие свидетельства научного предвидения – полностью опровергают религиозные небылицы...»*⁶

Особое внимание уделяется тому факту, что религия, хотя и официально не объявлена вне закона, по сути своей уже является антисоветской:

*«Представители церкви занимают лояльную позицию по отношению к государственному строю. Однако, разумеется, сущность религии от этого не меняется...»*⁷

*«В нашей стране каждый волен верить или не верить в бога, исповедывать ту или иную религию. Но мы не можем мириться, когда среди нас подвизается сектантка, отравляя души людей проповедью мракобесия и злобной клеветой».*⁸

Особый акцент делается на то, что религия отнимает у человека время жизни (например, на молитвы), мешает ему строить коммунизм, наслаждаться земной жизнью, поэтому является безусловно вредной. При этом печать активно выступает против религиозных праздников. Так, 19 апреля 1959 года, в преддверии Пасхи, обе газеты поместили эссе Л. Друянова, советского пропагандиста материалистического мировоззрения, под названием «Как произошла "пасха" и в чем ее вред?». Против религиозных праздников направлены и статьи В. Быстрова «Престольные праздники и их вред»⁹ и И. Узкова «Легенда о "троице"»¹⁰.

² Сальников, Е. Т., кандидат философских наук. Как наука и религия объясняют жизнь и смерть / Е. Т. Сальников // Новая жизнь. – 1959. – № 28. – 6 марта. – С. 4.

³ Друянов, Л., кандидат философских наук. Возможны ли чудеса? / Л. Друянов // Долинская правда. – 1959. – № 70. – 5 апреля. – С. 3–4.

⁴ Воропаева, К., кандидат исторических наук. О чем рассказывают «свитки Мертвого моря»? / К. Воропаева // Новая жизнь. – 1959. – № 31. – 13 марта. – С. 4.

⁵ Шишаков, В. А., научный консультант Московского планетария. Наука и религия о небе / В. А. Шишаков // Новая жизнь. – 1959. – № 33. – 18 марта. – С. 4.

⁶ Стрельцов, А. Наука помогает предвидеть будущее / А. Стрельцов // Новая жизнь. – 1959. – № 45. – 15 апреля. – С. 4.

⁷ Друянов, Л., кандидат философских наук. Как произошла «пасха» и в чем ее вред? / Л. Друянов // Новая жизнь. – 1959. – № 47. – 19 апреля. – С. 4.

⁸ Зембицкий, В. Святоша с венком (фельетон) / В. Зембицкий // Новая жизнь. – 1960. – № 96. – 10 августа. – С. 3.

⁹ См.: Быстров, В. «Престольные» праздники и их вред / В. Быстров // Новая жизнь. – 1959. – № 108. – 11 сентября. – С. 4.

¹⁰ См.: Узков, И. Легенда о «троице» / И. Узков // Новая жизнь. – 1960. – № 67. – 3 июня. – С. 4.

Одним из действенных приемов борьбы с религией является публикация в рассматриваемых газетах материалов от имени служителей церкви, порвавших с религией. Всего в описываемый нами период в анализируемых газетах было опубликовано шесть подобных материалов¹¹ (все это не собственные тексты, а перепечатки из других газет).

Описываемые материалы представляют особый интерес, так как в них бывшие священники от первого лица рассказывают о вреде религии и ее пагубном воздействии на человека, описывают злоупотребления самих церковников:

*«Разве можно сколько-нибудь серьезно говорить о библейской нравственности, если сами ее проповедники нередко отличаются самой разнузданной безнравственностью, самым беззастенчивым постоянным нарушением элементарных норм человеческой морали... Прямо скажу, что среди них я не знаю ни одного, который верил бы в бога, беспокоился о спасении своей души. Больше того, многие из них пьяницы и хапуги»*¹².

*«Я не мог больше оставаться в лагере низких, продажных людей, тунеядцев и сребролюбцев. Я порвал с прошлым, и сейчас передо мной открылись двери в широкий мир труда и счастья»*¹³.

Как нами было указано выше, на страницах рассматриваемых газет часто публиковались статьи, посвященные преступлениям верующих людей, причем основной акцент делался на моральные причины преступлений. Религия при этом преподносилась как идеология, разреша-

ющая любые отступления от нравственности и закона:

«...узаконенный церковью ритуал покаяния разрешал ему идти в жизни любой дорогой. Ведь религия учит, что всякий грех можно заглядеть перед богом: достаточно помолиться усерднее, и милостливый Бог все простит».¹⁴

«...можно ничего не делать на благо людей и даже совершать преступления, лишь бы верующий покаялся богу, внес за «отпущение грехов» соответствующую мзду своему «святому» отцу...».¹⁵

Итак, мы видим, что в рассматриваемый нами период сахалинские районные газеты «Долинская правда» и «Новая жизнь» активно размещали на своих страницах материалы антирелигиозного характера, посвященные как пропаганде атеистического мировоззрения, так и «развенчанию» религии, прежде всего христианской. При этом религиозное мышление рассматривается как радикально отличное от научного, а образ жизни верующего человека активно противопоставляется социалистическому быту. В рассматриваемых материалах создаются обобщенные негативные образы как верующих людей, так и служителей церкви; основными чертами этих образов становятся двуличие, стремление к стяжательству и обману, отсутствие элементарной морали.

Подобную же ситуацию мы можем наблюдать и в других сахалинских районных газетах (например, в газете Корсаковского района «Восход» в указанный период также активно публикуются материалы антирелигиозного характера).

¹¹ См.: Попков, К., бывший священник, настоятель Троицкого молитвенного дома Алма-Атинской епархии. Почему я порвал с церковью (газета «Казахстанская правда») / К. Попков // Новая жизнь. — 1959. — № 46. — 17 апреля. — С. 4 ; Соколевич, В., бывший священник церкви с. Литвиновка, Дымерского района, Киевской области. Я больше не служитель церкви / В. Соколевич // Новая жизнь. — 1959. — № 95. — 12 августа. — С. 4 ; Бородавка, Г., бывший баптистский проповедник, с. Большая Чернещина, Сумская область. Я сбросил пути религии / Г. Бородавка // Новая жизнь. — 1959. — № 150. — 18 декабря. — С. 4 ; Спасский, Николай, бывший благочинный третьего округа и настоятель Никольского молитвенного дома в городе Михайловке Сталинградской области. Не хочу обманывать: Открытое письмо епископу астраханскому и сталинградскому Сергию / Николай Спасский // Долинская правда. — 1959. — № 141. — 18 июля. — С. 4 ; Пахомов, Валентин, бывший келейник епископа астраханского и сталинградского Сергия Ларина («Комсомольская правда»). Деяния «святых отцов». Исповедь бывшего келейника / Валентин Пахомов // Долинская правда. — 1959. — № 164. — 19 августа. — С. 4 ; Комм. Мракобесы без маски. Письмо бывшего проповедника Майкопской секты субботников Анатолия Александровича Комма в газету «Адыгейская правда» [из «Молодой гвардии»] (с небольшими сокращениями) / Комм // Долинская правда. — 1959. — № 239, 240, 242, 243, 246, 249, 250, 251.

¹² Попков, К., бывший священник, настоятель Троицкого молитвенного дома Алма-Атинской епархии. Почему я порвал с церковью (газета «Казахстанская правда») / К. Попков // Новая жизнь. — 1959. — № 46. — 17 апреля. — С. 4.

¹³ Пахомов, Валентин, бывший келейник епископа астраханского и сталинградского Сергия Ларина. Деяния «святых отцов». Исповедь бывшего келейника / Валентин Пахомов // Долинская правда. — 1959. — № 164. — 19 августа. — С. 4.

¹⁴ Моисеев, О. («Комсомольская правда»). «Не убий!..» / О. Моисеев // Новая жизнь. — 1959. — № 113. — 23 сентября. — С. 4.

¹⁵ Гапочка, М. Религия мешает строить коммунизм / М. Гапочка // Долинская правда. — 1959. — № 89. — 5 мая. — С. 4.

ОСОБЕННОСТИ ПЕЧАТНОЙ ПРЕССЫ ЮЖНОЙ ЧАСТИ САХАЛИНА В XX ВЕКЕ

В настоящей статье рассматривается печатная пресса южных районов Сахалина. Выявляются основные этапы в развитии периодических печатных изданий городов Холмск, Невельск и Корсаков.

Ключевые слова: СМИ, Сахалинская пресса, печатное издание, районная газета.

THE FEATURES OF THE PRINTING PRESS OF THE SOUTHERN PART OF SAKHALIN OF THE XX CENTURY

The article deals with the printing press of southern part of Sakhalin. The basic stages in development of periodic printing editions of Kholmsk, Nevelsk and Korsakov are analyzed.

Key words: mass-media, the Sakhalin press, the printing edition, the regional newspaper.

Пресса Сахалина представляет собой сегодня малоизученный феномен. Между тем это определенное звено в цепочке печатных СМИ России со своими особенностями и спецификой. Газеты нашей области прошли долгий путь своего развития. Сахалинская периодика прошлых лет хоть и была идеологически однообразна, порой скучна и излишне политизирована, но всегда была направлена к читателю. В газете публиковались талантливые материалы в разнообразных жанрах, работали профессиональные журналисты.

Изучение особенностей развития и функционирования газетной периодики Сахалинской области является одним из приоритетных направлений. Мы пришли к выводу, что сахалинская периодическая печать не стала объектом отдельной научной работы. Тем не менее, необходимо отметить работы А. Н. Базанова, М. В. Гридяевой, В. Л. Подпечникова¹ и других авторов. Ими были определены истоки сахалинской прессы, ее оригинальность и своеобразие.

Мы полагаем, что периодика нашего региона недостаточно изучена, не описана и не классифицирована, пресса южных районов Сахалина нуждается в исследовательском анализе и оценке. В настоящей статье рассматриваются основные этапы развития периодических печатных изданий городов Холмск, Невельск и Корсаков.

г. Холмск

«**Сталинец**» – «**Ленинское знамя**» –
«**Коммунист**» – «**Холмская панорама**»

15 марта 1948 года по решению № 169 от 9 сентября 1947 года ЦК ВКП(б) и ОБКОМА ВКП(б) «Об

оборудовании помещения типографии и редакции газеты «Сталинец» в Холмске начинает выходить орган Холмского городского и Чеховского районного комитетов ВКП(б) – ежедневная газета «**Сталинец**». С 3 сентября 1950 года она становится органом Холмского горкома и Чеховского райкома КПСС, городского и районного советов, а с 29 октября 1952 года – органом Холмского горкома КПСС и горсовета. С 1 августа 1956 года газета выходит под названием «**Ленинское знамя**», с 21 апреля 1963 года – «**Коммунист**», а с 31 августа 1991 года – «**Холмская панорама**». Первым редактором газеты был Н. Кляритский, после него – А. Горлова, Н. Титова, А. Селютин, В. Шишкин, Г. Лоскутов, А. Сергеев, В. Мурнаев, Г. Бычков, Н. Савченко, Л. Антипина.

Из доступных нам самым ранним сохранившимся номером «Сталинца» оказался № 1 за 1951 год. Газета образца 1951 года стоила 20 копеек и выходила тиражом в 2000 экземпляров. В первые годы своего существования она сменила трех редакторов. Это были Н. Кляритский, А. Горлова и Н. Титова. Эпиграфом к номеру были слова: «Ярко сияет миру солнце свободы и коммунизма. Коммунизм побеждает, Коммунизм победит!» Центральное изображение на первой полосе – портрет Сталина. Еще четверть полосы на первой странице – итоги года, где рассказывается об очередных победах социализма на пути к коммунизму. Врезка на полосе – «цифры и факты», в которой сообщается, что было сделано за прошедший год в районе и что планируется сделать в наступившем году. Например: «В прошедшем 1950-м году пущен в строй хлебозавод. Заселено 24 2-х-квартирных

¹ Базанов, А. Н. Из истории печати Сахалинской области / А. Н. Базанов. – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное изд-во. Сахалинское отд-ние, 1970. – 25 с. ; Гридяева, М. В. Издано на Сахалине / М. В. Гридяева // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. № 7. – Южно-Сахалинск : Сахалинская областная типография, 2000. – С. 166–174 ; Подпечников, В. Вначале были календари (О начале книгопечатания на Сахалине) / В. Подпечников // Сахалин : лит.-худож. сб. – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное изд-во Сахалинское отд-ние, 1984. – С. 187–194.

дома. Выпустила первую продукцию колбасная фабрика», «В 1951 году в Холмске будет построена средняя школа на 400 мест, гостиница, введена в эксплуатацию пивоваренный завод, будет построен морской вокзал»².

Особый интерес вызывает рубрика «Приезжайте к нам на Сахалин!». Здесь председатели колхозов, сельских Советов и рядовые рабочие приглашают на постоянное место жительства переселенцев с материка, рассказывая о необычайном богатстве и плодородии сахалинских земель: «Жизнь на Сахалине и Курильских островах с каждым днем становится все лучше, все зажиточнее»³. «Колхозники Житомирской области! Мы ждем вас к нам в колхоз, в нашу семью. Будем же вместе создавать на Сахалине прочную картофелеовощную базу, осваивать богатства Сахалинской земли!»⁴ Особое внимание уделяется рассказу о культурных объектах сел: это и наличие школы-семилетки, дома культуры, а главное – избы-читальни, где жители села проводят вечерний досуг за книгами, газетами и настольными играми. Характерны заголовки таких материалов: «Растут доходы колхоза», «Живем зажиточно, культурно».

С 1 августа 1956 года газета стала называться «Ленинское знамя». Тираж ее увеличился до 3500 экземпляров. В газете появилось много постоянных сотрудников. До этого в основном печатались материалы рабкоров и селькоров, сейчас же у публикаций – постоянные авторы: Н. Егоров, Н. Треногин, О. Кузнецов, К. Олегов, П. Глазков, Б. Иванов, К. Дмитриев.

С 21 апреля 1963 года издание переименовывают в «Коммунист». За 28 лет существования «Коммуниста» на посту главного редактора сменилось шесть человек, это были: Я. А. Селютин, В. С. Шишкин, Г. Лоскутов, А. Ф. Сергеев, В. С. Мурнаев, Г. Г. Бычков, последним редактором газеты был Н. И. Савченко.

В 90-е годы слово «коммунист» стало «резать глаз». В обращении редакции к читателям от 31 августа 1991 года было отмечено, что учредителем газеты стал городской Совет народных депутатов – без городской организации Компартии РСФСР. В создавшихся условиях прежнее название оставлять было нелогичным, поэтому «Коммунист» переименовали в «Холмскую панораму». С 1997 года газетой руководила главный редактор Л. А. Антипина.

«Сахалинский моряк»

2 апреля 1948 года в г. Холмске начала выходить газета «Сахалинский моряк». Многотиражная газета начала издаваться как орган парткома управления Сахалинского пароходства и бассейнового комитета профсоюза работников морского и речного флота. Первый номер

«Сахалинского моряка» поступил подписчикам тиражом в 2000 экземпляров. Он вышел под лозунгом «Вперед к победе во славу Родины!». Редактором газеты был назначен А. Г. Зыков. Газета выходила один раз в неделю.

В те годы редакция газеты «Сахалинский моряк» в своей работе опиралась в основном на общественников: рабочих корреспондентов, тружеников флота, портов, управленческого аппарата. Тематика публикаций была специфической, морской, но, тем не менее, разнообразной. Люди, связанные с флотом, а также их родные и близкие могли найти в газете много интересного и полезного.

подавляющее большинство материалов посвящалось труженикам моря, береговых подразделений пароходства. На страницах газеты появлялись репортажи из жизни моряков, портретные очерки о людях флота. В рубрику «Из редакционной почты» моряки писали о своих буднях, трудностях, забавных случаях и прочем. Специфической в газете была «Техническая страница» – помощник моря кам-механикам, описание устройства каких-либо деталей с их чертежами и советы по устранению неполадок.

«Сахалинский моряк» издавался до января 1963 года. После четырехлетнего перерыва с июля 1967 года выпуск газеты возобновился. В 80-е редактором является Н. А. Афанасьев, «Сахалинский моряк» выходит тиражом в 3300 экземпляров.

В 90-е годы «Сахалинский моряк» возглавляет В. Н. Рукас, тираж газеты – 4500. Появляется детская страница «Морячок».

г. Невельск

«Вперед» – «Ленинец» – «Невельские новости»

20 марта 1948 года – день выхода районной газеты «Вперед» в г. Невельске. Газета «Вперед» являлась органом Невельского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся. Известно, что газета выходила сначала на двух страницах, и «делали» ее два человека: редактор П. И. Игнатъев и корреспондент В. Демидов. Редакция размещалась в небольшом одноэтажном здании на улице Рыбацкой Невельска. Она издавалась до сентября 1956 года. В середине 1950 годов горисполком выделил новое здание, которое размещалось на центральной площади города. В те годы набор осуществлялся вручную, газету печатали всю ночь. В 1956 году ее переименовали в «Ленинец», и объединили с газетой «Ленинское знамя» (г. Горнозаводск).

Газета «Ленинское знамя» – орган Горнозаводского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся – выходила в г. Горнозаводске с 1952 года по сентябрь 1956 года. В связи

² Сталинец, – 1951. – № 1. – С. 1.

³ Симоненко, И. Полновеснее становится трудовень / И. Симоненко // Сталинец, – 1954. – № 9. – С. 3.

⁴ Стародубенко, П. Растут доходы колхоза / П. Стародубенко // Сталинец, – 1954. – № 9. – С. 3.

с объединением Невельского и Горнозаводского районов, по решению Сахалинского областного комитета КПСС с 16 сентября 1956 года в г. Невельске начала издаваться городская газета «Ленинец» – орган Невельского горкома КПСС и городского Совета депутатов трудящихся.

Штат работников редакции составлял четыре человека. Редактором газеты «Ленинец» в 1956 году был утвержден Н. А. Сорокин, заместителем редактора и бухгалтером был Н. Куцак. Тираж газеты в то время составлял 3700 экземпляров. Она была традиционно похожа на остальные «районки»: на первой полосе – рубрика «По родной стране», на последней – международные новости с характерными заголовками «Социализм победит капитализм». Довольно частыми являются оптимистичные материалы о благоприятных условиях невеличской жизни. Хорошим примером является письмо колхозницы сельхозартели «Четвертая пятилетка» М. Басовой «У нас в колхозе хорошо», где она описывает условия труда и жизни: «*Есть радиоприемник, имеем 30 соток приусадебного участка, домашний скот, электрическое освещение, как у всех. Идя на работу, ребенка отношу в детясли... Если вы любите труд, приезжайте к нам, не пожалеете*»⁵. Актуальность и остроту газете придает рубрика «Невеличский еж», которая начинает выходить в начале 1959 года. Здесь люди пишут письма о наболевшем вымышленному персонажу – ежу, под маской которого скрываются журналисты газеты. Пишут, например, о плохой работе отделения связи, об отсутствии воды, пьянстве. Периодически выходит рубрика «Наш репортаж».

На основании постановления Сахалинского обкома КПСС с 21 апреля 1963 года газета «Ленинец» перестала издаваться. Выпуск под тем же названием был возобновлен в 1965 году и 1 июня вышел ее первый номер.

18 августа 1967 года коллектив редакции возглавил И. Т. Королев, который проработал в должности редактора более 20 лет.

«Ленинец» 1980-х годов выглядел так: «*Страницы «Ленинца» – это летопись трудовых дел рыбаков, шахтеров, строителей, животноводов, работников транспорта и торговли, бытового обслуживания, интеллигенции. Следуя принципам партийной печати, «Ленинец» целенаправленно освещает выполнение планов и социалистических обязательств, широко популяризирует и распространяет передовой опыт. Сегодняшний долг журналистов – вдохновлять трудящихся района на новые свершения*»⁶.

В 90-м году разовый тираж газеты дошел до 4000 экземпляров. Иными словами, каждая семья района получала «Ленинец». С 1988 по 1991 годы газетой руководил Ю. М. Ким.

В 1991 году редакционная коллегия обратилась к читателям газеты с объявлением конкурса на ее новое название. Это было связано с тем, что внутреннее содержание газеты уже не

соответствовало ее названию. Поступило более 170 предложений. «Ленинец» предлагали переименовать в «Голос», «Невеличский вестник», «Океан», «Доверие», «В добрый путь», «Берег», «Волна», «Прибой», «Голос Невельска», «Сахалинец» и т. д. 28 декабря 1991 года конкурс на лучшее название районной газеты был завершен. Газету было решено назвать «Невеличские новости». Объявленную премию за лучшее название передали на нужды Совета ветеранов, а бесплатная годовая подписка была вручена В. К. Кучерову, который прислал на конкурс больше всех вариантов названий с прилагательным «невеличский». С 31 декабря 1991 года газета стала выходить под новым названием «**Невеличские новости**».

Периодические издания «Сталинец», «Сахалинский моряк» и «Вперед» начали выходить с разницей всего в несколько дней. Развивались они параллельно, как и сами соседние портовые города Холмск и Невельск. Газеты освещали производственную, сельскохозяйственную и культурную жизнь районов, активно сотрудничали с читателями и «народными» корреспондентами.

г. Корсаков

«Восход». Общественно-политическая газета

Газета начала выходить 23 марта 1948 года под названием «Победа». Объем газеты – 4 печатных листа. Формат – А3. В 1990 годы – А4.

С 1948 по 2000 годы главными редакторами были: А. А. Пантелеев, К. А. Грозин, В. А. Родионов, Н. Н. Питомец, Л. В. Рулевская.

Городская газета «Победа» была органом Корсаковского городского комитета КПСС и городского Совета депутатов трудящихся. Она стоила 15 копеек, тираж достигал 2000 экземпляров. Газета печаталась в типографии «Победа».

«Победу» создавали рабкоры и селькоры. Они рассказывали о жизни своих коллективов, об успехах в труде, отдыхе, учебе. Нередко авторы вскрывали недостатки, критиковали виновников, порождающих помехи в работе.

С 16 сентября 1956 года газета издается под названием «**Знамя коммунизма**». С 1963 по 1965 годы – перерыв в издании. С 1965 года она выходит под названием «Восход». Учредитель – администрация муниципального образования Корсаковского района.

«Восход» сообщал, где, когда и что происходит в Корсаковском районе, знакомил с интересными людьми, размышлял над проблемами города и района, обсуждал волнующие и актуальные проблемы корсаковцев. Газета отличалась разнообразием литературных и публицистических жанров, являлась основным источником информации для местных жителей.

Основное направление газеты – это утверждение благородных идеалов коммунизма. На ее страницах показывали самоотверженный труд коллективов предприятий и учреждений города

⁵ Басова, М. У нас в колхозе хорошо / М. Басова // Ленинец. – 1959. – № 70. – С. 3.

⁶ Ленинец. – 1988. – № 34. – С. 1.

и района по претворению в жизнь величественных задач строительства коммунизма, изложенных в Программе КПСС. В рубриках «Партийная жизнь», «Рассказы о коммунистах», «В коллективах коммунистического труда», «Люди трудовой славы» публиковались очерки, зарисовки, статьи и корреспонденции о деятельности партийных организаций, жизни и труде коллективов, бригад и ударников коммунистического труда, передовиках производства. В 1989 году тираж газеты доходил до 12 тыс. экземпляров.

В первом номере «Восхода» за 1 мая 1965 года была обозначена главная задача общеполитической газеты: «быть боевым помощником городской партийной организации в решении важнейших политических и хозяйственных задач, чтобы страстным печатным словом мобилизовать трудящихся на борьбу за дальнейший подъем экономики и культуры нашего города и района»⁷. Рубрика «Литературная страница» была одной из традиционных в газете. Редакция обращалась к читателям с просьбой присылать рассказы, очерки, стихи, фотоснимки. Отдел сатиры «Ерш» был также долговечным, в нем журналисты вскрывали пороки современного Корсакова.

В советский период эта и другие газеты выполняли задачи, указанные в постановлении ЦК КПСС «О повышении роли районных газет в коммунистическом воспитании трудящихся».

В 1990 годы в связи с политической ситуацией в стране изменяется и облик «Восхода». С 1991 года газета выходит в формате А4.

Появляются заголовки: «Кому в Корсакове голод не грозит?», «Каким быть Корсакову?», «На фоне дефицита», «Обеспокоены преступностью». Появляется хроника происшествий, свод-

ки ГАИ, объявления, материалы из тюремной зоны «За колючей проволокой», рубрика «Тревога нашего времени», материалы которой посвящены теме эротики и секса среди подростков.

В адрес редколлегии поступают следующие жалобы читателей: редакционный коллектив занимает газетную площадь «всякой чепухой» (к которой относят и программу телепередач), в газете много рекламы, обвиняют в антисоветизме и антикоммунизме, отсутствии материалов коммунистической направленности.

С 6 июля 1990 года начинает выходить газета в газете (вкладка) формата А4 «Рыбак Корсакова» (орган правления арендного предприятия «Корсаковская база океанического рыболовства»).

С 30 августа 1990 года – «Рыбацкая звезда» формата А3 (орган правления рыболовецкого колхоза им. С. М. Кирова).

Таким образом, в середине XX века сахалинская пресса существовала как составная часть системы советской журналистики. В соответствии с партийными установками местные газеты были исключительно изданиями, посвященными борьбе за успешное претворение в жизнь программных положений партии. Несмотря на то, что материалы достаточно однообразны, мы находим множество интересных свидетельств об эпохе, можем составить представление о жанровом своеобразии сахалинской журналистики, о том, как менялся облик газеты.

Изучение эволюции печатных СМИ Сахалинской области выявляет разнонаправленные тенденции: позитивные и негативные. И те, и другие в одинаковой мере являются аргументом пристального внимания к газетной периодике нашего региона.

⁷ *Твоя газета // Восход. – 1965. – № 1 (1 мая). – С. 1.*

ЦЕНзуРА В САХАЛИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИКЕ

В статье предпринята попытка сделать обзор основных проблем цензурирования сахалинской периодики в советский период.

Ключевые слова: цензура, периодика, Сахалин, Главлит.

CENSORSHIP IN SAKHALIN SOVIET-ERA PERIODICALS

The article deals with the review of main problems relating to Censorship in Sakhalin periodicals of the Soviet period.

Key words: censorship, periodicals, Sakhalin, Glavlit.

Цензура – это контроль власти за содержанием и распространением информации, печатной продукции, музыкальных и сценических произведений, произведений изобразительного искусства, кино- и фотопроизведений, передач радио и телевидения, веб-сайтов и порталов, в некоторых случаях также частной переписки, с целью ограничения либо недопущения распространения идей и сведений, признаваемых этой властью вредными или нежелательными.

Одной из задач революции 1917 года была отмена цензуры и свобода слова. Царскую цензуру отменили, но ввели советскую. Еще более непримиримую и жесткую. Как часть репрессивного аппарата цензура начинает активно работать с появлением в 1922 году Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит) Народного комиссариата просвещения РСФСР. Позже он сменит около десятка названий. Главлитам подчинялись краевые управления – крайлиты, на местах же «чистку» периодики осуществляли обллиты.

На Сахалине история цензуры начинает свой отсчет с появления первого советского периодического издания – газеты «Советский Сахалин» в мае 1925 года.

Всем цензорам были присвоены номера-шифры, выдача разрешительных номеров производилась по установленной регистрационно-учетной книге. Для Сахалинского обллита был определен условный литер ТС.

Для того, чтобы упростить задачу цензорам, которыми в районах зачастую становились люди, лишённые всякого специального образования, были созданы перечни, включающие свод запрещенных к публикации сведений и фактов, а также ряд инструкций, регламентирующих действия цензоров на местах.

Так, существовали: «Перечень сведений, составляющий военную тайну», «Инструкция по ведению секретного делопроизводства в Глав (Край, Обл) управлении по делам литературы и издательств», перечень Литера «А» – перечень сведений, составляющих государственную тайну, и прочие. Помимо этого существовали инструкции, в которых сообщались данные, подлежащие обязательной публикации, например,

«Дислокация РККА для прессы на 1930–31». Были также списки иностранной периодики, запрещенной к ввозу в СССР. Для сахалинской цензуры эти перечни были одними из наиболее востребованных, ведь в силу географического положения на остров в избытке поступала японская, корейская и китайская периодика. В многочисленных докладных записках в разное время сахалинские цензоры сетовали на то, что значительное количество иностранной литературы не содержит информации об авторах, поэтому сложно разобрать, подлежит ли она и изъятию.

Старые списки запрещенной литературы сжигались – взамен присылались новые, однако не обходилось без казусов. Так, в одном из писем начальнику Хабаровского крайлита товарищу Широкову начальник Сахалинского обллита П. Паюченко пишет: «Единственный список иностранной периодики, запрещенной к ввозу в СССР, я сжег; литература же иностранная продолжает поступать все в больших размерах. Как быть? Чем руководствоваться при изъятии вредной иностранной литературы? Учитывая то, что я не знаю иностранного языка». Из этого письма ясно следует, что цензоры зачастую даже не понимали содержания периодики, которую они уничтожали.

В 1940 году в связи со сложной внешнеполитической ситуацией цензура ужесточается. В своем письме начальнику Сахалинского обллита начальник Хабаровского крайлита Цырульников сообщал, что в сводках вычерков необходимо включать даже и незначительные вычерки и исправления с приложением полного текста заметки, статьи и т. д., в которых сделан вычерк или исправление. Сроки представления сводки устанавливались два раза в месяц – 1-го и 15-го числа.

Если же редактор вопреки вычерку цензора публиковал материал – ему грозила тюрьма или расстрел. Так, например, был привлечен к уголовной ответственности главный редактор газеты «Сахалинский нефтяник» Смолин, который вопреки протесту цензора Гришкевич выпустил в свет газету «Сахалинский нефтяник» от 16.10.39 за № 262, от 31.11.39 за № 266, от 22.11.39 за № 260, от 12.12.39 за № 282, где допущено разглашение военных тайн в печати, нару-

шено указание уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати, также распоряжения Начальника Главлита РСФСР от 3.09.39 за № 1785. К ответственности был привлечен и директор типографии, который выпустил в свет газеты без разрешения цензуры.

В 1940 годы на Сахалине издавалось пять газет:

1. «Советский Сахалин» (г. Александровск);
2. «Юный сахалинец» – еженедельная детская (г. Александровск);
3. «Сахалинский портовик» – многотиражка (г. Александровск);
4. «За большевистскую путину» – многотиражка (Широкая Падь);
5. «Сахалинский нефтяник» – ежедневная (г. Оха).

Финансовое положение редакций было сложным, с цензорами дела обстояли еще хуже – финансовых средств не хватало даже на выплату зарплат, не говоря о хозяйственных нуждах.

В конце сороковых годов формируется основная масса сахалинских печатных изданий, многие из которых продолжают выходить по сей день. 9 июня 1948 года Государственная штатная комиссия при Совете Министров Союза ССР утвердила:

Штаты пяти городских типографий: «Труд» в г. Углегорске, «Сталинец» в г. Холмске, «Победа» в г. Корсакове, «Большевик» в г. Долинске, «Звезда» в г. Поронайске в количестве 10 единиц.

Штаты девяти районных типографий: «Призыв» в г. Лесогорске, «Новая жизнь», в г. Макарове, «Вперед» в г. Невельске, «Заря» в г. Томари, «Сахалинец» в г. Анива, «Колхозный труд» в пос. Дербинске, «Сталинский путь» в пос. Ноглики, «Сахалинский рыбак» в пос. Рыбновск, «Новый путь» в пос. Широкая падь.

Штаты трех районных типографий: «Красный маяк» в населенном пункте Курильск, «На рубеже» в населенном пункте Южно-Курильск, «Курильский рыбак» в населенном пункте Северо-Курильск.

Таким образом, по состоянию на 1 июля 1949 года Сахалинское областное управление издательств и полиграфии объединяет одну областную, семь городских и 12 районных типографий. Все эти типографии в основном выполняют работу по выпуску газет – в области выходят 21 газета и частью выпускают бланочную продукцию.

В 1950 годы развитие печати продолжалось, плановый годовой тираж для всех газет был установлен в 36 799 тыс. экземпляров. В апреле 1952 года была создана редакция газеты «Заря Востока» в Поронайском районе и вновь организовано издательство газеты «Ленинское Знамя» в Горнозаводском районе. Темпы развития

и распространения печатных СМИ в послевоенные годы были необычайно высоки. Препятствовать этому не могли даже стихийные бедствия. Так, 5 ноября 1952 года в результате страшной трагедии в Северо-Курильске временно прекратила свою работу газета «Курильский рыбак», которая начала вновь выпускаться во втором полугодии 1953 года.

Цензура продолжает ужесточаться. В секретном приказе Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР № 34с, вышедшем в 1950 году, говорится о том, что необходимо добиться полного исключения возможности разглашения в открытой печати запрещенных сведений, имея в виду, что даже малейшие, хотя бы и отрывочные сведения, содержащие государственную тайну, дают противнику оружие против Советского Союза, усиливают его позиции. Над версткой наиболее сложных изданий должен осуществляться параллельный контроль.

Всеобщий страх, вымарка даже незначительных сведений, которые могли бы быть приравненными к какому-либо виду тайн, привели вскоре к тому, что стали вычеркиваться и сведения, необходимые для публикации. Так, в протоколе производственного совещания сотрудников управления по охране военных и государственных тайн в печати при Сахалинском облисполкоме 23 сентября 1963 года содержится информация о неправомерных вычерках. Начальник обллита Морозов говорит о том, что цензоры плохо знают Перечень, делают вычерки по собственному разумению и стремятся к перестраховке.

Однако напрасно начальники Главного управления «решительно боролись за полное предотвращение необоснованных вмешательств», вплоть до девяностых информация старательно вымарывалась и вычеркивалась, в том числе и та, что совершенно не подлежала изъятию из периодики.

Благодаря цензуре сахалинские газеты были, в основном, словно братья-близнецы похожи одна на другую. На страницах каждой боролись за повышение плана, призывно повышали нагон, критиковали бюрократизм и нерасторопность мелких чиновников на местах и клеймили человеческие пороки. Впрочем, на страницах порой появлялись материалы яркие, образные, чаще всего это были фельетоны или репортажи. Однако, чаще всего, язык периодики был штампован и однообразен.

Управление по охране государственных тайн в печати было ликвидировано 8 января 1992 года. Его функции никем не унаследованы, в связи с чем правопреемник данного учреждения не назначен.

СТЕННАЯ ПЕЧАТЬ НА САХАЛИНЕ В XX ВЕКЕ

В статье рассматривается стенная печать на Сахалине, виды стенных газет, их жанровое своеобразие. Стенная печать играла очень важную роль в эпоху массового производства. Стенгазета отражала жизнь и деятельность рабочего коллектива, опыт передовиков, показывала работу общественных организаций, выступала против нарушения дисциплины и порядка.

Ключевые слова: стенная печать, Сахалин, многотиражная газета.

BULLETIN BOARD OF THE SAKHALIN REGION IN THE XX-th CENTURY

Bulletin board of the Sakhalin Region, the types of wall newspapers, their genre originality are studied in this article. Wall newspaper reflected the life and activity of working staff, the experience of advanced workers, showed the work of public organizations, criticized discipline and order violation. Bulletin board played very important role in the era of mass production.

Key words: bulletin board, Sakhalin, a large-circulation newspaper.

Стенная газета – это вывешиваемая на стене рукописная или машинописная газета, орган местной общественной организации. У данного вида издания в XX веке существовало много синонимов: «стенгаз», «стенгазета», «стенуха», «стеновка», «стенушка», «стенка».

В 1920 годы практически во всех городах советского государства выпускались стенные газеты. На Сахалине стенная печать прочно вошла в общественно-политическую жизнь островитян в 1930 годы. Такого рода издания можно было встретить на фабриках и заводах, в колхозах, школах, подразделениях Советской Армии и в любых других учреждениях. Вряд ли кто может назвать точное количество издаваемых стенных газет на территории Сахалинской области. Можно сказать только одно – их было очень много.

В Невельском стройуправлении выходила газета «Строитель», на комбинате в Стародубске – «Рыбак», на Поронайском целлюлозно-бумажном комбинате – «Тревога», в Александровском порту – «Вымпел», на лакобаночной фабрике в Холмске – «Новатор», в Холмском горкоме ВЛКСМ – сатирическая стенгазета «Бокс», в Южно-Сахалинском горкоме – «Наш «Крокодил», Макарском райкоме – «Крокодил» идет по городу Макарову» и т. д. (см. приложение № 1).

«Выпуск стенной газеты осуществляла избранная на общем собрании коллектива редакционная коллегия, возглавляемая редактором. Она занималась планированием отдельных номеров, опираясь при этом на актив рабочих, сельских корреспондентов. Ежегодно на собрании коллектива редколлегия отчитывалась о своей работе».¹

Материалы рабселькоров, как и письма в ре-

дакцию, рассматривались как «голос народа», «живая связь с читателем». Поэтому их участие в работе газеты являлось одним из основных критериев оценки работы редакции.

17 февраля 1934 года бюро обкома партии обсудило вопрос «О работе с селькорами и состоянии низовой печати». Принятое постановление обязывало «все партийные организации взять под неослабленное руководство работу стеновок, укрепить редколлегии выдержанными и политически грамотными коммунистами и комсомольцами, сделав стеновки действительно боевыми органами местных партийно-советских, профсоюзных и комсомольских организаций».²

В районных, городских, областных газетах печатались обзоры стенной печати. Эти материалы являются ценным источником знаний о такого рода изданиях на Сахалине, так как сегодня практически невозможно найти стенные газеты. В обзорах обобщался опыт одних газет, выявлялись недостатки других. В «Советском Сахалине» за 1933 год был опубликован обзор стенгазеты петровского рудника «Шахтер»: «Невзрачна на вид и чрезвычайно слаба по содержанию стенная газета «Шахтер». Все заметки пишутся от руки и не печатными, а рукописными буквами, что при значительном количестве малограмотных рабочих не дает им возможности читать газету».³

В стенгазетах освещали производственную деятельность, опыт передовиков, помещали статьи, заметки, информации по вопросам совершенствования производства. Газета выступала организатором борьбы за увеличение производства, выступала против нарушений дисциплины и порядка. Ее интересовало все, чем жил кол-

¹ Жилавская, И. В. Медиаобразование молодежной аудитории / И. В. Жилавская. – Томск : ТИИТ, 2009. – С. 322.

² Там же.

³ Советский Сахалин. – 1933. – № 228. – С. 2.

лектив. Авторы использовали следующие жанры: статьи, письма, заметки, корреспонденции, информации, фельетоны. Можно было встретить стихотворения, карикатуры, фотоснимки, рисунки. Основным жанром была заметка, где коротко и простым языком рассказывалось о событиях в трудовом коллективе.

Большое место в стенгазетах занимала карикатура. Удачный рисунок, критикующий нарушения трудовой дисциплины, неорганизованность и другие недостатки, имел большое воспитательное значение (см. приложение № 2). Иногда карикатура сопровождалась сатирическими стихами или замечаниями.

Газеты вывешивались в самых людных местах, где их могли прочесть как можно больше трудящихся. Но бывало и наоборот: на одной из шахт Макаровского района стенную газету вывешивали на сцене клуба, который почти всегда был закрыт. Изначально стенгазеты выходили один-два раза в неделю и реже. Стремление к оперативности, рост рабселькоров привели к тому, что появились ежедневные, многотиражные стенгазеты. Тиражи их были гораздо меньше, чем у областных газет, но по сравнению с единичным номером стенной газеты несколько десятков экземпляров уже считалось большим количеством.

В 1955 году парторганизация Томаринского целлюлозно-бумажного комбината выпускала газету с периодичностью два-три раза в неделю. Тираж составлял 12 экземпляров (по числу цехов и отделов). За полгода было выпущено более 50 номеров. Через год на комбинате начали выпуск ежедневной газеты «Вперед», но просуществовала она недолго. Состав редколлегии был малочислен – всего 12 человек. В 1961 году в городе Холмске партбюро участка тяги и подвижного состава организовало выпуск ежедневной стенгазеты «На рельсах». Была выбрана редколлегия из 21-го человека, их разделили на шесть смен по три человека. Так, каждая «тройка» готовила и выпускала один номер в неделю.

Самой массовой была многотиражная газета парткома и портового комитета профсоюза моряков Александровского порта «Сахалинский портовик». «В 1940 году, последнем году издания, ее тираж составлял 1000 экземпляров»⁴.

На Сахалине выходили следующие виды стеновой печати: «молния», «боевые листки», сатирические листки и световые листки.

Оперативным видом стенгазеты были «боевые листки» и «молнии». Выходили они по мере необходимости. Для выпуска «боевого листка» было достаточно двух-трех заметок. В нем подводили итоги работы коллектива, поднимали проблемы, акцентировали внимание на том или

ином недостатке. «Молния» по объему была еще меньше. Делалась она, как правило, за несколько минут и состояла из одной короткой заметки (об успехах отдельных рабочих, бригад, смен, цехов) или призыва. «Сегодня тракторист выполнил норму на пахоте на 180 процентов – и вечером выходит «молния» с кратким, в несколько строк, сообщением и призывом следовать его примеру, соревноваться с ним»⁵. Газета-«молния» не терпит шаблона, стандарта в оформлении, поэтому каждый ее выпуск был оригинальным.

Летом 1961 года на уборке сена совхоза «Макаровский» коллектив строительства ГРЭС начал выпускать «Боевой листок». В нем рассказывалось о передовиках, вскрывались недостатки в работе, звучали призывы трудиться еще лучше. На некоторых предприятиях выходили многотиражные «Боевые листки». В путину 1955–1956 годов на Холмском рыбокомбинате было выпущено 25 номеров, каждый тиражом в 100 экземпляров.

Выпуск многотиражных стенгазет, «боевых листков» и «молний» не требовал особых затрат. Большая часть материалов печаталась на машинке сразу в нескольких экземплярах. Карикатуры рисовали на отдельном листке, а затем через копировальную бумагу переводили на газеты и раскрашивали.

Некоторые редколлегии могли воспользоваться множительными аппаратами – стеклографом, ротатором и т. д.

В 1950 годах в области резко возрастает число сатирических стенных газет: «От сатирических отделов переходят к сатирическим приложениям, к специальным сатирическим стенным газетам, выпускаемым партийными и комсомольскими организациями»⁶. В июне 1955 года на судах Сахалинского госморпароходства начала выходить сатирическая газета «Полундра». Она вызвала большой интерес. В первом номере газета писала: «Бездельники, лодыри, прогульщики, сквернословы, нарушители дисциплины, зажимщики критики! «Полундра» объявляет вам беспощадную войну, как говорится, не на живот, а на смерть... Острие нашей сатиры, уничтожающий огонь нашей критики будут направлены на вас. Держитесь! (если удержитесь). Берегитесь! (если уберетесь)»⁷.

«Полундра» рассказывала о проступках, недостатках любого члена команды. Художники рисовали много остроумных карикатур. В каждом номере можно было найти едкую частушку, заметку, сатирическое стихотворение. В газете было много отделов: «Отдел объявлений», «Словарь в помощь мореплавателям», «Наша энциклопедия», «Приказы по «Полундре», «Афоризмы Козьмы Прутова для нашего экипажа»,

⁴ Базанов, А. Из истории печати Сахалинской области / А. Базанов. – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное изд-во, Сахалинское отд-ние, 1970. – С. 18.

⁵ Ильин, С. Как организовать выпуск стенной газеты / С. Ильин. – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное изд-во, 1962. – С. 28.

⁶ Там же. – С. 30.

⁷ Там же.

«Письма в редколлегию», «Шевели мозгами», «В мире науки и техники» и т. д.

«Сатирический отдел “Наша энциклопедия” дает объяснения различным понятиям. Например:

“Теленок. Известен своим смирением, как и редколлегия нашей стенной газеты”.

“Шило. В мешке не утаишь, как и инструмент, который разбрасывают кочегары и машинисты...”»⁸

В газете «Восход» за 1959 год сообщается, что на многих предприятиях в качестве приложения к стенгазете выходили сатирические листки: в пор-

ту – «Краб», на железнодорожной станции – «Дефектоскоп», в автотранспортной конторе – «Ерш», в УНР-264 – «Крокодил» и т. д. Текст в таких газетах, как правило, писался от руки. Рисунки чаще всего выполнены цветным карандашом. Как правило, это были карикатуры.⁹

Стенгазеты занимали низшую ступень в иерархии советской прессы – низовой печати. Но они играли очень важную роль в развитии промышленности, идеологическом воспитании и расширении кругозора миллионов людей. Стенгазета XX века стала своего рода прообразом современных внутрикорпоративных изданий.

Приложение № 1

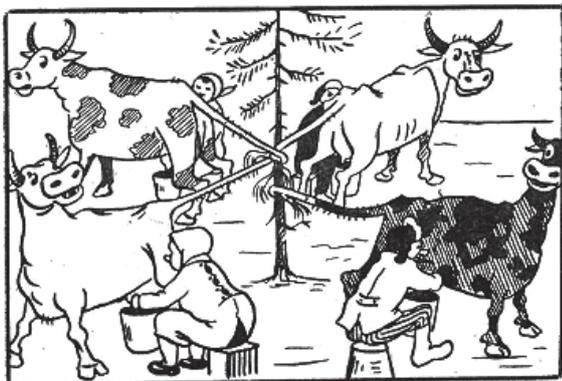
Стенные газеты, которые выходили на предприятиях Сахалинской области

| Наименование стенгазеты | Место выпуска | Год издания |
|--|--|---------------|
| «Путина» | Корсаковский рыбокомбинат | |
| «Лесоруб» | Лесогорский леспромхоз | |
| «Сахалинец» и приложение сатирический листок «Колючка» | Пароход «Ряжск» | |
| «Горняк» и сатирический листок «Крокодил» | Шахта 10/13 | |
| «Строитель» | Невельское стройуправление | |
| «Комсомолец» | Александровская судорембаза | |
| «Рыбак» | Стародубский рыбокомбинат, Долинский район | |
| «Вымпел» | Александровский порт | |
| «Бокс» | Холмский горком ВЛКСМ | |
| «Наш “Крокодил”» | Южно-Сахалинский горком ВЛКСМ | |
| «“Крокодил” идет по городу Макарову» | Макаровский райком | |
| «Бумажник» | Макаровский целлюлозно-бумажный комбинат | |
| «Вперед» | Томаринский целлюлозно-бумажный комбинат | 1955 |
| «На рельсах» | Холмский участок тяги и подвижного состава | 1961 |
| «Тревога» | Поронайский целлюлозно-бумажный комбинат | |
| «Полундра» | На судах Сахалинского госморпароходства | июнь 1955 |
| «Шахтер» | Лермонтовское шахтоуправление, Поронайский район | |
| «Колючка» | Строительное управление № 408 | |
| «Пекарь» | Холмский хлебокомбинат | |
| «Новатор» | Лакобаноочная фабрика города Холмска | |
| «Резец» | Механическая мастерская «Сахлестреста» в Южно-Сахалинске | |
| «Лесное эхо» | «Сахлестрест» | |
| «Шахтер» | Орган коллектива рабочих Петровского рудника | |
| «На глубь за рыбой» | «Сахгосрыбтрест» | |
| «Рыбник» | «Главсахалинрыбпром» | |
| «За пятилетку» | Бумтрест | |
| «Сахалинский колхозник» | Тымовская МТС | сентябрь 1934 |
| «Сахалинский связист» | Орган связистов области | апрель 1936 |
| «Сахалинский портовик» | Александровский порт | август 1936 |
| «Энергетик» | Электростанция Невельского порта | |
| «Метла» | Народные дружинники поселка Смирных | |

⁸ Ильин, С. Как организовать выпуск стенной газеты / С. Ильин. – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное изд-во, 1962. – С. 31–32.

⁹ Тонина, Л. Самокритика и критика в стенной газете / Л. Тонина // Восход. – 1959. – № 61. – С. 2–3.

КАК ИНОГДА ПОНИМАЮТ «ЕЛОЧКУ»



Как сулили телочкам
в юности не раз:
«Подрастайте, «Елочку»
Сделаем для вас».

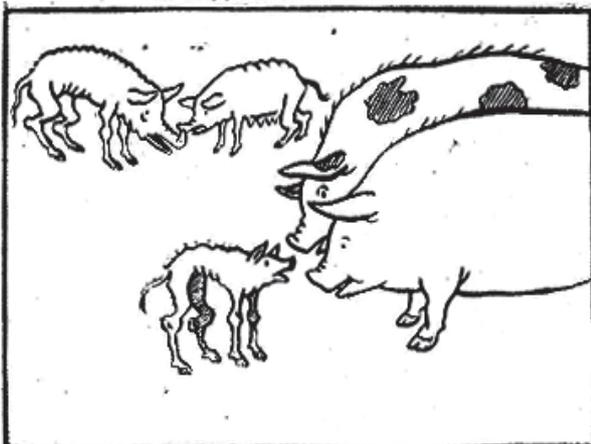
Повзрели телочки
И давай мычать:
«От такой вот «елочки»
Проку не бывать!»



Летом жилак — не тужили,
Силос в ямы не сложили:
Лескать, был суровым год,

Вышла, мол, оплошка.
В результате, кормят скот
В час... по чайной ложке.

ОТ ХУДОГО ПЛЕМЕНИ...



— Посмотри — какой урод.
Мы таких не видели!
— Я не урод, наоборот:

Я — кония родителей!
Да, кое-где еще животноводы
Санней выводят вот такой «породы»



Ходит с папкою солидной,
Ждет, пока не грянет гром:

Он решил совсем, как видно
Превратить машинку в лом.

¹⁰ Карикатуры для стенных газет / худ-к И. Храпко. — Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное изд-во, 1963. — С. 16—17.

О РОЛИ «СЭ КОРЁ СИНМУН» В ЖИЗНИ САХАЛИНСКИХ КОРЕЙЦЕВ

В статье рассматривается история единственной газеты Сахалина на корейском языке «Сэ корё синмун». Автор прослеживает эволюцию газеты в контексте основных событий истории Сахалина XX века. Кроме этого, в статье определяется значение «Сэ корё синмун» в освещении проблем возрождения, сохранения и развития корейского языка и культуры.

Ключевые слова: «Сэ корё синмун», Корея, газета, сахалинские корейцы, Сахалин.

ABOUT THE ROLE OF THE “SE KORE SINMUN” IN THE LIFE OF SAKHALIN KOREANS

The history of the “Se Kore Sinmun” – the only Korean newspaper in the Sakhalin Region is studied in this article. The author investigates the evolution of the newspaper in the context of the major events of Sakhalin in the twentieth century. The article also defines the significance of the “Se Kore Sinmun” in reporting the information concerning the issues of revival, preservation and development of Korean language and culture.

Key words: “Se Kore Sinmun”, Korea, the newspaper, the Sakhalin Koreans, Sakhalin.

Первый номер общественно-политической газеты на корейском языке «Сэ корё синмун» вышел в свет 1 июня 1949 года в г. Хабаровске. Затем в сентябре 1950 года единственный в СССР печатный орган на корейском языке переехал в г. Южно-Сахалинск. За время своего существования издание трижды сменило название. Вначале это был «Чосон нодондя» («Корейский рабочий»), с 1961-го – «Ленине кило» («По ленинскому пути»), а с 1991 и по сей день газета именуется «Сэ корё синмун» («Новая корейская газета»). До 1991 года газета выпускалась ежедневно (пять раз в неделю на четырех полосах), затем номера стали выходить три, а позже два раза в неделю. С 1993 года и по настоящее время газета выходит один раз в неделю по пятницам, но на восьми полосах формата А3.

В газете освещается общественно-политическая, социальная и культурная жизнь Сахалинской области, публикуются материалы о деятельности органов исполнительной и законодательной власти, о значимых событиях сахалинской корейской диаспоры, об истории и национальных традициях Кореи. Много места газета уделяет освещению проблем возрождения, сохранения и развития корейского языка и культуры. Целевой читательской аудиторией газеты являются представители первого и второго поколений сахалинских корейцев, владеющие корейской грамотой.

Уже третье поколение сахалинских корейцев с начала 1960 годов, когда были закрыты корейские школы, живет в состоянии «оторванности» от своих этнических корней, а главное – от родного языка. Вся беда в том, что молодое поколение слишком далеко «отошло» от родины

предков. Прерывается та духовная нить, которая соединяла разные поколения сахалинских корейцев. Молодежь уже не знает корейского языка, их поведение и привычки стали вполне европейскими, и в основной массе они не видят в этом никакой трагедии. 50–60-летние уже почти не помнят обычаев и традиций своих отцов. 30–40-летние озабочены выживанием в тяжелых условиях российской действительности, а 10–20-летние уже воспринимают далекую Корею одной из экзотических восточных стран.

Курс КПСС на советизацию сахалинского общества коснулся и национальной политики. Процесс ассимиляции затронул нации и народности, населявшие СССР: стали закрываться национальные культурные центры и школы. По решению Сахалинского облисполкома № 169 от 13 мая 1963 года 11 корейских школ на Сахалине были преобразованы в обычные русскоязычные. Прекратили свое существование Поронайское и Южно-Сахалинское педагогические училища. В служебной записке заведующего отделом народного образования Сахалинского облисполкома Ф. Урывского сообщается, что «идя навстречу пожеланиям педагогических коллективов и большинству родителей, а также в целях упорядочения вопроса о языке обучения» было внесено предложение с 1963–1964 учебного года перевести корейские школы на русский язык обучения с первого класса.¹ Результатом этого стало то, что большинство сахалинских корейцев второго-четвертого поколений стали изучать русский язык и постепенно забывать родной. По данным переписи населения 1989-го года выяснилось, что 63 % корейского населения Сахалинской области не знают родного языка.²

¹ ГАСО. – Ф. 53. – Оп. 1. – Д. 2519. – Л. 65.

² Бок, Зи Коу. Корейцы на Сахалине / Бок Зи Коу. – Южно-Сахалинск, 1993. – С. 108.

После 1985 года в результате радикальных социально-экономических и политических реформ в сфере межнациональных отношений начался процесс возрождения национальной культуры и вследствие этого возобновление преподавания корейского языка на Сахалине. В конце 1980 годов для разрешения проблемы обучения корейскому языку на Сахалине были сделаны первые шаги. Во многих районах области в общеобразовательных школах были открыты классы и факультативы с изучением корейского языка. Однако в организации учебного процесса было немало трудностей: не было учебно-методической литературы и опытных педагогических кадров, достаточного материально-технического обеспечения. В связи с этим заслуживает особого внимания работа творческой группы сотрудников газеты «По ленинскому пути» по созданию первого корейского букваря. Газета «Советский Сахалин» в статье «Как родился букварь» писала: «Татьяне Сергеевне Бок и Татьяне Александровне Ким было легче всех: обе в прошлом педагоги, обе начинали учителями начальных классов. И вот, спустя много лет, они снова держали в руках буквари: русский, немецкий, английский и даже нивхский. У кого-то из знакомых сохранился корейский букварь тридцатилетней давности. Посмотрели его от корки до корки – не подходит: изменилась грамматика языка (стала проще). Раздобыли букварь, изданный в КНДР, но не смогли взять оттуда ни одного текста. Словом, надо творить самим»³. Руководители института «Сахалингражданпроект» помогли на множительной технике растиражировать рукописный вариант букваря. Министерство просвещения СССР одобрило его, и с 1 сентября 1988 года он стал настольным для сотен ребят. В тот период действовал кружок по изучению корейского языка в средней школе № 9 г. Южно-Сахалинска, где занимались около 90 человек. С 1 сентября 1988 года велось изучение корейского языка в школах № 12 и № 15 г. Южно-Сахалинска, а также в школах гг. Долинска, Макарова и в пос. Правда.

С 1992 года на страницах газеты публикуются уроки корейского языка, с 1993 по 2007 годы газета совместно с фондом «Объединение» Республики Корея (далее – РК) ежегодно проводила литературный конкурс «Мугунхва», целью которого было возрождение национального языка и культуры. За время проведения этого конкурса в нем приняло участие несколько сотен читателей от учащихся до пенсионеров. Однако большую часть конкурсантов составляют студенты Института экономики и востоковедения Сахалинского государственного университета (далее – ИЭВ СахГУ). Несмотря на то, что в конкурсах принимают участие корейцы первого и второго поколений, имеющие огромный языковой запас, студенты достойно противостоят им и занимают первые и вторые места. Победителям в торжественной обстановке в помещении редакции вручают почетные дипломы и денежные

призы, специально выделенные Фондом «Объединение», 120 \$ за 1-е место, 70 \$ – 2-е место и 50 \$ – 3-е место. Жюри, в которое входят представители газеты «Сэ корё синмун», радиотелевещания на корейском языке «Уримал бансон КТВ», преподаватели корейского языка, отмечают возрастающий с каждым годом уровень знаний корейского языка у молодых участников. Занявшие призовые места работы публикуются в газете. Такими, например, были стихи пенсионерки Кан Сун Е «Осень на Родине» (1-е место, 1997 год), рассказ студентки 5-го курса ИЭВ СахГУ Ю Карины «Короткое черное платье» (1-е место, 2002 год). В октябре 2006 года газета стала организатором конкурса сочинений (бегильтян) на корейском языке. Собравшись в одном зале, сочинение одновременно писали более 60-ти участников. А в марте 2009 года в малом актовом зале ИЭВ СахГУ был организован второй конкурс сочинений, приуроченный к 60-летию юбилею газеты.

В январе 1995 года для подрастающего поколения в газете появились постоянные страницы «Школьная страница» и русскоязычная «О Корее и корейцах», «О диаспоре, и не только». В «Школьной странице» печатаются не только сочинения студентов и школьников, изучающих корейский язык, но и загадки, пословицы и поговорки, ребусы и кроссворды, сказки и комиксы, народные приметы и даже сонник. В рубрике «Корейский язык – наша гордость и надежда» регулярно печатаются сообщения об олимпиадах по корейскому языку среди учащихся средних школ, материалы о стажировках студентов и преподавателей корейского языка в РК, жаркие споры студентов по злободневным вопросам, волнующим молодежь (межнациональные браки, отношения «отцов и детей», «Восхваление молодости», «Молодежь и общество» и др.). В 1995 году в газете появилась полоса на русском языке, представляющая новости и общественно-культурную жизнь Кореи. На пятой странице помещены материалы, предназначенные для тех, кто не знает корейского языка, но проявляет интерес к современной жизни Кореи: национальным традициям и обычаям, обрядам и культурам, религии, а также для тех, кто интересуется молодежной культурой: модой, музыкой, кино. С июня 2008-го года начат выпуск еще одной полосы на русском языке, в которой представлены новости и публикации местного значения, а также России и стран СНГ.

Без преувеличения можно сказать, что «Сэ корё синмун» является зеркалом общественной жизни сахалинских корейцев. Газета освещает работу корейских общественных организаций, рассказывает о лучших представителях сахалинской корейской диаспоры прошлого и настоящего (рыбачка, Герой Социалистического труда Александра Хан, депутат Госдумы Ю. М. Тен, доктор экономических наук, профессор Бок Зи Коу и др.). На страницах газеты поднимаются насущные вопросы, волнующие и старшее, и

³ Советский Сахалин. – 1988. – 11 августа.

младшее поколение: восстановление исторической справедливости, возвращение на родину и выплата компенсации Японией за насильственную трудовую повинность корейцев во время второй мировой войны.

Сегодня в Японии и Южной Корее широко обсуждаются проблемы сахалинских корейцев: издаются книги, публикуются статьи в журналах и газетах, организуются симпозиумы и конференции. Анализ многочисленных зарубежных публикаций показывает: во-первых, некоторые авторы часто допускают односторонний подход к данным проблемам, во-вторых, нередко встречается не только полуправда, но и прямое искажение фактов. Возможно, это произошло в результате отсутствия достаточной информации или слабых знаний особенностей советской действительности.

На территории Южного Сахалина, который был в соответствии с Актом капитуляции Японии и Сан-Францисским мирным договором 1952 года передан России, в 1945 году находилось 23 498 корейцев. Основная их масса оказалась на Сахалине не по своей воле, они были насильственно вывезены японцами из южных районов Кореи на тяжелые работы по добыче угля и заготовке леса, строительству военных объектов (автомобильных и железных дорог, военных аэродромов и т. д.) – японцы использовали корейцев в качестве неквалифицированной рабочей силы. После аннексии Кореи в 1910 году все корейцы были вынуждены принять японское подданство, менять в обязательном порядке имя на японское, в школах изучать японский язык и культуру, то есть подвергались насильственной ассимиляции. После 1945 года сахалинские корейцы не смогли вернуться на родину, ибо юг Кореи был оккупирован американскими войсками, а власти СССР предпочли интернировать сахалинских корейцев. Основная их часть осталась жить на острове в качестве лиц без гражданства.

До настоящего времени ни в Японии, ни в двух корейских государствах не принято никаких юридических актов в отношении сахалинских корейцев. Прожив более шестидесяти лет в России, большинство корейцев стали русскоязычными и потеряли многое из своей национальной самобытности. Благодаря овладению русским языком они многое приобрели, но практически все молодые люди в возрасте от 16 до 40 лет не знают родного языка. Их культура – это культура России, а не Кореи. Ассимиляция японцами, а затем адаптация к русской среде и аккультурация привели к тому, что третье и четвертое поколения корейской диаспоры на Сахалине не знают истории и культуры родины предков.

На освобожденном Южном Сахалине корейцев проживало 23 498 человек, в основной массе насильственно оторванных японцами от семьи и родных в молодые годы. Советская власть

сочувствовала им, но для поднятия разрушенного войной хозяйства требовались огромные рабочие силы. Это была политика новой власти, направленная на закрепление на Сахалине интернированных бывших жителей Карафуто. Но корейцы стремились совершенно к другому. Они считали, что имеют право раньше поработителей-японцев вернуться на родину. Но «большая политика» жестоко обманула их ожидания.

Вторая мировая война разделила Корейский полуостров на две части по 38-й параллели. На севере возникла КНДР, а на юге – РК, первая пошла по пути социалистических преобразований, вторая выбрала капиталистический путь развития. В восстановлении экономики КНДР опиралась на помощь СССР, РК – США. Брошенные на Сахалине корейцы первого поколения вынуждены были жить на чужбине, почти потеряв надежду на возвращение в Корею. Не зная русского языка, так и не приспособившись к европейской культуре, они прошли через немалые испытания. На их долю выпал тяжелый жребий: быть долгие годы лицами без гражданства в стране, провозгласившей принцип равенства всех наций и народов.

В период колонизации Кореи японские милитаристы по насильственной мобилизации увезли корейцев на Сахалин, а после поражения во Второй мировой войне бросили их на произвол судьбы. Главная вина за это полностью ложится на японскую сторону. РК, возрожденная в сложной исторической обстановке, сумела сохранить национальные традиции и является родиной 7 млн. зарубежных корейцев, проживающих на всех континентах земного шара.

Конец холодной войны и последовавшее за этим улучшение советско-корейских отношений (начало 1990-х) дали толчок решению проблемы репатриации (произведена частичная репатриация сахалинских корейцев, им разрешено посещать историческую родину), но многие проблемы остаются нерешенными. С конца 1980-х годов Япония действительно израсходовала значительную сумму на решение проблемы репатриации сахалинских корейцев, но японское правительство демонстративно придерживается так называемого «Договора об основных отношениях между РК и Японией» (1965), согласно которому оно обязано нести перед корейцами только историческую, моральную и гуманную ответственность, а не законно-юридическую.

Обобщая сказанное, «можно заключить, что и Япония, несущая главную ответственность перед сахалинскими корейцами, и РК, являющаяся их исторической родиной, не торопятся с принятием совместного решения по рассматриваемой проблеме, которая стала сегодня трудноразрешимой. Ведь за первым поколением появилось второе, а интересы людей разных возрастов не всегда совпадают»⁴.

⁴ Пак, Сын Ы. *Корейцы на Сахалине до и после Чехова / Пак Сын Ы // А. П. Чехов в историко-культурном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы международной науч.-практ. конференции 21–30 сентября 2005 года. – Южно-Сахалинск : изд-во «Лукоморье», 2006. – С. 179.*

Пожалуй, освещение процесса борьбы общественных организаций сахалинской корейской диаспоры за восстановление исторической справедливости является главным направлением деятельности сотрудников редакции газеты. Начиная с 1988 года газета ведет постоянную работу по содействию в поиске и воссоединении разделенных во время Второй мировой войны семей. Очень многие люди нашли через газету своих родственников, которых не видели более полувека. Она до сих пор бесплатно публикует объявления и списки людей, разыскивающих друг друга, отвечает на телефонные и письменные запросы из РК, ведет другую переписку, прослеживает судьбы героев газетных материалов. Объективно освещаются общие собрания сахалинских корейцев, помещаются репортажи с мест событий, даются комментарии на те или иные резолюции и решения не только «Региональной общественной организации сахалинских корейцев» (далее – РООСК), но и других оппозиционных обществ. Именно они дали правдивую информацию о многих проблемах сахалинских корейцев, о том, что думают известные политики, общественные деятели и люди культуры не только РФ, РК, но и других стран о путях их решения. На страницах издания опубликовано немало материалов, посвященных межэтническим отношениям и вопросам толерантности. Большой популярностью у читателей пользуются интервью-зарисовки с представителями корейской диаспоры, достигших успехов в различных областях деятельности.

Успешная работа редакции во многом зависит от умения прислушиваться к голосу масс, развития прямых и обратных связей с читательской аудиторией. И главное место здесь принадлежит широкому использованию писем. В каждом письме поднимаются злободневные, затрагивающие многих вопросы, за каждым из них живой человек с его повседневными заботами. Они, вместе взятые, составляют живую картину жизни простых людей труда, старых и молодых, здоровых и больных, обогащают содержание газеты, помогают быть в курсе всех событий.

В декабре 1999 года редакция «Сэ корё синмун» провела социологическое исследование содержания газетных материалов и откликов ее читательской аудитории. В опросе участвовали 110 человек в возрасте от 17 до 55 лет. Целью анкетирования было выяснение того, какие группы населения читают газету; как воспринимается содержание газеты и какие материалы наиболее востребованы читателями. Данные опроса показали, что в составе читателей отмечаются полярные образовательные различия: от тех, кто окончил только начальную школу, до лиц, имеющих ученую степень. Как показал дальнейший анализ публикуемых материалов, редакция в своей работе в полной мере учла данные опроса. В ходе опроса выяснилось, что материалы первой и второй полос читаются с большим интересом людьми более старшего возраста, а «Школьная страница» привлекает внимание и учащихся, и взрослых. Практически все участники внесли свои предложения о том, какие новые рубрики или статьи они хотели бы

видеть на страницах газеты. В основном они пожелали видеть больше статей о жизни сахалинской диаспоры, молодежь – о молодежной жизни, женщины предложили выпускать «женскую страницу», а те, кто изучал корейский язык до 1964 года, просили писать более простым языком. У каждого читателя свои любимые темы, рубрики, что обусловлено общественными, личностными и другими интересами. Учет всего этого и литературные достоинства, образность, яркость изложения определяют во многом успех газетного материала. Немаловажную роль играет и авторская позиция.

Газета ведет активную общественную деятельность: например, в 2009 году была организована выставка фотографий сотрудника газеты с 20-летним стажем Ли Е Сик и японского фотохудожника Катаяма Митио; в 2010 году на Сахалин был приглашен писатель А. А. Ким. Проводятся литературные конкурсы и конкурсы сочинений. Редакцию возглавляли: А. К. Ким (1949–1960), И. А. Хан (1960–1971), К. К. Ким (1971–1988), Сун Дюн Мо (1988–1994), Ан Чун Де (1994–2006) и В. И. Бя (с 2006). В разные годы в редакции работали: Ким Цын Сон, Тянь Юн Ги, Ли Хан Фе, Бя Ен Сук, Ким Сен Сук, Бок Дян Не и другие. Журналисты газеты неоднократно становились лауреатами и дипломантами областного конкурса им. А. П. Чехова на лучшую журналистскую работу года. Газета была участником международных профессиональных выставок «Пресса-2007», «Пресса-2008», отмечена Знаком отличия «Золотой фонд прессы» (2007). Именных дипломов Знака отличия в 2007 году удостоились представители газеты: Ан Чун Де, Ли Е Сик, Сык Хе Ген, Окад Се Бок, Син Ден Дя. Газета представлена сайтом в Интернете на корейском и японском языках: <http://cafe.naver.com/sekoreasinmun>.

Основные вехи в истории газеты «Сэ корё синмун»:

1 июня 1949 года – в Хабаровске выпущен первый номер газеты «Чосон нодондя» («Корейский рабочий»);

1951 год – переезд редакции в Южно-Сахалинск;

1961 год – газета переименована в «Ленины гилло» («По ленинскому пути»);

1963 год – протест сотрудников редакции против планирования решения обкома партии по закрытию газеты;

Май 1974 года – газета награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР;

1988 год – после проведения Сеульской Олимпиады–88 впервые в газете публикуются материалы о Республике Корея;

1989 год – сотрудники газеты принимают участие в создании учебника на корейском языке, при редакции организованы курсы по изучению корейского языка;

1990 год – газета перестала существовать как орган обкома партии, редакция стала независимой организацией;

Июль 1990 года – редакция газеты стала организатором благотворительного концерта попу-

лярных артистов из Республики Корея на Сахалине (впервые в истории сахалинских корейцев);

1991 год – газета переименована в «Сэ корё синмун» («Новая корейская газета»), организована школа корейского языка (две группы, 30 человек);

1992 год – на страницах газеты публикуются уроки корейского языка;

С 1993 по 2007 годы – ежегодно проводится литературный конкурс «Мугунфа»;

Январь 1995 года – для подрастающего поколения в газете появились постоянные страницы – «Школьная страница» и русскоязычная страница «О Корее и корейцах»;

Октябрь 2006 года – газета стала организатором конкурса сочинений (бекильдян) на корейском языке;

2007 год – газета удостоена Знака отличия «Золотой фонд прессы» Московской международной профессиональной выставки «Пресса-2007»;

Июнь 2008 года – еще одна русскоязычная страница, в которой, в основном, материалы областного значения и новости СНГ;

Март 2009 года – редакция провела среди студентов и школьников второй конкурс сочинений (бегильтян) на корейском языке

ИСТОРИЯ ФОТОГРАФИИ НА СТРАНИЦАХ САХАЛИНСКОЙ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКИЙ САХАЛИН»)

В статье рассматриваются ключевые этапы возникновения фотожурналистики в российской прессе: от появления фотографии в середине XIX века, формирования российской школы фотожурналистики до современного этапа, характеризуемого смешением и стиранием границ понятия «фотожурналистика». Также проводится анализ нескольких наиболее характерных явлений в российской пресс-фотографии. Анализируется характер фотоинформации в первой сахалинской областной газете «Советский Сахалин».

Ключевые слова: фотожурналистика, СМИ, периодическая печать, ТАСС, «Советский Сахалин».

SAKHALIN PHOTOJOURNALISM IN THE FIRST REGIONAL NEWSPAPER “SOVIET SAKHALIN”

The article examines the key stages of the beginnings and development of the Russian photojournalism: starting from the emergence in the middle of the XIX-th century, formation of Russian press-photo school and ending with the modern stage. The article also analyzes some of most significant events in Russian news photography. The nature of the photo information in the first Sakhalin regional newspaper “Soviet Sakhalin” is studied in this article.

Key words: photojournalism, mass media, TASS news agency, newspaper “Soviet Sakhalin”.

Фотожурналистика, появившись почти одновременно с самой фотографией, долгое время была уделом немногих энтузиастов. Причины заключались, прежде всего, в техническом несовершенстве первых фотокамер и иной эстетической направленности первых фотоопытов (установки на художественность фотографии и восприятие ее документальности как недостатка).

На первый план как форма существования фотографии фотожурналистика выходит в 1860–1970 годы.

Фотожурналистика – особая форма журналистики, использующая фотографию в качестве основного средства выражения. Фотожурналистика отличается от родственных жанров фотографии (таких, как документальная фотография, уличная фотография, уличная фотография и фотография знаменитостей) следующими свойствами:

- **время** – снимки имеют значение в хронологическом контексте развития событий;
- **объективность** – ситуация предполагает, что фотографии будут честными и будут точно воспроизводить запечатленные события;
- **повествовательность** – снимки в сочетании с другими элементами новостей информируют и дают читателю или зрителю представление о сути событий.

Фотожурналистика имеет тот же предмет исследования, что и журналистика в целом, то есть социально-политический аспект постиже-

ния и отражения действительности в процессе ее развития и изменения, актуальные вопросы и проблемы современности.

Появление фотографии в прессе в значительной степени обусловлено потребностью читателя в документальном, достоверном отражении фактов.

Среди основных жанров, которыми оперирует фотожурналистика, следует, по мнению многих авторов, в частности, Н. Ворона, выделить: *фотоинформацию* и *фото заметку* (часто сливается с предыдущим понятием), *фоторепортаж*, *фотокорреспонденцию*, *фотоиллюстрацию*. Но, по большому счету, это деление фотожурналистики на жанры носит характер условный и синтетический.¹

Отправную точку фотографии как физического и химического процесса сегодня установить достаточно трудно. Первые «фотографические» (по физическому принципу) эксперименты относятся приблизительно ко второму тысячелетию до нашей эры. Первое документальное упоминание о примитивной фототехнике встречается в четвертом веке до нашей эры, когда в одном из своих трудов Аристотель упоминает прибор под названием «камера обскура».

История фотографии в России в первые годы не очень отличается от общеевропейской. На первом этапе появились фотоателье, которые создавали постановочные портреты выдающих-

¹ Ворон, Н. И. *Жанры советской фотожурналистики* / Н. И. Ворон. – М., 1991. – С. 21.

ся деятелей российского общества. Только в последней трети XIX века фотография вступает на почву журналистики.

Первые примеры фотожурналистики как таковой стали появляться в российских изданиях в 70-е годы XIX века. В то время еще не существовало способа непосредственно копировать фотографии типографским способом, и потому каждое фото для печати требовало сложного процесса ксилографирования. Фото обходились достаточно дорого, и потому до 1890 годов на территории России выпускалось единственное иллюстрированное фотографией издание – «Всемирная иллюстрация»².

В российских изданиях публиковались фотографии с театров военных действий Крымской войны и других конфликтов. Первых фотографов, работавших в районах военных действий, называли «злбодневные фотографы». Они создавали относительно правдивые фотохроники военных событий. Журналисты этого направления придавали особое значение эксклюзивности, оперативности и некой эпатажности снимка, шокирующему факту или событию, лежащим в основе.

Другим по идейному направлению и проблематике было направление, которое получило название «социальная фотография»³. Основными темами этого направления стали простые россияне, их проблемы и быт. Так, например, «социальная» фотохроника Крымской войны практически лишена кадров с передовой. В ее основе – картины героизма в тылу и драматические последствия военного конфликта.

Основоположителем социального направления в России был В. Каррик (1827–1887), который стремился языком фотографии рассказать о жизни простых людей. Потрясающую по своей эмоциональной силе летопись бедствий и страданий русского крестьянства создал М. Дмитриев (1858–1948). Наиболее впечатляющие работы фотографа – серия снимков, посвященных засухе в Поволжье в 1891 году.

Наиболее известным фотожурналистом конца XIX – начала XX века в России является Карл Булла. Его же многие считают и родоначальником всей российской фотожурналистики.

«Горсточку московских фоторепортеров, человек пять-семь на всю Москву, можно было ежедневно видеть в укромном уголке кафе Филипова на Тверской. В этом вареве узнавались все сенсации, все, что волновало «Раннее утро», «Московский листок», «Утро России» и другие издания. Здесь мы черпали темы: убийство, пожар, выставка собак, крестный ход, юбилей, Хитровка, дерзкий взлом, крушение поезда, бега, 300-летие дома Романовых, разбившийся на «Ньюпорте» авиатор, молебн, Охотный ряд, съезд дворян в Благородном собрании, птичий базар на Трубе и вербный на Красной площади»⁴.

Новым витком в развитии фотожурналистики стали 20-е годы. Молодая советская печать стала значимым орудием молодого государства в воспитании нового «социалистического поколения».

И именно тогда в советском фотоискусстве наметилось новое направление советской фотожурналистики – из бесстрастной и подчиненной факту области работы прессы, в которой, по мнению многих, не было места авторской индивидуальности, фотография превращается в способ самовыражения и творческой фиксации и отражения окружающей действительности.

В 1926 году происходит еще один поворот в истории российской *пресс-фотографии* (термин набирал популярность в 20-е годы). В Москве создается агентство всесоюзной фотохроники ТАСС.

Еще одним важным событием 1926 года стало появление первого специализированного журнала о фотографии – «Советское фото». В нем в течение практически 70 лет публиковались статьи о фототехнике, методические рекомендации по созданию фото, уроки композиции и экспозиции.

Появление подобного массового журнала (тираж около 120 тысяч экземпляров в 1928 году, а также появление новых фотографических приспособлений (компактная камера Leica, компактные накамерные вспышки) послужило широкой популяризации фотографии и возникновению нового феномена в фотожурналистике и фотографии в целом – «Золотой эры» 30–50-х годов XX века.

В эти годы фотожурналистика становится полноценной профессией. Появляются новые жанры и издания, совершенствуется техника фотографии, законченную форму приобретает система жанров. Именно в это время на Сахалине появляется первая массовая областная газета – «Советский Сахалин». Именно на ее страницах, как в зеркале, нашла отражение ситуация с фотографиями в массовых изданиях Сахалина всего советского периода.

Начнем анализ с газеты, которая выходила в 1930 годы. К сожалению, фотографий в ней либо было очень мало, либо не было вовсе. Вообще следует заметить, что оформление «Советского Сахалина» на этом этапе не отличается большим графическим разнообразием. Строгость дизайна, отсутствие иллюстраций обусловлено сразу несколькими причинами. Во-первых, это была общая тенденция советской прессы середины 1930-х. В то время происходило массовое закрытие фотокружков, фотография «ради искусства» была объявлена внеклассовым и непролетарским занятием. Второй, более важной причиной, стало отсутствие необходимого печатного оборудования. Те же фотографии, что по-

² Чудаков, Г. Родоначальник фоторепортажа в России / Г. Чудаков // Советское фото. – 1988 – № 9. – С. 34.

³ Морозов, С. А. Творческая фотография / С. А. Морозов – М. : Планета, 1989. – С. 92.

⁴ Советское фото. – 1937. – № 11. – С. 12.

являлись на страницах, часто были весьма стандартны по содержанию и композиции.

Вторым важным этапом в развитии периодики Сахалина советского периода стали 40-е годы. Разгоревшаяся на Западе СССР война дала толчок к развитию фотожурналистики всего Советского Союза. Более 200 профессиональных фотографов передовых советских изданий работали на фронтах. На страницы изданий всей страны обрушился настоящий поток фотоинформации. Не стала исключением и островная газета. На страницах издания появилось большое количество фотоиллюстраций и фотозаписей, предоставляемых ТАСС. Нужно заметить, что качество фотографий по-прежнему было далеко от идеала. Сказывалось несовершенство печатного оборудования и нехватка квалифицированного персонала.

После окончания войны, воссоединения Севера и Юга области основной темой фотографий стало восстановление народного хозяйства, социальное соревнование и другие темы. Полосы «Советского Сахалина» в это время включают все больше фотографий. Помимо ТАССовских снимков, печатаются работы сахалинских мастеров фотографии – Г. Соколова, В. Семенова и других. Но, несмотря на это, качество фотографий по-прежнему оставляет желать лучшего. Интересен «Обзор качества печати полиграфического исполнения городских газет Сахалинской области за 1956 год». В этом служебном материале разбираются основные издания Сахалинской области: «Для обзора технического оформления и полиграфического исполнения газет взято семь названий, выпущенных в сентябре-декабре 1956 года, кроме газеты «Красное Знамя» г. Александровск, которая не присылала сигнальных экземпляров. Из всех семи рассмотренных газет только единственную газету «Долинская правда» г. Долинск можно считать газетой хорошего качества, в которой нет грубых технических ошибок по набору, верстке, оформлению и качеству печати текста и иллюстраций».

В это время основными жанрами газетной фотографии остается фотоиллюстрация и фотозапись. Пока нет явных и ярких представителей жанров фоторепортажа или фотоочерка. Но, тем не менее, за прошедшее десятилетие

фотография в «Советском Сахалине» совершила качественный рывок вперед. Особенно важным этапом стало появление своих собственных фотокорреспондентов-профессионалов. Их фотографии превратили газету в подлинный документ советского Дальнего Востока.

Усиление и расширение фотожанров наблюдается и в дальнейшем. Все больше становится фотоиллюстраций, появляются фоторепортажи, газета во многом приобретает свой законченный и привычный нам образ. Несмотря на это, фотография во многом остается привычной, формальной. Нет смелых экспериментов, необычных ракурсов. Фотография – продукт четко рассчитанной деятельности профессионала.

Более интересным и сложным периодом в истории российской фотожурналистики представляются перестроечные и постперестроечные годы. Ведь сегодня все, что изображено на фотобумаге, – снимок на паспорт или шедевр в музее, все это – фотография. Литература, например, подразделяется на десятки различных жанров. В фотографии такого деления нет, кроме устаревшего: документальное – художественное⁵. Как нет теперь и системы жанров, которую старательно строили российские и советские авторы. Потому современная фотожурналистика находится, с одной и стороны, в кризисе, так как любое изображение можно отнести к ней, что очень негативно сказывается на общем уровне качества. С другой же стороны, современная ситуация делает фотографию необычайно многообразной и разнородной. Но тема современной фотожурналистики заслуживает отдельного и очень внимательного исследования.

Таким образом, можно смело утверждать, что фотожурналистика прошла очень большой и тернистый путь становления и развития. Начавшись как дело немногих энтузиастов, она превратилась в важную отрасль деятельности и неотъемлемую часть современного информационного пространства. Оставаясь важнейшим средством выразительности в СМИ, фотография завоевывает все новые и новые сферы человеческой жизни. И сегодня мы, по большому счету, даже не можем сказать, где заканчивается любительское фото «для себя» и начинается профессиональная публицистическая или новостная фотожурналистика.

⁵ Лапин, А. И. Фотография как... / А. И. Лапин. – М., 2004. – С. 11.

«ОСТРОВ СОКРОВИЩ» КАК ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕТСКОЕ ИЗДАНИЕ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается развитие детской прессы постсоветского периода на территории Сахалинской области, история издания для детей «Остров сокровищ». Опыт создания этой газеты стал единственным за всю историю сахалинской детской прессы.

Ключевые слова: Сахалинская область, «Остров сокровищ», детская пресса, газета.

“OSTROV SOKROVISHCH” AS THE ONLY CHILDREN’S PERIODICAL OF THE SAKHALIN REGION

The article deals with the development of children’s post-Soviet press in the Sakhalin region, the history of “Ostrov Sokrovishch” periodical for children. This newspaper is the only periodical for children during the whole Sakhalin history.

Key words: Sakhalin Region, “Ostrov Sokrovishch”, children’s press, newspaper.

История газеты «Остров сокровищ» началась в июле 1990 года, когда в областной столице появился «Свободный Сахалин» – издание Совета народных депутатов. Очевидно, что появление нового правительственного печатного органа было связано с нестабильностью политической ситуации в стране: оно было призвано укрепить власть правящей партии в островном регионе. К 1991 году в России усугубились проблемы общественно-политического характера, возросла экономическая и политическая нестабильность, а в августе произошел путч, после которого началась новая история России. В это время периодическая печать и СМИ в целом пребывали в эйфории из-за отсутствия цензуры. Поэтому в период с 1991 по 1993 годы в России возникло огромное количество новых изданий. Тем не менее, невозможным стало покупать и выписывать центральные газеты и журналы, так любившиеся россиянам еще в советское время. В Сахалинской области в число «исчезнувших» попали «Пионерская правда», журнал «Юный натуралист» и другие детские и юношеские издания. Они просто не доходили до островных адресатов. На фоне этих противоречивых событий в области и появляется новая детская газета.

«Остров сокровищ» был создан на базе газеты «Свободный Сахалин». Первый номер детской газеты занимал всего лишь одну страницу и вышел в первый день рождения «Свободного Сахалина» – 6 июля 1991 года. У издания еще не было четкой структуры, но в одном создатели газеты были уверены: газету должны делать дети и непременно для детей. В этом и заключался секрет ее успеха: ребенку гораздо интересней общаться со своими сверстниками.

На страницах «Свободного Сахалина» вышло всего четыре детских странички. «Пилотный» номер «Острова сокровищ» появился 31 августа 1991 года в качестве отдельного приложения к газете «Свободный Сахалин». Новое издание получило название по результатам специального конкурса среди юных читателей. Нужно

отметить, что «Свободный Сахалин» был одной из самых тиражных газет области и составлял 14 тыс. экземпляров. Первый номер «Острова сокровищ» вышел тиражом в 20 тысяч экземпляров. Из них 14 тысяч достались подписчикам «Свободного Сахалина», а остальные поступили в продажу в киоски города.

До 1992 года газета выходила нерегулярно, так как у издателей возникали трудности с типографией. Нужно сказать, что весь процесс создания газеты был достаточно необычным. «Остров сокровищ» – первая газета в области, которая стала печататься на офсете. Все материалы верстались в программе Microsoft Word, так как профессиональных программ верстки на Сахалине в то время еще не было. Все иллюстрации, публикуемые в газете, дети рисовали самостоятельно, а редактор Вера Болтунова выводила необходимый размер на масштабирующем копировальном аппарате. Потом каждая колонка клеилась на лист бумаги. Таким образом, все кусочки складывались в газетную полосу. Готовая страница фотографировалась, и негатив отправлялся в типографию на печать.

Газета была популярной среди маленьких читателей и их родителей, в стенах редакции ежегодно проходили рождественские встречи юных корреспондентов из районов области, а в день рождения газеты в городе устраивали детские праздники. В 1993 году редакционный коллектив «Острова сокровищ» отправился на Международный фестиваль детской прессы в г. Москву, а годом позже в островной столице прошел собственный фестиваль детской прессы «Свой голос», который объединяет школьников, увлекающихся журналистикой, до сих пор.

В 1996 году была потеряна связь между учредителем и редакцией «Острова сокровищ». В этом же году произошло ограбление помещения газеты: была украдена вся техника, а также носители информации, содержащие материалы для будущих выпусков. Кроме того, в связи с неустойчивым экономическим положением и

отсутствием финансовой поддержки от своего учредителя «Остров сокровищ» стал работать себе в убыток. Газета находилась в бедственном положении и, стремясь сохранить издание, В. Болтунова обратилась за помощью в Управление по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций Сахалинской области. Административные органы согласились компенсировать часть затрат на условиях взаимного сотрудничества: «Редакция обязуется бесплатно публиковать некоммерческие объявления департамента образования, культуры и спорта» и «Обязуется на первой странице под заголовком помещать надпись "Областная детская газета выходит при поддержке Администрации Сахалинской области"»¹. На протяжении всего существования газеты у «Острова сокровищ» было много спонсоров: компания «Сахалинская энергия», общественная экономическая организация «Родник» и другие. Но, по словам В. Болтуновой, газета всегда сохраняла независимость, никто из меценатов никогда не диктовал своих условий.

Все сотрудники попадали в штат «Острова сокровищ» по-разному: одни просто заходили поиграть в компьютер и оставались в редакции, другие приходили с кем-то за компанию и начинали фотографировать, третьи приносили стихи и статьи на самые разные темы. Многие ребята, прошедшие школу в «Острове сокровищ», становились профессионалами своего дела: верстальщиками, художниками, дизайнерами, а главное – журналистами.

На первом этапе «Остров сокровищ» включал в себя стихи, письма, анекдоты, загадки, ребусы, кроссворды, конкурсы, рассказы и сказки от маленьких читателей. Материалы приходили из всех районов области. Возраст корреспондентов тоже был совершенно разный: свои работы присылали дети от семи до 16-ти лет.

В 2001 году В. Болтунова покинула пост редактора детской газеты. Ее место заняла Татьяна Клецкова. С приходом нового редактора

газета начала взрослеть: в ней появились материалы о популярных музыкальных группах, компьютерных играх и неразделенной любви. В дальнейшем это стало одной из причин падения популярности «Острова сокровищ». Если раньше газета была интересна детям самого разного возраста, то теперь читательская аудитория издания стремительно сокращалась. Большая часть полос была отведена музыкальному приложению «Коктейль», рассказывающем о кино и музыкальных новинках. Источником статей все чаще становился интернет. На смену наивным и искренним детским наблюдениям приходили подростковые проблемы. На страницах газеты все чаще можно было встретить грубость, равнодушное отношение к читателю, фривольный стиль публикаций.

В 2006 году Т. Клецкову сменила Наталья Русина. В конце года газета переехала в Дворец детского и юношеского творчества (ДДЮТ). Этот переезд во многом стал решающим в истории «Острова сокровищ». Прежняя редакция газеты располагалась в административном здании, поэтому за аренду помещения платить не приходилось. В ДДЮТ газете пришлось внести арендную плату в одну из статей расходов. Кроме того, росли долги перед типографией, дотации администрации не покрывали расходов, а взять на себя финансовое обеспечение издания никто не решался. В апреле 2008 года газета «Остров сокровищ» прекратила свое существование, и Сахалинская область потеряла вслед за «Молодой гвардией» (последние номера которой вышли в 2007 году) единственное детское издание. До своего совершеннолетия оно не дотянуло всего лишь полтора года.

Проблема отсутствия специализированного детского издания в Сахалинской области давно волнует журналистское сообщество. Опыт создания газеты «Остров Сокровищ» стал единственным за всю историю сахалинской детской прессы. Вполне возможно, он найдет свое применение и последователей в наше время.

¹ Из письма № 616 начальника управления по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций В. П. Яцко вице-губернатору, начальнику главного финансового управления администрации Сахалинской области Н. М. Новиковой от 2001 года.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

В статье рассматриваются основные периоды становления газет Курильских островов Сахалинской области «Красный маяк», «Курильский рыбак», «На рубеже» с конца 1940-х до 1990-х годов.

Ключевые слова: Дальний Восток, Курильские острова, печать, газета, история, «Красный маяк», «Курильский рыбак», «На рубеже».

ON THE QUESTION OF THE HISTORY OF THE KURIL ISLANDS PERIODICALS

The main formation periods of Kuril and Sakhalin newspapers “Krasnyj Majak”, “Kurilskij Rybak”, “Na Rubezhe» from the late 1940’s to 1990’s are studied in this article.

Key words: the Far East, the Kuril Islands, print, newspaper story, “Red Lighthouse”, “Kuril’s fisherman”, “At the turn”.

В первые послевоенные годы перед новообразовавшейся Сахалинской областью встала задача обеспечения рабочей силой и специалистами всех хозяйственных предприятий и объектов социально-культурного назначения. «Одновременно решались такие важные проблемы, как восстановление и развитие народного хозяйства молодой формирующейся области, создание здесь жилищно-бытовых и культурных условий для населения»¹.

«В экономике Курильских островов на рубеже 40–50-х годов ведущую роль играла рыбная промышленность. Главными проблемами, с которыми с самого начала столкнулась данная отрасль, были: нехватка квалифицированной рабочей силы, малочисленность, маломощность и ветхость промыслового и обслуживающего флота, слабая механизация; малые мощности по переработке и хранению выловленной рыбы.

Первой была решена проблема нехватки рабочих рук. В Сахалинскую область в организованном порядке переселяется несколько тысяч семей рыбаков-колхозников. В июле 1947 года на Курильских островах начинают создаваться переселенческие рыболовецкие колхозы»².

Для того чтобы обеспечить важной информацией переселенцев на трех самых больших Курильских островах, в это время начали выпускать три районные газеты: «**Курильский рыбак**» (о. Парамушир – г. Северо-Курильск),

«**Красный маяк**» (о. Итуруп – г. Курильск) и «**На рубеже**» (о. Кунашир – г. Южно-Курильск). В данной статье мы рассмотрим их деятельность и специфику вплоть до начала 90-х годов XX века.

«**Курильский рыбак**» был основан 1 июля 1948 года. Читатели ласково называли ее «Курилкой». «Газета начала издаваться как орган Северо-Курильского районного комитета КПСС и райсовета. Выходила три раза в неделю в Северо-Курильске форматом А3, тиражом около одной тысячи экземпляров»³.

Газета содержала около 50 % собственных материалов, в основном ее полосы были заняты перепечатками областных новостных лент, постановлениями и указами. Типичные заголовки этого издания в конце 40-х годов: «Готовить высококвалифицированные кадры рыбаков», «Накануне выполнения обязательства», «Учеба помогла», «Передовики соревнования», «Большой концерт к 30-летию ВЛКСМ», «Образцовый ремонт», «Новая баня»⁴.

В 1952 году из-за сильного цунами в Северо-Курильске, унесшего жизни более двух тысяч человек, «Курилка» около года не выходила.

В 1955 году с 1 августа объем газеты «Курильский рыбак» Северо-Курильского района увеличился с двух до четырех полос половинного формата «Правды» (современный формат – А3).

В октябрьских номерах за 1958 год появляется интересная сатирическая рубрика «Азбука

¹ Высоков, М. С. История Сахалинской области с древнейших времен до наших дней / М. С. Высоков, В. А. Голубев, Т. М. Кожухова, Н. И. Колесников, А. М. Лопачев, Л. С. Тварковский. – Южно-Сахалинск : Сахалинская областная типография, 1995. – С. 156.

² История Курильских островов [Электронный ресурс] // <http://www.kuriles-history.ru/book/chapter/19/>

³ Календарь знаменательных и памятных дат по Сахалинской области на 2008 год / Сахалинская обл. универсальная науч. б-ка, отдел краеведения ; сост. Н. Н. Толстякова ; редкол. : Н. А. Латышева, В. А. Малышева, Г. М. Нефедова (отв. ред.). – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное изд-во, 2007. – С. 60.

⁴ Курильский рыбак. – 1948. – 29 сентября. – № 27. – С. 1.

для взрослых», издающаяся редакцией газеты «Курильский рыбак», где высмеивались пороки г. Северо-Курильска:

А – Автобус. Вид транспорта. В Северо-Курильске имеющийся автобус перевозит в основном своего шофера т. Исаева. Маршруты и время движения автобуса по ним строго засекречены.

З – Зима. Весьма суровое время года, особенно в наших курильских условиях. Почему-то руководители северо-курильских предприятий не считают нужным к ней готовиться.

Ц – Цыбуля (по-украински), лук (по-русски). В Северо-Курильске не растет. Бесполезно искать его и на полках местных магазинов»⁵.

«В становлении газеты принимали участие множество людей, такие, как: Т. В. Балядина, Л. Г. Максимова, М. Г. Шаргизина, бессменный на протяжении многих лет печатник С. А. Авляиров, фотокорреспондент К. Г. Голота, чьи фотографии порой говорили больше, чем газетные материалы, наборщица Л. В. Юрьева. Наверняка помнят северокурильчане публикации Ю. Яременко, Н. Питомца, Ф. Пустовийта, В. Шалатонова, О. Бессоной, С. Карпачева и многих других»⁶.

Газета «**Красный маяк**» начала выходить в г. Курильске. Издание получило у читателей прозвище «Маячок». «Первый номер газеты «Красный маяк» вышел в свет 11 июня 1948 года. Но первый приказ по редакции датирован 4 марта 1948 года: «С сего дня, на основании удостоверения, выданного обкомом ВКП(б), вступаю в должность ответственного редактора курильской районной газеты «Красный маяк»». Подпись – А. И. Червяков. Более года первый редактор занимался организацией производства, формированием коллектива газеты. В июне 1949 года его сменил В. А. Булаев, также направленный обкомом партии. Он проработал редактором более двух лет. Его временно сменил И. А. Дузь, который потом в течение двух лет работал ответственным секретарем. Следующим редактором был Табунщиков. В ноябре 1953 года приехал из Москвы А. М. Дольников, работал заведующим партотделом, а с мая 1954 года по август 1959 года – редактором. Его сменил Ф. Г. Самохин, направленный в Курильск из Охи».

Редакция газеты «Красный маяк» находилась в японском здании, располагавшемся за бывшим магазином «Чайка» под сопкой. Помещение отапливалось «буржуйками». Заготовкой дров, а также уходом за редакционной лошадкой, занимался хозяйственный рабочий. За «правильной эксплуатацией отопительных приборов», то есть трех печей, должны были следить ответственные лица: за каждой печью – свое лицо, обязанное не менее четырех раз в месяц чистить трубы и делать соответствующие записи в «Журнале учета чистки труб».

Первые годы газета выходила на двух полосах (формат А3). С середины 50-х до 1961 года – на четырех, затем – уже до 1987 года – снова на двух. Так проявлялась необходимость экономить то бумагу, то деньги. Резко менялся и тираж: в 1948 году – 1000 экземпляров, в 1950-м – 600.

С 1 марта 1987 года газета «Красный маяк» стала печататься на четырех полосах. Для этого была переоборудована типография (завезены лино типы – строкоотливные машины, до этого издание набирали вручную: букву к букве, строку за строкой), расширился штат работников.

С 18 октября 2000 года газета «Красный маяк» печатается компьютерным способом. Выходит два раза в неделю: по средам и пятницам, тиражом до 700 экземпляров.

За все время существования в «Красном маяке» проработало более 300 человек. Журналисты, как и редакторы, практически не задерживались в «Красном маяке» на длительные сроки. Мы предполагаем, что это было связано не с самыми лучшими условиями труда: чаще всего в штате были один-два журналиста, редактор и корректор, а в таких условиях выпускать газету три раза в неделю достаточно сложно.

Дата основания газеты «**На рубеже**» г. Южно-Курильска – 22 ноября 1947 года. Остряки со временем начали называть ее «За рубежом».

В конце 40-х годов последняя полоса издания была стандартно заполнена новостями международной политики и общеобразовательными материалами. Третья полоса была посвящена материалам, агитировавшим людей приезжать на Курильские острова.

В номере за 5 мая 1952 года, посвященном Дню большевистской печати, было опубликовано интересное письмо с пожеланиями газете устранения «шаблонности в изложении», «живого» оттенка материалов, что должно повысить интерес и желание рабселькоров чаще печататься на ее страницах. Как нам видится, «устранение шаблонности» – ключевая проблема тех лет, потому как практически все газеты середины XX века писались скучным канцелярским языком. Именно такой стиль журналистских материалов позволял легче цензурировать материалы. Возможно, это письмо было скрытой попыткой журналистов донести до печатных органов свою позицию, стремлением пробиться сквозь цензуру.

В 60-е годы у издания была стандартная верстка, причем такое расположение материалов подходит практически любой районной сахалинской газете:

1-я полоса: центральные (федеральные) новости, обращения, приказы;

2-я и 3-я полосы: местные новости и агитационные материалы;

⁵ *Курильский рыбак. – 1958. – № 4. – 11 октября. – С. 4.*

⁶ *Календарь знаменательных и памятных дат по Сахалинской области на 2008 год / Сахалинская обл. универсальная науч. б-ка, отдел краеведения; сост. Н. Н. Толстякова; редкол.: Н. А. Латышева, В. А. Малышева, Г. М. Нефедова (отв. ред.). – Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2007. – С. 60.*

4-я полоса: международные новости и обзоры; местные новости спорта; «Литературная страничка» (где публиковались произведения местных авторов и классиков).

Стоит отметить, что содержание и верстка газеты не очень изменялись на протяжении практически всего существования газеты.

Иногда в газете «На рубеже» появляются интересные материалы под рубрикой «Фельетон», например, «За новым фасадом» (про работу местного Дома культуры)⁷. Фельетонами в чистом виде такие материалы назвать сложно, скорее, они напоминают сатирические и юмористические зарисовки.

Вообще вся курильская (да и сахалинская) пресса работала и выходила в тяжелых климатических условиях, к примеру, газеты «Курильский рыбак» и «На рубеже» выходили с перебоями в связи со снежными заносами. Могла намокнуть бумага, которую доставляли морским путем. В результате задерживался выход изданий, но газетчики несмотря ни на что находили возможности для выпуска номера, который мог выйти в любой из дней недели (так, например,

часто случалось с газетой «Красный маяк»).

Из общей тенденции стоит отметить, что в ходе анализа Курильских газет за каждые пять лет нами была выявлена тенденция частой смены редакторов. В 80-е годы начал повышаться полиграфический уровень, появилось больше иллюстраций, собственных фотографий. За все время существования изданий менялось только качество печати, язык газет оставался тем же, практически не было «ярких» тем и информационных поводов.

В своих письмах читатели жаловались, что газеты предлагали мало материалов о работе тех или иных предприятий, что издания недостаточно оперативны.

В целом печать Курильских островов соответствовала задачам и реалиям своего времени. Она неизменно агитировала людей осваивать островные богатства. Газеты информировали и организовывали людей на труд, а самое главное – показывали успехи. Несмотря на то, что уровень оформления и материалов курильских газет был невысок, с этими задачами данные периодические издания хорошо справлялись.

⁷ *На рубеже.* – 1952. – 5 мая. – № 54. – С. 1.

МЕСТО ТЕЛЕГИДОВ НА ПЕЧАТНОМ РЫНКЕ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается история появления газет-телегидов на сахалинском печатном рынке и их своеобразии на фоне других СМИ.

Ключевые слова: телегиды, тип печатного издания, печатный рынок Сахалинской области.

PLACE OF PROGRAM GUIDES ON SAKHALIN REGION PRINT MARKET

This article is devoted to the history of appearance of such newspapers as program guides on Sakhalin print market and their diversity compared with other mass media.

Key words: Program guides, type of print publication, print market of Sakhalin region.

На протяжении почти трех столетий газеты и журналы в России остаются незаменимым источником информации для многих миллионов людей. С ускорением технического прогресса сама пресса и ее положение в обществе серьезно изменились. Двадцатый век принес человечеству несколько новых средств массовой информации. В двадцать первом веке печатные СМИ по-прежнему востребованы в обществе и выступают важнейшим инструментом воздействия на массовое сознание, вкусы и интересы людей. В ходе общественного развития у печатных СМИ появились серьезные конкуренты: радио, телевидение, интернет. Каждый новый вид средства массовой информации определяет для себя зону вещания для массовой аудитории, в результате чего определяются вкусы аудитории: кто-то слушает радио, кому-то нравится читать периодические издания, кто-то смотрит телевидение, а кто-то полностью погружен в интернет. Объем информации стремительно увеличивается, возможности выбора источника информации безграничны, поэтому возникает необходимость в некоем путеводителе, облегчающем поиск и ориентирующем на наиболее интересные передачи и материалы. Эта необходимость обусловила появление телегидов – посредников между телевидением и печатью.

Телегиды – относительно новый тип печатных изданий, поэтому, как все новое в мире информации, требует детального изучения и описания. Целью нашей статьи не являются сложные теоретические вопросы о месте телегидов в типологии СМИ. В нашей статье мы публикуем результаты наблюдений за тем, как телегиды пришли

на рынок сахалинской прессы, каковы особенности их существования в островном регионе и каковы перспективы развития. Вначале – небольшой исторический экскурс в историю печатных СМИ на Сахалине с целью описания рынка сахалинских СМИ на момент появления телегидов.

В XIX веке на острове Сахалин, одной из самых удаленных точек российской империи, «своих» (издававшихся на острове) газет и журналов не было. Из-за удаленности и необходимости переправлять грузы с материка через Татарский пролив Тихого океана почта работала нерегулярно, были периоды по два-три месяца, когда издания доходили с большим опозданием. На самом острове пользовались национальным транспортом аборигенов – собачьей упряжкой, перевозившей почту¹. В то же время известно, что в 1895 году жители острова выписывали 112 наименований газет и журналов², и хотя большей частью это были издания религиозного толка («Православный вестник», «Церковные ведомости», «Мир божий»), общее количество изданий для того времени впечатляет.

Единственным печатным органом конца XIX – начала XX веков был ежегодник «Сахалинский календарь»³. Это была достаточно объемная книга. Заполнялась она главным образом статистическими данными. Издавалась в типографии полицейского участка.

В 1909 году, когда Сахалинский округ сформировался как административная единица, выходят «Обзоры Сахалина», освещавшие проблемы сельского хозяйства, лесного промысла.

С 1914 года один раз в неделю выходят «Военные телеграммы». Печатались они машинопис-

¹ См. об этом: Хоуз, Ч. Г. На восточной окраине / Ч. Г. Хоуз. – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное изд-во, 2003. – С. 111.

² История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия / М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов М. И. Ищенко ; отв. ред. д. и. н. М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное изд-во, 2008. – С. 368.

³ Базанов, А. И. Из истории печати Сахалинской области / А. И. Базанов. – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное изд-во, Сахалинское отд-ние, 1970. – С. 3.

ным способом и распределялись среди местной верхушки. Основная тематика телеграмм посвящена сообщениям с фронта и призывам защищать Отечество⁴.

Примерно в 1917 году появился «Вестник Сахалина», который издавался комитетом общественной безопасности. Позже хозяином газеты стало Александровское городское самоуправление. «Вестник Сахалина» издавался и в период колчаковской власти, просуществовал до оккупации японцами Северного Сахалина. Газета рассказывала о событиях и городского уровня, и областного, и регионального, и общероссийского, и о событиях, происходивших за рубежом. Всего вышло не более 20–25 номеров⁵.

В этот же период в связи с революционными событиями в России повсеместно стали издаваться «Известия Совета рабочих и крестьянских депутатов», в которых шла идеологическая пропаганда новой власти. В 1921 году они стали издаваться как «Известия Александровского городского Совета» в г. Александровск Сахалинской области.

Первая массовая газета на Сахалине в городе Александровске появилась 1 мая 1925 года – это газета «Советский Сахалин», издававшаяся Комиссией ЦИК СССР по приему Северного Сахалина от японских властей. 15 мая газета стала органом Сахалинского ревкома. Главное назначение газеты – давать информацию о положении Советской России и обслуживать местное крестьянское население. Основные рубрики газеты: «Прокурор сообщает», «Наша деревня», «В рядах партии», «Жизнь молодежи», «Из писем селькоров», «Уголок рабселькора». Газета выходит один раз в неделю по воскресеньям, а с конца 1926 года газета начала выходить два раза в неделю. Тираж первых номеров – 350 экземпляров. После образования единой Сахалинской области редакция 13 мая 1947 года переведена в Южно-Сахалинск. Тираж газеты в данный период составлял 20 тыс. экз. На протяжении десятилетий тираж газеты увеличивался, пик наблюдается в 1990 году – 110 тыс. экз. Сейчас газета выходит 148 раз в год. Тираж – более 6 тыс. экз., из которых 95 % – подписной тираж. Учредителем и издателем является «ООО редакция газеты Советский Сахалин».

10 февраля 1937 года в форме приложения к газете «Советский Сахалин» для пионеров и школьников в свет вышел «Юный сахалинец». В 1940 году издание стало органом общественного комитета ВЛКСМ.

10 марта 1930 года выходит молодежная га-

зета «Сахалинский комсомолец», которая посвящена признанию большой роли молодежи в строительстве социалистического общества. В рубриках, в заголовках, в строчках внимательно читателей представлены боевые дела комсомольцев, юношей и девушек, которые делали первые просеки в глухой тайге, добывали первые тонны угля, нефти, рыбы, те, кто боролся с неграмотностью.

В 1947 году «Сахалинский комсомолец» выходит под названием «Молодая гвардия». Основные рубрики: «Правосфланговые», «Альтаир», «Увлечения», «Комсомольский характер» и т. п.⁶. Тираж газеты – 10 тыс. экз., далее тираж газеты увеличился.

Начиная с конца 30-х годов в сахалинскую реальность стали входить районные газеты. Их открывали в условиях, близких к полевым. «Районки» были призваны на своем уровне организовывать массы на строительство новой эпохи, создавать новое мышление. Среди них выделялись следующие газеты: «Красное знамя» в Александровске-Сахалинском, «Красный маяк» в Курильске, «Труд» в Углегорске, «Новая жизнь» в Макарове, «Сахалинский рыбак» в Рыбновске и т. п.

Итак, первые шаги периодические и продолжающиеся издания области делали на протяжении полувека и к середине 50-х годов на Сахалине наблюдалась вся палитра периодической периодики.

К 60-м годам появилось новое средство массовой информации – телевидение. Первая пробная телепередача прошла 9 февраля 1960 года в 16.50 мин по сахалинскому времени, и «прошла успешно»⁷. Телевещание до декабря было нерегулярным, поэтому телепрограмма в «Советском Сахалине», выходившая под рубрикой «Телевидение», представляла собой анонс программ только в дни передач.

Начиная с декабря 1960 года программа телепередач стала регулярной и появилась в «Советском Сахалине» и в «Молодой гвардии» под рубрикой «Телевидение» и «ТВ-программа» соответственно. Программа состояла из нескольких строк и помещалась на последней странице. Например, в «Советском Сахалине» программа выглядела следующим образом: 19.10 фильм для детей «Девочка в цирке», 19.50 киножурнал, 20.10 киноочерк «Будапешт. Театр на льду», 20.10 х. фильм «Где бы ты ни был»⁸. «Советский Сахалин» и «Молодая гвардия» – первые сахалинские газеты, которые помещали на своих страницах телепрограмму, осуществляя таким образом информационную функцию СМИ и не

⁴ Базанов, А. И. Из истории печати Сахалинской области / А. И. Базанов. – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное изд-во, Сахалинское отд-ние, 1970. – С. 4.

⁵ Там же.

⁶ Васильева, Л. А. Газеты Дальнего Востока (1917–1987 гг.) : справочно-библиографический указатель / Л. А. Васильева, П. А. Касьянова. – Владивосток : изд-во Дальневост. ун-та, 1989. – С. 18.

⁷ Климов, Г. Уважаемые телезрители / Г. Климов // Молодая гвардия. – 1960. – № 23. – С. 1.

⁸ Телевидение // Советский Сахалин. – 1960. – № 198. – С. 4.

более. Из-за малого объема телепрограммы особые неудобств в виде недостатка печатной площади эти газеты не испытывали.

В конце 1960-х появились газеты «Эфир» и «Программа передач», которые можно считать полноценными телегидами, т. к. основной их целью было информирование населения о телевизионных программах. К сожалению, газета «Эфир» не сохранилась в библиотеках, поэтому подробно описать это издание невозможно. «Программа передач» сохранилась в номерах 1972–1974 годов, состоит из радиопрограммы и телепрограммы, формата А4, двухсторонняя, объем газеты всего два печатных листа. Наряду с программой в данных изданиях на каждой странице размещалась реклама. Позже, в 80-х годах, появился новый формат «Программы передач», в которой были представлены московские и сахалинские телепрограммы под рубрикой «Смотрите»⁹. Тираж данной газеты был относительно большим – 20 тыс. экз.

После 1990 года увеличилось количество телевизионных каналов, стали транслироваться не только программы центрального телевидения, но и местного. Появилось спутниковое и кабельное телевидение, поэтому многие газеты стали использовать вкладку с телепрограммой. Но полноценными телегидами считаются две газеты – «Телемир» и «Телесемь». В 1997 году был выпущен первый телегид Сахалинской области – «Телемир». Новости культуры, шоу-бизнеса, музыки и спорта, кулинарные рецепты, гороскоп и массу полезной информации может найти для себя читатель. В первый год издания над созданием газеты трудились три человека – редактор, журналист и дизайнер, да и тираж «Телемира» был сравнительно небольшим – всего 5000 экземпляров. Сегодня над созданием «Телемира» работают более двадцати человек – это и корреспонденты, и дизайнеры, и рекламные агенты, и, конечно же, главный редактор. Удивительно, что при жесткой конкуренции газета не перестает быть интересной читателям. Необходимо напомнить о том, что «Телемир» содержится на средства рекламы, поэтому на страницах много рекламных сообщений.

С начала XXI века картина на рынке сахалинской печатной продукции значительно изменилась. Самые значимые приметы – это, во-первых, закрытие некоторых ранее популярных газет, например, «Молодой гвардии» и «Острова сокровищ», единственного детского печатного издания на Сахалине, выходившего сначала как приложение к газете «Свободный Сахалин», затем как самостоятельная газета с 1990 года по август 2008 года. Во-вторых, сначала робкое, а затем более уверенное появление так называемого «глянца» – это журналы «Особое мнение», «События Сахалина» и др. В-третьих, стремительное развитие корпоративной прессы, ставшее возможным после преодоления экономического кризиса 1990 годов на многих предприятиях. И – прочное

вхождение на рынок газет-телегидов (из 17 зарегистрированных на территории Сахалинской области на сегодняшний день печатных изданий два являются полноценными телегидами).

Следующий телегид, привлечший внимание сахалинцев – это «Антенна-Телесемь». В 2005 году в Южно-Сахалинске вышел первый номер газеты «Антенна-Телесемь»¹⁰. Газета вышла на 24 полосах, 12 из которых полноцветные, 12 – двухцветные. Формат А3. Периодичность – еженедельник, день выхода – среда. Газета «Телесемь-Сахалин» в Южно-Сахалинске издается по договору франчайзинга. Договор франчайзинга предприятию ООО «Информационный центр «Бизнес и культура» предало ЗАО «ИнтерМедиаГруп», издатель общенационального городского телегида «Антенна-Телесемь».

С момента основания газета «Антенна-Телесемь» демонстрировала очень высокую динамику развития. Успехи сахалинской компании быстро вызвали интерес у московских инвесторов, которые вскоре после 1998 года стали совладельцами этого проекта. Издательская компания «ИнтерМедиаГруп» быстро превратила «Телесемь» в федеральный сетевой продукт («Антенна-Телесемь»), который сейчас издается в 72 городах страны, а также в Алматы, Кишиневе, Минске, Таллине. Это безусловный лидер в сегменте российских телегидов с общим тиражом изданий более трех с половиной миллионов экземпляров. «Телегид позиционируется как еженедельник для семейного чтения, его ядро – это подробная программа передач с анонсами фильмов, программ и сериалов»¹¹. Конечно, будучи в рамках московского холдинга, «Телесемь-Сахалин» получила совершенно иные возможности по финансированию.

Рассмотрим особенности телегидов, появившихся на сахалинском рынке на фоне других печатных изданий области.

Основной признак у печатного издания – это тиражность. В табл. 1 представлены следующие данные по тиражам некоторых сахалинских газет от момента появления до сегодняшнего дня.

Таблица 1

| Год | Тираж | | | | |
|------|-------------------|-----------------|-------------------|---------|----------|
| | Советский Сахалин | Молодая гвардия | Программа передач | Телемир | Телесемь |
| 1925 | 350 | – | – | – | – |
| 1947 | 20 тыс. | 10 тыс. | – | – | – |
| 1960 | 75 тыс. | 43 тыс. | – | – | – |
| 1970 | 80 тыс. | 47 тыс. | 13 тыс. | – | – |
| 1980 | 90 тыс. | 50 тыс. | 20 тыс. | – | – |

⁹ *Смотрите // Программа передач. – 1989. – № 4. – С. 1.*

¹⁰ *Телесемь пришел на Сахалин. – Режим доступа : <http://www.gipp.ru>*

¹¹ *Издательский дом ИнтерМедиаГрупп. – Режим доступа : www.intermed-iagroup.ru*

Продолжение таблицы 1

| Год | Тираж | | | | |
|------|-------------------|-----------------|-------------------|---------|----------|
| | Советский Сахалин | Молодая гвардия | Программа передач | Телемир | Телесемь |
| 1990 | 110 тыс. | 96 тыс. | 20 тыс. | – | – |
| 1997 | 34 тыс. | 5 тыс. | – | 5 тыс. | – |
| 2000 | 22 тыс. | 2 тыс. | – | 14 тыс. | – |
| 2005 | 13 тыс. | 1400 | – | 10 тыс. | 4 тыс. |
| 2010 | 9 тыс. | – | – | 20 тыс. | 7800 |
| 2013 | 6345 экз. | – | – | 20 тыс. | 5000 |

Итак, самую длинную историю издания имеет «Советский Сахалин» – 88 лет, «Молодая гвардия» просуществовала 59 лет, «Программа передач» – около 10 лет, «Телемир» – 16 лет, «Телесемь» – 8 лет. Газета «Советский Сахалин» в момент рождения имела небольшой тираж – всего 350 экз. «Молодая гвардия» в первые годы существования имела больший тираж – 10 тыс. экз. У «Программы передач» был стабильный тираж – 13 тыс. экз. Тираж первого выпуска газеты «Телемир» составлял 5 тыс. экз., газеты «Телесемь» – 4 тыс. экз. В процессе существования газет «Советский Сахалин» и «Молодая гвардия» происходило стабильное увеличение тиража, пик наблюдается в 1990 годы: 110 тыс. экз. и 96 тыс. экз. соответственно. Это наибольший тираж среди анализируемых газет. После 1990 годов происходит резкое уменьшение тиража, причиной которого явился кризис в стране. Уже в 2000 году «Советский Сахалин» вышел тиражом в 22 тыс. экз. – это в пять раз меньше по сравнению с 1990 годом, тираж «Молодой гвардии» – в 48 раз меньше, вышло всего 2 тыс. экз., что говорит о глубоком кризисе в редакции данной газеты, который привел к закрытию издания в 2006 году. «Телемир» и «Телесемь» стабильно увеличивают свой тираж: «Телемир» от 5 тыс. до 20 тыс. экз. в 2010 году, «Телесемь» – это самая молодая газета – также увеличивает тираж: от 4 тыс. экз. до 7800 экз. Увеличение тиража свидетельствует о неизменном спросе на газеты типа «телегид».

Печатные газеты имеют следующий признак – периодичность. Газеты бывают ежедневные, еженедельные, ежемесячные, от времени выхода – утренние, вечерние газеты. В советский период «Советский Сахалин» и «Молодая гвардия» выходили четыре-пять раз в неделю, а после 1970 годов пять-шесть раз в неделю, был период, когда эти газеты выходили два раза в неделю. Сегодня «Советский Сахалин» выходит четыре раза в неделю (вторник, среда с приложением: московская газета «Новый вторник», пятница с ТВ-программой, суббота). Телегиды «Телемир» и «Телесемь» выходят только раз в неделю по причине достаточности информации и особенностями материала (читатель может, ознакомившись с анонсами, в начале недели спланировать просмотры на последующие дни).

Все печатные издания имеют определенный объем. Например, газета «Советский Сахалин» состоит из двух-четырех печатных листов в за-

висимости от наличия приложений. Газета «Программа передач» имела объем в 2 печатных листа. Объем газеты «Телемир» – 20 печатных листов, «Телесемь» – 30 печатных листов. Таким образом, с увеличением количества информации газеты имеют тенденцию увеличиваться в объеме. Именно газеты-телегиды – самые большие по объему, в основном за счет рекламно-развлекательной информации и телепрограммы.

Тираж, периодичность, объем – формальные признаки печатных изданий. Основная характеристика газеты – ее содержание, которое отражают ее рубрики. Охарактеризуем газеты «Телемир» и «Телесемь» с точки зрения содержания.

«Телемир» – это еженедельная газета с уникальным контентом и самой полной телепрограммой. В «Телемире» есть все для того, чтобы увлечь самых пристрастных читателей: эксклюзивные интервью и специальные проекты со звездами шоу-бизнеса, кино и телевидения, подробная программа всех телеканалов, анонсы лучших фильмов и передач, новости ТВ и афиша. В начале каждой недели читатели получают газету с достоверной информацией о самых ярких событиях, фотографиями и подробностями из жизни знаменитостей, материалами, которые можно прочитать в рубрике «Только у нас!». В «Телемире» есть рубрика «Интересно», которая включает в себя новости за неделю, праздники, юбилеи, колонка о звездах, сообщения о звездных десантах, новости о сериалах (рубрика «Переключая канал»), гороскопы. Выделена рубрика «Строительство и ремонт», представляющая из себя объявления о предоставлении услуг на строительном рынке. Следующая рубрика «Все для дома» включает объявления о продаже мебели, компьютеров и предоставлении услуг по ремонту аппаратуры. Рубрика «Автомобили» представляет все интересное для автолюбителей: покупка, продажа, ремонт машин. Интересна рубрика «Работа и образование», которая предлагает различные виды работ и возможность обучения. Привлекательной для женщин и девушек является рубрика «Здоровье и красота», рекламирующая широкий выбор услуг парикмахерских, салонов красоты, оздоровительных центров, клиник. В рубрике «Недвижимость», «Отдых», «Юридические услуги» рекламируются услуги компаний по приобретению и продаже недвижимости, юридические услуги, размещающие приглашения в круизы по разным интересным местам отдыха.

Актуальна в настоящее время проблема детей, которые воспитываются в детских домах, поэтому в данном телегиде выделена рубрика «Один дома», предлагающая взять в приемную семью малыша. Представлены фото детей и даны все адреса и телефоны будущим родителям. Для женщин будут интересны страницы с кулинарными рецептами, а для любознательных – сканворды, кроссворды, sudoku. И, конечно, самое главное место занимает в телегиде телепрограмма с удобным расположением программ и кратким описанием фильма.

Газета «Антенна-Телесемь» состоит из ряда рубрик: «Реклама», в которой присутствуют объ-

явления на первых глянцевых страницах и внутри каждой полосы. Одна из главных рубрик – «Новости», основная задача которой – размещение новостей из мира телевидения, кино и шоубизнеса. Представлена рубрика «Играют все», включающая в себя сканворды, кроссворды и sudoku и т. п.

Анализ содержания газет-телегидов позволяет сделать вывод об однотипности материалов, это объясняется общностью функций этих газет – информационной и развлекательной.

«Телесемь» размещает на своих страницах программы не только по общественным каналам, но и по спутниковому и кабельному телевидению.

Как любые печатные издания, газеты обладают определенным дизайном.

Дизайн газеты – своеобразная визитная карточка издания. Именно с внешнего вида начинается знакомство читателя с газетой. По ее оформлению можно судить о том значении, которое редакция придает конкретному сообщению. Поэтому искусство оформления газеты предполагает уяснение идеи полосы, номера; подбор определенных текстовых материалов для выражения этой идеи; подбор определенных композиционных и графических средств для ее эмоционального воплощения. Важно оптимальное сочетание вербальных и невербальных средств выражения информации, например, телепрограмма в «Телесемь» окрашена в два цвета, художественные фильмы выделены в голубой цвет (очень удобно, не надо искать по всему тексту) и дан комментарий к фильму.

«Телемир», «Телесемь» как рекламные газеты используют в своих рекламах товарные знаки, шрифты, слоганы (например, магазин «Техник», «Аист», «Новый дом» со своим фирменным знаком). Именно константы фирменного стиля позволяют достичь высокого эффекта воздействия при меньшем числе повторов. Продуманный оригинальный дизайн издания не что иное, как его фирменный стиль, которого следует постоянно придерживаться.

Например, в «Телемире» на первой странице очень ярко представлено большое количество рекламных сообщений, с разным шрифтом, разной композицией, разной тематикой, начиная от рекламы магазинов и заканчивая ремонтом автомашин и предложением различных услуг. Читатель, который берет такую газету, понимает, о чем здесь будет говориться. Необходимо отметить, что реклама в «Телемире» присутствует и на других страницах, практически на каждой, перемежаясь с анонсами о кинозвездах, с развлекательной информацией и т. п.

В газете «Телесемь» на глянцевой обложке представлена цветная реклама с товарными знаками, во внутренней части газеты реклама представлена в меньшем количестве.

Газеты сегодня уделяют особое внимание аппарату ориентирования читателя с помощью

фотоиллюстрирования. Фотоиллюстрации – один из важнейших элементов графической модели газеты. Размещение снимков также очень важный этап при создании типовых макетов, макетов-стандартов. Любая газетная полоса имеет идею, оформительскую в том числе, главный материал, являющийся одновременно и графической доминантой. Нередко в качестве такой доминанты выступает фотография (зрительно-смысловый центр). Например, в газете «Телесемь» на первом плане всегда фотография актера, актрисы, и в самой газете, в статьях, где идет комментарий к фильму размещены фотографии героев или фотографии ведущих различных телепрограмм, например, в материале о программе «Малахов+» предоставлена фотография ведущего – Г. Малахова¹². В «Телемире» ситуация аналогичная, можно только отметить, что фотографии в основном черно-белые, и, соответственно, восприятие такой газеты немного другое, чем если бы это было цветное фото.

Определенное значение имеет и типографское исполнение издания. Газета «Телесемь» печатается на двух видах бумаги, первые два разворота – из глянцевого материала, внутренняя часть из простой бумаги. Попытку выделиться осуществил журнал «Телесемь», осенью 2010 года полностью перейдя на глянец, однако лидером по аудитории, тиражу и затратам рекламодателей на Сахалине продолжает оставаться «Телемир».

Таким образом, телегиды, представленные в Сахалинской области имеют все признаки средств массовой информации в соответствии с российским законодательством. Телегиды – это печатные издания, имеющие определенный тираж, периодичность выхода (один раз в неделю), объем издания не менее 20 печатных листов, формат издания в основном А4. Данные газеты предназначены для большого круга читателей и любителей телевидения. Основное отличие телегида от других газет – это тематический характер издания. Эти издания вводят читателя-зрителя в мир телевидения, предлагают анонсы о звездах кино, о судьбах героев киносерии, биографии актеров. Самый главный признак – телепрограмма, имеющая детальную расшифровку по интересным программам. Необходимо отметить, что конкуренция на рынке телегидов растет, и редакторы газет начинают предлагать новые решения в распространении данных газет. Например, «Телемир» существуют в двух видах – как платная газета, которая продается в киосках «Пресса», и как бесплатные экземпляры, которые распространяются в местах массового скопления людей: в магазинах, торговых центрах. При этом бесплатные журналы разбираются читателями в течение получаса, платные телегиды также не задерживаются на прилавках, что говорит о востребованности той информации, которую содержат телегиды.

¹² Баталова, Б. «Малахов+»: проволоку вам на голову! / Б. Баталова // Антенна-Телесемь. – 2009. – № 50. – С. 16–17.

Основными причинами стабильной позиции телегидов на рекламном рынке является следующее – это постоянство аудитории в численном выражении, ее высокая покупательская способность в разрезе товаров массового потребления, а также необходимость для многих рекламодателей размещения рекламы в изданиях, создающих позитивный эмоциональный настрой, какими и являются семейные телегиды.

Таким образом, телегиды нашли свою нишу на рынке средств массовой информации, прочно заняли достойное место как многофункциональные издания. В связи с переходом телевидения на цифровое телевидение и значительно увеличением телевизионных каналов основная роль навигатора в сложном мире телевидения у телегидов останется незыблемой.

Литература

1. Базанов, В. Из истории печати Сахалинской области / В. Базанов. – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное изд-во, Сахалинское отд-ние, 1970. – 28 с.
2. Васильева, Л. А., Касьянова, П. А. Газеты Дальнего Востока (1917–1987 гг.) : справочно-библиографический указатель / Л. А. Васильева, П. А. Касьянова. – Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 1989. – 136 с.
3. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров, С. М. Гуревич, А. Х.-Г. Ибрагимов и др. – М. : Высш. шк., 1980. – 287 с.
4. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия / М. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов, М. И. Ищенко ; отв. ред. д. и. н. М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное изд-во, 2008. – 712 с.
5. Календарь знаменательных и памятных дат по Сахалинской области на 2010 год / сост. И. И. Толстенова ; ред. : Г. М. Нефедова,

В. А. Малышева ; Сахалинская областная научная библиотека, отдел краеведения. – Южно-Сахалинск : Лукоморье, 2009. – 192 с.

6. Хоуз, Ч. Г. На восточной окраине / Ч. Г. Хоуз. – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное изд-во, 2003. – 362 с.

7. Баталова, Б. «Малахов+»: проволоку вам на голову! / Б. Баталова // Антенна-Телесемь. – 2009. – № 50. – С. 16–17.

8. Климов, Г. Уважаемые телезрители / Г. Климов // Молодая гвардия. – 1960. – № 23.

9. Телевидение // Советский Сахалин. – 1960. – № 198. – С. 4

10. Телеэкран недели // Молодая гвардия. – 1990. – № 19. – С. 3.

11. Смотрите // Программа передач. – 1989. – № 4. – С. 1.

Интернет-источники:

12. 7ТВ. – Режим доступа : www.7tv.ru
13. Антенна Телесемь. – Режим доступа : www.antenna-telesem.ru
14. Еженедельнику Телемир исполнилось три года. – Режим доступа : <http://www.sakhalin.info>
15. Издательский дом «ИнтерМедиаГрупп». – Режим доступа : www.intermediagroup.ru
16. Семь дней. – Режим доступа : <http://www.7days.ru>
17. Столичный гид Телесреда. – Режим доступа : <http://www.starchat.ru/partner/telesreda>
18. ТВ – ПАРК. – Режим доступа: <http://www.tv-park.ru>
19. Телегиды – единственная пресса, которую читают ради того, чтобы смотреть телевизор. – Режим доступа : <http://www.gipp.ru>
20. Теленеделя. – Режим доступа : www.teleweek.ru
21. Телесемь пришел на Сахалин. – Режим доступа : <http://www.gipp.ru>

РАЗДЕЛ 4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В РОССИЙСКОМ И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л. И. РУБЛЕВА
Россия, г. Южно-Сахалинск

«Я ГАЗЕТЧИК... НО ОНЫМ НЕ УМРУ»: А. П. ЧЕХОВ – ЖУРНАЛИСТ И ПИСАТЕЛЬ

В статье рассматривается литературно-журналистская деятельность А. П. Чехова периода поездки по заданию редактора «Нового времени» А. С. Суворина на Сахалин. Прослеживается работа с периодическими изданиями 80–90-х годов XIX века, использование исторических, географических, статистических и иных материалов, газет, журналов при создании текста книги «Остров Сахалин».

Ключевые слова: А. П. Чехов, книга «Остров Сахалин», А. С. Суворин, периодические издания XIX века, газета «Новое время», журналы: «Русская мысль», «Книжки Недели», «Владивосток», «Морской сборник», «Исторический вестник».

“I’M AN ARTICLE WRITER... BUT I WON’T DIE AS HE”: A. P. CHEKHOV – JOURNALIST OR WRITER

The article deals with the A. P. Chekhov’s literal and journalistic activity during his trip to Sakhalin on the instructions of “New time” editor A. S. Suvorin. It also informs about work with periodicals of 80–90-th years of a XIX-th century, application of historical, geographical, statistical and other materials including newspapers, magazines at the process of writing the book “Sakhalin Island”.

Key words: A. P. Chekhov, the book “Sakhalin Island”, A. S. Suvorin, XIX-th century periodicals, the newspaper “New time”, magazines: “Russian thought”, “Books of Week”, “Vladivostok”, “The Sea collection”, “The Historical bulletin”.

С именем А. П. Чехова связан определенный период в развитии русской журналистики XIX века. Развитие периодической печати 80–90-х годов сказалось на его творчестве так же, как и его творчество сказалось на развитии журналистики в целом. Его работа в газетах и журналах не могла не повлиять на тип издания, структуру, тираж, изменение запросов читателей.

Свидетельством активности Чехова-журналиста является большое число журналов, в которых он принимал участие в качестве автора или редактора. Кроме «Будильника», «Осколков» и других «озорных» изданий, он сотрудничал в «Северном вестнике», «Космополисе», «Жизни», «Журнале для всех», «Детском чтении» и некоторых других. В журнале «Русская мысль» Чехов был редактором прекрасного беллетристического отдела, где были опубликованы наряду с произведениями Лескова, Короленко,

Горького и других ведущих писателей произведения самого Чехова («Палата № 6», «Остров Сахалин», «Дом с мезонином», «Чайка», «Дама с собачкой»). Оригинальные путевые очерки «Из Сибири» и «Остров Сахалин» вошли по праву в число лучших публицистических произведений последней четверти XIX века.

В 1886 году Чехов становится сотрудником газеты «Новое время»¹. Здесь, кроме рассказов, им напечатаны такие материалы, как статья о русском путешественнике Н. М. Пржевальском, путевые зарисовки «Из Сибири» (опубл. июль-август 1890 г.), некоторые другие. Писатель организовал в газете «литературные субботники» и много способствовал внедрению в практику русской журналистики жанра небольшого рассказа-новеллы. Преуспевающий журналист-издатель А. С. Суворин² стремился к увеличению круга своих читателей. Подписчиками этой га-

¹ «Новое время», российская газета. Издавалась в Санкт-Петербурге в 1868–1917 годах. В течение первого года выходила пять раз неделю, затем – ежедневно. С 1881 года выходили утреннее и вечернее издания газеты. С 1876 года по 1912 год издателем был А. С. Суворин.

² А. С. Суворин сотрудничал в таких изданиях, как «Ваза», «Московский вестник», «Весьельчак», «Русский дневник», «Русская речь», «Современник», «Ясная поляна», «Отечественные записки», «Русский инвалид», «Вестник Европы», «Биржевые ведомости». С середины

зеты были представители петербургской бюрократии, офицерство, значительная часть интеллигенции. Постоянная критика военного руководства, администрации, широкая внутренняя и иностранная информация, острая постановка некоторых нравственных проблем в статьях Розанова, интересная беллетристика А. П. Чехова и другие материалы создавали несомненный успех изданию. Розничная продажа, реклама и интересные публикации способствовали росту тиража газеты.

В удостоверении, выданном редактором, было указано: «Предъявитель сего Антон Павлович Чехов отправляется корреспондентом «Нового времени» в разные места России и за границу»³. Чехов не решился показать его генерал-губернатору А. Н. Корфу при встрече: «А. Н. Корф принял меня очень ласково и беседовал со мной около получаса. Наш разговор происходил в присутствии ген. Кононовича. Между прочим, мне был предложен вопрос, не имею ли я какого-либо официального поручения. Я ответил: нет.

– По крайней мере нет ли у вас поручения от какого-либо ученого общества или газеты? – спросил барон.

У меня в кармане был корреспондентский бланк, но так как я не имел в виду печатать что-либо о Сахалине в газетах, то, не желая вводить в заблуждение людей, относившихся ко мне, очевидно, с полным доверием, я ответил: нет»⁴.

После поездки на остров Сахалин в 1890 году Чехов сотрудничает в журналах «Русская мысль», «Жизнь» и др. В «Русской мысли» он заведовал отделом беллетристики и впервые опубликовал здесь свое произведение «Остров Сахалин». Это произведение вышло вскоре в виде отдельной книги и вошло в золотой фонд русской публицистики.

Книга сочетает в себе глубину и точность научного исследования с ненавязчивой публицистичностью. Пренебрежение правительства к богатой окраине России, превращенной в каторжную тюрьму, острову Сахалин, Чехову непонятны. Не мог смириться писатель и с тем, что жизнь каторжников и населения Сахалина

определяется не законом, а произволом администрации. Жизнь на острове напоминает ему крепостничество. Он не мог пройти мимо тяжелого положения женщин, детей, местного туземного населения на Сахалине; осуждает недостатки исправительной системы на каторге, экономическую отсталость края, отсутствие налаженной медицинской помощи. Проблемы, поднятые в книге, часто оказывались сходными с проблемами всей России.

На страницах «Острова Сахалин» Чехов постоянно обращается к газетам и журналам для получения информации, оценивает их роль в общественном развитии страны. Например, в первой главе при описании прибрежной полосы и особенностей судовождения он упоминает о роли прессы в решении проблем: «Давно уже на очереди новое, возможно тщательное исследование берегов Татарии и Сахалина. Теперешние карты неудовлетворительны, что видно хотя бы из того, что суда, военные и коммерческие, часто садятся на мель и на камни, гораздо чаще, чем об этом пишут в газетах»⁵. Заехав по пути из Николаевска в Хабаровку, он торопится почитать «последние» газеты, отмечая: «Газеты мартовские и апрельские, значит шли они сюда 2–2½ месяца»⁶.

При подготовке к сахалинскому путешествию А. П. Чехов одной из первых прочитал книгу К. А. Скальковского «Русская торговля в Тихом океане: Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области, Восточной Сибири, Корею, Китае, Японии и Калифорнии»⁷. В дальнейшем он использует материалы во время описания залива Де-Кастри, для характеристики сахалинских углей и описания хода сельди. Этот выбор не случаен. К. А. Скальковский объехал почти весь земной шар и описал свои путешествия в статьях и книгах. В течение многих лет путешественник и страстный поклонник русского театра и балета сотрудничал с издававшейся А. С. Сувориным газетой «Новое время». Зимой и весной 1890 года А. П. Чехов имел возможность пользоваться его обширной библиотекой, в которой

1860-х до 1874-го года — ведущий сотрудник газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В 1876 году А. С. Суворин вместе с В. И. Лихачевым приобрел газету «Новое время», которая благодаря, прежде всего, его усилиям быстро превращается в крупнейшую русскую газету консервативного направления, в которой печатались наиболее полные зарубежные новости, хроника внутренней жизни Российской империи, литературная, театральная и музыкальная критика, новости научной жизни, некрологи известных деятелей, криминальная хроника, объявления крупнейших компаний.

³ Семанова, М. Л. Примечания / М. Л. Семанова // Чехов, А. П. Полное собр. соч. и писем. Сочинения. — Т. 14–15. — М., 1978. — С. 747.

⁴ Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. — Том первый : Чехов А. П. Остров Сахалин. (Из путевых заметок). — Владивосток — Южно-Сахалинск : изд-во «Рубеж», 2010. — С. 33.

⁵ Там же. — С. 20.

⁶ Чехов, А. П. Письмо Чеховым. 1 июля 1890 г. / А. П. Чехов // Чехов, А. П. Полное собр. соч. и писем. — М., 1976. — Т. 4 : Письма. — С. 130.

⁷ Скальковский, К. А. Русская торговля в Тихом океане: Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области, Восточной Сибири, Корею, Китае, Японии и Калифорнии / К. А. Скальковский. — СПб., 1883.

были интересовавшие его книги по геологии, минералогии, гидрографии.⁸

О бурях в Татарском проливе А. П. Чехов мог прочитать на страницах журнала «Морской сборник»⁹, который он просмотрел, начиная с 1852 года. Несомненно, его внимание привлекла статья И. Шпиндлера «Пути тайфунов в Китайском и Японском морях» с описанием семнадцати ураганов. Один из описанных в статье И. Шпиндлера тайфунов в сентябре 1861 года, пройдя через Шанхай, Нагасаки, Хакодате и Корею, «достиг Сахалина на третьи сутки после прохода мимо Шанхая»¹⁰. 9 сентября этот тайфун выбросил на берег около поста Дуэ российский клипер «Гайдамак»¹¹. В тексте, описывая берег Татарского пролива, Чехов упоминает еще об одном выброшенном судне: «Гавани здесь нет и берега опасны, о чем внушительно свидетельствует шведский пароход «Atlas», потерпевший крушение незадолго до моего приезда и лежащий теперь на берегу»¹².

Интересно, что встречи с журналистами во время подготовки к путешествию позволили Чехову впоследствии включить в текст различные истории, поразившие его и оставившие след в памяти. Так, журналист и литературный критик М. О. Меньшиков, читая чеховский «Сахалин», сразу же узнал в «морском офицере г. Б.» своего «товарища и друга Капитона Богданова». Об этом он и сообщил А. П. Чехову в письме.¹³

О русском морском офицере К. В. Богданове известно, что он служил на Черноморском флоте, в 1882 году вступил в Николаеве в революционный кружок, но избежал наказания, хотя многие были осуждены. В 90-е годы он служил на Дальнем Востоке. О дальнейших событиях жизни офицера известно, что в феврале 1893 года штабс-капитан К. В. Богданов

назначен помощником начальника караула на острове Тюленьем. В 1898 году за незаконный вывоз с острова Тюлений крупных партий шкур морских котиков и контрабанду в Европе он был осужден Военно-морским судом во Владивостоке и приговорен к лишению всех особых прав и преимуществ, чинов и наград, исключению из морской службы и ссылке в Архангельскую губернию.¹⁴

Чехов очень внимательно ознакомился с материалами «Исторического вестника»¹⁵, который был известен тем, что в популярной и занимательной форме знакомил читателей с современным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе. Не позднее февраля 1890 года А. П. Чехов взял у А. С. Суворина десятый номер за 1882 год и познакомился с опубликованной в нем статьей «Остров Сахалин» Я. Н. Бутковского.¹⁶ Начало второй главы явно написано под впечатлением от прочтения этой статьи. Достаточно сравнить тексты:

«Остров Сахалин»
Я. Н. Бутковского
«На крайнем востоке России, против устья реки Амура, прикрывая на тысячеверстном протяжении приморский берег Сибири, лежит неисследованный малоизвестный остров Сахалин»¹⁷.

«Остров Сахалин»
А. П. Чехова
«Сахалин лежит в Охотском море, загораживая собой от океана почти тысячу верст восточного берега Сибири и вход в устье Амура.

О Бутковском известно немало. Он в конце 60-х – начале 70-х годов занимался «перевозкой

⁸ Чехов, А. П. Письмо Чеховым. 1 июля 1890 г. / А. П. Чехов // Чехов, А. П. Полное собр. соч. и писем. — М., 1976. — Т. 4 : Письма. — С. 23–25, 57–60, 389–390.

⁹ «Морской сборник», ежемесячный русский военно-научный журнал. Основан в 1848 году. Издавался Морским ученым комитетом, а с 1867 года — ученым отделом Морского технического комитета Морского министерства. Благодаря патронажу Великого князя Константина Николаевича был освобожден от цензуры. В журнале публиковались материалы об исследованиях различных частей мирового океана.

¹⁰ Шпиндлер, И. Пути тайфунов в Китайском и Японском морях / И. Шпиндлер // Морской сборник. — 1881. — № 4.

¹¹ Там же. — С. 73–75.

¹² Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. — Том первый : Чехов А. П. Остров Сахалин. (Из путевых заметок). — Владивосток — Южно-Сахалинск : изд-во «Рубеж», 2010. — С. 26.

¹³ Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи / Составление, статьи, подготовка текстов и примечания А. С. Мелковой. — М., 2005. — С. 69.

¹⁴ Самарин, И. А. «Г. Б., которого не было дома». Про Капитона Богданова, одного из героев книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» / И. А. Самарин // IX Чеховские чтения: А. П. Чехов и проблемы нравственного здоровья общества. — Южно-Сахалинск, 2006. — С. 24–30.

¹⁵ «Исторический вестник» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся А. С. Сувориным и С. Н. Шубинским в СПб. в 1880-е — 1917-м годах.

¹⁶ Чехов, А. П. Письмо А. С. Суворину. 17 февраля 1890 / А. П. Чехов // Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем. — М., 1976. — Т. 4 : Письма. — С. 21.

¹⁷ Бутковский, Я. Н. Остров Сахалин / Я. Н. Бутковский // Исторический вестник. — 1882. — № 10. — С. 175.

морем грузов из Европы на Амур»¹⁸. В работе «О Сахалине и его значении» высоко оценивается значение угольных месторождений острова¹⁹, а также ставится вопрос об организации пароходства в Охотском море. В 1875 году Я. Н. Бутковский выступил с проектом о создании акционерного общества «Сахалин» для разработки каменноугольных залежей на Сахалине. 30 июня 1875 года решением правительства Я. Н. Бутковский получил право на эксплуатацию сахалинских угольных месторождений. Однако из-за отсутствия собственных финансовых средств он так и не смог приступить к работе на острове.²⁰

Еще один материал, собранный С. В. Максимовым во время путешествия по Сибири, был также внимательно изучен А. П. Чеховым. Оригинальное исследование С. В. Максимова «Сибирь и каторга» произвело огромное впечатление на современников. Среди наиболее известных читателей были Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин. А. П. Чехов имел возможность познакомиться с первым изданием «Сибири и каторги»²¹ в период подготовки к путешествию. Об этом свидетельствует его письмо А. С. Суворину, в котором он просит прислать ему книгу С. В. Максимова.²² Весной 1891 года эта книга уже находилась в чеховской библиотеке.²³

Книге было суждено оказать существенное воздействие на А. П. Чехова в период его работы над своим «Островом Сахалином». Он не мог не оценить своеобразие жанра, структуры и содержания капитального труда С. В. Максимова. Ведь данная книга включала не только необходимые ему богатейшие материалы по истории русской каторги и ссылки, но и сведения по этнографии и фольклору Сибири, многочисленные личные наблюдения, яркие портреты и пейзажные зарисовки, обширный статистический материал. Идя вслед за С. В. Максимовым, А. П. Чехов пытается создать не менее своеобразный труд, основанный уже на сахалинских материалах и наблюдениях.

«Сибирь и каторга» С. В. Максимова состоит из трех частей. *Часть первая* «Несчастные» включает в себя предисловие, пять глав: 1. В дороге; 2. На каторге; 3. В бегах; 4. На пропитании; 5. На поселении. *Часть вторая* «Винова-

тые и обвиненные» включает одиннадцать глав: 1. Злодеи; 2. Убийцы; 3. Самоубийцы; 4. Бродяги и беглые; 5. Воры и мошенники; 6. Грабители и разбойники; 7. Поджигатели; 8. Преступники против веры; 9. Преступления против казны; 10. Преступники против семейных прав; 11. Общие выводы. *Часть третья* «Политические и государственные преступники» включает три главы: 1. Политические ссыльные; 2. Государственные преступники; 3. История каторги.

Содержание чеховской книги также можно разделить на три части. В первую часть входят дорожные впечатления и передвижение по острову. Вторая часть основная – «каторжная». Ее можно было бы назвать также, как и у Максимова. Здесь портреты каторжан – Бродяга Красивый, Золотая Ручка, Экс-палач Терский, Егор, Прикованные к тачкам. Третьей части, как у Максимова, у Чехова быть не может, так как ему было запрещено генерал-губернатором Корфом встречаться с политкаторжанами. Антон Павлович усложняет замысел «путевых заметок» и в третьей части проводит серьезное исследование различных групп населения, использования земель, наличия детей и условий заключения браков, видов сельскохозяйственной деятельности и т. п. Как врач, он не может не описать медицинского обслуживания.

Во время подготовки к сахалинскому путешествию А. П. Чехов попытался заручиться поддержкой М. Н. Галкина-Враского – начальника Главного тюремного управления, который для знакомства с положением каторги и тюрем неоднократно выезжал в командировку на Сахалин, в Восточную и Западную Сибирь.

Первый шаг в этом направлении был сделан баронессой В. И. Икскуль фон Гильденбандт, которая 10 января 1890 года в письме к М. Н. Галкину-Враскому просила о встрече: «Известный и один из самых наших талантливых литераторов – если не самый талантливый в настоящее время, – Чехов – очень желает Вас видеть, и я прошу Вас приять его милостиво и по возможности исполнить его желание. Дело в том, что он собирается на Сахалин с литературными целями – и, конечно, предварительно желает с Вами повидаться. Будет он у Вас на днях на квартире – утром, так как мне сказали в прав-

¹⁸ Бутковский, Я. Н. Остров Сахалин / Я. Н. Бутковский // Исторический вестник. – 1882. – № 10. – С. 181.

¹⁹ Бутковский, Я. Н. О Сахалине и его значении / Я. Н. Бутковский. – СПб., 1873.

²⁰ Бутковский, Я. Н. Остров Сахалин / Я. Н. Бутковский // Исторический вестник. – 1882. – № 10. – С. 181–182.

²¹ В 1862 году морское министерство издает первый том этой книги исключительно для служебного пользования. В 1868–1869 годах отдельные главы книги «Сибирь и каторга» публикуются на страницах журналов «Вестник Европы» и «Отечественные записки», а в 1871 году свет увидело ее первое отдельное издание. При жизни С. В. Максимова его «Сибирь и каторга» выдержала еще два издания. // См.: Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. – Владивосток – Южно-Сахалинск : изд-во «Рубеж». – 2010. – С. 817–818.

²² Чехов, А. П. Письмо А. С. Суворину. 22 марта 1890 г. / А. П. Чехов // Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем. – М., 1976. – Т. 4 : Письма. – С. 46–48.

²³ Чехов, А. П. Письмо А. А. Долженко. 14 мая 1891 г. / А. П. Чехов // Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем. – М., 1976. – Т. 4 : Письма. – С. 229.

лении, что это самое удобное для Вас время»²⁴. В начале января 1890 года с письмом на имя М. Н. Галкина-Враского обращается уже сам А. П. Чехов: «Ваше превосходительство милостивый государь Михаил Николаевич! Предполагая весною этого года отправиться с научною и литературною целями в Восточную Сибирь и желая, между прочим, посетить остров Сахалин, как среднюю часть его, так и южную, беру на себя смелость покорнейше просить Ваше превосходительство оказать мне возможное содействие к достижению мною названных целей. С искренним уважением и преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Антон Чехов»²⁵.

Во время встречи Чехову было обещано содействие. По крайней мере, А. П. Чехов первое время был полностью уверен в том, что «с Галкиным-Враским почти все улажено»²⁶. Однако никакого письма в поддержку А. П. Чехова из Главного тюремного управления на Сахалин направлено не было. Как отметил сам А. П. Чехов в своем письме А. С. Суворину от 11 сентября 1890 года, «Галкин не писал обо мне ни слова»²⁷. Вскоре после выхода в свет первого издания «Острова Сахалина» А. П. Чехов посылает ему свою книгу, предварительно сделав на титульном листе следующую надпись: «Его Превосходительству Михаилу Николаевичу Галкину-Враскому от автора. 1895. 14/IX. Антон Чехов»²⁸.

На страницах книги «Остров Сахалин» нашла отражение история Ольги Васильевны Геймбрук. Вероятнее всего, А. П. Чехов был знаком с делом О. В. Геймбрук по материалам судебной хроники, опубликованным в суворинской газете «Новое время» в феврале 1889 года. Это рассказ о пожаре в квартире баронессы Геймбрук, с которой он встретился на каторге.

Материальное положение Геймбрук было не из легких: она задолжала за квартиру более 200 рублей и снесла в залог многие вещи. Говорила некоторым, что ей приходится помогать отставному майору Златогорскому, бывшему с ней в интимных отношениях, которого она называла своим женихом. У нее был ребенок, прижитый ею от связи с Златогорским. Баронесса была влюблена в майора и находилась под его вли-

янием. Геймбрук рассказала ему, что она с Златогорским решила поджечь свое имущество, с целью получить страховую премию; что получив деньги, Златогорский разведется с женою, прогонит любовницу и женится на ней. Геймбрук не знала, что Златогорский желает только выманить у нее деньги, а потом обмануть.

Из материалов судебной хроники Чехов узнал о том, что присяжные заседатели признали виновными, но заслуживающими снисхождения: Геймбрук – в покушении на поджог, а Златогорского – в подстрекательстве к этому преступлению. Окружной суд приговорил осужденных к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы: Геймбрук – на пять, Златогорского – на шесть лет. О встрече с ней на каторге А. П. Чехов упомянул в своем письме А. С. Суворину: «у бывшей баронессы Геймбрук я сидел в кухне»²⁹.

В фонде А. П. Чехова Отдела рукописей Российской государственной библиотеки хранится письмо Ольги Петровны Геймбрук, матери осужденной баронессы, от 11 марта 1894 года:

«Милостивый государь Антон Павлович!

Прошло более двух лет, как единственная дочь моя бывшая баронесса Ольга Васильевна Геймбрук, ныне каторжная, писала, как Вы в бытность свою на Сахалине приняли в ней участие, пристыдили генерала за дурное с ней обращение, как после этого все начальство стало лучше к ней обходиться. Благодарю Вас добрейшей человек, молюсь за Вас заступник несчастных!»³⁰.

В 90-е годы появления произведений А. П. Чехова читатели ждали с нетерпением. С 1878 года редактор-издатель «Недели»³¹ П. А. Гайдебуров приступил к изданию в виде приложения к своей газете ежемесячного литературного «Журнала романов и повестей». При этом подписная цена на газету не изменилась, что позволило существенно увеличить число подписчиков. В 1884 году приложение было переименовано в «Книжки Недели». Начиная с 1891 года кроме романов и повестей печатаются путевые очерки, биографии и критические статьи. В отделе «Литературная смесь» помещались отзывы о новых художественных произведениях. Среди авторов

²⁴ *Летопись жизни и творчества А. П. Чехова*. – М., 2004. – Т. 2 : 1889 – апрель 1891. – С. 319.

²⁵ Чехов, А. П. *Письмо М. Н. Галкину-Враскому. 20 января 1890 г.* / А. П. Чехов // Чехов, А. П. *Полное собр. соч. и писем*. – М., 1976. – Т. 4 : *Письма*. – С. 10.

²⁶ Чехов, А. П. *Письмо М. П. Чехову. 28 января 1890 г.* / А. П. Чехов // Чехов, А. П. *Полное собр. соч. и писем*. – М., 1976. – Т. 4 : *Письма*. – С. 14.

²⁷ Чехов, А. П. *Письмо А. С. Суворину. 11 сентября 1890 г.* / А. П. Чехов // Чехов, А. П. *Полное собр. соч. и писем*. – М., 1976. – Т. 4 : *Письма*. – С. 133–134.

²⁸ Чехов, А. П. *Дарственная надпись М. Н. Галкину-Враскому. 14 сентября 1895 г.* / А. П. Чехов // Чехов, А. П. *Полное собр. соч. и писем*. – М., 1983. – Т. 12 : *Письма*. – С. 170.

²⁹ Чехов, А. П. *Письмо А. С. Суворину. 11 сентября 1890 г.* / А. П. Чехов // Чехов, А. П. *Полное собр. соч. и писем*. – М., 1976. – Т. 4 : *Письма*. – С. 133–134.

³⁰ *Отдел рукописей Российской государственной библиотеки*. – Ф. 331. – К. 40. – Ед. хр. 18. – Л. 1–2.

³¹ «Неделя», еженедельная литературно-политическая газета, издававшаяся в Петербурге в 1866–1901 годах.

«Книжеч Недели» были Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Г. И. Успенский, В. С. Соловьев и др. Сотрудничал с издателями «Недели» и А. П. Чехов. Так, в июльском номере «Книжеч Недели» за 1892 год был опубликован его рассказ «Соседи», в январском за 1899 – рассказ «По делам службы».

Начиная с 1888 года, как в «Неделе», так и в приложении к ней, постоянно публикуются отзывы на произведения А. П. Чехова. Восторженным почитателем А. П. Чехова был ведущий сотрудник «Недели» Михаил Осипович Меньшиков. 17 сентября 1895 года в «Неделе» была опубликована заметка М. О. Меньшикова, посвященная выходу в свет книги А. П. Чехова «Остров Сахалин». О чеховском «Сахалине» М. О. Меньшиков пишет в статьях «О лжи и правде»³² и «Прогресс и предание»³³.

Не позднее 1890 года А. П. Чехов становится постоянным читателем «Книжеч Недели». Отечественные литературоведы Л. Д. Опульская³⁴ в примечаниях к письму А. П. Чехова к А. С. Суворину от 17 декабря 1890 года и М. Л. Семанова³⁵ в комментариях к книге «Остров Сахалин» отмечают, что в первую ночь, проведенную в посту Корсаковском, А. П. Чехов читал майскую и июньскую «Книжки Недели» за 1890 год. Здесь под названием «В 2000-м году» был напечатан русский перевод утопического романа американского писателя и политического мыслителя Эдварда Беллами (Edward Bellamy) «Looking backward. 2000–1887». Данное предположение основано на тексте письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 17 декабря 1890 года: «Содержание рассказа Беллами мне рассказывал на Сахалине генерал Кононович; частицу этого рассказа я прочел, ночуя где-то в Южном Сахалине. Теперь, когда приеду в Питер, прочту его целиком»³⁶.

В период работы А. П. Чехова над своим «Сахалином» он прочитал в августовской и сентябрьской «Книжках Недели» публикацию путевых заметок А. Н. Краснова «На острове изгнания»³⁷.

Подробности о нападении беглых ссыльнокаторжных на Крильонский маяк А. П. Чехов мог узнать, просматривая комплекты газеты «Владивосток» за 1885 и 1886 годы в библиотеке Общества изучения Амурского края во время

своего кратковременного пребывания в административном центре Приморской области.

Так, 28 июля 1885 года газета «Владивосток» в корреспонденции «Корсаковский пост на Южном Сахалине» сообщала: «На Крильоне пропал матрос с быком и коровой... Партии каторжных ходят на работу за 12 верст с надзирателем, вооруженным бляхой и тросточкой!?!.. В мае еще просили выдать надзирателям ружья из команды, но еще до сих пор не дали»³⁸.

22 сентября 1885 года публикуется новая корреспонденция «Владивостока» с Южного Сахалина: «Найден между скалами труп матроса, пропавшего без вести с Крильонского маяка около 2 месяцев тому назад. Предполагают, что он или нечаянно свалился туда или же прибег к самоубийству, потому что, судя по расспросам, у него случались припадки меланхолии; впрочем, нет данных отрицать и возможности, что его столкнули каторжные, бродившие в числе нескольких десятков около маяка. Труп уже совершенно разложился; голова у него разбита; других же знаков не заметно. Матрос исчез с маяка вечером, во время тумана, когда его смотритель послал разыскивать корову... Недавно бежало еще 14 человек ссыльнокаторжных; за ними отправлены солдаты на поимки. Из числа бежавших прежде 40 человек почти все перебиты или переловлены; часть впрочем, вернулась сама»³⁹.

27 октября 1885 года «Владивосток» публикует «письмо в редакцию», автор которого обстоятельно рассказывает читателю о бесчинствах, творимых на Сахалине беглыми: «Под удручающим впечатлением, производимым массою зверских убийств, совершаемых бродягами арестантами Корсаковской тюрьмы, жизнь на Сахалине становится положительно невозможной. Живешь так, что ложаешься спать переставешь рассчитывать – встанешь ли завтра целым или же будет разрублена топором голова. Начиная с конца августа, положение становится день ото дня хуже; бродяги шляются целыми шайками, навели своими убийствами ужас на весь округ; о кражах уже нечего и говорить, потому, что они стали обыденным явлением.

Летом 1885 года одна из таких шаек высадилась на мыс Крильон, обворовала маяк, и, нужно полагать, она же убила матроса, искавшего смотрительскую корову, сбросив его со скалы в

³² *Книжки Недели*. – 1895. – № 10.

³³ *Книжки Недели*. – 1896. – № 1.

³⁴ Опульская, Л. Д. *Примечания к письму А. С. Суворину. 17 декабря 1890 г.* // Л. Д. Опульская // Чехов, А. П. *Полное собр. соч. и писем*. – М., 1976. – Т. 4 : *Письма*. – С. 430.

³⁵ Семанова, М. Л. *Примечания* // М. Л. Семанова // Чехов, А. П. *Полное собр. соч. и писем. Сочинения*. – М., 1978. – Т. 14–15. – С. 846.

³⁶ Чехов, А. П. *Письмо А. С. Суворину. 17 декабря 1890 г.* // А. П. Чехов // Чехов, А. П. *Полное собр. соч. и писем*. – М., 1976. – Т. 4 : *Письма*. – С. 146–147.

³⁷ Краснов, А. Н. *На острове изгнания. (Из поездки по островам далекого Востока)* // А. Н. Краснов // *Книжки Недели*. – 1893. – № 8–9.

³⁸ *Корсаковский пост на Южном Сахалине* // *Владивосток*. – 1885. – 28 июля. – № 30. – С. 9.

³⁹ *Корсаковский пост на Южном Сахалине* // *Владивосток*. – 1885. – 22 сентября. – № 38. – С. 7.

пропасть, в виду маяка, чтобы он не мог заявить остальным о виденных беглых.

Некоторое время спустя шайка беглых каторжников вновь оказалась на полуострове Крильон, «встретив здесь, верстах в 20 от маяка, старшего надзирателя Канабеева, посланного с тремя каторжными за быками, купленными от смотрителя маяка. Они заявили, что идут на маяк «сдаваться». Канабеев велел им идти с собою в Корсаковский пост, заявив, что иначе он их свяжет.

Беглые дороною жаловались, что они несколько суток не ели, и на ночлег Канабеев дал им мяса и галет на ужин. На другой день, пройдя верст 30, все остановились на второй ночлег, около ручья, на берегу моря. Канабеев распорядился привязать быков, принести воды для варки ужина и насобирать дров; сам же он начал разводиться огонь, вместе с более благонадежным ссыльным Огневым, которому он доверил нести двуствольное ружье, топор и саквояж. Тот, сняв с себя ношу, положил ее тут же; один из беглых, воспользовавшись этим и взяв топор, пошел как бы нарубить дров и принес действительно две чурки, но, вслед за тем, подойдя сзади, хватил топором надзирателя, а вторым ударом положил и Огнева. Остальные ссыльные погонщики быков бросились в лес, но беглые каторжники уверили их, что не тронут, и те воротились. Канабеев и Огнев еще храпели; поэтому им было нанесено вновь по несколько ударов топором, пока их окончательно не добились.

Убийцы, переночевав, отправились к вельботу, на котором приехал Канабеев. Здесь они зарезали одного быка, хорошенько все наелись, и улеглись спать. Ночью один из погонщиков убежал по направлению к Корсаковскому посту, а другой, именем Христа, тоже отпрапросился идти туда, и каторжные, рассудив, что их все равно бежавший запутает, отпустили и его с уцелевшим быком. Оба погонщика явились к властям и известили о прискорбном происшествии, на место которого отправились следователь и врач с печальными вестниками, закованными в кандалы. 12-го октября, т. е. спустя десять дней, один каторжный из партии явился на рыбалку к надзирателю; двое других были изловлены на Крильоне с ружьями и вещами, принадлежащими убитому ими Канабееву. Четвертый же преступник еще не пойман и, как нужно полагать, убит своими товарищами, чтобы скрыть все и свалить на одного все совершенные сообща тяжкие преступления»⁴⁰.

И, наконец, в номере газеты «Владивосток» за 16 ноября 1886 года А. П. Чехов имел возможность узнать о том, как были наказаны убийцы Канабеева:

«27 сентября в п. Корсаковском была совер-

шена казнь над преступниками по делу об убийстве 3 октября 1885 г. беглыми близ Крильона, старшего надзирателя дворянина Канабеева и сс. каторжного Огнева. Поздно вечером 26 сентября с экстренной почтой, от начальника острова был прислан приказ, в коем сообщалась конфирмация г. генерал-губернатора Приамурского края, что ссыльнокаторжные Овсов, Пospelов, Соловьев и Зайцев, за убийство поименованных лиц, приговорены: Овсов – к смертной казни через повешение, а соучастники его Пospelов, Соловьев и Зайцев – к наказанию плетьюми по сто ударов каждому. В приказе, между прочим, было сказано: по получении конфирмации, приступить к исполнению на другой день в шесть часов утра.

Пред наступлением рокового часа мы вошли внутрь тюремного двора, где перед виселицей с одной стороны выстроились войска, по другую же помещались арестанты из кандалного отделения, в числе 50 чел. Камеры с прочими арестантами были на замках. Под самой виселицей, в ожидании жертвы, прохаживался, подбоченясь, заплечный мастер. Ровно в 6 часов, в сопровождении конвоя, и во главе священника, из гауптвахты вывели четырех преступников, из коих Овсов казался живым мертвецом. Поставав всех под виселицей, комендант приказал скомандовать начальнику отряда «на караул», а военный прокурор зычным голосом прочел приговор. Затем священник дал Овсову поцеловать крест и предложил ему проститься с сим миром и братиею; но преступник обратился только к своим товарищам по ремеслу – к кандалникам: «простите, братцы, в чем я пред вами виноват» и под дробь барабана палач одел саван и вздернул... Преступника Овсова выдержали на виселице 25 минут, после чего не было уже сомнения в его смерти. После этого тело Овсова вывезли со двора, а соучастников последнего Пospelова, Соловьева и Зайцева приняли в плети. Двое кое-как наказание выдержали, но Соловьеву, чтобы не убить насмерть давали нюхать нашатырный спирт и эфир, а затем отдыхать четыре раза; причем палач прибегал к следующей остроте: «будь жив, голубчик, не много осталось, быть может выдержишь»; засим ревел: «поддержись!» Вообще последний выполнял свое дело усердно. Наказанных плетьюми преступников, по выздоровлении, пришлось однако заковать в кандалы по делу «тунайчинскому». По всей вероятности их повесят, так как в числе других, говорят, и они сотрудничали в резне одиннадцати аинов в аинском селении Тунайча»⁴¹. 11 октября 1890 года А. П. Чехов написал А. С. Суворину: «Присутствовал при наказании плетьюми, после чего ночи три-четыре мне снился палач и отвратительная кобыла»⁴².

Дружба с А. А. Сувориным не помешала быстрому охлаждению отношений между А. П. Че-

⁴⁰ Южный Сахалин (Письмо в редакцию) // Владивосток. – 1885. – 27 октября. – № 43. – С. 7–8.

⁴¹ Пост Корсаковский на Сахалине // Владивосток. – 1886. – 16 ноября. – № 46. – С. 6.

⁴² Чехов, А. П. Письмо А. С. Суворину. 11 сентября 1890 г. / А. П. Чехов // Чехов, А. П. Полное собр. соч. и писем. – М., 1980. – Т. 8 : Письма. – С. 133–134.

ховым и «Новым временем» во второй половине 90-х годов. Особенно заметно это стало во время дела Альфреда Дрейфуса, когда А. П. Чехов самым решительным образом выступал на стороне несправедливо осужденного французского офицера еврейского происхождения, а редакция «Нового времени» одну за другой публиковала статьи в поддержку французского генерального штаба.

«“Новое время” производит отвратительное впечатление, – писал А. П. Чехов 5 февраля 1899 года своему брату Александру Павловичу. – Телеграмм из Парижа нельзя читать без омерзения. Это не телеграммы, а чистейший подлог и мошенничество... Это не газета, а зверинец, это стая голодных, кусающих друг друга за хвосты шакалов. Это черт знает что».⁴³

Эти же мысли А. П. Чехов хотел донести и до А. А. Суворина: «Общество (не интеллигенция только, а вообще русское общество) в последние годы было враждебно настроено к “Нов<ому> времени”. Составилось убеждение, что “Новое время” получает субсидию от правительства и от французского генерального штаба. И “Нов<ое> время” делало все возможное, чтобы поддержать эту незаслуженную репутацию, и трудно было понять, для чего оно это делало, во имя какого бога... О Вас составилось такое мнение, будто Вы человек сильный у правительства, жестокий, немоллимый – и опять-таки “Новое время” делало все, чтобы возможно больше держалось в обществе такое предубеждение. Публика ставила “Новое время” рядом с другими несимпатичными изданиями, она роптала, негодовала, предубеждение росло, составлялись легенды – и снежный ком вырос в целую лавину, которая покатилась и будет катиться, все увеличиваясь»⁴⁴.

Одной из важнейших задач, которые ставила перед собой администрация В. О. Кононовича, было соединение северной и южной частей Сахалина хорошей дорогой, вдоль которой планировалось основать новые поселения. Возглавить работы по сооружению дороги на юг со стороны Тымовского округа было поручено надзирателю Рыковской тюрьмы В. И. Ханову.

Вероятнее всего, летом 1890 года А. П. Чехов встречался с Хановым. По крайней мере в материалах его переписи сохранилась карточка на проживавшего в селении Рыковском крестьянина из ссыльных Василия Ивановича Ханова, 57 лет, православного вероисповедания, уроженца Забайкальской области, на Сахалине с 1879 года, грамотного, холостого⁴⁵.

Сведения из переписной карточки дополняются протоколом, составленным смотрителем Мало-Тымовской тюрьмы Д. С. Климовым, которому было поручено вести следствие по Онорскому делу:

«1892 года декабря 18 дня, в помещении Тымовского окружного полицейского управления в присутствии товарища Приморского областного прокурора по о. Сахалину г. Баумгартен, врача Тымовского окружного лазарета г. Тропина, следователь – смотритель Мало-Тымовской тюрьмы Климов составил сей протокол на предмет сличения особых примет обвиняемого по настоящему делу крестьянина из ссыльных Василия Ивановича Ханова с особыми приметами, значащимися в его статейном списке, имеющемся при деле на листе. Причем оказалось: роста 2 арш<ина> 7,5 верш<ков>. Лета от роду – 60 будет, по его словам, на днях. Волосы на голове, бороде, усах, бровях и бакенбардах – темно-русые с проседью. Глаза серые, нос, рот обыкновенные. Подбородок умеренный. Лицо чистое. Слегка смуглый цвет лица. Лоб прямой. Из особых примет: 1. На левой руке, на наружной стороне предплечья имеется не ясный вытравленный знак старого клейма или буквы «Б» или «Ж», по словам самого Василия Ханова, буквы «С II», каковые буквы поставлены Василию Ханову, по его словам, в 1856 г. в городе Витебск: «в том же 1856, когда я судился и осужден Витебскою Уголовною Палатою»; 2. На правой руке не имеет третьего пальца, вылущенного из пястно-фалангового сочленения, по словам Василия Ханова, он лишился этого пальца в 1866 г. в г. Николаевске-на-Амуре, палец этот оторван машиною (раздроблен машиною, а после отнят).

Подлинный подписал следователь – смотритель Мало-Тымовской тюрьмы Климов. Врач Тымовского окружного лазарета, надворный советник Н. Тропин»⁴⁶.

В черновом варианте рукописи чеховского «Сахалина» имеется фрагмент, который по какой-то причине не был включен автором в окончательный текст. В нем А. П. Чехов выражает свое недоумение по поводу той власти, которая была дана бывшему каторжнику над его бывшими товарищами: «В известном Онорском деле, обнаруженном после моего отъезда... окружной начальник... писал надзирателю Ханову, оказавшемуся потом главным убийцей: “Пусть дубинка не прогуливается по плечам ссыльных, взамен ее даю тебе право наказывать людей 30-ю ударами розог”. И это право так хладнокровно дается надзирателю из ссыльных, убийце!»⁴⁷.

⁴³ Чехов А. П. Письмо Ал. П. Чехову. 05 февраля 1899 г. / А. П. Чехов // Чехов, А. П. Полное собр. соч. и писем. – М., 1980. – Т. 8 : Письма. – С. 76–77.

⁴⁴ Чехов, А. П. Письмо А. С. Суворину. 24 апреля 1899 г. / А. П. Чехов // Чехов, А. П. Полное собр. соч. и писем. – М., 1980. – Т. 8 : Письма. – С. 155–157.

⁴⁵ «Быть может, пригодятся и мои цифры...»: материалы сахалинской переписи А. П. Чехова. 1890 год. – Южно-Сахалинск, 2005. – С. 298.

⁴⁶ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 192. – Л. 201–201 об.

⁴⁷ Чехов, А. П. Остров Сахалин. Варианты черного и белого автографов / А. П. Чехов // Чехов, А. П. Полное собр. соч. и писем. Сочинения. – М., 1978. – Т. 14–15. – С. 685.

Яркий портрет В. И. Ханова оставил знавший его И. П. Ювачев: «Этот высокий и очень сильный старик, вышедший в старшие надзиратели из их же среды, носил еще следы прежнего варварского обычая – клейма на теле. Ханов выдержал суровую трудную школу, но зато и сам зачерствел душою. Умный от природы и талантливый на различные мастерства, он был строг и требователен к другим. Арестанты очень боялись его сурового взгляда из-под нависших бровей. Мне лично никогда не случилось замечать, улыбается ли он; и я понимаю, с каким страхом шла за ним пария каторжных в тайгу, за 60 верст от Рыковского селения...»⁴⁸.

Итак, в мае 1892 года группа ссыльнокаторжных во главе с В. И. Хановым приступила к работам в районе селения Онор. А вскоре до селения Рыковского стали доходить страшные слухи о том, что происходит в отряде Ханова. Проведенное расследование показало, что «за период с конца мая по 1 сентября из приблизительно 450 человек каторжных, бывших одновременно на просеке, умерло 49 человек, убито товарищами и при поимке из бегов 9 человек и без вести пропало 40 человек»⁴⁹.

За пределами Сахалина одним из первых о том, что происходило в районе селения Онор, узнал А. П. Чехов. 3 октября 1892 года Д. А. Булгаревич послал ему письмо, в котором сообщил о том, что на смотрителя Мало-Тымовской тюрьмы Д. С. Климова «возложено очень интересное следственное дело, сполошившее весь Сахалин»⁵⁰. И далее Д. А. Булгаревич поведал своему корреспонденту о том, что именно происходило на Сахалине летом 1892 года. «Умоляю Вас живым Богом и душами всех убитых, – вызывает самый преданный сахалинский корреспондент А. П. Чехова, – сообщить посредством печати публике о вышеприведенных зверствах и убийствах. Это, по-моему, единственное средство хотя бы несколько обуздать расхоронившихся убийц... Еще раз прошу об Оноре проклятом. На сердце скверно»⁵¹.

Однако А. П. Чехов не стал писать о «зверствах и убийствах». Он ограничился тем, что передал несколько страниц из письма Д. А. Булга-

ревича А. С. Суворину. По крайней мере, именно в фонде А. С. Суворина, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства, сахалинскому писателю М. П. Финнову посчастливилось найти считавшиеся утерянными страницы.

Первым внимание к онорским ужасам привлечет посетивший Сахалин в 1892 году русский путешественник Андрей Николаевич Краснов. Вот что смогли в августе 1893 года прочесть читатели журнала «Книжки Недели»:

«Если каторжный работает не в тюрьме, а где-нибудь вдали, на расчистке дороги... бесправное его положение проявляется не только в моральных, но и в физических страданиях. Не далее, как в нынешнем году, при проведении дороги на селение Онор, обнаружены были вопиющие злоупотребления безграмотного надзирателя, которому было поручено ведение дорожных работ, как человеку, хорошо знающему дорогу. Система действия этого человека состояла в том, что всех запоздавших с работой он сажал на следующий день на половинное и даже на третное продовольствие. Когда же рабочий, изнуренный истинно каторжным трудом, падал от изнурения, он его просто пристреливал как собаку и хоронил без медицинского освидетельствования, давая свои собственные определения болезни»⁵².

«Как бы в подтверждение... рассказов» А. Н. Краснова «время от времени стали появляться корреспонденции с Сахалина во «Владивостоке». Наконец об Онорском деле заговорили и за границу... Корреспонденты, правда сказать, немного пересаливали. Наряду с описанием онорских происшествий, они затрагивали интимную жизнь чиновников, не брезгали и мелкими скандальными историями среди поселенцев. По характеру статей сразу можно было догадаться, что писала их не рука интеллигентного человека, а какого-нибудь малообразованного писаря»⁵³. Следствие по делу «О беспорядках и злоупотреблениях, производимых надзирателями на просеке в Тымовском округе» продолжалось восемь лет и завершилось полным оправданием В. И. Ханова и его подчиненных.⁵⁴

⁴⁸ Миролюбов, И. П. *Восемь лет на Сахалине* / И. П. Миролюбов. – СПб., 1901. – С. 182.

⁴⁹ Финнов, М. П. «Мрачное Онорское дело». (По страницам книги А. П. Чехова «Остров Сахалин») / М. П. Финнов // *Краеведческий бюллетень*. – Южно-Сахалинск. – 1995. – № 2. – С. 145.

⁵⁰ Теплинский, М. В. *Новые материалы о сахалинском путешествии А. П. Чехова* / М. В. Теплинский // *Антон Павлович Чехов: сб. ст.* – Южно-Сахалинск. – 1959. – С. 209.

⁵¹ Финнов, М. П. «Мрачное Онорское дело». (По страницам книги А. П. Чехова «Остров Сахалин») / М. П. Финнов // *Краеведческий бюллетень*. – Южно-Сахалинск. – 1995. – № 2. – С. 141.

⁵² Краснов, А. Н. *На острове изгнания. (Из поездки по островам далекого Востока)* / А. Н. Краснов // *Книжки Недели*. – 1893. – № 8. – С. 161.

⁵³ Миролюбов, И. П. *Восемь лет на Сахалине* / И. П. Миролюбов. – СПб., 1901. – С. 205–206.

⁵⁴ Финнов, М. П. «Мрачное Онорское дело». (По страницам книги А. П. Чехова «Остров Сахалин») / М. П. Финнов // *Краеведческий бюллетень*. – Южно-Сахалинск. – 1995. – № 2. – С. 141–142, 160.

РАЗДЕЛ 4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В РОССИЙСКОМ И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С. В. БУКЧИН,
Белоруссия, г. Минск

ЯПОНЦЫ БЫЛИ «ПЕРЕЯПОНЕНЫ»: О СУДЬБЕ ЖУРНАЛИСТА ВЛАДИМИРА КРАЕВСКОГО

В статье рассматривается судьба журналиста Владимира Краевского, совершившего под чужим именем поездку по Японии в 1904 году во время русско-японской войны, и то, как, ради якобы разоблачения «мистификации», его современный собрат по профессии попытался отнять у него этот по своему героический и получивший мировую известность поступок. Владимир Краевский, понимает, не может ответить подтасовщику фактов – прошло более века с той поры, как самые известные мировые издания перепечатывали впервые появившиеся в московской газете «Русское слово» его японские очерки. Поэтому за него это делаю я, как историк русской журналистики, опираясь и на разыскания так же небезразличного к судьбе В. Краевского московского журналиста Сергея Сокурёнка.

Ключевые слова: Владимир Краевский, Япония, очерк, «Русское слово», Влас Дорошевич.

THE JAPANESE WERE “OVERJAPANIZED”: ON THE FATE OF JOURNALIST VLADIMIR KRAJEWSKI

The article deals with the fate of journalist Vladimir Krajewski, who made under a false name a tour to Japan in 1904 during the Russian-Japanese war, and about his colleague who tried to steal this heroic act noted throughout the world under the guise of exposing the “hoax”. Vladimir Krajewski, of course, couldn't answer to the swindler; more than a century has passed since the moment when the world famous issues reprinted his Japanese essays firstly appeared in the Moscow newspaper “Russkoe slovo”. Therefore, I do it instead of him, as a historian of Russian journalism, rely on finding of the same indifferent to the fate of V. Krajewski Moscow journalist Sergei Sokurenko.

Keywords: Vladimir Krajewski, Japan, essay, “Russkoe slovo”, Vlas Doroshevich.

Под видом американца Перси Пальмера

Осенью 1904 года, в разгар русско-японской войны, корреспондент популярной московской газеты «Русское слово» Владимир Краевский под видом американского гражданина отправился в Японию. Замысел, в который были посвящены только несколько человек в редакции и хранившийся в течение всей его поездки в глубокой тайне, состоял в том, чтобы «объехать страну, посмотреть, что там действительно делается» и по возвращении поделиться с читателями правдивыми впечатлениями очевидца. Поездка удалась. Об увиденном в «стане врага» Краевский рассказал в цикле очерков, опубликованных в газете (январь-март 1905 года), а затем выпущенных издательством И. Д. Сытина отдельной книгой под названием «В Японии». Эта история стала сенсацией не только в России, о ней писала европейская и американская пресса, в которой перепечатывались очерки Краевского.

Предваряя публикацию японских очерков Краевского, газета «Русское слово» в номере от 9 декабря 1904 года поместила редакционный (без подписи, с употреблением местоимения

«мы») материал под сенсационным заголовком «Русский корреспондент в Японии». В нем подробно (но без деталей, составлявших редакционную тайну, обнародование которых могло повредить некоторым участникам этой истории) рассказывалось, каким образом было организовано и как проходило опаснейшее предприятие. Опаснейшее, так как Краевский был гражданином воюющей с Японией страны, проник на ее территорию под чужим именем, собирал о ней разнообразные сведения и потому, будучи разоблаченным, мог быть, с учетом порядков военного времени и суровости японских законов, казнен. Риск был велик. Но были и обстоятельства, говорившие о том, что предприятие может быть удачным. Сорокалетний Краевский был опытным путешественником. Он не только изъездил всю Европу, но и подолгу жил в Шанхае, Харбине, Мукдене, Сингапуре. В общем, знал Восток. И, что было в особенности важно, в совершенстве владел английским.

Говоря языком современной разведки, для него была придумана и документально оформлена следующая «легенда». Состоятельный американец мистер Перси Пальмер едет, как

турист, в Японию. Если бы кто-то заинтересовался биографией мистера Пальмера, он бы узнал, что тот родом из Пенсильвании, что у него там есть брат Джеймс, владелец фабрики. А если бы спросили самого Джеймса, то он подтвердил бы, что у него есть брат Перси, часто путешествующий по Востоку. Правда, при этом прибавил бы, что в переписке они в настоящее время не состоят. «Мистер Перси Пальмер, живущий, надеюсь, вполне благополучно, в настоящее время в Австралии, – говорится в редакционном материале, – был бы глубоко тронут такой заботливостью о нем совершенно постороннего человека, с которым он когда-то встретился и разболтался на пароходе в Индийском океане». Этим человеком был также большой любитель путешествий, известнейший русский журналист Влас Дорошевич, кстати, автор текста (что подтверждает прежде всего стиль), опубликованного в качестве редакционного материала под названием «Русский корреспондент в Японии».

В той же редакционной статье подробно рассказывается, какие были предусмотрены меры на случай, если бы у американской или японской полиции возникли подозрения. Краевскому было рекомендовано приобрести белье и одежду американского производства, на его носовых платках была вышита метка P. P. (Perci Palmer), эти же инициалы были выгравированы на разных принадлежащих ему вещах. Он вез с собой аккредитивы, переводы и даже письма на имя Перси Пальмера, опущенные в разных городах Америки и полученные адресатом в Сан-Франциско.

Связь с редакцией Краевский держал через Лондон, куда от имени Перси Пальмера поступали телеграммы с заранее оговоренным условным текстом. Строго следуя разработанному плану, он 10 октября 1904 года на пароходе «China» отбыл из Сан-Франциско. А 9 декабря опять-таки из Сан-Франциско в редакцию «Русского слова» пришла телеграмма: «Был в Иокогаме, Осака, Киото, Симоносеки, Нагасаки, Мацуяме. Фотографировал пленных. Осматривал госпитали, укрепления, войска. Присутствовал при митингах. Интервьюировал высокопоставленных японцев. Еду в Россию. Краевский».

В конце декабря 1904 года Краевский прибыл в Москву. А в январе следующего года в «Русском слове» началась публикация его японских очерков.

Спустя 107 лет журналист Евгений Жирнов, сотрудник газеты «Коммерсантъ. Власть», решил разоблачить эту историю как мистификацию (его статья «Переяпонить японцев» опубликована в № 12 за 2011 год этого издания).

Уличить Дорошевича!

Разоблачение Е. Жирнов начал с личности Власа Дорошевича. Знаменитый журналист, вошедший в историю русской прессы с титулом «короля фельетонистов», был, по договору с издателем газеты И. Д. Сытиным, шефом «Русского слова», и, разумеется, без его участия предприятие, подобное японской поездке Краевского, не могло состояться. Жирнов пытается выстроить цепочку фактов и аргументов, долженствующих свидетельствовать об его изначальной, обуслов-

ленной особенностями биографии склонности к авантюре, а если точнее – к обману читателей. Он начинает свою характеристику Дорошевича с подчеркивания, что тот «был незаконнорожденным», а это «в те времена означало существенное ущемление в правах и служило жутким клеймом, от которого человек не мог избавиться всю оставшуюся жизнь». Естественно, рассуждает далее Жирнов, человек с такими комплексами стремился во что бы то ни стало закрыть «это позорное обстоятельство» «лучами славы». Стремление заработать заставляло его браться за переделки «для неразборчивых издателей повестей Гоголя». Несомненно, та же беспринципность была определяющей в его сотрудничестве в газете «Московский листок», «которую в те годы весьма нетребовательные издатели публиковали для совершенно нетребовательных читателей» (нельзя не обратить внимания на стиль – «газета, которую публиковали»). Само собой понятно, что в таком «издании царила полная свобода от соответствия публикуемых сведений реальным фактам». А работая в газете «Новости дня», Дорошевич вообще дошел до того, что, сидя в Москве, сочинял «корреспонденции якобы из северной столицы», сиречь из Петербурга. Эту рочную практику, не без обличительного пафоса отмечает Жирнов, он внедрял и в работу «Русского слова», когда поощрял парижского корреспондента газеты Брута (Белова) «писать корреспонденции отовсюду».

В общем, вполне естественно, подводит читателя Жирнов к сути своих разоблачительных построений, что именно такому нечистому на руку человеку, каким был в журналистике Дорошевич, и могла прийти в голову афера с японскими репортажами Краевского. Но кроме этих «косвенных» рассуждений требуются все-таки факты, конкретные свидетельства. И тут Жирнов выкладывает главный свой козырь. В качестве такового призвана небольшая книжечка, малого формата, в скромном бумажной обложке, изданная в 1925 году в Иваново-Вознесенске под заголовком «20 лет по газетному морю». Ее автор И. А. Волков, работавший главным образом в провинциальной печати, утверждает, что «вся история с путешествием в страну врагов» была выдумана Дорошевичем с целью рекламы. Для осуществления этой затеи был откопан где-то, чуть ли не на Хитровке, какой-то прогоровший тип из бывших людей, действительно совершивший когда-то путешествие в Японию. Этот «путешественник», напрягая свою память, делал наброски путевых очерков, а Дорошевич обрабатывал их, дополняя тем, что сам знал о «Стране Восходящего Солнца». И вот таким образом «газета нашумела и приобрела уткой тысячи новых читателей».

«Сами очерки, – по утверждению Волкова, – несмотря на то, что, судя по стилю и форме, были подмалеваны искусно рукою Дорошевича, производили впечатление бессодержательности и пустоты». Жирнов солидаризируется с этим мнением Волкова: «Стоило ли с риском для жизни ехать во вражескую страну, чтобы затем сообщать читателям, что у борцов сумо ба-

бы обрюзгшие фигуры и лица старых сатиров? Или что дети, обученные боевым искусствам, способны двигаться со звериной быстротой и ловкостью?» И сама судьба автора очерков Краевского, считает Жирнов, подтверждает, что его «японская история» это всего лишь «громкая мистификация». В противном случае, с какой стати редакция «Русского слова» вскоре после такого успеха рассталась со своим сотрудником, который «должен был закрепиться в элите русской журналистики, расти профессионально и искать новые и новые сенсационные темы?» Ну да, была у него после японской поездки нехорошая полицейская история, признает Жирнов, но все-таки стоило ли газете упускать «настолько ценного сотрудника»? Ответ на этот вопрос наш разоблачитель находит в тех же мемуарах Волкова: все делалось ради рекламы, не было никакой поездки Краевского в Японию, потому и не дорожили им в редакции. С очевидным удовлетворением он подводит итог: «Действительно, самая значительная и громкая мистификация в истории отечественной журналистики принесла сочинителю подобных сказок Дорошевичу и издателю Сытину ожидаемый результат».

Чувствуется, что для Жирнова немаловажно быть разоблачителем «самой значительной и громкой мистификации в истории отечественной журналистики». Увы – разоблачение не состоялось. И причиной тому очевидная подгонка фактов под «разоблачительную версию» в сочетании с, мягко говоря, неосведомленностью автора в истории русской журналистики, еще точнее – в незнании характерных для нее нравов, традиций, как, впрочем, и в незнании порядков и законов, царивших в старой России.

Факты против подтасовки

Начнем с утверждения о том, что «позорное обстоятельство», связанное с «незаконнорожденностью», якобы смолоду толкало Дорошевича во что бы то ни стало прославиться, что, по мысли Жирнова, обусловило его склонность к авантюрам в журналистском деле. Да, Дорошевич переживал по поводу того, что мать бросила его в полугодовалом возрасте буквально на произвол судьбы, что в его свидетельстве о рождении в графе «отец» стоял прочерк, что законодательство было несправедливо по отношению к «незаконнорожденным» по части наследственных прав. Теме «незаконнорожденных» и вообще прав ребенка и родителей он посвятил немало фельетонов («О незаконных и о законных, но несчастных детях», «Компетентное мнение» и др.). Но не было у него никакого «жуткого клейма», от которого, по словам Жирнова, он «не мог избавиться всю жизнь». Воспитанный приемными родителями (бездетной четой москвичей Дорошевичей), он получил фамилию и отчество от приемного отца Михаила Родионовича, служащего московской полиции. А дворянское достоинство перешло к нему по линии родной матери, известной писательницы Александры Соколовой. В журналистике же он пробился в первые ряды благодаря своему незаурядному таланту, силе воли, наконец, последовательной демократической позиции.

Совершенно напрасно пытается Жирнов якобы все ту же склонность Дорошевича к авантюре подтвердить таким фактом, как продажа Сытину переделок повестей Гоголя («Тараса Бульбы», «Страшной мести»). Это была распространенная практика в сфере издания лубочной литературы, так называемых «книг для народа» – использование сюжетов и образов популярных произведений. И в том, что голодный и бесприютный 15-летний подросток предложил Сытину свои переделки гоголевских повестей (кстати, переделки талантливые, что отмечено в современном литературоведении) не было никакой особой тяги к авантюре. Было желание заработать несколько рублей. Об этой истории рассказывает в своих воспоминаниях сам Сытин как о курьезном эпизоде начального периода биографии знаменитого журналиста.

Фактом, обличающим журналистскую беспринципность Дорошевича, Жирнов считает и сотрудничество его в газете «Московский листок», в котором «царила полная свобода от соответствия публикуемых сведений реальным фактам». Газета «Московский листок» была бульварным изданием, рассчитанным на простонародного читателя. Вместе с тем она причала его к регулярному чтению, расширяла его кругозор. В газете печатались видные литераторы того времени. Что касается самого Дорошевича, то он в 1893 году покинул «Московский листок», будучи прежде всего неудовлетворенным его уровнем.

Не являются фактами, уличающими Дорошевича в той же беспринципности, и сведения о том, что, сотрудничая в московских «Новостях дня» и находясь в Москве, он публиковался в них как петербургский корреспондент газеты, а парижский корреспондент позже руководимого им «Русского слова» Белов (Брут) под своими корреспонденциями указывал и другие европейские столицы – Лондон, Брюссель, Вена... Такова была практика многих изданий, не имевших собственных корреспондентов во всех европейских столицах и использовавших для своих материалов заграничную периодику. Когда «Русское слово» обзавелось обширной сетью заграничных корреспондентов, эта практика прекратилась.

Теперь относительно самой идеи послать в воюющую с Россией Японию журналиста под видом богатого американского туриста. В советские времена в некоторых изданиях была такая рубрика «Журналист меняет профессию». Для того, чтобы вникнуть в проблему, журналист становился на время водителем такси или официантом. В дореволюционные времена журналист также оказывался перед необходимостью смены облика в целях выполнения профессионального долга. И Дорошевич знал, что деятельность журналиста требует иной раз «смены декораций». Когда в 1897 году во Владивостоке он разуверился в возможности легальным образом попасть на Сахалин, у него возник план выдать себя за бродягу, «заарестоваться» и таким образом проникнуть на «каторжный остров». Об этом рассказано в его книге «Как я попал на Сахалин» (М., 1903). А будучи в 1902 году в Ватика-

не и зная, что «журналистов Ватикан не любит и боится», он собирался получить аудиенцию у папы Льва XIII под видом «благочестивого, набожного католика, по профессии адвоката». И во время очередного своего заграничного путешествия, пришедшегося на начальный период русско-японской войны, Дорошевич предпочитал скрывать свое подлинное имя, поскольку «ездить русским по Востоку было бы в такое время непрактично». Он воспользовался тем, что «похожая на польскую фамилия» делала его «совершенно правдоподобным немцем, ездящим по торговым делам по Востоку».

Что же касается самой идеи использовать имя реального американца Перси Пальмера, живущего в Австралии и любящего путешествовать, то на нее Дорошевича могла натолкнуть встреча с ним, состоявшаяся во время того же путешествия, проходившего летом 1904 года. В явившихся его результатом очерках «Восток и война», вышедших отдельной книгой в январе 1905 года (буквально накануне начала газетной публикации японских очерков Краевского), он рассказал среди прочего и о разнообразных встречах с австралийцами, состоявшимися в том числе и «на колоссальном австралийском пароходе "Maritona"». Дорошевич не называет имен своих австралийских собеседников, но, очень вероятно, что одним из них был мистер Перси Пальмер, американец родом из Пенсильвании. Его имя и могло всплыть как вполне подходящее для построения «легенды», когда в редакции стал обсуждаться план отправки Краевского в Японию, в который были посвящены в редакции буквально несколько человек (помимо Дорошевича, несомненно Сытин, финансировавший поездку как издатель газеты, и, вероятно, его зять, официальный редактор «Русского Слова» Федор Благов).

Поэтому нет ничего удивительного в том, что идея тайной поездки в Японию сотрудника «Русского слова» Владимира Краевского и ее, скажем так, «оформления» принадлежала Дорошевичу. Нет в ней, повторим, и ничего порочного, связанного с обманом читателей. Как говорится, нормальный журналистский ход. Но Жирнов делает вид, что не знает о подобной журналистской практике, поскольку у него своя задача – раскрыть «величайшую мистификацию».

Обличитель нравов буржуазной прессы Иван Волков

В качестве документальной опоры для своей разоблачительной версии Жирнов выбрал книжечку Волкова «20 лет по газетному морю», вышедшую, как уже говорилось, в Иваново-Вознесенске в 1925 году. Ее автор, как говорит он сам о себе, в дореволюционной журналистике двигался «робкими шагами провинциала», т. е. работал, в основном, в провинциальной прессе. В солиднейшее, гремевшее на всю Россию московское «Русское слово» он, по собственному признанию, пришел в 1910 году. Это значит шесть лет спустя после японской поездки Краевского. Какую он там занимал должность и как долго – об этом Волков не сообщает. Скорее всего – мелкого репортера-хроникера на «подхвате»

и очень недолго. В вышедшем в 1916 году томе, посвященном пятидесятилетию издательской деятельности И. Д. Сытина, в разделе, рассказывающем о «Русском слове», он не упоминается. Нет его имени и на страницах самой газеты начала 1910 годов. Кстати, право на подпись, на имя в «Русском слове» нужно было заслужить. И это право предоставлялось далеко не всем, снабжавшим газету своими материалами.

В 1925 году, когда Волков выпустил книжечку своих воспоминаний, политическая обстановка в стране требовала вполне определенных идеологических акцентов в оценке деятельности старой российской прессы, прежде всего как буржуазной, настроенной на прибыль и, соответственно, обман читателей. Книжечка Волкова вполне соответствовала этим идеологическим требованиям, в противном случае у нее не было шансов увидеть свет. Вот и историю с японской поездкой Краевского он как раз и использует для обличения нравов буржуазной прессы, для которой главным были реклама и нажива. Он так и пишет: «Так создавалась у нас буржуазией «большая пресса», которой массовый читатель верил...» (кстати, эту идеологическую оценку Жирнов в своих обильных цитатах из книжечки Волкова опустил, ибо она ему, естественно, невыгодна).

Но каковы же аргументы, факты, доказательства, приводимые Волковым и долженствующие свидетельствовать, что японская поездка Краевского это рекламная афера, мистификация? А их нет! Нет ни аргументов, ни фактов, ни доказательств! Вместо них голословное утверждение: «После оказалось, что вся история с путешествием в страну врагов была выдумана Дорошевичем с целью рекламы». После оказалось... Но где это засвидетельствовано? Такой громкий скандал, как разоблачение аферы с японской поездкой Краевского, безусловно, получили бы отклик не только на страницах российской, но и мировой прессы, где с большой помпой перепечатывались очерки корреспондента «Русского слова». Но нет никаких следов такого скандала ни в российских, ни в европейских, ни в американских газетах. А уж российские конкуренты «Русского слова» не упустили бы возможности разоблачить преуспевающее сытинское издание и его шефа Власа Дорошевича.

Наконец, необходимо сказать о том, насколько Дорошевич дорожил авторитетом «Русского слова». Самая распространенная российская либеральная газета была в буквальном смысле его детищем. Он стремился придать ей черты лучших европейских изданий того времени. И в этом смысле точность, надежность информации были для него одной из первейших основ газетного дела. Об этом он не раз говорит в своих письмах в редакцию. Никакая реклама и прибыль не были для него главными, когда дело касалось авторитета газеты, ее облика, доверия со стороны читателей.

Так что же, Волков решился на откровенное вранье только из желания угодить тогдашней идеологии, издать свою книжечку и, соответственно, заработать? Это, конечно, ведущий

мотив. Но родился он не на пустом месте. Вокруг поездки Краевского ввиду ее секретности, конечно же, ходили разнообразнейшие слухи. Ведь редакция «Русского слова» до конца так и не раскрыла каналы, которыми она воспользовалась при ее организации. Какие-то пересуды, возможно, дошли и до слуха Волкова. Ну а в 1925 году, выпуская свою книжечку, он, естественно, решил их идеологически оформить. Серьезной же базы для утверждения, что поездка Краевского была выдумана, у него не было. Потому и вышло, что единственным аргументом является расплывчатое – «после оказалось». Что и каким образом «оказалось» – на эти вопросы ответа нет. Кстати, и фамилию Краевского Волков не помнил, он называет его «неким г. Красовским» (эту путаницу с фамилиями, также как невыгодную, обходит Жирнов). О том, что слухов вокруг поездки Краевского было множество, говорит и В. А. Гиляровский в своих мемуарах «Москва газетная»: «Во время войны с Японией огромный успех в газете имели корреспонденции Вас. И. Немировича-Данченко с театра военных действий и статьи Краевского из Японии, куда он пробрался во время войны и вернулся обратно в Москву. Многие тогда сомневались в правдивости его сообщений. Я же верил ему – уж очень юркий и смелый человек, тип «пройдисвета». У меня долго хранился складной чемодан, который он мне подарил, вернувшись из Японии. Он был весь обклеен багажными марками: Иокогама, Сан-Франциско и т. д.».

Надо полагать, свидетельство Гиляровского, истинного знатока московского газетного быта, перевешивает фантазии провинциала Волкова, сочинявшиеся, как уже отмечалось, в угоду принятому идейному курсу. Не забудем и о том, что Волков пришел в «Русское слово» спустя шесть лет после поездки Краевского. Он не был ее свидетелем. А писал он свои воспоминания спустя 20 лет. В его памяти мелкого и недолгий срок прослужившего в «Русском слове» репортера, скорее всего, отложились какие-то неясные, бродившие в журналистском мире слухи (в том числе об использовании «какого-то прогоревшего типа», откопанного «чуть ли не на Хитровке»), которые он решил выгодно использовать уже в советское время. Отсюда и соответствующая лексика – «буржуазная столичная печать», «подражая заграничным собратьям из желтой прессы» и др.

Не имея никаких твердых доказательств того, что японская поездка Краевского это мистификация, Волков решил усилить свою позицию уничижительной оценкой его очерков: «Самые очерки, несмотря на то, что, судя по стилю и форме их, хотя и были подмалеваны искусной рукой Дорошевича, – производили впечатление бессодержательности и пустоты». Этот мотив, видимо, также чувствуя слабинку доказательной базы «мистификационной версии», подхватил и Е. Жирнов.

Очерки Краевского

«Стоило ли с риском для жизни ехать во вражескую страну, чтобы затем сообщать читателям, что у борцов сумо бабьи обрюзгшие фигуры и лица старых сатиров? Или что дети, обученные боевым

искусствам, способны двигаться с звериной быстротой и ловкостью?» – спрашивает Е. Жирнов. Ничего интересного, заслуживающего внимания читателя не нашел он в рассказах Краевского о русских пленных в Японии, о военных маневрах, на которых тому удалось побывать, о традициях и обычаях японцев, о самом быте страны в военное время, о разнообразных встречах, случившихся у «тайного» корреспондента «Русского слова» в тот период на японской земле.

Между тем очерки Краевского и сегодня представляют собой интереснейшее чтение. А уж во время русско-японской войны они, конечно же, были популярны не только у российского читателя. Читателям разных стран хотелось знать, как живет страна, ведущая войну с Россией. Потому очерки Краевского и перепечатывали иностранные газеты, что они давали непосредственные, живые картины жизни Японии военного времени. В них запечатлены и уличные сцены из жизни Иокагамы, и проводы солдат на войну в Токио, и военные госпитали, рассказано о маневрах военной эскадры, о производящих взрывчатку (гранаты шимозе) заводах в Хиросиме, о центре угледобычи Моджи («японском Кардиффе»), о русских подданных, живущих в Нагасаки. Отдельный очерк посвящен беседе с майором японской армии, рассказавшим об особенностях военного быта японцев. Естественно, особое волнение испытывал Краевский во время посещения лагеря русских военнопленных. «Он видел их со стороны, он описывал лагерь для них, но не говорил с ними», – в укор журналисту замечает Е. Жирнов. Сотрудник «Коммерсанта» делает вид, что не понимает, что заговорил Краевский с соотечественниками по-русски, он тут же выдал бы себя, и для него все было бы кончено. Но у Жирнова, как мы помним, своя задача – доказать, что очерки Краевского это фальшивка, мистификация. Реальных же доказательств нет. Поэтому в ход идет безапелляционное утверждение: мол, подобные описания быта пленных «можно найти во французских или американских газетах тех лет». Ну вот и привел бы такое описание! Но все остается на уровне того же голословия. Между тем, очерки Краевского, в том числе и очерк о русских военнопленных, наполнены такими деталями, подробностями, какие может привести только очевидец. Современный читатель сам может убедиться в этом. Достаточно зайти на интернет-сайт Сергея Сокурэнко «Газетные старости» (<http://starosti.ru>), где полностью выложена книга Владимира Краевского «В Японии».

Наконец, вот отзыв авторитетного французского еженедельника «Echo de Paris» (23 января 1905 года), перепечатывавшего корреспонденции Краевского: «Читатель знаком с беспримерным по отваге репортажем Перси Пальмера, который с риском для жизни проник во вражескую страну. Когда «Русское слово» оповестило о путешествии Пальмера, то сообщение это вызвало огромную сенсацию во все мире, особенно в Америке и Японии. Напрасно американские журналисты пустились по следам Краевского: он берег материал для своей газеты. Корреспон-

денты «Русского слова» из разных пунктов земного шара предостерегали Краевского беречься японцев, которые очень желали бы лишиться смелого журналиста ценного багажа. Но Краевский успел обходными путями благополучно прибыть. Статьи Краевского превзошли все ожидания и представляют огромный интерес».

Так писала парижская газета... «Огромный интерес» для читателей, по ее мнению, представляли японские очерки Краевского. Но не для Жирнова. У него ведь своя задача – разоблачить... Жирнов удивлен тем, что бдительные японцы не раскусили Краевского и что лучшей характеристикой иностранца для японских жандармов стали предъявленные им солидные банковские аккредитивы. Вот свидетельство самого Краевского: «Все внимание японцев сосредоточено на иностранцах, не обладающих достаточными средствами... Может быть, виновно то узко материалистическое направление, которое лежит в натуре японцев... Купите какую-нибудь ерунду, стоящую тысячу иен, и это вам будет лучшей рекомендацией для этой страны... Такова особенность «капиталистического строя», где подозрительным кажется человек и благонадежными только деньги... Человек с деньгами их проведет. Но человек без денег рискует веревкой. Таковы в этом отношении японцы».

Экономика Японии несла большие убытки в связи с войной – резко сократился приток туристов. «А это большое бедствие для Японии, – писал в своих очерках Краевский. – Япония – страна со страшно развитой именно кустарной промышленностью. Этим кормится огромная масса населения. Япония работает художественно – кустарные произведения от грошовых бумажных вееров до таких, например, вещей, какую я видел в одном из роскошнейших отелей Нью-Йорка: орел из слоновой кости в натуральную величину. Работа, кажется, сейчас вспорхнет. Цена 50 000 американских долларов. Главными покупателями были туристы. Теперь вся торговля в застое. Масса рук без работы, масса ртов без хлеба.

– Вы добрый представитель англо-саксонской расы! – говорил мне с любезной улыбкой и пожимая руку один из японцев-попутчиков на пароходе. – У всякого из наших друзей есть в руках средство нам помочь. Поехать в Японию туристом!»

В общем, богатый американский турист мистер Перси Пальмер был более чем желанным гостем в Японии. Естественно, выручал Краевского и безупречный английский язык и даже внешность – он был похож на американца. «Русское слово» привело телеграмму корреспондента нью-йоркской газеты «World», телеграфировавшего из Токио, что он несколько раз там обедал за одним столом с мистером Пальмером, беседовал с ним и принимал его за чистокровного «янки». Краевский держался сдержанно, сухо. «Он очень хвалил японские власти за то, что они особенно услужливы по отношению к нему, как к американцу. Для поднятия кредита в Америке, – говорил он, – они охотно показывают все».

Кстати, немалую роль в успешности поездки

Краевского сыграло и то обстоятельство, что он путешествовал по Японии в обществе человека, пользовавшегося особым почетом у японцев, – племянника египетского хедива принца Ассиза-Гассана. «Японцы любезно пригласили знатного путешественника, египетского принца, и «его друзей», – пишет Краевский, – взглянуть на маневры. И вот мы – впятером: принц, итальянский журналист Чезарио Креспи, корреспондент «Coggiere della Sera», американец Бинфельд, один французский лейтенант, через Америку и Японию пробиравшийся в Сайгон, и ваш слуга – отправились в Эношиму».

Наконец, Краевский привез из Японии и опубликовал в качестве иллюстративного материала к своим очеркам массу оригинальных фотографий, которые можно было сделать только человеку, находившемуся в стране в военное время: солдаты на улицах городов, морские и сухопутные маневры, встречи с высокопоставленными чиновниками и иностранными дипломатами, уличные, бытовые сцены.

Но со всем этим Жирнов не желает считаться. Его задача – уличать и обличать. «К примеру, как-то невнятно говорилось о документах мнимого мистера Пальмера». Жирнову хочется, чтобы редакция «Русского слова» раскрыла все свои секреты. Но ведь ясно же, что она не могла этого сделать и после возвращения Краевского в Россию, не могла раскрыть все свои каналы связи, которыми он пользовался, не могла раскрыть имена и адреса помогавших в этом опасном предприятии людей. В факсимиле телеграммы, полученной «одним из наших друзей в Лондоне» из Йокогамы (Arrived. Palmer. «Прибыл. Пальмер»), говорится в уже цитированном редакционном материале об организации поездки Краевского, редакция вычеркнула «имя и адрес лица, служившего нам передаточной инстанцией». Это же более чем понятно! Но Жирнов не понимает. Или делает вид, что не понимает.

Вслед за Волковым Жирнов считает, что текст очерков Краевского «принадлежит перу Дорошевича». Что якобы подтверждается «их стилем и направленностью». Что касается стиля, то абсолютно ничто в очерках Краевского не напоминает характернейший стиль Дорошевича – его знаменитую «короткую строку». Они написаны, скажем так, нормативным газетным языком, не лишенным, впрочем, живости, эмоциональности. Нет и никакой особой направленности, якобы характерной для очерков Дорошевича «Восток и война» и японских очерков Краевского. Совершенно безосновательно утверждение Жирнова, что в очерках Дорошевича о путешествии на Восток в 1904 году «подчеркивалось, что все враги России – нечисть и мы победим», а в японских текстах Краевского «настойчиво выделялась мысль о том, что Россия столкнулась с очень сильным противником, проиграть которому не такой уж позор».

На самом же деле в очерках Дорошевича «Восток и война» дается прежде всего картина отношения разных народов к русско-японской войне (отсюда и названия разделов – «Греция и

война», «Египет и война», «Индия и война», «Австралия и война» и др.). Ни о какой «нечисти» в них нет и речи. Японские же очерки Краевского – это попытка объективно запечатлеть то, что увидел он в Японии. Там нет никаких рассуждений стратегического порядка. Вместе с тем Краевский говорит о патриотизме японцев, называет их «талантливой нацией».

Судьба Владимира Краевского

Существенным аргументом, долженствующим свидетельствовать о мифичности японской поездки Краевского, по мнению Жирнова, является и тот факт, что редакция «Русского слова» легко рассталась с «ценным сотрудником». «Казалось бы, – недоумевает Жирнов, – столь всепроникающий репортер, как Владимир Краевский, должен был закрепиться в элите российской журналистики, расти профессионально и искать все новые и новые сенсационные темы. Но ничего подобного не произошло. О Краевском скоро забыли...». Упомянув о ресторанном скандале с участием Краевского и отпущенных им «крепких выражениях в адрес государя императора» после доставки в полицию (последнее стоило ему месячного тюремного заключения), Жирнов отмечает, что «Русское слово» тут же откритилось от Краевского и сообщило, что с октября 1905 году этот господин в их штате не числится». Последние сведения изложены со ссылкой на занимавшегося судьбой Краевского Сергея Сокуренько, разместившегося почерпнутую им из дореволюционной газетной хроники информацию о судебных злоключениях автора японских очерков на уже упоминавшемся сайте «Газетные старости».

Между тем разыскания Сергея Сокуренько, предпринятые не только в газетных подшивках, но и в архивах, дают возможность понять личность Краевского и подтверждают и сам факт его японской поездки и его авторство написанных по ее результатам очерков.

Сын надворного советника Владимир Краевский, судя по всему, был с молодых лет одержим тягой к перемене мест. Вообще был человеком, что называется, с авантюрной жилкой. И зарабатывал самыми разными способами – служил матросом на торговых судах, нанимался на различные работы в портах разных стран (в тех же японских очерках говорится – «живал на кораблестроительных заводах в Англии»), преподавал английский язык. Обладал и менеджерскими способностями. В конце 1890 годов он работал в конторе газеты «Одесский листок». Когда там узнали, что «их» Краевский прославился нелегальным проникновением в Японию под видом американца Перси Пальмера, в газете появилась заметка, в которой сообщалось, что «симпатичнейший В. Э. Краевский» на американца «походил всегда гораздо больше, чем на англичанина». «Летом, – говорилось далее в той же заметке, – он, как истый англичанин, пил «*Whisky and soda-water*», а осенью – как настоящий американец, с несколькими рублями в кармане выехал на Дальний Восток, на торговом английском судне, куда поступил матросом». В период службы Краевского в «Одесском листке»

и произошло его знакомство с Дорошевичем, который, уже тогда знаменитый фельетонист, был ведущим сотрудником этой газеты (с 1893 по 1899 годы).

И знакомство их с одесских времен и то обстоятельство, что Краевский был уроженцем Москвы, видимо, сыграли свою роль, когда Краевский искал заработка, и Дорошевич, уже будучи шефом московского «Русского слова», смог устроить его в редакцию. Чем занимался Краевский в «Русском слове», неизвестно, может, репортерствовал, а, может, как и в «Одесском листке», служил в конторе газеты, выполнял какую-то организационную работу. Вообще о Краевском, как о журналисте, известно только как об авторе сенсационных японских очерков. В «Словаре псевдонимов» Масанова его нет. А ведь все писавшие и печатавшиеся более-менее регулярно в те времена обязательно, наряду с собственным именем, пользовались псевдонимами. Такова была традиция. И вот то, что Владимир Краевский не пользовался псевдонимами, говорит о том, что журналистика не была его основным делом. Но вместе с тем он был связан с газетными и даже литературными кругами. У него были давние дружеские отношения с Валерием Брюсовым, он был знаком с Куприным, Бальмонтом, Боборыкиным, Василием Немировичем-Данченко. Вполне вероятен его интерес к литературе, как и вполне возможны его собственные занятия литературным творчеством.

Так что же произошло с Краевским после шумного успеха его японских очерков? Судя по приведенным С. Сокуренько документам, ему был предложен пост собственного корреспондента «Русского слова» в Берлине. Но что-то у него там не заладилось. Его письма из Берлина редактору газеты Благову и издателю Сытину полны жалоб на недоразумения, на несправедливую плату. В общем, в редакции были недовольны его работой в Берлине, он же жаловался на отсутствие средств для нормальной жизни и даже для возвращения в Москву. Дело кончилось тем, что в Москву он вернулся, но отношения с редакцией, видимо, уже были испорчены. У Краевского, как можно предполагать, был нелегкий характер. Человек он был амбициозный, конфликтный.

Это сказалося и в уже упоминавшейся «ресторанной истории», когда Краевский и его приятель, хорошо погуляв в «Метрополе», устроили скандал. Доставленный в полицейский участок Краевский потрясал номером журнала «Искры» с собственным портретом, заявляя при этом, что он тот самый корреспондент «Русского слова», который ездил в Японию и прогремел своими очерками из вражеской страны. Добро бы только пьяный кураж, но Краевский стал зачем-то ругать царя. А это уже было серьезно – «оскорбление высочайшего имени». Редакции «Русского слова», и без того имевшей серьезные проблемы с цензурой и в целом с властями, сотрудник, доставляющий столько хлопот, не был нужен, и она заявила, что «г. Краевский с октября месяца прошлого года не состоит сотрудником «Русского слова» и уже при объявлении о подписке

на 1906 год в списке сотрудников не числился».

А по делу об «оскорблении высочайшего имени» началось судебное разбирательство, тянувшееся почти восемь лет. «30 октября 1908 года, – пишет С. Сокуренок, – московский Окружной суд приговорил Краевского к 3 месяцам тюрьмы. Подсудимый в суд не явился, и полиция получила предписание разыскать его на всей территории Российской империи. Г-н Краевский хоть и скрывался, но сумел добиться пересмотра дела, и в 1911 году приговор уменьшили до 1 месяца. Но Владимира Эдуардовича не устраивало и столь малое наказание, поэтому он не спешил отдавать себя в руки закона. И все же весной 1914 года наш герой очутился за решеткой».

Краевский рассчитывал на помощь Брюсова, писал ему (его письма Брюсову хранятся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки и также опубликованы С. Сокуренок на сайте «Газетные старости»). Его письмо поэту от 7 ноября 1906 года раскрывает обстоятельства разрыва с «Русским словом» и ситуацию, в которой он оказался:

«Не знаю известно ли тебе о том, что я поссорился с «Русским Словом» благодаря – уввы, как это ни странно, – денежным расчетам. Не стану излагать, как все это случилось, так как это займет чересчур много времени и бумаги... Скажу лишь вкратце: в ноябре прошлого года я принужден был после нескольких демонстративных выходов, сопровождавшихся револьверными выстрелами, которые, к счастью, никому не принесли вреда, покинуть редакцию и вскоре Москву. Дорошевича, к несчастью, в то время в Москве не было; при нем ничего подобного не случилось бы. И вот я намеревался уехать за границу – благо имелось еще достаточное количество фунтов стерлингов. Но – всегда бывают какие-нибудь «но» – железные дороги бастовали, а когда кончилась забастовка – я был «сломан», как говорят англичане – “I was broke” – и застрял в России. Затем начинается мое быстрое падение. Положение, с год тому назад бывшее блестящим и завидным, стало далеко не завидным. Посыпались неудачи и несчастья: что только ни предпринимал – рушилось. Адски не повезло, чего, собственно, со мной почти никогда не бывало. И вот – в настоящее время я дошел до последней градации несчастья и самой подлой бедности. Друзей у меня нет, т. к. за последние годы жил вне России или колесил по свету. Да и к тому же, друзья, как водится, бывают лишь когда фунты наполняют карманы. Словом я не в состоянии в силу некоторых скверных обстоятельств найти заработок здесь в Москве и уехать не могу также за неимением средств.

Поэтому прошу тебя, Валерий, в память наших прежних хороших отношений и вообще основываясь на твоём характере, зная тебя как доброго малого (*good fellow*) – выручи меня из тисков нужды. Мне необходимо уехать в Одессу, откуда я отправлюсь в Севастополь или спишусь с Дорошевичем, который должен туда приехать из-за границы и тогда, надеюсь, мои дела поправятся и я уеду за границу. На поездку и на выкуп моего пальто мне нужно рублей 50–55. Если ты можешь,

не откажи мне в этой сумме, которую я тебе немедленно возвращу, как только увижусь с Дорошевичем, с которым у меня связаны разного рода финансовые комбинации. Откровенно говоря, я в таком жалком положении, что мне остается или совершить какое-нибудь криминальное дело или кончить борьбу с жизнью. Но мне кажется, что я снова поправлюсь, если оставлю Москву. Прошу тебя, обдумай мое положение. Прибегаю к тебе в данном случае, как к единственному человеку, который мог бы выручить меня».

Оказывается, конфликт с «Русским словом» приобрел такие размеры, что даже были револьверные выстрелы. При каких обстоятельствах устроил пальбу Краевский – неизвестно. Но это объясняет решимость редакции расстаться с таким неуравновешенным сотрудником. Возможно, слава вскружила голову Краевскому. Возможно, он считал, что газета недостаточно оценила его японскую «эпопею» в материальном плане. Взыграли эмоции, обида... В этой нервной ситуации разыгрался, скорее всего, и скандал в ресторане.

Краевский рассчитывал на Дорошевича. Так он пишет Брюсову. Но был ли расположен Дорошевич, зная, безусловно, все обстоятельства отношений Краевского с редакцией и, конечно, о «ресторанной истории», оказать ему поддержку – это вопрос. А судебная эпопея Краевского затягивалась. Он то не являлся на судебные заседания, то не соглашался с решением суда, то признавал свою вину, но просил об уменьшении срока наказания, хотя он и без того был более чем невелик... В общем, Владимир Эдуардович годами играл с судебной системой в кошки-мышки. И в результате власть его настигала и упрямывала в очередной раз за решетку.

Сохранилось еще одно письмо Краевского Брюсову. Спустил восемь лет после первого крика о помощи, обращенного к знаменитому поэту, 16 мая 1914 года он снова пишет ему, буквально умоляет:

*«По странному стечению обстоятельств мне приходится, еще раз (*do not think bad of me*) обратиться к Вам, хотя у меня осталось еще в памяти Ваше выражение «я привык тратить свои деньги на себя», с просьбой финансового характера. Дело в том, что «*moment an*» я, Влад. Эд. Краевский, сижу в Сушевском полицейском доме, куда я попал волею злого рока, преследующего меня вот уже почти 4 года. В перспективе предварительное заключение в Таганской тюрьме, если только не найдется добрая душа, которая внесла бы за меня залог в сумме 50 рублей. Заключен я по претензии моск. окр. суда за преступление, караемое тюремным заключением до 8 месяцев и лишением прав. Должен сказать Вам, что фактически в этом преступлении я виноват так же как и король Испании, но чрезвычайно странные обстоятельства, которые могут выясниться только при разборе дела, пока сложились против меня, и *de facto* мне приходится считаться с печальной действительностью моего настоящего положения. Накануне моего ареста я собирался покинуть Москву с ее гнусными обитателями и уехать за границу для*

проведения в жизнь одного проекта, осуществление которого дало бы мне возможность жить припеваючи, но – но *fatalite*, и я под замком.

Не буду напоминать о нашем прошлом: об игре в шахматы в Одинцове и т. д. – это все для Вас не важно ибо *tempora mutantur* (времена меняются, лат. – С. Б.) а просто прошу Вас сделать для меня в некотором роде «*obligement*» (одолжение, англ. – С. Б.) – выкупите меня не из ломбарда, а из тисков Окружного суда! Ведь стоит же моя фамилия 5 фунтов стерлингов!

Напрашивается вопрос почему я не обращаюсь к «Русскому Слову» и всем *gentelmen'am Editorial Room's* (господам, стоящим во главе издания, англ. – С. Б.) этой газеты? Но как-то в разговоре с Вами, я рассказал о pistolетном выстреле, послужившем причиной моей размолвки с этими *gentelmen'ами*, и, следовательно, на них мне надеяться нечего. Мои же личные средства равны в настоящее время нулю.

Да и вообще я никогда не обладал способностью удерживать деньги. Игра, разврат, пьянство, благотворительность и путешествия (*globe trotting*) поглотили мои средства.

Поговорите о моей судьбе с А. И. Куприным, К. Бальмонтом и другими. Неужели меня нельзя выкупить?

Sir – вспомните *Oskar'a Whilde*. Есть нечто общее в моей судьбе с *Whilde'ом* (конечно в смысле познания тюрьмы). Не смейтесь!

My best compliments.

(*P. Palmer*) *W. E. Kraewski*.

Адрес: Москва. Сущевский полицейский дом. Камера № 5. Владимиру Эдуардовичу Краевскому».

Уже нет обращения на «ты», как к близкому приятелю. Не собираясь напоминать поэту о бывших когда-то встречах в Одинцове, совместной игре в шахматы, Краевский на самом деле пытается напомнить тем самым о существовавших некогда близких отношениях. Но это все в далеком прошлом... Вероятно, Брюсов в ответе на письмо 1906 года установил между ними дистанцию. Отсюда и «вы»... Не тогда ли поэт и напомнил Краевскому, что он, Валерий Брюсов, «привык тратить свои деньги на себя»? То есть по сути отказал то ли старому приятелю, то ли давнему знакомому. Краевский помнит об этом отказе. А, может быть, отказ в финансовой поддержке прозвучал во время их встречи? О том, что она была, видно из упоминания Краевским разговора между ними, во время которого он рассказал Брюсову «о pistolетном выстреле, послужившем причиной его размолвки» с сотрудниками «Русского слова». И тем не менее, спустя годы он снова просит Брюсова о помощи. Он чувствует себя униженным, раздавленным. Но вдруг просыпается прежняя гордыня, и он сравнивает себя с Оскаром Уайльдом, который тоже ведь сидел в тюрьме и от которого тоже отвернулось общество. Ему, конечно, известно, в чем обвинили Уайльда, и потому он оговаривается, что видит параллель только «в смысле познания тюрьмы». Он знает, что Брюсов усмехнется, читая это место, и призывает: «Не смейтесь!». И просит вообще не думать плохо о нем – “do

not think of me”, хотя тут же признается в своих грехах. Кстати, обилие иностранных выражений в его письмах – латинских, английских, французских – это не лингвистическое щегольство, это опыт человека, много жившего за границей, которому кажется, что он будет лучше понят с их помощью. Но и уровень образованности тем не менее демонстрируется. Вот, мол, какого человека держат за решеткой...

А накануне, 15 мая, он послал такое же умоляющее письмо старейшине российского журналистского цеха Василию Ивановичу Немировичу-Данченко (оно обнаружено С. Сокурено в фондах РГАПИ):

«Многоуважаемый Василий Иванович!

Волею злого рока, который преследует меня с энергией, достойной лучшего применения, я заточен в заключение в Сущевский полицейский дом впредь до внесения мною залога в размере 50 рублей, которые не имею. Заключен я по распоряжению Москов. Окр. Суда за проступок, совершенный мною 2 года тому назад в состоянии невменяемости, и в перспективе – предварительное заключение в Таганке и, может быть лишение прав (по рождению я дворянин). Проступок совершенный мною, сам по себе не стоит выведенного яйца, но прокурорский надзор смотрит с другой точки зрения.

Умоляю Вам, Василий Иванович, спасите меня и дайте мне возможность выйти из «беста» и даю Вам слово, что не буду уклоняться от суда и, следовательно, залог, внесенный за меня, не пропадет.

Ведь стоит же моя дворянская фамилия и мое прошлое 50 руб.!

Сижу я уже 2 недели и, дней 10 тому назад, писал Власу Михайловичу, но, пока, ответа нет.

Я вспомнил о Вас и полагаю, что Ваша постоянная отзывчивость к несчастью других распространится и на меня, действительно несчастного со дней революции человека.

Моя жена должна будет умереть с голоду, если мое заточение продлится продолжительное время, так как, на свободе, кое-что зарабатывал и вообще управлял рулем корабля нашей совместной жизни.

Моя мать, получающая мизерную пенсию, также зависит от меня. Таким образом, от моей свободы зависит благополучие двух существ. Прошу извинений, что, может быть, расстраиваю Ваше хорошее расположение духа чтением сих строк – но “*la force des circonstances*” (сила обстоятельств, фр. – С. Б.) заставляет меня просить помочь мне в трудную пору моей жизни. Желаю Вам всего хорошего, извиняюсь, что пишу карандашом, но “*dans la prison*” (в тюрьме, фр. – С. Б.) нет нужных письменных принадлежностей, чернил очень мало и писать приходится контрабандным путем.

Жду и надеюсь!

Бывший корреспондент в Японии Владимир Эдуардович Краевский (*Percy Palmer*).

Адрес: Москва – Сущевский полицейский дом. Камера № 15, Владимир Эдуардович Краевский.

P. S. Может быть, Вы переговорите о моей

судьбе с П. Боборыкиным, знающим меня, не-сколькo, по газетам и Monte Carlo».

Это письмо Немировичу позволяет уточнить семейное положение Краевского: оказывается, он женат, на его плечах мать. Но что за «проступок» он совершил два года назад, т. е. в 1912 году? Ведь «ресторанная история», когда он оскорбительно высказался в адрес царя и за которую его привлекли к судебной ответственности, произошла гораздо ранее – в 1906 году. Это какое-то новое преступление? Или продолжение старой истории с добавлением новых эпизодов? С учетом того, что сам Краевский упоминает о том, что несчастья его тянутся «со дней революции», можно предположить, скорее всего, последнее. Что-нибудь вроде уклонения от ранее определенной судебной ответственности. Не случайно, видимо, Краевский считает, что дело «не стоит выеденного яйца». А с другой стороны, могут лишиться прав, дворянского достоинства и заключить в Таганскую тюрьму. Он по-прежнему надеется на Дорошевича... А, может, знаменитый романист Петр Дмитриевич Боборыкин вспомнит об их встречах в Монте-Карло? Чувствуется, что Краевский пытается использовать любую возможность, которая поможет вырвать его из стен Суцевского полицейского дома.

Удалось ли? Увы, как далее сложилась судьба Владимира Краевского, где, когда и при каких обстоятельствах закончил он свой жизненный путь – пока неизвестно. Но вот такая судьба... Точнее, чем он сам сказал о себе в письме к Брюсову, не скажешь. Бродяга, любитель авантюры, горячий и неуживчивый характер. Он буквально кается – да, игрок, пьяница, погрязший в разврате... А прежде всего Globe-trotter – человек, путешествующий по миру. Гиляровский выразился по-русски: «Пройдисвет». Но ведь и смелый человек, по словам того же Гиляровского, знавшего цену журналистской предприимчивости и решительности. И, добавим, небездарный, образованный литератор, чему свидетельством его японские очерки. Личность, умеющая собраться в ответственный период, проявить

волю, ум и мужество. Все то, что понадобилось ему в опаснейшей японской поездке. Он так и остался в истории русской журналистики автором единственной книги – «В Японии». И, конечно, напоминанием об этой своей заслуге – главном событии его жизни – была подпись, которую он поставил под письмом Брюсову, – **P. Palmer**. Еще более развернуто он напоминает об этом, заканчивая письмо к Немировичу-Данченко: «*Бывший корреспондент в Японии Владимир Эдуардович Краевский (Percy Palmer)*». Уж Немирович-то, сам журналист, много где и не без риска для жизни побывавший, должен понять, что имеет дело с человеком, у которого также есть заслуги...

Последний довод, последний аргумент Краевского: я – Перси Пальмер и поэтому достоин того, чтобы меня спасли. Через десять лет после сенсационной поездки в Японию, сидя под арестом в полицейском доме, он упорно напоминает об этом как о своей несомненной заслуге. Да, он бывший... Но было же, было же в его жизни, когда его читала вся Россия, весь мир!

И этот вопль действительно несчастного (хотя и по собственной вине) человека, вкупе с другими приведенными здесь фактами, еще одно красноречивое свидетельство того, что не было никакой «громкой мистификации в истории отечественной журналистики». Краевский был в Японии в военное время. И написал интереснейшие очерки, опубликованные в «Русском слове» и перепечатанные многими известными западными периодическими изданиями. Это по сути был звездный час в драматической судьбе неординарного, подверженного разнообразным страстям и в итоге потерпевшего крушение человека. В его жизни осталось только это – опаснейшее путешествие по Японии под именем американца Перси Пальмера. И книга о стране, ведущей войну с Россией. Книга, написанная человеком, увидевшим Японию изнутри. Японцы, как сказал вдохновитель этого замысла Влас Дорошевич, были действительно «перяпонены».

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РЕАЛИИ КАК ЧАСТЬ ПРЕДМЕТНОГО МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ КОНСТАНТИНА БАЛЬМОНТА

В статье рассматривается «японский» период творчества К. Д. Бальмонта. В отдельных фрагментах наследия поэта демонстрируются примеры проникновения в русскую поэзию реалий предметного мира дальневосточных стран. При помещении в лирическое пространство традиционные образы культуры Востока (и прежде всего, Японии) получают новые значения, воспроизводящие для русских читателей экзотику незнакомой действительности.

Ключевые слова: дальневосточные реалии, предметный мир, Япония, К. Д. Бальмонт.

FAR EASTERN REALITIES AS PART OF THE OBJECTIVE WORLD IN THE WORKS OF KONSTANTIN BALMONT

The article examines the Japanese period of Bulmont's works some fragments of his works demonstrate the penetration of realities of the objective world of the Far East countries into Russian poetry. Traditional images of eastern culture (mostly Japan) get new meaning in lyric poetry. At a room in lyrical space traditional images of culture of the East (and first of all, Japan) receive the new values reproducing for Russian readers exotic of unfamiliar reality.

Key words: Far Eastern realities, objective world, Japan, K. D. Balmont.

Различие культур Запада и Востока кажется особенно значительным, если рассматривать их как противопоставление культурологических и идеологических систем во всем своеобразии присущих им представлений о мире и жизненных ценностях. При этом реалии предметного мира можно классифицировать по признаку приверженности к восточному или западному типу мировоззрения, исходя из того, что каждый из этих типов включает в себя присущие ему предметы и явления. Западный динамизм, рациональность, развитие технологий влекут за собой возникновение новых отраслей знаний, а, следовательно, и появление в языке науки и литературном пространстве новых слов, обозначающих эти реалии. Интуитивное познание, стабильность, гармония с природой и внутренним человеческим потенциалом Востока учит ориентироваться на суть явлений, проникать вглубь того, что лежит на поверхности. Вследствие знакомства человека западной культуры с таким самобытным образом мышления у него открывается возможность к глубинному познанию природы вещей. Так, понимание предметного мира находит отображение сообразно типу мировоззрения, в зависимости от которого подразумевается свой набор лексических средств, бытующих в языке той или иной культуры.

В русскую поэзию восточные слова проникали различными путями. Одним из способов такого закрепления стали переводы литературы стран Востока, чаще всего наиболее крупных государств азиатско-тихоокеанского региона, Китая и Японии. Некоторые литераторы, такие,

как Константин Бальмонт, Давид Бурлюк, совершали путешествия в страны Востока и лично перенимали языковые экзотизмы; другие, такие, как Велемир Хлебников, интересовались культурой, предпринимали попытки к изучению языков. Кроме того, известны поездки русских людей с дипломатическими, политическими, миссионерскими целями. Однако попавшие в русскую речь слова часто могли претерпевать изменения и приживаться в языке иногда в искаженном виде. Воспринимая иноязычную лексику на слух, поэты фиксировали неправильное написание слова, использовали его различные варианты. Иногда история проникновения слова в русскую речь становилась известной вследствие каких-либо рассуждений и примечаний самих поэтов к текстам стихотворений или объяснялась в различных статьях, эссе, воспоминаниях и письмах.

Так как под предметным миром понимаются все мыслимые явления, соотносимые с действительностью (уже зафиксированные и возникающие в процессе развития общества), то это означает, что реалии предметного мира окружают человека, начиная с его быта. Например, для славянской культуры определенного исторического периода характерно наличие в доме *половицы¹*, *сарафана*, *кваса*, а для японской по близительной аналогии – *татами*, *кимоно* и *саке*. Соответственно, были в языке и слова, которыми обозначались эти предметы. При изучении лирики Константина Бальмонта, воспроизводящего в поэтических текстах повседневную жизнь стран Востока, можно найти примеры, которые

¹ Здесь и далее слова, отражающие реалии восточной и европейской культур, выделены курсивом.

демонстрируют такие бытовые реалии дальневосточной культуры, как циновки и зеленый чай:

На *циновках* тонкотканых
Мы сидели и курили
Меж цветов по цвету странных
И пьянящих в пышной силе.
(«В чайном домике», 1916)
<...>
Где-то в даях, невозвратно,
Мест родных леса и склоны.
И дымился ароматно
В малой чашке *чай зеленый*.
(«В чайном домике», 1916)

В книге «Зовы древности» (1923) Константин Бальмонт поместил собственные переводы танка и хокку, относящиеся к VII–XVIII векам. В цикле этих стихотворений обнаруживаются образы японской бытовой культуры:

Полнолуние.
На *циновках*
Тень сосны.
(Кикаку)

Росу услышишь.
Вот пахнет *чаем*.
Кто тихий в тихом?
(Иноуэ Сиро)

Одновременно с этим в стихотворном творчестве Константина Бальмонта с точки зрения территориального обращения к Востоку можно найти большое количество упоминаний о Японии, Китае, Индии, Турции, Каире, Египте, Османе, Персии и других восточных государствах. Обращение к поэтическим образам этих стран происходит через художественное переосмысление культурных реалий. Так, например, повествуя о Китае, поэт упомянул слова «*лотос*», «*Тибет*», «*Гималаи*», «*драконы*», «*тигры*», «*тростник*». Если речь идет об Индии, то в стихотворениях говорится о *мантрах*, *чётках*, *йогах*, *индианках*, используются такие специфические понятия, как *зенд-авеста*, *Брама*, *упанишады*, *чванг-санга* и т. д. При обращении к странам Ближнего Востока, Персии, Осману, Турции, в поэтическое пространство Бальмонта проникли *слоны*, *арабы*, *мечети*, *муэдзины*, *чампак*, *Багдад*, *Дамаск*, *Мекка* и др. Так, Константин Бальмонт вводил в поэтический обиход достаточно много новых для отечественных читателей слов. Однако именно слова японского происхождения оказались наиболее востребованными и в художественной литературе, и в обыденной речи. Важно отметить, что поэт обратил своё внимание к Японии именно в тот исторический этап, когда в сознании русских людей оформилась готовность к восприятию этой культуры. К «восточному» периоду имеют отношение не только стихотворе-

ния, большей частью написанные с 1916 года, во время японского путешествия, но переводы и прозаические произведения. Например, очерки «Страна-позма» (1916), «Фейное творчество» (1916), «Игранья раковины» (1916), статья «Белая хризантема» (1916), перевод японских стихотворений «Японские песни» (1916), статья «Огненные лепестки» (1923), японский сказ «Огонь спасающий» (1934) и разные интервью поэта в газетах.

Во время увлечения Дальним Востоком К. Д. Бальмонт писал преимущественно о Китае и Японии. Так, кроме известных образов «Восток» и «Япония», поэт активно использовал иные топонимы, в частности, упоминал о *Цусиме*, *Фуджи-Яме*, *Камакуре*, *Икуте*, *Ниппоне*, *Нихоне* и др.

Восток у поэта описывается обычно как одна из экзотических частей света, противоположная Западу. Например, в стихотворении «Песня рабочего молота» (1922) говорится о местоположении России, о ее близости к Западу, с одной стороны, и Востоку – с другой:

Я крикну – отклик до *Востока*,
Я стукну – Запад задрожал,
Мое сияние широко
И пламень мой набатно-ал.

Страну восходящего солнца поэт именует не только привычным словом «Япония», но часто использует заимствования, такие, как «Ниппон» и «Нихон»:

«Основа Света», «Корень Солнца»:
Нихон сильнее случайных бед,
Не взят пустыней,
Красив на Море белый след.
(«Япония», 1916)

Япония, *Ниппон*, *Нихон*,
Основа Солнца, Корень Света,
Прими от русского поэта
Его струны певучий звон.
(«К Японии», 1916)

В книге К. М. Азадовского и Е. М. Дьяконовой «Бальмонт и Япония» предпринята попытка объяснить использование поэтом фонетических вариантов слова «Япония»: «*Ниппон* для поэта – «узывный клич побед», что совершенно верно, поскольку японцы употребляют этот вариант в более официальных, торжественных случаях, особенно на войне; *Нихон* же – более поэтическое, «домашнее» слово»². Читатель без труда понимает значения новых для себя слов вследствие того, что поэт представил их как однородные в одном синонимическом ряду.

К географическим реалиям Японии также можно отнести самую известную природную достопримечательность, Фудзияму («Буддийский храм», 1916; «Мне памятен любимый небом

² Азадовский, К. М. *Бальмонт и Япония* / К. М. Азадовский, Е. М. Дьяконова. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – С. 101.

край», 1923; «Жемчужная раковина»). Кроме того, города Цусима («Наш царь», 1907), Камакура («В Камакуре», 1924), а также реку Икуто (в переводе японских стихотворений):

Наш царь – Мукден, наш царь – *Цусима*,
Наш царь – кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму – темно.
(«Наш царь», 1907)

Объяло Море берег *Камакуры*.
Осенний час огонь свой золотой
Дожег. И над землей, и над водой
Впал отсвет в оттенок серой волчьей шкуры.
(«В Камакуре», 1924)

Средь той природы,
Где *Фуджи-Яма*,
Есть переходы
Немого храма.
(«Буддийский храм», 1916)

От жизни уставши,
Я тело бросаю
В реку *Икуту*,
В поле живое.
Икута. Дай имя мне только, о, дай.
(перевод японского стихотворения)

Обращаясь к природе, Константин Бальмонт часто использовал в своих стихотворениях наименования растений, птиц и насекомых, которые в сознании читателей ассоциируются с Японией. Так, например, у поэта часты упоминания о хризантеме (символе императорского двора) или глицинии (символе прихода лета). Активно Константин Бальмонт в свой «японский» период писал о вишне, ирисе, сливе, бамбуке:

Был расцвет *махровых вишен*,
Были гроздья там *глициний*,
Алый в белом был утишен
И смягчен был нежно-синий.
(«В чайном домике», 1916)

Ты золотая *хризантема*,
И *чёрный ирис* – милый твой.
Мое живое сердце немо
От тяжкой скорби мировой.
(«Двум», 1922)

В белую-белую
Ночь, в осиянии
Белой Луны
Падают сежные
С *сливы* цветы.
(Фудзивара-но Кинто)

Бамбуковые рощи,
Буддийский храм.
О, что же, сердце, прощезь?
Предай себя богам.
(«Буддийский храм», 1916)

Константин Бальмонт, перенимая традиционные символы японской культуры, возможно, не осознавал до конца их значения и, скорее, интуитивно использовал для создания общего колорита. Однако благодаря его переводам читатели получили возможность приблизиться к сокровенным для всех японцев вещам. Скоротечность бытия, начало нового сельскохозяйственного цикла (связанного с цветением *сакуры*), продлевающая жизнь вечнозелёная *сосна* (как символ прочности и стойкости), непреклонный в противостоянии ветрам *бамбук*, ставший олицетворением упорства, – все эти значения, которые бережно вкладывали японские поэты в свои стихотворения, были донесены Константином Бальмонтом для читающей аудитории в России.

Стихотворения Константина Бальмонта с позиции обращения к японским образам можно разделить на две группы. К первой относятся стихи, посвященные Японии, и переводы классических японских авторов (Басё, Бусон, Иноуэ Сиро, Кикаку, Мурасаки Сикибу, Рёкан и др.). В этой части поэтического пространства Бальмонта реалии японской жизни существуют почти нераздельно с ассоциативным контекстом и распознаются как объекты любования и созерцания. Поэту удалось сохранить первичность восхищения растениями так, как оно живёт в обыденном сознании жителей Востока. Вторая группа стихотворений характеризуется тем, что в ней Константин Бальмонт использовал мотивы, взятые, как может показаться, отдельно от изначальной среды бытования, а затем помещённые в пространство русской поэзии. Так, например, часто можно увидеть, как вишня или хризантема теряют исключительное право на вдохновение и служат для сравнения с женщиной:

Алая вишня еще несозрелая.
Белое платье со складками смятыми.
В сжати нежном рука онемелая,
Сад в полнопевности. Свет с ароматами.
(«Алая вишня», 1916)

На жемчуг – жемчуг по тесьме,
И расцвела нам *хризантема*
В снежисто-месячной чалме.
Люблю тебя. Твой лик поэма,
Цветков вулкана, Инамэ.
(«Инамэ», 1921)

По аналогии с сезонными словами «киго», свойственными хокку, Константин Бальмонт использовал образы мотылька, кукушки, цикады и др. В 1916 году в ряде очерков он поместил переводы японских стихотворений, в которых насекомые выступили в своем традиционном амплуа. Например, кукушка присутствует в творчестве поэта, как птица, которая в Японии возвещает приход лета и считается символом неверности³,

³ Мещеряков, А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений / А. Н. Мещеряков. – М. : Наталис, 2010. – С. 100.

а также и в привычном для русского читателя контексте:

Смотрю туда я,
Где куковала
Сейчас *кукушка*, –
Там только месяц
Передрассветный.
(«Готокутайдзи садайдзин»)

Двенадцать раз прокуковала
Кукушка в полночь октября.
Я это говорю не зря,
Тут чуда вовсе не бывало,
Но все же был я рад немало,
С тем звуком сердцем говоря.
Кукушка звонко куковала
Лишь у соседа на часах.
(«Кукушка», 1924)

То же самое можно сказать и об образе мотылька. В стихотворении «Прогулка феи», вошедшем в сборник детских песенок «Фейные сказки» (1905) Константин Бальмонт упомянул название насекомого, не вкладывая никакого дополнительного значения и новых оттенков. Однако позже, в стихотворении «Японке» образ мотылька используется в контексте восхищения японской женщиной и рождает эмоциональную ассоциацию с неуловимостью и легкостью, что характерно для восприятия японцев:

Или я на *мотылька*
Променяю светлячка?
Не хочу меняться, –
А давай смеяться.
(«Прогулка феи», 1905)

Японка, ты полуробенек,
Ты *мотылек* на лету,
Хочу вон ту и ту, и ту,
Ты ласточка и ты котенок.
(«Японке», 1916)

А в книгу «Зовы древности», которая была опубликована в Берлине в 1923 году, поэт поместил перевод Рёкана (1758–1831), где образ мотылька навеивает настроения, свойственные японцам:

Спят цветы в сновиденьях.
Мотылька расспросил бы:
Мотылек безглагольный⁴.

Так, японская лексика (*хризантема*, *мотылек*) стала часто необходима поэту для описания женских образов.

«Японский» период творчества Константина Бальмонта богат реалиями культурной сферы

Страны восходящего солнца. Жизненный уклад и традиции логично вытекают из тех правил, которые диктует людям природа: соотношение со временем года, движением небесных тел, природными катаклизмами, погодными условиями. С этим связаны, в первую очередь, религиозные культы, относящиеся к ним ритуалы и обряды. В Японии с наступлением весны набирает цвет *сакура*, и этот период у японцев является предметом национальной гордости, всеобщей радости и снисходящего вдохновения. О зыбкости, кратковременности бытия и непостоянстве прекрасного слагаются *хайку* и *танка*, отражающие процесс созерцания и глубинное познание мира. Сосредоточенность на внутренней концентрации и гармонии с природой выражается в таких реалиях, как *сад камней*, музыкальные инструменты *кото* и *сямисэн*.

К лексике, отражающей уклад японской культуры, можно отнести слова «иероглифы», «гейши», «мусмэ», «самурай», «буддийский храм», «танка», «Будда», «флейта», богиня солнца «Аматерасу», «шинтоистский храм», «праздник рисовой жатвы», «праздник Шинто», «Оджисан»⁵. Некоторые лексические единицы со временем вошли в русскую речь: европейцу понятны значения слов «гейша», «самурай», «синто», «иероглиф». Однако другие слова не только отсутствуют в русском языке, но фонетически неузнаваемы и требуют специальной языковой подготовки. Например, без элементарных знаний слоговой азбуки приблизительно определить значение слов «мусмэ» («дочь» или «девушка»), «одзисан» («дядя» или «дедушка»⁶, в зависимости от долготы гласного «и») можно только из контекста.

Гейши, девочки, малытки,
Вы четырнадцати лет,
Ваши маленькие грудки
Нежно-розовый расцвет.
<...>

И одна мне приглянулась
Больше всех других *мусмэ*.
Вплоть ко мне, как лист, качнулась,
Водный стебель в полутьме.
(«Гейши», 1916)

В стихотворении «Гейши» (1916) поэт создает яркий образ героинь путем подробного описания их внешности и поведения, свойственного женщинам этой сферы жизнедеятельности. Так, неискушенные читатели понимают, что речь идет об изящных девушках, которые в присутствии людей неспешно исполняют танец, поют и при этом ограничивают телесные контакты с присутствующими. Однако образ гейш несколько снижен и сведен к иным европейским аналогам: в

⁴ Цит по кн.: Азадовский, К. М. Бальмонт и Япония / К. М. Азадовский, Е. М. Дьяконова. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – С. 172.

⁵ Написание некоторых слов отличается от современных правил и дано в авторской транскрипции.

⁶ Японско-русский словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – Токио : Кэнкюся, 2011. – 1261 с.

литературе уже были известны гетеры, публичные женщины, ведущие свободный образ жизни. В отношении слова «мусмэ» поэт в печатном издании⁷ сам дал сноску с указанием перевода японского слова на русский язык «девушка».

В японском сказе «Огонь спасающий» (1934) слово «оджисан» встречается в следующем контексте: «Мальчик мгновенно подал *деду* зажженный факел, и опрометью Гамагучи бросился бегом в поля <...> Изумленный и ужаснувшийся мальчик бежал за своим *дедом* и с отчаянием выкрикивал: «*Оджисан!* Зачем? *Оджисан!* Зачем? Зачем?»⁸. Значение незнакомого для русских читателей слова «Оджисан» (в современной транслитерации «одзисан») исходит из контекста, понятно благодаря восклицанию ребенка.

Кто такой самурай, читатели понимают по строкам одноименного стихотворения, написанного в 1916 году. Не давая четких определений, но ярко прописывая подробности жизни лирического героя, поэту удалось создать образ блестящего воина, несущего многовековые традиции, душа которого таится в его мече:

Но в самых пламенных боях
Хранил ты свой старинный меч,
Чтоб сталь узнала весь размах
И весь восторг бесстрашных встреч.

<...>

И свист звенящий лезвия –
Твой голос, древний *самурай*.
Ты – тигр, ты – коршун, ты – змея.
Банзай!

Часто в творчестве Константина Бальмонта можно найти наименование традиционных поэтических форм танка и хайку (хокку):

Дух Севера зажег мечту-светлянку.
Дух Запада, замыслив гордый сон,
Спял всех музыкальных гудов звон.
Но дух Востока, дунув, создал *танку*.
(«Спор духов», 1917)

Стихотворение «Спор духов» также стало при-

мером того, что поэт размышляет о месте России относительно мирового пространства и осмысливает ее в центре географических реалий.

Если в стихотворении Константин Бальмонт со свойственной поэзии лаконичностью лишь указывает на принадлежность жанра танка Востоку, то в прозаических произведениях он конкретизирует это понятие. Размышляя о природе танка, Бальмонт сравнил ее с пятилепестковым цветком и написал в комментарии к сборнику переводов «Японские песни» (1916) следующее: «Откуда у японца эта способность краткого речения в поэтической форме? Я думаю, она коренится в способности людей Востока к глубокому молчанию»⁹. В статье «Белая хризантема» (1916) есть строка: «Это хокку, – шепчу я себе, – это трехстрочные японские малютки хокку». Так, поэт посредством художественных образов знакомил своих читателей с лаконичными японскими поэтическими жанрами.

Иногда Константин Бальмонт давал комментарии не только в отношении значения слова, но и описывая его фонетические особенности. Например, в японском сказе «Огонь спасающий» (1934) относительно имени героя Гамагучи Гогэй Бальмонт писал о необходимости произношения мягкого звука [г]: «Первое «г» первого имени и второе «г» второго имени надо произносить мягко. – К. Б.»¹⁰.

Таким образом, благодаря переводам, непосредственному знакомству с языками, стремлению подражать, словарный состав русской поэзии обогатился новыми понятиями, отражающими образ жизни, материальную и духовную культуру народов Дальнего Востока. На примере творчества К.Д. Бальмонта можно проследить путь проникновения в русскую литературу реалий, относящихся к дальневосточному региону и, в большей степени, к Японии. Перенимая какой-либо образ, свойственный японской лирике, поэт контекстуально адаптировал его в художественных произведениях, вкладывая при этом дополнительные оттенки художественного воплощения или создавая непривычную для русских читателей действительность.

⁷ Согласно книге Азадовского К. М., Дьяконовой Е. М. «Бальмонт и Япония», стихотворение было опубликовано в утреннем выпуске газеты «Биржевые ведомости» 12 июня 1916 года.

⁸ Азадовский, К. М. Бальмонт и Япония / К. М. Азадовский, Е. М. Дьяконова. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – С. 181.

⁹ Там же. – С. 163.

¹⁰ Там же. – С. 180.

САХАЛИН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИЙСКОЙ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются периодические издания различных конфессий (Русской православной церкви и протестантов – евангельских христиан и баптистов), центрального и регионального уровней с точки зрения содержания в них информации, касающейся Сахалина в период Российской империи–СССР. Выявляется взаимосвязь региональной и общегосударственной истории, особенности государственно-конфессиональных отношений на каждом историческом этапе с тематикой, количеством и качеством материалов, связанных с Сахалином, которые размещались в конфессиональных периодических изданиях.

Ключевые слова: Сахалин, религия, Русская православная церковь, баптисты, евангельские христиане, конфессиональная пресса.

DESCRIPTION OF SAKHALIN IN CENTRAL AND FAR EASTERN CONFESSIONAL PRESS (HISTORICAL ASPECT)

The article deals with the periodicals of various denominations (the Russian Orthodox Church and Protestants – Evangelical Christians and Baptists), at central and regional levels in terms of their contents concerning the Sakhalin Island in the soviet period. The article defines correlation between regional and national history, features of state and confessional relations at every stage of history and the theme, quality and quantity of materials related to Sakhalin, which were published in religious periodicals.

Keywords: Sakhalin, religion, Russian Orthodox Church, Baptists, evangelicals, press.

Конфессиональная пресса, как историческое явление и как исторический источник, как особый предмет изучения долгое время была обойдена вниманием отечественных ученых, в первую очередь это касается исследований неправославных периодических изданий. Это объясняется рядом причин, в частности – трудностью этих материалов, фрагментарностью, неполнотой и рассеянностью по различным местам хранения их сохранившихся подшивков, идеологизацией религиозно-исследовательских исследований, специфичностью тематики, языка, стиля публикаций такого типа и т. д. В последние годы появились исследования православной прессы, в том числе – дальневосточной¹, в наших недавних статьях впервые и конфессиональная протестантская дальневосточная периодическая пресса позиционируется как предмет исследования². Конфессиональные периодические издания являются ценными с точки зрения историка, источниками не только по религиозной

истории издающих их конфессий, но и по социальной, государственно-политической истории периода, в который они были созданы. Среди информации, содержащейся в дальневосточных и центральных конфессиональных периодических изданиях, вышедших в свет в разные периоды отечественной истории, можно выявить небольшие, но весьма информативные блоки материалов, освещающих события, происходившие на Сахалине. Это события, имеющие значение для религиозной истории Сахалина, либо важнейшие события общественной и государственно-политической жизни, вызвавшие реакцию представителей конфессий, издающих журналы.

Можно выделить три периода, в течение которых сахалинская тема так или иначе отражалась на страницах изданий этого типа, каждый из этих периодов имел свои яркие конкретно-исторические особенности, наложившие отпечаток и на характер подаваемой в журналах информации, их содержание, стиль, тематику, объем инфор-

¹ Чижов, Р. В. Роль периодической печати в консолидации регионального культурного общества: На примере деятельности «Ярославских епархиальных ведомостей» 1860–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. культурологии / Р. В. Чижов. – Москва, 2006 ; Смагин, А. Н. Епархиальные ведомости в системе управления Камчатской (Благовещенской) епархии Русской православной церкви / А. Н. Смагин. – URL : <http://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?ID=1943> ; Потапова, Н. В. Русско-японская война и православная жизнь Сахалина (по материалам епархиальной печати) / Н. В. Потапова // Россия и островной мир Тихого океана. – Вып. 1. – Южно-Сахалинск, 2009. – С. 51–57 ; Потапова, Н. В. Миссионерская деятельность православных священников на Сахалине (по материалам церковной прессы конца XIX – начала XX вв.) / Н. В. Потапова // Природа, история и культурное наследие Сахалинской области: исследования и открытия : материалы научной конференции, посвященной 110-летию Сахалинского музея (1896–2006 гг.) / отв. ред. Н. Ю. Ильина. – Южно-Сахалинск, 2008. – С. 42–46 ; и др.

мации, в том числе и относящейся к Сахалину (Сахалинской области). Периодические издания, содержащие информацию о Сахалине на протяжении этих периодов, в силу исторических особенностей развития страны и региона принадлежат разным конфессиям.

1 период – конец XIX века – 1917 год. На этом этапе Русская православная церковь (РПЦ) занимала в Российской империи положение государственной церкви. Этот период представлен периодическими изданиями православных епархий, в состав которых входил Сахалин – «Камчатскими епархиальными ведомостями» (печатный орган Камчатско-Курильско-Благовещенской епархии, издавались с 1894 по 1899 годы в Благовещенске) и «Владивостокскими епархиальными ведомостями» (печатный орган Владивостокской епархии, издавались с 1903 по 1917 годы во Владивостоке). Выходили оба издания два раза в месяц. Это наиболее насыщенные сахалинской информацией конфессиональные источники за всю историю российского Сахалина. Можно выделить несколько блоков материалов, содержащих интересующую нас информацию:

1. Наибольший интерес представляют публикации сахалинских священников, которые систематически размещались в епархиальных печатных изданиях под рубрикой «С Сахалина». Тематически их можно объединить в две основные группы:

а) Комплекс записок сахалинских священников, посвященных миссионерской работе, опубликованных в разные годы в «Епархиальных

ведомостях»³. Статья священника Н. Попова-Какоулина, опубликованная в 1896 году, представляет собой отчет о совершенных им миссионерских поездках. Священник дал характеристику результатам миссионерской деятельности среди аборигенов острова⁴. В статье приводятся данные по численности аборигенов, количеству крещенных из них, количеству проведенных обрядов, описывается образ их жизни. В дневниковых записях о миссионерских поездках сахалинских священников о. А. Троицкого, А. Городнова в начале XX в., кроме описания собственно миссионерской работы, имеется интересная информация о бытовых моментах жизни миссионеров, о суровых условиях их деятельности⁵. В миссионерском дневнике св. А. Городнов отмечал, во время поездки в день делали до 80 верст, ночевали – как придется, если не в стойбищах, то в лесу: «Сегодня ночью не мог спать совсем: – было холодно. Снизу снег, а сверху тонкая ...палатка, могущая защищать только от зноя и дождя, а никак не от 32-градусного мороза», – писал священник⁶. Еще одна статья А. Городнова – уже не дневник, а размышления миссионера о результатах предшествующей миссионерской деятельности, особенностях миссионерства на острове.^{7, 8} Статья священника А. Шастина о поездке к «инородцам восточного побережья Русского Сахалина» (к орочонам и нивхам в июне 1916 года) также представляет собой путевые заметки.⁹ Много места А. Шастин уделял этнографическим описаниям – образа жизни, быта, хозяйственной деятельности аборигенов, ритуалов (медвежий праздник).

² Потапова, Н. Журнальная периодика дальневосточных баптистов (1920–1922 годы): на примере журнала «Благовестник» / Н. Потапова // На периферии и на чужбине – сравнительное исследование маргиналий русской культуры : сб. ст. – № 3. – Сапоро, 2012. – С. 52–74.

³ Попов-Какоулин, Н. Инородцы на острове Сахалин / Н. Попов-Какоулин // Камчатские епархиальные ведомости. – Благовещенск, 1896. – № 5. – С. 98–107 ; Троицкий, А. Из дневника Сахалинского священника / А. Троицкий. – Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1904. – № 6. – С. 116–120 ; № 7. – С. 150–156 ; № 9. – С. 202–206 ; № 11. – С. 249–254 ; Городнов, А. Миссионерское дело на Северном Сахалине / А. Городнов // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1908. – № 20. – С. 498–503 ; Городнов, А. Поездка к крещеным инородцам Сев. части острова Сахалин в феврале месяце 1908 г. / А. Городнов // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1908. – № 12–13. – С. 332–338 ; № 15. – С. 390–394 ; № 17. – С. 422–428 ; Шастин, А. Описание поездки к инородцам восточного побережья Русского Сахалина / А. Шастин // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1916. – № 17. – С. 747–752 ; № 20. – С. 674–683 ; № 21. – С. 715–721, 753.

⁴ Попов-Какоулин, Н. Инородцы на о-ве Сахалин / Н. Попов-Какоулин // Камчатские епархиальные ведомости. – Благовещенск, 1896. – № 5. – С. 105–106.

⁵ Троицкий, А. Из дневника Сахалинского священника / А. Троицкий // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1904. – № 6. – С. 116–120.

⁶ Городнов, А. Миссионерское дело на Северном Сахалине / А. Городнов // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1908. – № 12–13. – С. 335 ; № 20. – С. 498–500.

⁷ Городнов, А. Поездка к крещеным инородцам северной части острова Сахалина в феврале месяце 1908 г. / А. Городнов // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1908. – № 12–13. – С. 334.

⁸ Городнов, А. Миссионерское дело на Северном Сахалине / А. Городнов // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1908. – С. 500–503.

⁹ Шастин, А. Описание поездки к инородцам Восточного побережья русского Сахалина / А. Шастин // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1916. – № 17. – С. 749.

б) Комплекс записок сахалинских священников, посвященных русско-японской войне. Значительный интерес для реконструкции событий войны представляют дневниковые записи о. Алексея Кукольщикова, опубликованные в 1907 году¹⁰, в них описываются события на Севере Сахалина с 10 июля по 30 октября 1905 года. В 1911 году в епархиальных ведомостях была опубликована статья «С Сахалина» под авторством некоего «церковного старосты», в которой также имеется информация о событиях 1905 года на Севере острова (в с. Рыковском),¹¹ дополняющая рассказ священника А. Кукольщикова. Статья «Из воспоминаний о русско-японской войне на Ю. Сахалине» о. Алексея Троицкого была опубликована в 1908 году.¹² Воспоминания идут в форме повествования о событиях на юге острова с января 1904 года по 19 августа 1905 года.

2. Особую группу источников представляют опубликованные в «Ведомостях» записи сопровождающих лиц о путешествиях по епархии епископов, в ходе которых они посещали и Сахалин. Имеются в епархиальных ведомостях подробные отчеты о поездках епископов Макария в 1893 и 1896 годы, Евсевия в 1898 и 1899 годы и др.¹³ В них даются описания насе-

ленных пунктов, религиозной и в целом – общественной жизни как Северного, так и Южного Сахалина.

3. Исторические работы церковных авторов. В историческом очерке видного епархиального деятеля А. Разумовского «Владивостокская епархия за первые 5 лет ее существования», опубликованном в 1905–1906 годы¹⁴, содержится описание миссионерского дела на острове на фоне общей картины по епархии. Автор отмечал несовершенство организации миссионерства на Сахалине, писал о слабой эффективности деятельности священников острова в этом направлении, которая была обусловлена объективными обстоятельствами (плохие дороги, большие приходы, малое число священников и пр.).¹⁵ Имеются статистические данные по населению Сахалина и его вероисповеданию, характеристика церквей, их положения, церковно-школьного строительства на острове.¹⁶ В 1909 году в работе Б. Поляновского «Первое десятилетие Владивостокской епархии (историко-критический очерк)» было отмечено о Сахалине только то, что «после войны с Японией половина Сахалина отпала от Владивостокской епархии»¹⁷.

4. Отдельные небольшие заметки, посвященные событиям или актуальным проблемам саха-

¹⁰ Кукольщикова, А. Из записей сахалинского священника за 1905 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1907. – № 10. – С. 206–214 ; № 11. – С. 231–239.

¹¹ Церковный староста. С Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1911. – № 7–8. – С. 254–261.

¹² Троицкий, А. Из воспоминаний о русско-японской войне на Южном Сахалине / А. Троицкий // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1908. – № 3. – С. 88–91 ; № 4. – С. 126–131 ; № 7. – С. 210–215 ; № 18. – С. 449–455 ; № 19. – С. 475–482 ; № 20. – С. 505–511.

¹³ Священник, С. Т-ский. Путешествие Преосвященнейшего Макария Епископа Камчатского по епархии в мае, июне и июле месяцах 1893 г. // Священник С. Т-ский // Камчатские епархиальные ведомости. – Благовещенск, 1894. – № 10. – С. 230–232 ; № 11. – С. 252–258 ; № 13. – С. 78 ; Дневник одного из сопровождавших Его Преосвященство Преосвященнейшего Макария при обозрении церквей в нынешнее лето // Камчатские епархиальные ведомости. – Благовещенск, 1896. – № 20. – С. 410–414 ; № 21. – С. 432–437 ; № 22. – С. 452–458 ; № 23. – С. 473–477 ; Описание поездки Преосвященнейшего Евсевия, Епископа Камчатского для обозрения церквей епархии, совершенное с 8 июля по 22 августа 1898 г. // Камчатские епархиальные ведомости. – Благовещенск, 1899. – № 1. – С. 3–8 ; Поездка Преосвященнейшего Евсевия, епископа Владивостокского и Камчатского летом 1899 г. (для обозрения камчатских церквей) // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1903. – № 1. – С. 14–15 ; Поездка Его Высокопреосвященства на Сахалин 7 июля 1911 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1911. – № 16. – С. 523–525 ; Восторгов И., протоиерей. На русском Сахалине. Благовестие жизни Дальнему Востоку // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1911. – № 17. – С. 546–550.

¹⁴ Разумовский, А. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903 гг.) / А. Разумовский // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1905. – № 4–5. – С. 114–130 ; № 8. – С. 178–180 ; № 12–13. – С. 286–288 ; № 14. – С. 309–310 ; № 19. – С. 441–491 ; № 24. – С. 550–553 ; 1906. – № 18–19. – С. 8–10.

¹⁵ Разумовский, А. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903 гг.) / А. Разумовский // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1905. – № 24. – С. 550–553.

¹⁶ Разумовский, А. Владивостокская епархия за первые 5 лет ее существования (1899–1903 гг.) / А. Разумовский // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1905. – № 5. – С. 114–120 ; № 6. – С. 130 ; № 8. – С. 188–180 ; № 12–13. – С. 286.

¹⁷ Поляновский, Б. Первое десятилетие Владивостокской епархии (историко-критический очерк) / Б. Поляновский // Владивостокские епархиальные ведомости Владивосток, 1909. – № 8. – С. 243.

линской жизни, авторами которых являлись сахалинские священники и церковнослужители.¹⁸

5. Эпизодическая информация, касающаяся Сахалина в общих епархиальных отчетах и сводках. В 1895–1896 годах публиковались списки присоединенных к православию и просвещенных иноверцев по епархии, среди них имеются упоминания о жителях Сахалина, крещенных как в церквях острова, так и в церквях материковой части епархии. В «Отчетах Камчатского епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Камчатской епархии» за 1894–1895 и 1895–1896 учебные годы, публиковавшихся в «Камчатских епархиальных ведомостях», имеются данные о количестве приверженцев разных религий по острову (по населенным пунктам) и т. п.

2. На следующем этапе отечественной истории, в 1917–1922 годы в период революций, гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке издание православных епархиальных ведомостей на Дальнем Востоке прекращается. В условиях провозглашенной в 1917 году Временным правительством свободы совести, подтвержденной затем правовыми актами большевистского правительства, а также временными буржуазными правительствами Дальнего Востока, ДВР, начинается издание протестантских журналов.

В 1920–1922 годах во Владивостоке Дальневосточным отделом Всероссийского союза евангельских христиан (ВСЕХ) издавался ежемесячный журнал «Слово и жизнь». В этом журнале информация о Сахалине (Северной его части, находившейся в японской оккупации в 1920–1925 годы) растворена в информации, поступающей от имени евангельских христиан Сахалинской области, включающей как Северный, оккупированный японцами Сахалин, так и Николаевский уезд (устье Амура); а также – в информации от Дальневосточного отдела ВСЕХ и материалах съездов. Так, летом 1922 года в заметке евангельского христианина С. Каменева из г. Николаевска, опубликованной под заголовком «Голос евангельских христиан Сахалинской области», отмечалось: «За последние зимы ...Господь возродил на остр. Сахалине 7

церквей; из них 6 церквей на северном побережье и 1 в Александровске». Успехи миссионерской деятельности верующих из Николаевска внушали оптимизм: «Мог ли кто поверить, если бы лет пять назад от сегодняшнего дня, было сказано, что в Сахалинской области, а главным образом на известном вам каторжном острове Сахалине, где царило беззаконие, полнейшее отсутствие всякого человеколюбия, и где имя Бога произносилось только для насмешки, есть люди, способны славить Бога от глубины души, жить в мире и любви между собою и прощать врагам? Нет, поверить этому не могли бы!...»¹⁹. Сохранилась информация о миссионерских поездках к единоверцам, которые предпринимались, несмотря на транспортные и финансовые трудности, владивостокскими евангельскими христианами на территорию Нижнего Амура и Сахалина. Так, летом 1922 года журнал «Слово и жизнь» сообщал: «Совет Д. В. Отдела Всероссийского Союза Евангельских христиан получил возможность командировать в Николаевск на Амуре и остров Сахалин проповедника брата Я. Н. Ходюш, который отбыл из Владивостока на пароходе «Эльдорадо» в пятницу 4 августа»²⁰. В публиковавшихся в этом журнале материалах 3-го Дальневосточного Съезда евангельских христиан, проходившего в ноябре 1922 году во Владивостоке, также отмечались успехи работы миссии на Сахалине: «Открыта община в сердце каторги – г. Александровске на Сахалине. Есть отдельные деревни, где верующих подавляющее большинство»²¹.

Информация, касающаяся Сахалина в начале 20-х годов XX века, приводится и в центральном издании ВСЕХ – газете «Утренняя звезда», именованной «прогрессивным органом религиозного пробуждения русского народа», издававшейся в 1909–1922 годы в Санкт-Петербурге–Петрограде, еженедельно. Редактором-издателем был И. С. Проханов. В ней в 1921–1922 годах регулярно публиковалась информация о работе Дальневосточного отдела Союза. В частности, повторялся материал об успехах миссии на Сахалине, возможно, перепечатывавшийся из дальневосточного журнала. В 1922 году это издание сообщало также, что «община г. Николаевска... командирует (миссионера – **Н. П.**) на

¹⁸ На Южном Сахалине // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1912. – № 2. – С. 48–49; Об открытии на о. Сахалине церковной школы // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1912. – № 3. – С. 80–82; Иерей 8-го благочиния. С Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1911. – № 1. – С. 25–31; Церковный староста. С Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1911. – № 7–8. – С. 254–261; Дьякон Феодосий Громоу. С Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1911. – № 11. – С. 371–374; Благочинный священник И. Яковлев. С Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. – Владивосток, 1912. – № 18. – С. 596–598.

¹⁹ Каменев, С. Голос евангельских христиан Сахалинской области / С. Каменев // Слово и жизнь. – Владивосток, 1922. – № 1–2. – Июль-август. – С. 7.

²⁰ Поездка бр. Я. Н. Ходюш на Сахалин // Слово и жизнь. – Владивосток, 1922. – № 1–2. – Июль-август. – С. 8.

²¹ Материалы 3-го Дальневосточного Съезда евангельских христиан // Слово и жизнь. – Владивосток, 1922. – № 3–4. – Сентябрь-октябрь. – С. 9.

Южный Сахалин для образования там общин»²². Не известно, состоялась ли эта командировка и каковы были ее результаты, но сам по себе факт, что были такие планы – весьма интересен.

В конфессиональном издании дальневосточных баптистов журнале «Благовестник», издававшемся в 1920–1922 годах во Владивостоке, редактором которого был Р. А. Фетлер, нет ни слова о баптистском движении на Сахалине. Нет информации о баптистских общинах на Сахалине и в журнале, издававшемся в США русско-украинскими баптистами «Сеятель истины» (Гартфорд), который часто публиковал информацию о жизни дальневосточных баптистов. Хотя в центральном баптистском издании «Слово истины», издававшемся в Москве в 1913–1921 (?) годы, с перерывами, П. Павловым, в 1921 году²³ упоминается существование на Сахалине к концу 1920 году 1 баптистской общины (31 чел.).

3. На третьем (советском) этапе истории конфессиональной прессы появление информации о Сахалине связано с началом издания официального печатного органа Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), образованного в 1944 году, объединившего в своих рамках баптистов и евангельских христиан. Это был журнал, «допущенный» к публикации советско-партийным аппаратом, все материалы которого санкционировались и проходили жесткую государственную цензуру. Издавался журнал ВСЕХБ «Братский вестник» обычно раз в два месяца, в Москве, с 1945 по 1993 год, редакторами были в 1945–1970 годах – Карев А. И., в 1970–1993 годах – Кульков В. Г. В этот период на советском Сахалине с 1930 года вплоть до конца 1980-х годов официально не существовало православных приходов, но с 1946 по 1960 годы в Александровске-Сахалинском и с 1981 года в Южно-Сахалинске легально действовали баптистские общины.

Сахалинская информация на страницах центрального издания ВСЕХБ была представлена преимущественно редкими сообщениями с острова о важнейших событиях конфессиональной жизни. Первая информация о Сахалине появляется в «Братском вестнике» в 1946 году (№ 3) под рубрикой «На полях работы нашего братства» о том, что община баптистов Александровска на Сахалине «купила дом, в котором будут происходить молитвенные собрания»²⁴. В следующем номере сообщалось об открытии этого молитвенного дома 19 мая 1946 года.²⁵ Дальнейшая информация с Сахалина относится уже к

1975 году – это сообщение об избрании на пресвитерское служение в Александровской церкви С. М. Павлушина.²⁶ В 1977 году журнал сообщал о рукоположении пресвитера С. М. Павлушина.²⁷ В 1984 году появляется информация из Александровска-Сахалинского о кончине С. М. Павлушина, по этому поводу была опубликована биография этого видного деятеля баптизма на острове.²⁸

Интереснейшими и ценными историческими источниками являются опубликованные отчеты и сообщения о посещении сахалинских верующих представителями руководства ВСЕХБ – старшими пресвитерами по Дальнему Востоку. Первый отчет ст. пресвитера Е. Н. Раевского, в котором упоминается Сахалин, датируется 1955 годом и представляет собой образец демонстративной лояльности по отношению к государству. В рамках своей поездки по территории, находящейся в его ведении, кроме прочих районов Сибири и Дальнего Востока, Раевский посетил и Сахалин. Он писал: «Из Хабаровска я вылетел на самолете в Южно-Сахалинск. На аэродроме Южно-Сахалинска был встречен пресвитером Александровской общины ЕХБ на Сахалине... П. Т. Баранчук. Вместе с ним поехал на прием к госуполномоченному тов. С. П. Тулунову, с которым имел беседу по поводу Александровской общины, а также группы верующих Южно-Сахалинска. Собрание и беседа прошла в обильном благословении и закончилась чаепитием. Из Южно-Сахалинска мы с братом Баранчуком выехали до ст. Победная по сохранившейся бывшей японской железной дороге, оставшейся с маленькими японскими вагонами и паровозом. От ст. Победная нам пришлось ехать по очень трудному тракту на автомашине 180 километров. Особенно труден и опасен из-за узкой дороги перевал через Камышев хребет, но Господь сохранил нас, и мы благополучно прибыли в Александровск-Сахалинский. Александровская община ЕХБ на Сахалине состоит всего из 79 человек и имеет прекрасный молитвенный дом. Я провёл в этой общине 8 молитвенно-назидательных собраний, совершил хлебопреломление. Было одно деловое собрание общины с проработкой устава ВСЕХБ и указаний Всесоюзного Совета. **Сказал проповедь о мире, а также напомнил о военном вопросе.** Провел три заседания Совета, на которых было разрешено много вопросов, касающихся жизни церкви... Александровская община на Сахалине прекрасная, находится на правильном пути, имеет любовь и мир... В Алек-

²² *Сообщения из разных мест. Из Владивостока // Утренняя звезда. – Петроград. – 1922. – № 1–2. – С. 9.*

²³ *Материалы съезда Дальневосточного Отдела Всероссийского Союза Баптистов. 1921 г. // Слово истины. – 1921. – № 5–6. – С. 49.*

²⁴ *На полях работы нашего братства // Братский вестник. – 1946. – № 3. – С. 35.*

²⁵ *На полях работы нашего братства // Братский вестник. – 1946. – № 4. – С. 32–33.*

²⁶ *Из жизни поместных церквей. Сахалинская область // Братский вестник. – 1975. – № 3. – С. 78.*

²⁷ *Из жизни поместных церквей // Братский вестник. – 1977. – № 1. – С. 74.*

²⁸ *Из жизни поместных церквей // Братский вестник. – 1984. – № 4. – С. 78–79.*

сандровске я осмотрел музей каторги. **В этом музее показано, как раньше, при царизме, издевались над теми, кто боролся за свободу совести и жизни. Люди были закованы по рукам и по ногам в кандалы и приковывались к тачкам, так с этими тачками спали и жили.** Осмотрел я домик, где жил Чехов, где он работал над своей книгой «Сахалин». 6 января верующие Александровской общины провожали нас с братом Баранчуком на автобус. ...Наконец, я сердечно распрощавшись с братом Баранчуком, вылетел в Хабаровск»²⁹.

После долгого перерыва, с 1981 года, когда вновь начала действовать зарегистрированная властями община баптистов на острове (в Южно-Сахалинске), вновь появилась легальная возможность руководству баптистов посещать остров. Журнал сообщал в 1981 году: «В Южном Сахалине открылась новая церковь. Старший пресвитер брат Ю. А. Максимчук в феврале и марте месяце этого года побывал на Сахалине. Он посетил Александровскую и Южно-Сахалинскую церкви, а также отдельные группы верующих»³⁰. В 1987 году журнал вновь сообщал: «Старший пресвитер по Дальнему Востоку Ю. А. Максимчук посетил церкви и группы верующих евангельских христиан-баптистов и христиан веры евангельской Сахалинской области. ...В Южно-Сахалинской церкви евангельских христиан-баптистов было проведено членское собрание, на котором молодой брат А. П. Ляшок избран на диаконское служение. Ю. А. Максимчук посетил также верующих других мест, как

например: Александровск-Сахалинский, Тымовское, Мгачи, Макаров и другие...»³¹. В 1988 году сообщалось о том, что «в молитвенном доме Южно-Сахалинской церкви евангельских христиан-баптистов состоялся расширенный пресвитерский совет служителей церковью Сахалинской области. Это первый совет служителей церковью на этом острове за время существования там верующих евангельских христиан-баптистов и христиан веры евангельской», в совете участвовали представители руководства ВСЕХБ П. К. Шатров и Ю. А. Максимчук.³² С 1990 года информация «Братского вестника» свидетельствует об «открытии» области и либерализации отношения к религии и верующим всех конфессий, об участившихся контактах сахалинских верующих с миссионерами и единоверцами. 29 октября 1990 года в городе Южно-Сахалинске было совершено освящение нового молитвенного дома поместной церкви.³³

Таким образом, материалы конфессиональной периодической печати позволяют на местном уровне проследить историю религиозной жизни, выявить наиболее важные события в жизни местных религиозных общин и верующих, особенности государственной конфессиональной политики в регионе на каждом историческом этапе, выяснить место и роль событий религиозной жизни в контексте общественных и государственных явлений и событий каждого конкретного исторического периода. Конфессиональные периодические издания требуют дальнейшего исторического и источниковедческого исследования.

²⁹ Из отчета о поездке старшего пресвитера ВСЕХБ Е. Н. Раевского // Братский вестник. — 1955. — № 3. — С. 122–123.

³⁰ Из жизни поместных церквей // Братский вестник. — 1981. — № 3. — С. 78.

³¹ Из жизни поместных церквей // Братский вестник. — 1987. — № 4. — С. 69.

³² Из жизни поместных церквей // Братский вестник. — 1988. — № 1. — С. 86.

САХАЛИНСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ 1920-1930 ГОДОВ

Статья посвящена анализу публикаций центральных и местных периодических изданий, в которых отражается развитие сахалинского краеведения в 1920–1930 годах, как составной части краеведения советского. Выявляются основные тематические блоки краеведческой информации, отражающие эволюцию интереса советского государства и общества к различным направлениям сахалинского краеведения (естественно-географическому и историко-культурному). Особое внимание уделяется исследованию религиозной ситуации на Сахалине в контексте историко-культурного направления краеведения.

Ключевые слова: Сахалин, краеведение, пресса, естественно-географические исследования, историко-культурные исследования, религия.

SAKHALIN REGIONAL STUDIES IN CENTRAL AND FAR EASTERN PERIODICALS OF 1920-1930's

This article analyzes the publications of the central and local periodicals, which reflect the development of the Sakhalin regional studies in the 1920–1930's, as a part of the Soviet local history. It also identifies the main thematic blocks of information concerning local history and reflecting the growing interest of the Soviet state and society to various fields of Sakhalin Regional Studies (natural and geographic, historical and cultural). Special attention is given to the religious situation in Sakhalin, in the context of historical and cultural areas of local history.

Keywords: Sakhalin, local history, press, regional studies, natural and geographical studies, historical and cultural studies, religion.

Периодические издания 1920–1930 годов – один из интереснейших источников сведений о становлении советского краеведения на Дальнем Востоке. Руководством РСФСР, а затем СССР, краеведение официально признавалось делом нужным и полезным. А. В. Луначарский на первой Всероссийской конференции обществ по изучению местного края (1921) подчеркнул большое значение краеведения в формировании «возможно более точного, твердого и глубокого знания всех ресурсов страны»¹, в развитии национального самосознания. На той же конференции по инициативе Наркомпроса РСФСР был образован общеметодический и организационный центр движения – Центральное бюро краеведения (ЦБК). Главными средствами руководства краеведческим движением со стороны Центрального бюро краеведения служили издававшиеся им журналы «Краеведение» и «Известия Центрального бюро краеведения».

В условиях первоочередности задач восстановления и развития народного хозяйства центральное место в периодике ЦБК занимали вопросы изучения естественных производительных сил. Тем не менее, вопросам исторического краеведения также уделялось значительное

внимание. Это обусловило появление двух направлений в краеведении 1920–1930-х: производственное, или естественно-географическое (составление карт полезных ископаемых и т. п.) и историко-культурное. Оба эти направления были представлены в материалах по краеведению Сахалина, публиковавшихся в центральной и дальневосточной прессе.

Журнал «Краеведение» издавался в 1923–1929 годах в Ленинграде. В первом же номере излагались цель, задачи и программа журнала – он «должен стать <...> надежным посредником между центром и многочисленными краеведческими организациями»², осуществлять методическое руководство, координировать всю работу. Материалы группировались редакцией по разделам: статьи общего характера о задачах и методах краеведческой работы в области естественных и гуманитарных наук, программы и инструкции, хроника краеведческой жизни и библиография современной краеведческой литературы.

В статьях Ученого секретаря Читинского государственного областного музея им. Кузнецова А. Харчевникова «Дальне-Восточное краеведческое совещание и наши задачи на Дальнем Востоке»³ и В. К. Арсеньева «Районирование Даль-

¹ Из речи А. В. Луначарского на закрытии I краеведческой конференции // *Памятники Отечества*. – 1989. – № 1. – С. 23.

² От редакции // *Краеведение*. – 1923. – № 1. – С. 1–2.

³ Харчевников, А. Дальне-Восточное краеведческое совещание и наши задачи на Дальнем Востоке / А. Харчевников // *Краеведение*. – 1925. – № 3–4. – С. 306–312.

него Востока для преимущественного изучения тем или иным отделом Русского Географического общества»⁴ о. Сахалин обозначен как район исследовательской работы Дальне-Восточного краевого отдела Русского Географического общества в Хабаровске. В статье З. Матвеева «Краеведение на Дальнем Востоке»⁵, посвященной краеведческой исследовательской работе на Дальнем Востоке, упоминается экспедиция на Северный Сахалин, открывшая на восточном берегу острова ряд новых, имеющих промышленное значение нефтеносных месторождений. На западном берегу Сахалина было открыто новое крупное месторождение угля, в том числе ценные залежи коксового угля. Впервые, после длительного перерыва, экспедиция произвела технико-экономическую экспертизу и обследование всех предприятий Северного Сахалина по углю и нефти. Кроме того, выяснены дальнейшие перспективы горных и лесных богатств острова. В статье И. Правдина «Первая Конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока»⁶ освещается первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока (11–18 апреля 1926 года, г. Хабаровск). Одним из докладчиков, проф. А. А. Половинкиным, был поднят вопрос о соединении Сахалина с сушей при помощи плотины и сделан вывод о том, что никакого предпологавшегося холодного течения в Татарском проливе не существует, и сооружение плотины улучшения климата в Приморье не создаст.

Журнал «Известия Центрального бюро краеведения» издавался в Москве и Ленинграде в 1925–1929 годах. «Известия ЦБК» стали выходить по решению II краеведческой конференции СССР, которая признала, что нужен еще один печатный орган, специально посвященный информации. На его страницах публиковались относящиеся к краеведческому движению декреты и постановления высших органов государственной власти и управления, циркуляры, инструкции, правила, научные сообщения, библиография.

В небольшой заметке, посвященной Дальнему Востоку⁷, упоминается открытие на Сахалине отделения организованной в 1925 году Тихоокеанской научно-промысловой станции. В статье Бабикова «Об охране природы Дальне-Восточного края»⁸ упоминается об устройстве питомника для разведения дорогих сортов пушного зверя на о. Сахалине. В статье И. Правдина «Дальний Восток»⁹ рассказывается о рыбноводном заводе на Сахалине, построенном японцами и переданном советской власти. В рубрике «Разные известия» (№ 8, 1927) был напечатан некролог Л. Я. Штернберга, в котором упоминается ссылка на Сахалин, начало его краеведческой работы в 1889–1899 годах и устройство Сахалинского музея¹⁰.

В рубрике «Краеведная литература по СССР за 1928 год» упоминаются изданные в 1928 году дальневосточные краеведческие издания – работа В. Аболтина «Остров сокровищ. Северный Сахалин»¹¹ и Б. Еллинского «Сахалин. Черная жемчужина Дальнего Востока»¹².

В 1929 году на страницах «Известий ЦБК» была опубликована статья уполномоченного Главнауки на Дальнем Востоке Н. Н. Билибина, в которой автор с возмущением отмечает, что по краю еще не проведен учет памятников гражданской войны: «Сахалинский Окроно из центра знаменитой бывшей каторги написал такую поразительную вещь (№ 10835 от 29 августа 1927 года): “Памятников старины на Сахалине не имеется”»¹³.

В 1930 году журналы «Краеведение» и «Известия Центрального бюро краеведения» были объединены в журнал «Советское краеведение», выходивший в 1930–1936 годы в Москве. В статье Б. П. Задорнова (№ 11–12, 1930) богатые нефтяные месторождения Сахалина обозначены как важные объекты изучения.¹⁴ А в статье П. Гаттенбергера (№ 4, 1934) Сахалинское областное отделение Дальневосточного бюро краеведения названо в числе проявивших наибольшую инициативу и показавших наилучшие результаты работы.¹⁵

⁴ Арсеньев, В. К. Районирование Дальнего Востока для преимущественного изучения тем или иным отделом Русского Географического общества / В. К. Арсеньев // Краеведение. – 1925. – № 3–4. – С. 315–318.

⁵ Матвеев, З. Краеведение на Дальнем Востоке / З. Матвеев // Краеведение. – 1926. – № 4. – С. 540–543.

⁶ Правдин, И. Первая Конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока / И. Правдин // Краеведение. – 1927. – № 1. – С. 114–118.

⁷ Дальний Восток // Известия ЦБК. – 1926. – № 8. – С. 286.

⁸ Бабиков. Об охране природы Дальне-Восточного края / Бабиков // Известия ЦБК. – 1927. – № 1. – С. 22–23.

⁹ Правдин, И. Дальний Восток / И. Правдин // Известия ЦБК. – 1927. – № 2. – С. 61–63.

¹⁰ Известия ЦБК. – 1927. – № 8. – С. 289.

¹¹ Известия ЦБК. – 1928. – № 4. – С. 31.

¹² Известия ЦБК. – 1928. – № 8. – С. 32.

¹³ Билибин, Н. Н. Об организации массового изучения истории Д.-В. края / Н. Н. Билибин // Известия ЦБК. – 1929. – № 7–8. – С. 30–33.

¹⁴ Задорнов, Б. П. Задачи краеведения на Дальнем Востоке / Б. П. Задорнов // Советское краеведение. – 1930. – № 11–12. – С. 37–38.

¹⁵ Гаттенбергер, П. Состояние краеведческой работы в Восточносибирском и Дальневосточном краях / П. Гаттенбергер // Советское краеведение. – 1934. – № 4. – С. 67–70.

В 1936 году начинает выходить главный археологический журнал СССР – «Советская археология», в первом же номере в статье А. М. Золотарева «Ногликовская неолитическая стоянка (Восточный Сахалин)» рассказывается о раскопках в долине р. Тынь сахалинскими краеведами Аюян и Медведевым, давшими богатые материалы для характеристики неолита Сахалина.¹⁶

«Антирелигиозник», ежемесячный научно-методический журнал, орган исполнительного бюро центрального Совета Союза воинствующих безбожников (СВБ), издавался в 1926–1941 годы. Значительную ценность имеют размещавшиеся в нем материалы полевых исследований советских деятелей антирелигиозного движения, которые содержали не только материалы по современной религиозной ситуации в регионе исследования, но и справки по истории конфессий в регионе, этнографические наблюдения и т. п. Статья о состоянии религиозности населения Сахалина о об антирелигиозной работе на острове, опубликованная в этом журнале в ноябре 1931 года, была написана С. Урсыновичем – участником дальневосточной экспедиции, организованной кафедрой истории религий и атеизма Московского историко-философского института¹⁷, побывавшем на Сахалине в августе 1931 года.¹⁸ Статья С. Урсыновича представляет огромный интерес в связи с тем, что она предлагает вниманию читателя уникальные материалы – итоги единственного научного исследования религиозной жизни Сахалина и антирелигиозной работы на острове за весь советский период. В первой части статьи Урсынович приводит довольно пространную историческую справку о деятельности различных конфессий на острове, не забывая при этом так или иначе намекнуть на контрреволюционность, реакционность и вредность всех конфессий.¹⁹ Так, описывая историю православия на острове, он отмечал наличие здесь большого количества церквей и часовен, упоминал, в том числе, что в Александровске «имелась ... часовня, основанная, между прочим, по поводу спасения Николая II, в то время еще наследника, от покушения, произведенного в Японии».²⁰ Отмечал Урсынович, что «базирувавшийся в значительной мере свою карательно-исправительную систему на религии, долженствовавшей помочь каторге обратить каторжан в смиренных и верных основам капиталистического общества

обывателей, царизм поддерживал на Сахалине и другие религиозные организации, особенно наиболее крупные, как-то лютеранскую и католическую церкви и ислам...». Отмечая, что «в меньшей степени пользовались покровительством сектанты»²¹, автор явно кривит душой, так как, будучи специалистом-религиоведом, тем более – юристом, он не мог не знать, что в период Российской империи сектанты не просто не пользовались покровительством власти, но, напротив, подвергались постоянным гонениям и репрессиям. Однако, и их было в чем обвинить: «Расцвет их влияния на Сахалине связан главным образом уже с японской оккупацией 1920–1925 годов, когда на острове оформились евангелические организации не без поддержки японских интервентов»²². Уделяет внимание автор и религиозному состоянию коренных народов Сахалина и истории их христианизации в дореволюционный период. Довольно живописно он преподносит и общую картину истории острова в период революции, гражданской войны и интервенции 1920–1925 годов, отмечая, что духовенство «наряду с чиновничеством, получая поддержку от японской казны, заняло в... хоре подпевал оккупации одно из первых мест»²³.

Гораздо больший научный интерес представляют приведенные автором результаты исследования им религиозной ситуации на острове в 1931 году. Этому посвящены II и III разделы статьи. II раздел полностью отведен описанию состояния сектантства на советской части Сахалина. В этот период православная церковь, на которую обрушились целенаправленные репрессии в первые годы советской власти, была уже обескровлена и нейтрализована и главным врагом стали сектанты всех видов, успевшие в 20-е годы усилить свое влияние и вырасти численно. По сведениям Урсыновича, появившиеся в годы оккупации евангельско-христианские общины на Сахалине успешно действовали вплоть до начала 30-х годов. Он приводит статистические данные, персональные характеристики деятелей общин и т. п. Обвиняя местных безбожников в недостаточном внимании к деятельности сектантов, он приводит собственные наблюдения, выявляет не только появившихся баптистов и адвентистов, но и описывает секты, трудно поддающиеся идентификации. Лишь в конце раздела он упоминает и о распаде православных общин, закрытии к

¹⁶ Золотарев, А. М. Ногликовская неолитическая стоянка (Восточный Сахалин) / А. М. Золотарев // Советская археология. – 1936. – № 1. – С. 273–274.

¹⁷ Судя по материалам журнала, этот институт отправлял экспедиции в различные районы страны. Например: Кривелев, И. Дети сектантов (по материалам экспедиции Ист-фил. института в Ессентукский и Прохладненский районы Сев. Кавказа) / И. Кривелев // Антирелигиозник. – 1932. – № 1. – С. 18–22.

¹⁸ Урсынович, С. Религиозные и антирелигиозные движения на Советском Сахалине / С. Урсынович // Антирелигиозник. – 1931. – № 11. – С. 14–27.

¹⁹ Там же. – С. 14.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. – С. 15.

²³ Там же. – С. 17.

1930 году всех православных церквей, рисует карикатурные портреты последних православных священников (М. Ахлестина, Скворцова и А. Гневушева).²⁴ В III части автор рассматривает деятельность католической и лютеранской общин на острове также с позиций «разоблачения» и «критики», пишет об отсутствии мусульманской общины.²⁵ Интерес в этой части статьи представляет описание быта и религиозных взглядов коренного населения острова начала 30-х годов. Автор в целом приходит к выводу о господстве язычества, описывает медвежий праздник, шаманизм аборигенов (на примере нивхов), приводит статистические данные о численности шаманов.²⁶ IV часть статьи посвящена антирелигиозному движению. В ней отмечается, что антирелигиозное движение началось на острове в 1925–1926 году, в 1926 году была организована первая ячейка СВБ – 35 человек. Однако, до 1929 года антирелигиозная работа велась вяло. Оживилась она только с конца 1929 года, следствием чего стало закрытие всех церквей в 1930 году. Интересна и статистика, приводимая Урсыновичем – в середине 1930 года на Сахалине было 800 членов СВБ и около 20 ячеек.²⁷ Однако и после этого активизации работы СВБ не произошло, что привело к стихийному образованию антирелигиозных кружков на местах, которые, не имея руководства со стороны СВБ, допускали серьезные перегибы – описывает, например, случай, когда члены антирелигиозного кружка пограничников разрушили гиляцкое кладбище, чем, естественно, настроили против себя местное население.²⁸

В заключение, делая вывод о необходимости развития на Сахалине антирелигиозной работы и предлагая рекомендации для налаживания этой деятельности, С. Урсынович отмечал, что «имеющиеся здесь религиозные организации, и сектантские в первую очередь среди них, это – на Дальнем Востоке прежде всего политические организации, концентрация враждебных социалистическому строительству и совласти сил».²⁹

Краеведческие исследования Сахалина велись и на местном уровне, что отражалось в дальневосточной прессе. Большую роль в развитии краеведческой работы и ее координации

сыграл в 1920–1930 годы созданный в 1923 году при Дальневосточном государственном университете Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт краеведения (ДВКНИИ-ИК). В круг основных задач института входили: планомерное изучение Дальнего Востока, научное исследование отдельных вопросов культурного и хозяйственного строительства края, изучение туземных народностей, населяющих край.³⁰ В 1928–1931 годах ДВКНИИ-ИК выпускает бюллетень на русском и английском языках «Научные новости Дальнего Востока», где помещались известия о всех видах текущей научно-исследовательской работы Института.

В статье А. Уланова (№ 1–2, 1928) упоминается Александровск на Сахалине в связи с заменой работающих приборов акад. Б. Б. Голицына с механической регистрацией на горизонтальные сейсмографы системы директора Сейсмологического Института Академии Наук СССР проф. М. П. Никифорова с оптической регистрацией, так как данные именно этих приборов будут особенно важны при изучении ближних и японских землетрясений.³¹ В рубрике «Доклады в научных обществах и учреждениях г. Владивостока» указан состоявшийся 23 ноября 1928 года в Дальневосточном Краевом Научно-Исследовательском Институте доклад научного сотрудника С. М. Ткалича «Остатки ископаемых растений с о. Сахалина».³² В опубликованном на страницах «Научных новостей» (№ 1, 1929) плане научных работ на 1928–1929 годы предусмотрено изучение историко-экономических этапов развития Сахалина и изучение туземного вопроса на острове н. с. Т. С. Юркевичем.³³ В этом же номере сообщается о прочитанных 12 января 1929 года в горной секции Научно-Технического общества при ДВГУ лекциях «О нефтяной промышленности на о. Сахалине», «О геологии Охинского района на Сахалине», «Основные черты геологии Александровского каменноугольного рудника на о. Сахалине».³⁴

В статье П. П. Подервянского (№ 4–5, 1929) упоминается организация и проведение комплексного обследования бюро колонизационных исследований западного берега сев. Сахалина.³⁵

²⁴ Урсынович, С. Религиозные и антирелигиозные движения на Советском Сахалине / С. Урсынович // *Антирелигиозник*. – 1931. – № 11. – С. 20–21.

²⁵ Там же. – С. 22.

²⁶ Там же. – С. 23.

²⁷ Там же. – С. 25.

²⁸ Там же. – С. 26.

²⁹ Там же.

³⁰ Горкавенко, Н. Л. Из истории Дальневосточных краеведческих организаций (20–30-е гг.) / Н. Л. Горкавенко // VII Арсеневские чтения. – Уссурийск. – 1994. – С. 91–94.

³¹ Уланов, А. К открытию сейсмической станции во Владивостоке / А. Уланов // *Научные новости Дальнего Востока*. – 1928. – № 1–2. – С. 10–11.

³² *Научные новости Дальнего Востока*. – 1928. – № 1–2. – С. 14.

³³ *Научные новости Дальнего Востока*. – 1929. – № 3. – С. 16.

³⁴ Там же. – С. 23.

³⁵ Подервянский, П. П. О работе Отдела экономики и культуры Д. В. Краевого Научно-Исследовательского института / П. П. Подервянский // *Научные новости Дальнего Востока*. – 1929. – № 4–5. – С. 23–26.

В этом же номере сообщается о геологоразведочных работах на участке Арково-Широкая падь в западном угленосном районе Северного Сахалина, произведенных научным сотрудником Б. В. Витгефтом.³⁶ В № 1 за 1930 год упоминается предстоящее открытие на Сахалине пункта службы урожая.³⁷

На страницах дальневосточной прессы не краеведческого направления в 1920–1930 годы также затрагивались вопросы сахалинской тематики. В журнале «Советское Приморье» (№ 8, 1925) была опубликована большая статья дальневосточного краеведа Зотика Матвеева «Краеведение в Приморье в 1924/25 годы», в которой упоминается о Сахалине. Автор рассказывает о проходящих на Сахалине исследованиях Дальневосточного отдела Геологического комитета Дальнего Востока и о планах Владивостокской метеорологической обсерватории восстановить метеорологическую сеть на Сахалине.³⁸

Издававшаяся с 1920 года в г. Чите, а затем в г. Хабаровске газета «Дальневосточный путь» (в 1925 году переименована в «Тихоокеанскую звезду») на своих страницах периодически публиковала статьи и заметки об о. Сахалине. Например, в статье «Краеведческая работа в Приморье» (23 мая 1925 года) рассказывается о работе на Сахалине Дальневосточного отдела Геологического комитета Дальнего Востока и о планах Владивостокской метеорологической обсерватории восстановить метеорологическую сеть на Сахалине.³⁹ Ста-

тья «Музейные экспонаты о каторге» (28 мая 1929 года) рассказывает о новой выставке краевого музея, посвященной каторге на Дальнем Востоке и о представленных на ней сахалинских экспонатах.⁴⁰ В статье М. Тарасова «Состояние и перспективы исторической работы» упоминается о просьбе сахалинских краеведов в Хабаровск дать инструкции и темы для исторических разработок и о том, что с первым же аэропланом было послано подробное письмо от историко-революционной секции ДВ общества краеведения.⁴¹

Газета «Советский Сахалин» (издается с мая 1925 года) регулярно сообщала о развитии краеведения на Сахалине. В статьях «К организации Сахалинского музея» (7 июня 1925 года), «Краеведчество» (13 декабря 1925 года), «В краеведческом кружке» (6 января 1926 года)⁴² рассказывалось о восстановлении музея в г. Александровске, об образовании в декабре 1925 года Общества изучения Северного Сахалина под председательством В. Я. Аболтина.

В целом центральные и дальневосточные периодические издания оказались ценными источниками по истории дальневосточного и, в частности, сахалинского краеведения. Работа с прессой позволила выявить основные направления краеведческих исследований периода 1920–1930 годов, учреждения, которые занимались краеведческой работой на центральном и местном уровнях, персоналии, тематику этих исследований.

³⁶ *Научные новости Дальнего Востока.* — 1929. — № 4–5. — С. 27.

³⁷ *Научные новости Дальнего Востока.* — 1930. — № 1. — С. 30.

³⁸ *Матвеев З. Краеведение в Приморье в 1924–25 гг. // Советское Приморье.* — 1925. — № 8. — С. 99–104.

³⁹ *Краеведческая работа в Приморье // Дальневосточный путь.* — 1925. — 23 мая.

⁴⁰ *Музейные экспонаты о каторге // Тихоокеанская звезда.* — 1929. — 28 мая.

⁴¹ *Тарасов, М. Состояние и перспективы исторической работы / М. Тарасов // Тихоокеанская звезда.* — 1930. — 21 февраля.

⁴² *К организации Сахалинского музея // Советский Сахалин.* — 1925. — 7 июня; *Краеведчество // Советский Сахалин.* — 1925. — 13 декабря; *В краеведческом кружке // Советский Сахалин.* — 1926. — 6 января.

КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ САХАЛИНА В ЖУРНАЛЕ «ИЗВЕСТИЯ ГУБЕРНАТОРСТВА КАРАФУТО»

В статье рассказывается об основанном в 1937 году журнале «Известия губернаторства Карафутто» и его основной теме – описании различных областей жизнедеятельности коренных жителей Сахалина, а также Сибири. Автором приводится список журнальных статей, посвященных материальной и бытовой культуре сахалинских айнов, уйльта, нивхов и проживавших в центральной части острова якутах.

Ключевые слова: Сахалин, Отасу, «Известия губернаторства Карафутто», айны, уйльта, нивхи, якуты.

SAKHALIN'S ABORIGINALS IN THE MAGAZINE "PROCEEDINGS OF KARAFUTO'S GOVERNORSHIP" OFFERS INSIGHT INTO SAKHALIN NATIVES' LIFE

The article refers to the magazine "Proceedings of Karafuto's governorship" founded in 1937. Its main topic is the description of Sakhalin and Siberian natives' lifestyle. The author gives a list of the magazine articles devoted to material and domestic culture of the Ainu, Nivkhs and Oroks as well as the Yakuts residing in the central part of the island.

Keywords: Sakhalin, Otasu, "Proceedings of Karafuto's governorship", the Ainu, the Nivkhs, the Oroks, the Yakuts.

«Известия губернаторства Карафутто» – это журнал, который был основан в губернаторстве Карафутто сразу после Японско-китайского инцидента, в 1937 году. Согласно Русско-японскому мирному договору 1905 года, южная часть острова Сахалин перешла Японии, которая в 1907 году для управления колониями основала в городе Тоёхара (современное название – Южно-Сахалинск) административный центр губернаторства Карафутто. До 1937 года в губернаторстве выходила «Ежедневная газета Карафутто», которая, согласно постановлениям Японии и губернаторства Карафутто, являлась изданием правительственной ориентации. Именно поэтому позже для жителей южной части острова стали издавать ежемесячный журнал. Так появились «Известия губернаторства Карафутто». За написание статей отвечали сотрудники губернаторства, которые поручали это специалистам со стороны или писателям. Предполагалось, что в журнале будут рассказывать о втором поколении японцев, переселившихся с основной территории страны. Это могло бы сформировать отличный от того, что существовал за пределами острова, образ Карафутто. После переименования «Известий губернаторства Карафутто» в «Вестник Карафутто» (это произошло в январе 1939 года), в редакции серьезное значение стали придавать

литературной составляющей сборника. Нужно было показать сознание жителей Карафутто, запечатлеть местный колорит. Дружеский стиль журнала смог сократить расстояние между островными читателями и исследователями Карафутто.¹

Прежде всего, для развития колонизации на Карафутто, который географически стал островом, разделенным между двумя государствами, были необходимы исследования во всех областях, начиная с промышленности (это являлось одной из основных задач). Также важным было информировать островитян о положениях в управлении губернаторством, а именно: о содержании вступающих в силу законов, об основных принципах колонизации. Журнал, кроме прочего, содействовал в популяризации исследований, касающихся промышленности и культуры острова.² Одним словом, по мере того, как губернаторство Карафутто призывало островитян к чтению журнала, происходило постепенное объединение администрации и населения. После Японско-китайского инцидента через журнал осуществлялась подготовка к всеобщей мобилизации.³

До того, как русские и японцы стали продвигаться на Сахалин, здесь жили его коренные народы: айны, нивхи и уйльта. Начиная с XX века,

¹ Информация взята из следующего источника: Арасава Катумаро. Следы журналов прошлого губернаторства Карафутто // Известия губернаторства Карафутто. – Вып. 1–3. – Токио : Курэсу, 1992.

² Имамура Такэси, губернатор Карафутто. Публикуя «Известия губернаторства Карафутто» // Известия губернаторства Карафутто. – 1937. – № 1.

³ В начале 2-го номера повторно упоминаются основные причины публикации журнала: показ основного курса колонизации острова, создание правильного понимания у островитян, объединение сил, быть органом «слияния государства и народа».

на Сахалин из Сибири переезжали малочисленные группы якутов.

Первое знакомство японцев с Сахалином началось в эпоху Эдо (новое время) с княжества Мацумаэ, которое располагалось в то время на острове Эдзо (старое название острова Хоккайдо). С этого времени сёгунат вместе с княжеством Мацумаэ отправил отряд для исследования острова и основания в селении Кусун-Котан (современное название – Корсаков) рыбного и сторожевого постов. Для этого начали устанавливать отношения с айнами, проживающими на юге острова Сахалин. Связи же с другими народами (нивхами, уйльта и якутами) японское правительство всерьез стало налаживать только после Русско-японской войны. Кроме того, поскольку по Санкт-Петербургскому договору 1875 года остров Сахалин перешел в собственность России, японские антропологи, лингвисты или обычные путешественники стали контактировать с местными коренными народами только после 1905 года. По этой причине именно с 1905 года начинает увеличиваться число научных трудов и путевых заметок о коренных народах Сахалина. Согласно Тосихико Кикиути, работы о сахалинских коренных малочисленных народах в зависимости от времени написания можно разделить на два периода.⁴ Первый – с момента окончания Русско-японской войны, когда южная часть острова стала принадлежать Японии, до 1929 года. В этот период на остров приезжал сотрудник лаборатории антропологии Токийского императорского университета Сёгоро Цубои, а также его ученики: Сюдзо Исида и Рюдзо Тории. Из лингвистов, посетивших остров, следует выделить преподавателей педагогического института города Хиросима.⁵ Воспользовавшись «Николаевским инцидентом», Япония с 1920 по 1925 годы оккупировала северную часть Сахалина. Вместе с расширением территории, на которую распространялось японское влияние, Рюдзо Тории начинает антропологическое изучение малочисленных народов северной части Сахалина, оставив после себя значительные исследования (в это время он встречался даже с «королем оленей» – Дмитрием Винокуровым, который после отступления японцев с северной части острова иммигрировал на юг Сахалина).⁶

Второй период приходится на 1930 годы, когда увеличивается число работ о нивхах, уйльта и якутах. Во второй половине 1920 годов в округе Сикука (современное название – Поронайск) для коренных жителей острова было основано поселение Отасу (его также часто называли «Роща Отасу»). Это поселение стало одним из мест туристического маршрута Карафуту.⁷ Кроме исследователей и обычных туристов, в Отасу побывали даже члены императорской семьи.

Коренные жители острова неоднократно появляются на страницах журнала «Известия губернаторства Карафуту». Разведение северных оленей и традиционный образ жизни коренных народов в условиях сильного холода (он описывался в таких словах, как «северный» или «карафутский»), приветствовалось в губернаторстве Карафуту, где после Японско-китайского инцидента старались выйти из системы всеобщей мобилизации. В журнале рассказывалось об идентичности и самобытности островитян.⁸

Приведем список статей, которые были напечатаны в журнале «Известия губернаторства Карафуту». Согласно Тосихико Кикиути, этот список входит в библиографию о коренных народах Карафуту.⁹

1. 1937 год, выпуск № 6: Хидэя Кавамура «Жизнь и обычаи коренного населения ороков и гиляков»;

2. 1938 год, выпуск № 20: Такэси Хаттори «О первобытном племени гиляков на севере нашей страны»;

3. 1939 год, выпуск № 24: Хидэя Кавамура «Религия аборигенов Карафуту»;

4. 1940 год, выпуск № 38: Рюдзи Сэкигути «Сказание об ороках»;

5. 1940 год, выпуск № 41: Такэси Хаттори «Сказка о гиляке и тигре»;

6. 1941 год, выпуски № 48–49: Такэси Хаттори «Сборник народных сказок Южного Карафуту (1–2)»;

7. 1941 год, выпуск № 52: «Предания и сонник гиляков»;

8. 1942 год, выпуск № 58: Краеведческий музей губернаторства Карафуту «Материалы для исследования народных обычаев якутов и ороков на Карафуту»;

⁴ Кикиути Тосихико. *Комментарии к 23 тому «Собрания народных обычаев севера» // Народные обычаи севера: народы Сахалина и Курильских островов, сост. Танигава Кэнъити. — Токио : Санъити сёбо, 1997. — С. 556–563. В действительности составителем являлся сам Кикиути Тосихико.*

⁵ Кроме этого, исследования малых народов проводили: Нагао Сукэроку (*ун-т Васэда*), Сэйно Кэндзи (*ун-т Киото*), Такахаси Моритака (*Кансайский ун-т*), Магата Хисахару (*промышленный техникум Фукусима*), Касай Такэтиё (*сотрудник администрации губернаторства Карафуту, начальник почты поселка Тоннай, директор школы того же поселка*), Сэнтоку Тародзи (*см. Кикиути Тосихико. — С. 556*).

⁶ Тории Рюдзо. *О народах северного Карафуту // Журнал по географии. — 1920. — Сб. № 34. — Вып. № 399.*

⁷ В 1930 году был напечатан памфлет о «глубинках» Карафуту, включая поселения Отасу (*Исследовательское общество Сикука. Путеводитель в глубь Карафуту ; Коно Мотомити. Материалы по истории айнов. — Хоккайдо : Сюппан кикаку сэнта, — 1980. — № 6*).

⁸ См. Арасава Катутаро. — С. 3–4.

⁹ См. Кикиути Тосихико. — С. 558–562.

9. 1942 год, выпуск № 58: Юко Ямамото «Палатка (записки из жизни якутов на Карафуту)».

Рассмотрев также статьи, не вошедшие в приведенный выше список, вместе с фотографиями, связанными с коренными жителями острова в журнале «Известия губернаторства Карафуту» (далее в тексте название журнала дается сокращенно – «Известия»), хотелось бы показать, как изображались коренные жители острова и какое место они занимали в формировании образа Карафуту.

Карафуту, ставший родиной, и его коренные жители

В третьем номере «Известий» были опубликованы две островные песни, отобранные в журнал на конкурсной основе: «Карафуту – хорошее место» и «Продолжаем осваивать Карафуту». Как пояснялось в журнале, в губернаторстве Карафуту, как и в Корее и на Тайване, создание островных народных песен помогало в освоении новой родины, а сами песни являлись гордостью жителей, занимающихся колонизацией.¹⁰ Если взглянуть на тексты этих двух песен, то можно увидеть, что они несли в себе разные идеи, каждая из которых ясно выражала образ Карафуту. Этот образ и стремилась распространить администрация губернаторства через журнал «Известия».

Песня «Карафуту – хорошее место» была создана при поддержке губернаторства, стихи были отобраны в результате объявленного конкурса для «Ежедневной газеты Карафуту» («Карафуту нити-нити симбун»), их доработал Хакусю Китахара, а композитором и аранжировщиком стал Носё Оокура. В песне всего шесть куплетов. В стихах создается впечатление от путешествия, воспеваются образы севера: начиная с Татарского пролива (в японском варианте – пролив Мамия), селедки, пустоши, пастбища, неба, границы по 50-й параллели и заканчивая белой березой, елью и утренним туманом. В этой песне также появляется женщина коренного народа айну, о любви которой повествуется в третьем куплете. А в следующем (четвертом) куплете поется о женщине народа уйльта и о поселке Отасу, который находился в холодной зоне тундры: «Река Поронай. Девушка-орочанка погоняет холодным кнотом оленей, что везут сани. В поселке Отасу метель». Коренные жители острова становятся одним из впечатлений, которое остается во время путешествия по Карафуту.

Песня «Продолжаем осваивать Карафуту» была отобрана по рекомендации «Ежедневной газеты Карафуту». Текст песни включает в себя четыре куплета, в которых поется о природе Карафуту, где под «влиянием самого императора» продолжается освоение земли, с начало которого прошло уже 30 лет, а также о задаче, возложенной на поселенцев. В зарисовках развиваю-

щегося Карафуту коренные жители острова не упоминаются.

В четвертом номере журнала сообщалось о продаже со скидкой проездных билетов на туристические поездки. Это было сделано, чтобы привлечь внимание к Карафуту как к туристическому месту.¹¹ Чтобы заинтересовать туристов, нужно было, чтобы сами жители живописных мест острова понимали эту задачу, также было необходимо создать хороший образ Карафуту – об этом рассказывалось в журнале островитянам.

Но было одно противоречие в образе Карафуту, который создавало само губернаторство. Формирование нового туристического маршрута ставило своей целью познакомиться с промышленностью и культурой Карафуту, которые были проникнуты духом освоения новой земли¹², а также опровергнуть мнение японцев о том, что место, где живут айны, холодное и неплодородное. Новый туристический маршрут проходил не только через южные города Карафуту: Оодомари – Тоёхара – Масака – Хонто, но и включал город Сикука, расположенный рядом с границей, в особенности рекомендовалось совершить «путешествие в глубинку острова» – к северу от города Сикука. В окрестностях Сикуки можно было познакомиться с достопримечательностью этих мест – первобытным образом жизни коренных народов острова, проживающих в Отасу. Создание такого маршрута было сделано для того, чтобы показать отличие Карафуту от схожего с ним по климату севера Хоккайдо. Поселение карафутских айнов – Тарантомари (современное название – поселок Калинино) – представлялось сказочным краем с таинственным видом на озеро Райтиси (современное название – озеро Айнское).

Иными словами, несмотря на создание образа развивающегося Карафуту, губернаторство, желая показать самобытность Карафуту с помощью туризма, призывало путешествовать в неосвоенные районы. Цель основания журнала и заключалась в создании такого двойственного образа Карафуту с точки зрения туристического места, который бы соотносился с образом Карафуту как родного края. Примерами служили упомянутые выше образы коренных народов, которые появляются и в островных песнях Карафуту, и в туристическом маршруте.

Образ коренных народов Севера больше всего представлен в последнем пятидесят восьмом номере журнала. В этом номере публиковались работы краеведческого музея Карафуту «Материалы для исследования народных обычаев якутов и ороков на Карафуту» директора музея Юко Ямамото «Палатка (записки из жизни якутов на Карафуту)», Масао Хакодзаки «Наброски о народах севера», в которых упоминались коренные народы Отасу. С точки зрения отличий

¹⁰ *Известия губернаторства Карафуту*. – 1937. – № 3. – С. 295.

¹¹ *Отдел железнодорожного транспорта*. «Установление скидок на билеты на Карафуту» // *Известия губернаторства Карафуту*. – 1937. – № 4.

¹² *Известия губернаторства Карафуту*. – 1937. – № 4. – С. 184.

с Хоккайдо и в сравнении с карафутскими айнами, коренные народы Отасу воплощали в себе образ севера, поэтому их и выбирали для исследований. Но была и другая причина, проявившаяся в военное время. Согласно данным по бюджету губернаторства Карафуту тех лет, полицейское управление в военный период использовало коренные народы, за исключением карафутских айнов, в шпионских целях против Советского Союза.¹³ В это же время японская военная миссия прислала приказ о созыве резервистов из числа молодежи, проживающей в Отасу.¹⁴ На Карафуту, который имел общую границу с Советским Союзом, военную силу представляли не только коренные народы, но и многочисленные переселенцы, ставшие жителями острова: для сохранения японской территории Сахалина в военное время особое внимание обращали на традиционную культуру ее жителей. Полагали, что для выживания была важна даже не определенная жизненная мудрость, а духовность.¹⁵ Хотелось бы обратить внимание на связанные с этим причины, которые хорошо описаны в статье Масао Хакодзаки.

Изображения якутов Масао Хакодзаки, проживающих в тундре и занимающихся разведением северных оленей, выходят красивыми, в какой-то степени литературными. Заслуживающий уважения образ жизни якутов, выдерживающих суровый климат, как нельзя лучше подходил к образу Карафуту. Приведем пример одной зарисовки: «На широких просторах тундры, под чистый звон колокольчика, звенящего в зимнее небо, мчатся сани в оленьей упряжке – и нет зрелища прекраснее и величественнее этого. Вид длинной вереницы саней был сказочно красив. Я вспомнил картинку, которую часто видел в детстве: Санта-Клаус с большим мешком на плече возвращается на луну в санях, вид тундры с оленями переполнял меня таким фантастическим очарованием»¹⁶. В этом номере также были опубликованы фотографии коренных жителей, лица которых выражают очень большую жизненную силу. Статья Масао Хакодзаки заканчивается так: «В их жизни, которая проходит на лоне величественной природы, есть красивый мир души, о котором мы, люди цивилизации, уже забыли. Но и по этой спокойной северной

земле собирается ударить волна сегодняшнего духа времени. Именно в этот момент впервые сможет проявиться их опыт и знания»¹⁷.

С расширением фронта боевых действий коренные жители действительно включаются в систему мобилизации.

Освоение Карафуту и коренные народы

Одной из необходимых составляющих позитивного образа Карафуту как колонии являлась национализация коренных народов. Начиная с седьмого номера, в журнале по частям выходили публикации под названием «Сложившаяся ситуация глазами детской души». Как можно понять из названия, публиковались сочинения и рисунки детей, связанные с войной. Публиковавшиеся произведения не только изображали детей, восхваляющих войну, но и рассказывали о том, как жизнь детей, очень чутко воспринимающих происходящее, наполнялась горем, когда взрослые уходили и не возвращались.¹⁸ В этих публикациях также фигурировали коренные народы. В одиннадцатом номере журнала вышла пятая публикация из серии «Сложившаяся ситуация глазами детской души», в которой карафутский айн, ученик четвертого класса младшей школы Томихама (школа располагалась на территории современного Долинского района) и два ученика шестого класса образовательного центра Сикука, нивх и уйльта, нарисовали воина с винтовкой, самолет с эмблемой японского флага в виде солнца и танк. Государственное образование карафутских айнов начинается в 1909 году, тогда как образовательный центр для других коренных народов был основан в Отасу в 1930 году, где наряду с профессионально-техническими предметами преподавали также японский язык и этику. Можно сказать, что эти двое ребят, нивх и уйльта, принадлежали к первому поколению детей коренных народов, у которых вводилось национальное образование. Они же спустя несколько лет были первым поколением среди уйльта и нивхов, кого в качестве солдат мобилизовали на войну.¹⁹

Поскольку подготовка места проживания и введения образования у карафутских айнов проходила раньше, и уже в 1875 году после заключения русско-японского договора были люди,

¹³ Като Аяко. *Охрана границ губернаторством Карафуту и сахалинские малочисленные народы – на материале бюджета губернаторства Карафуту 1930–1940 гг.* // *Народы Хоккайдо.* – 2010. – № 6.

¹⁴ Танака Рё, Д. *Гэндану. Гэндану: драма северных народов.* – Изд-во : Гэндай Сюттанкай, 1978. – С. 16.

¹⁵ Хакодзаки Масао. *Наброски о народах севера* // *Известия губернаторства Карафуту.* – 1942. – № 58. – С. 80.

¹⁶ См. Хакодзаки Масао. – С. 87.

¹⁷ Там же. – С. 88–89.

¹⁸ *Губернаторство Карафуту стало публиковать в журнале настроения детей – это была одна из особенностей журнала, который «шел навстречу» островным жителям. Сложившаяся ситуация глазами детской души (1)* // *Известия губернаторства Карафуту.* – 1937. – № 7.

¹⁹ *Об истории коренных народов Отасу, призванных на военную службу см. : Танака Рё, Д. Гэндану).* Также в конце Второй Мировой Войны коренные народы организовали добровольные войска (Ёмиури хоти, 25 июля 1945 г., утренний выпуск).

которые переселялись в Японию, получив образование, а также по причине того, что в 1932 году все айны Карафуту были обязаны нести воинскую повинность, продолжали проводить ассимиляцию среди других малочисленных народов.

В 1939 году Суэдзо Сато, ведающий делами аборигенов Карафуту, в двадцать третьем номере журнала опубликовал статью «Бывшие туземцы Карафуту под управлением императора».²⁰ В этой статье сообщается о том, что по мере ассимиляции происходит исчезновение дискриминации в отношении карафутских айнов. Согласно Сато, в настоящее время между японцем и айном, которые ходят в одну и ту же школу, не наблюдается никакой дискриминации. Также Сато критиковал выставку достопримечательностей айнов на Хоккайдо, и говорил, что такого совершенно невозможно увидеть на Карафуту. Но туристический маршрут, о котором говорилось ранее, призывает смотреть на Карафуту именно карафутское, и показ достопримечательностей коренных народов, куда входят и карафутские айны, был неизбежен. В особенности для туризма подходили пейзажи севера Карафуту, где находилось поселение Отасу с нивхами и уйльта.

Одиннадцатый номер журнала был посвященным императорской армии. Это был спецвыпуск с фотографиями из тыла Карафуту после Японско-китайского инцидента. Печатались фотографии с изображением проводов солдат на железнодорожных станциях и пристанях, людей, молящихся о победе, визита губернатора Карафуту вместе с женой к семье умершего. Встречаются среди них и изображения представителей коренных народов, которые так же, как и японцы, молились в храме о военной удаче – четыре длиннородых айна, посещающие храм в Тарантомари и фигуры уйльта и нивхов, молящихся в группе в храме Отасу.

Также на развороте девятнадцатого номера журнала была изображена модернизация Отасу: использование культиватора для расчистки земли, построившиеся мужчины с лопатами в руках, красивые женщины в рабочей одежде, держащие черпаки. К фотографии давалось пояснение, что они, ставшие японскими подданными благодаря национализации, глубоко признательны за то, что произошла капитуляция китайского города Ухань в ходе Японско-китайской войны.²¹

В словках новой «Островной песни Карафуту», опубликованной в девятнадцатом номере жур-

нала, не фигурируют айны, уйльта или нивхи.²² В ней поется о любви к родному краю: о море, черномоземе, большой медведице – символе севера. Наверное, коренные народы, жившие в родных краях, полностью «ассимилировали» с подданными империи.

Статьи местных докладчиков

Усиление системы мобилизации на острове, проводившейся с помощью «Известий», заключалось в изображении родных мест и информировании населения об эффективности национализации в колониях. При этом коренные народы всегда предстают как пассивные.

Якут Винокуров, известный как «король оленей» в Отасу, был человеком панasiatских убеждений и вел свою деятельность как на Карафуту, так и за его пределами (иногда сообщалось о его нахождении на основной территории Японии). В 1938 году Винокуров был арестован по подозрению в шпионаже, а вскоре после своего освобождения из-за истощения душевных сил он прекратил политическую деятельность, которую проводил до этого.²³ Упоминание о нем можно найти в тридцать шестом выпуске журнала: «...якут Винокуров имел много оленей, за что и получил прозвище “король оленей”».²⁴

Но были статьи, которые рассказывали о другом образе коренных народов. Их автор, Хидэя Кавамура, был учителем в образовательном центре Отасу. Он (вместе со своей женой) стал единственным японцем в Отасу, а также явился автором статей, выражающих близкую позицию к коренным народам.

Он несколько раз писал для журнала статьи о коренных народах или сахалинских хаски (японское название «Карафуту-Кэн» – породе собак. В шестом номере журнала была опубликована его статья под названием «Жизнь и обычаи коренного населения ороков и гильков».²⁵ В статье откровенно рассказывается о жизни коренных народов тех времен. Хидэя Кавамура приводит важные описания антропологического и этнографического характера, дает ценные материалы, которые позволяют взглянуть на коренные народы новыми глазами. Например, изображение молодых людей в рубашках, галстуках и фетровых шляпах; женщин в кимоно, поющих японские песни – нарядившись, они ездили в город в начале лета на экскурсию, в кино или кафе. Такие действия коренных жителей вызывали критику со сторо-

²⁰ Название «бывшие туземцы» применялось к народности айнов (в настоящее время ни словосочетание «бывшие туземцы», ни просто «туземцы» не используются, поскольку они несут дискриминирующий оттенок в отношении коренных народов).

²¹ Известия губернаторства Карафуту. – 1938. – № 19.

²² Островная песня Карафуту – песня, прошедшая отбор // Известия губернаторства Карафуту. – 1938. – № 19.

²³ Вишневецкий, Николай. Отасу: История северных малочисленных народов Сахалина (пер. Осанай Митико, комментарий Кикучи Тосихико) / Николай Вишневецкий. – Славянский исследовательский центр университета Хоккайдо, 2005. – С. 90–93.

²⁴ Известия губернаторства Карафуту. – 1940. – № 36.

²⁵ Известия губернаторства Карафуту. – 1937. – № 6.

ны японцев. Но Кавамура хотел, чтобы к такому расточительству коренных жителей, у которых не было никаких развлечений, относились с пониманием.

Кроме традиционного разведения северных оленей и сахалинских хаски, отмечалось также, что коренные народы занимались еще и охотой и рыболовством, и поэтому вели подвижный образ жизни – они нарушали границы не потому, что у них не было понятия государственной границы. К тому же из-за процветания лесозаготовок сокращалась добыча леса. Кроме этого, можно было узнать о социальном положении коренных народов: высоком проценте заболевания сифилисом, проблеме браков с другими народами и др. Образ коренных народов, не проявлявших интерес к сельскому хозяйству, отличался от образа верных подданных, над которыми проводилась национализация.

Выше мы рассмотрели, какими предстают коренные народы острова на страницах журнала «Известия». Эту тенденцию очень просто понять. С одной стороны, чтобы привить многочисленным переселенцам любовь к новому краю, коренные жители острова изображаются как неотъемлемая часть в описаниях сахалинской природы; с другой стороны, коренные жители острова никак не препятствовали в освоении земли и считались верными подданными империи. Эти два образа коренных народов острова формировались в губернаторстве Карафуту. Но были и такие статьи, в которых рассказывалось о повседневной жизни коренных народов. Это были статьи, подобные работам Хидэя Кавамура. В таких исследованиях на основе опыта выража-

лась позиция местного населения, практически не ограниченная условиями времени. Это также было одной из особенностей образа коренных народов, который изображался в журнале «Известия губернаторства Карафуту».

Литература

1. Тории Рюдзо. О народах северного Карафуту // Журнал по географии. – 1920. – Сборник № 34. – Выпуск № 399.
2. Губернаторство Карафуту // Вестник Карафуту (Библиотека университета Хоккайдо), 1939–1942.
3. Известия губернаторства Карафуту (Выпуски № 1 (1937.5) – № 58 (1942.4), в 7 томах). – Токио : Курэсу, 1992.
4. Танака Рё, Д. Гэндану. Гэндану: драма северных народов. – Изд-во : Гэндайси Сюппанкай, 1978.
5. Народные обычаи севера: народы Сахалина и Курильских островов, сост. Танигава Кэнъити. – Токио : Санъити, 1997.
6. Коно Мотомити. Материалы по истории айнов. – Хоккайдо : Сюппан кикаку сэнта, 1980. – № 6.
7. Вишневский, Николай. Отасу: История северных малочисленных народов Сахалина. (пер. Осанай Митико, комментарий Кикиути Тосихико) / Николай Вишневский. – Славянский исследовательский центр университета Хоккайдо, 2005.
8. Като Аяко. Охрана границ губернаторства Карафуту и сахалинские малочисленные народы – на материале бюджета губернаторства Карафуту 1930–1940 гг. // Народы Хоккайдо. – 2010. – № 6.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Боронец Анжелика Валерьевна, главный библиограф информационно-библиографического отдела Сахалинской областной универсальной научной библиотеки.

Бубнова Валентина Олеговна, сотрудник Радио «Сахалин» ГТРК «Сахалин».

Букчин Семен Владимирович, профессор, член Международного ПЕН-клуба, доктор филологических наук. Автор работ по истории русской литературы и журналистики конца XIX – начала XX веков, русско-белорусско-польских литературных связей в XIX – начале XX веков, ряда исторических повестей, публицист.

Гридяева Марина Владимировна, советник архивного агентства Сахалинской области, кандидат исторических наук.

Гринько Людмила Николаевна, начальник отдела науки и педагогических инноваций Института развития образования Сахалинской области, кандидат филологических наук.

Зиновьева Наталья Васильевна, старший преподаватель кафедры журналистики Сахалинского государственного университета.

Ивамото Кадзухиса, профессор Университета Вакканай Хокусэй Гакуэн, доктор наук.

Иконникова Елена Александровна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, доктор филологических наук.

Иосько Елена Юрьевна, редактор издательства Сахалинского государственного университета, соискатель.

Казакова Наталия Ивановна, заведующая кафедрой филологического образования Института развития образования Сахалинской области, кандидат филологических наук.

Като Аяко, магистр истории, научный сотрудник японского общества содействия науке (ЯОСН), докторант факультета социально-гуманитарных наук Университета Кюсю.

Кудрявцева Галина Никаноровна, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук.

Кузовов Сергей Сергеевич, старший преподаватель кафедры журналистики Сахалинского государственного университета, аспирант.

Манькова Александра Олеговна, эксперт-лингвист экспертно-криминалистического центра УМВД по Сахалинской области, аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета.

Никонова Александра Сергеевна, магистр по направлению «Востоковедение, африканистика: японский язык», профиль (специализация): «Литература народов Азии и Африки», переводчик.

Павлова Татьяна Константиновна, специалист отдела очно-заочной и заочной форм обучения Сахалинского государственного университета, аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета.

Пак Сын Ы, до 2011 года доцент кафедры страноведения и иностранного языка Сахалинского государственного университета; кореевед, переводчик.

Потапова Наталья Владимировна, доцент кафедры российской и всеобщей истории Сахалинского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Расторгуева Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры журналистики Сахалинского государственного университета, аспирант.

Рублева Лариса Ивановна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, профессор кафедры журналистики Сахалинского государственного университета, доктор филологических наук, профессор.

Саранчина Полина Александровна, студентка V курса специальности «Журналистика».

Сафонова Анна Алексеевна, главный редактор издательства Института развития образования Сахалинской области, член Союза писателей России, поэт, прозаик, критик.

Серкова Александра Сергеевна, студентка V курса специальности «Журналистика».

Симидзу Масаси, директор библиотеки колледжа искусства Японского университета, автор многочисленных книг по русской литературе XIX века.

Смекалов Григорий Николаевич, заведующий сектором краеведения Александровск-Сахалинской центральной библиотеки им. М. С. Мицуля.

Совбан Любовь Федоровна, главный библиограф отдела краеведения Сахалинской областной универсальной научной библиотеки.

Степаненко Анастасия Александровна, заведующая кафедрой журналистики Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук.

Ушакова Галина Дмитриевна, ученый секретарь Сахалинского государственного университета, директор издательства, кандидат педагогических наук, доцент.

Чудинова Виктория Ивановна, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Шумилова Татьяна Евгеньевна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Ямасита Киёми, магистр филологии, ассистент профессора Японского университета (Университет Нихон) Департамента литературы, колледжа искусства, докторант.

Ясенева Екатерина Викторовна, старший преподаватель кафедры российской и всеобщей истории Сахалинского государственного университета.

Ясько Кирилл Витальевич, студент IV курса направления «Журналистика» Сахалинского государственного университета.

Научное издание

**САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА
В ЛИТЕРАТУРЕ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

Сборник научных статей

Под редакцией Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко

**Корректор Ушакова Г. Д.
Верстка Надточий О. А.**



Подписано в печать 13.08.2013. Бумага «SvetoCopy».
Гарнитура «SvobodaFWF». Формат 60x84 ¹/₈.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100 экз). Объем 19,75 усл. п. л. Заказ № 1153-12.

Издательство Сахалинского государственного университета
693008, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 45-23-16. Тел./факс (4242) 45-23-17.
E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru, polygraph@sakhgu.ru